ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2013 Том 19

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

март - апрель

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

3 **Белихов А.Б., Попов Е.Н.**
Термоэлектрическая разбраковка сплавов на основе титана

8 **Зонтиков Д.Н., Зонтикова С.А., Лебедев В.П., Криницын И.Г., Семёнова Г.А., Шипова Е.В.**
Некоторые особенности онтогенеза и возрастной структуры популяций Pulsatilla patens (L.) Mill

12 **Соколова Т.Л.**
Видовое разнообразие люмбрицид в различных биогеоценозах города Костромы и Костромского Заволжья

15 **Сухов А.К.**
Моделирование импульсного разряда в азоте

СИСТЕМОТЕХНИКА

25 **Ражева А.А.**
Влияние корпоративной памяти на эффективность хозяйственной деятельности предприятия (на примере предприятий текстильной промышленности)

ИСТОРИЯ

30 **Биккулов Н.А.**
Усадьба как объект научного изучения и историография ее истории

34 **Кабатов С.А.**
Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени

39 **Камыгина Г.А.**
Наращивание производственных мощностей на предприятиях художественной промышленности в 60-е годы XX века (на примере Красносельской ювелирной фабрики)

41 **Лобанов В.Б.**
Гражданская война на Северном Кавказе: борьба за Ставрополье в конце 1917 – летом 1918 годов

45 **Назария С.М.**
Аннексия Бессарабии Румынией с позиций международного права и отношение к этому жителей края

ЭКОНОМИКА

49 **Магрупова З.М., Кубко В.В.**
Роль социального партнёрства и профсоюзов в управлении трудовыми протестами

54 **Новиков А.И., Губин В.А.**
Земельная реформа в ее логических противоречиях

61 **Цимбалюк С.А.**
Теоретико-прикладные аспекты обеспечения справедливой оплаты труда
64 **Шаров Д.В.**
Повышение квалификации молодых преподавателей: специфика и возможные направления

ФИЛОСОФИЯ
66 **Арефьев А.А.**
Риски и перспективы биоинженерного усовершенствования человека
69 **Булдаков С.К.**
Научные, философские и методологические основания классической науки
73 **Павенков О.В.**
Человек и любовь-φιλία в трудах представителей каппадокийской школы (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов)
76 **Латышева Ж.В.**
Социально-феноменологические составляющие концептуализации категории социального трансцендирования
80 **Рыбина Л.Б.**
Диалектика философских воззрений С.Л. Франка
82 **Сатурин А.А.**
Постмодернистский философский дискурс и современное российское общественное сознание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
87 **Бокарев А.С.**
Генезис литературного факта в поэзии Алексея Цветкова
90 **Морозов Н.Г.**
Специфика художественного метода раннего Б.К. Зайцева (1900-х – 1910-х годов)
93 **Позднякова Е.А.**
Ремарка в пьесах А.П. Чехова
97 **Устинов А.В.**
Жанровые и типологические особенности романа Д.Л. Мордовцева «Великий раскол»
101 **Хриптулова Т.Н.**
Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества Н.И. Тряпкина

ЛИНГВИСТИКА
105 **Богатырева Е.Н.**
Структурно-семантические модели фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском языке
107 **Заграевская Т.Б.**
Этико-стилистические дескрипторы при лексикографировании англоязычных афроэтносоциолектизмов
112 **Ивкова Е.Ю.**
Усложнённые сложноподчинённые предложения в пространстве художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)
115 **Ланина А.Н.**
Реальные наблюдения за животным миром как активный источник мотивации фразеологизмов с зоосемизмами в русском языке
118 **Рыбакова Е.А.**
Контаминация как приём создания игры слов в языке современной немецкой молодёжи

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
123 **Артюшина О.Н.**
Предмет прокурорского надзора за исполнением законодательства о местном самоуправлении
125 **Рощин Б.Е.**
Систематизация российского трудового законодательства в период военного коммунизма (к 95-летию первого Кодекса законов о труде)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
130 **Бабенко А.С.**
Формирование креативных качеств студентов с помощью многоэтапного математико-информационного задания «Системы трех дифференциальных уравнений»
134 **Лунёв Р.С.**
Развитие идей П.Ф. Каптерева в истории дореволюционной и советской педагогики
139 **Олейников А.А.**
Модель компьютерно-технологической подготовки студентов педагогического вуза
143 **Секованов В.С.**
Отображение «кошка Арнольда» и методика его изучения
150 **Смирнова Е.С.**
Развитие исследовательских компетенций студентов в процессе изучения фрактальной геометрии
153 **Туранина Н.А., Шушкова Е.А.**
Культура общения библиотечного специалиста и ее роль в современном социуме
156 **Тюрина С.Ю.**
Формирование информационной культуры личности в процессе иноязычного образования в техническом вузе
159 **Яновская Т.Э., Пэк Т.Н., Жилкина В.А.**
К вопросу о модели выпускника-менеджера муниципальной службы(на материале Астраханской области)
163 **Салахутдинова Е.С.**
Сравнительный анализ факторов, влияющих на адаптацию в учебной группе студентов КГУ им. Н.А. Некрасова и курсантов Военной академии РХБЗ

ПОЛИТОЛОГИЯ
166 **Зайцев А.В.**
Взаимодействие власти и гражданского общества (на примере Костромской области)
170 **Коряковцева О.А., Климов О.А.**
Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
174 **Артамошкина Л.Е.**
Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти
178 **Ёлшина Т.А.**
Риторическая поэтика текстов В. Розанова
183 **Лебедев Н.А.**
Осознание сознания

187 **SUMMARY**

193 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 620.179. 16; 669.017.53(075.8)

Белихов Александр Борисович
кандидат технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
belikhov@gmail.com
Попов Евгений Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
genphys@ksu.edu.ru

ТЕРМОЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ РАЗБРАКОВКА СПЛАВОВ НА ОСНОВЕ ТИТАНА

Предложена методика разбраковки титановых сплавов с различным содержанием алюминия от 3,6 до 6,3% путем термоэлектрического неразрушающего контроля с критерием достоверности 0,98.

Ключевые слова: *титановые сплавы, термоэдс, пластическая деформация.*

Вместе с развитием современных технологий все более заметной и значимой становится роль неразрушающей дефектоскопии и структуроскопии. Неразрушающими методами производится диагностика ответственных изделий и сложных конструкций в процессе создания и эксплуатации без нарушения их целостности и пригодности к применению. Достоверная информация о реальном техническом состоянии изделия помогает выбрать правильный режим его эксплуатации, оценить экономическую эффективность и экологическую безопасность систем, предупредить возможные аварии. Для изготовления ответственных деталей, применяемых в различных областях машиностроения (в том числе в авиационной промышленности) и приборостроения широко используются титановые сплавы ОТ-4, ВТ-5 и ВТ-3 [10; 11]. Поэтому разработка методик и оборудования неразрушающего контроля изделий из этих материалов представляет собой важную научно-техническую задачу.

Для разбраковки или рассортировки титановых сплавов по маркам предлагается термоэлектрический метод. Выбор метода обусловлен его простотой, доступностью, высокой структурочувствительностью и возможностью реализации на простых, легко конструируемых устройствах.

Целью работы является исследование возможности разбраковки титановых сплавов ВТ-3, ВТ-5, ОТ-4 термоэлектрическим методом, включая разработку необходимого прибора.

Методика исследования. В основу всех устройств термоэлектрического контроля положен принцип механического контакта с изделием. Термоэлектрическая цепь создается между изделием и выполненными из заданного материала электродами, которые соединены с индикаторным прибором [1]. Количество применяемых электродов зависит от целей и задач контроля и может варьироваться, но, как правило, применяются два измерительных электрода. Между ними поддерживается постоянная разность температур – один из электродов нагревается, второй поддерживается при комнатной температуре. Нагрев прекращается при достижении заданной разности температур между ними [2]. На основе значений термоэдс, возникающих между электродами, определяют термоэлектрическую способность контролируемого материала.

Исходя из данных предварительных исследований [3–9], в основу конструкции был положен паяльник мощностью 40 Вт. К ручке паяльника крепилась алюминиевая пластина в качестве холодного электрода. Расстояние между электродами жестко фиксировалось и составляло 5 мм. Для измерения эдс использован микровольтметр с максимально возможным значением входного сопротивления. На участках контакта горячего и холодного электродов с образцом возникает электросопротивление, которое трудно поддается контролю, оно обусловлено окислением образца и самого электрода, разным усилием прижима электродов к образцу, влажностью воздуха и рядом других, плохо поддающихся контролю факторов. Если входное сопротивление микровольтметра имеет порядок 1 МОм, то изменение контактного сопротивления в пределах от нескольких Ом до сотен Ом повлияют на показания термоэлектрического прибора в пределах долей процента.

Стабилизация температуры горячего электрода достигалась введением в схему стабилизатора температуры, собранного на основе терморезистора и термореле. В качестве горячего электрода была использована паяльная станция с термостабилизатором Lukey 936D, что позволяло регулировать температуру горячего электрода с точностью до 1°С. Терморезистор размещался в корпусе паяльной станции, а термореле находилось в блоке управления (рис. 1). При нагревании горячего электрода сопротивление терморезистора возрастало, при достижении температуры, заданной термореле, питание обмотки нагревателя отключалось. По мере охлаждения горячего электрода сопротивление терморезистора уменьшалось, что приводило к срабатыванию термореле и повторному включению на-

© Белихов А.Б., Попов Е.Н., 2013

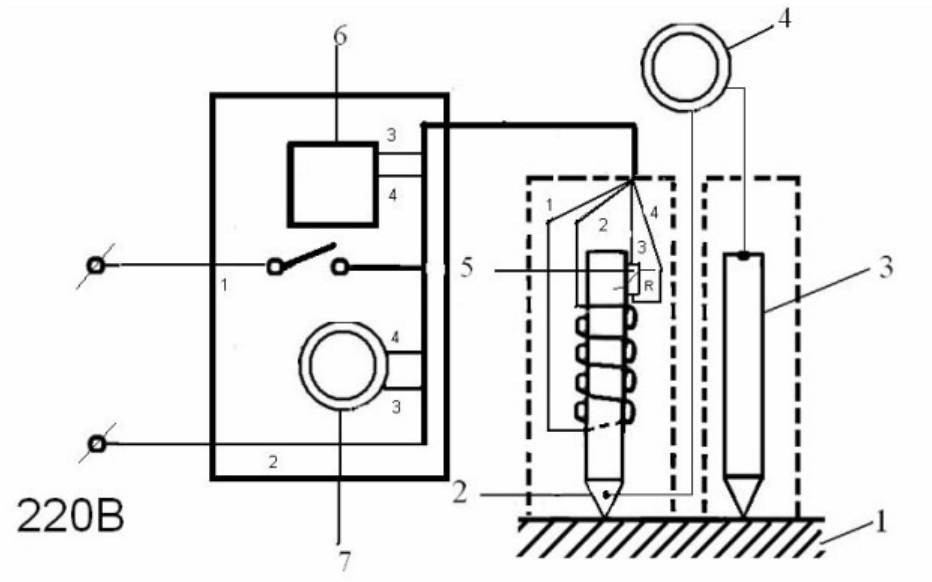


Рис. 1. Экспериментальная установка для измерения термоэдс.
1 – контролируемый образец; 2 – горячий электрод (жало паяльника); 3 – холодный электрод; 4 – измерительный прибор (мультиметр); 5 – терморезистор; 6 – термореле; 7 – цифровой индикатор температуры

гревательной обмотки. Измерения проводились при комнатной температуре 25°С и относительной влажности 50%.

Образцы титановых сплавов представляли собой прутки диаметром 10 мм в состоянии поставки. Некоторые имели следы пластической деформации (вмятины). Состав сплавов указан в таблице 1, поставщик НТЦ «Титан». Измерения проводились на десяти образцах каждого сплава в десяти точках. Обработке подвергались результаты 100 измерений для каждого изучаемого сплава.

Все сплавы имеют в составе С – до 0,1%, Н – до 0,15%; N – до 0,05%, Zr – до 0,3%, основа – Ti.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего, приведем для сравнения данные, полученные без стабилизации температуры горячего электрода. Обработка результатов измерений образцов без пластической деформации по методу наименьших квадратов позволила получить следующую зависимость:

$$U = -0{,}83 \cdot C + 4{,}09, \qquad (1)$$

где C – массовая доля алюминия в сплаве (%), а U – термоэдс (мВ). Коэффициент корреляции, определяемый по формуле (2), составил 97%, что свидетельствует о достаточно высокой достоверности контроля.

$$r = \frac{\sum (C_i - \overline{C})(U_i - \overline{U})}{\sqrt{\sum (C_i - \overline{C})^2}\ \sqrt{\sum (U_i - \overline{U})^2}} \qquad (2)$$

Часть образцов была подвергнута пластической деформации наклепом, в этом случае влияние концентрации алюминия на величину термоэдс может быть представлено следующей зависимостью:

$$U = -1{,}04 \cdot C + 5{,}31, \qquad (3)$$

где коэффициент корреляции равен 94%. Значения термоэдс конкретных сплавов представлены в таблице 2.

Из полученных результатов следует, что рост содержания алюминия в сплаве сдвигает величину термоэдс в отрицательном направлении независимо от наличия или отсутствия деформации, которая, однако, влияет на численные значения термоэдс.

Таблица 1

Химический состав изучаемых титановых сплавов

Сплав	Al	Si	Fe	Другие элементы
ОТ-4	0,4 – 1,4	до 0,12	до 0,3	Mn 0,3 – 0,5
ВТ-5	4,5 – 6,2	до 0,12	до 0,3	Mo до 0,8; V до 1,2
ВТ3-1	5,5 – 7,2	0,15 – 0,4	0,2 – 0,7	Mo 2,0 – 3,0; Cr 0,8 – 2,0

Таблица 2

Значения термоэдс в различных титановых сплавах

Сплав	C_{Al}, %	U, мВ (без деформации)	U, мВ (после деформации)
ОТ4	4,3	0,52	0,84
ВТ5	5,3	– 0,31	–0,21
ВТ3-1	6,0	– 0,90	–0,92

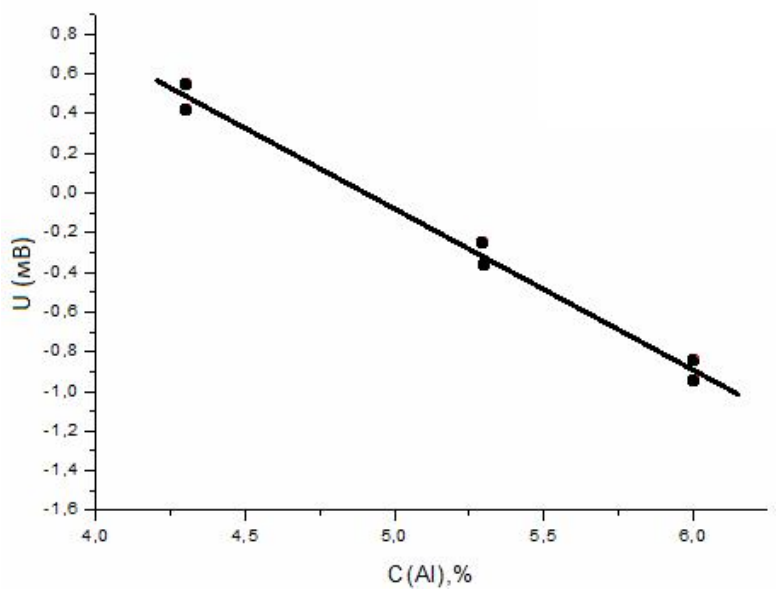


Рис. 2. Влияние концентрации алюминия на величину термоэдс титановых образцов без пластической деформации

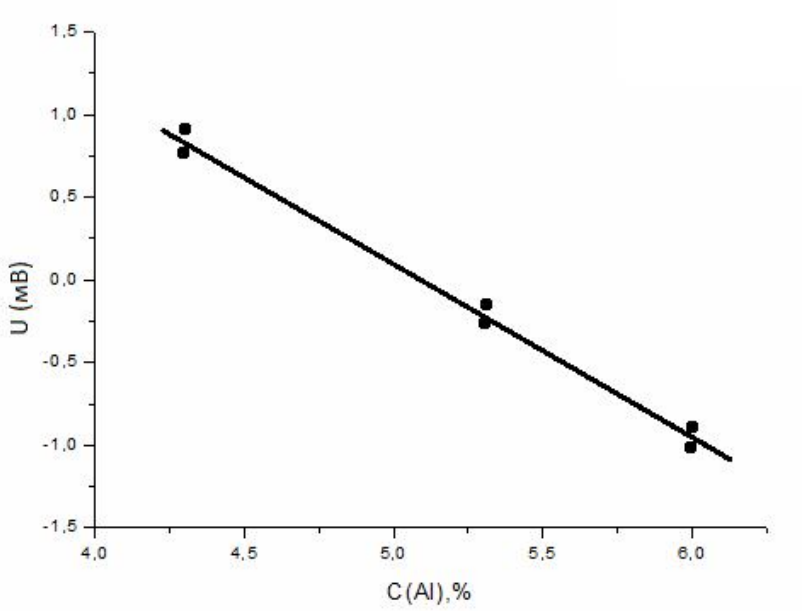


Рис. 3. Влияние концентрации алюминия на величину термоэдс титановых образцов с пластической деформацией

Таблица 3

Коэффициенты регрессионных моделей

Коэффициент	*a*, мВ/%		*b*, мВ	
Стабилизация температуры	Нет	Есть	Нет	Есть
Без деформации	–0,85±0,05	–0,832±0,005	4,10±0,05	4,090±0,005
После деформации	–1,04±0,05	–1,042±0,005	5,31±0,05	5,314±0,005

Таблица 4

Доверительные интервалы для определения термоэдс

C(Al),% /стабилизация	Без деформации				После деформацией			
	Нет		Есть		Нет		Есть	
4,3	0,18	0,71	0,468	0,539	0,57	1,1	0,806	0,86
5,3	–0,09	–0,72	–0,29	–0,35	–0,52	0,11	–0,23	–0,19
6	–0,69	–1,35	–0,87	–0,94	–1,28	–0,58	–0,97	–0,90

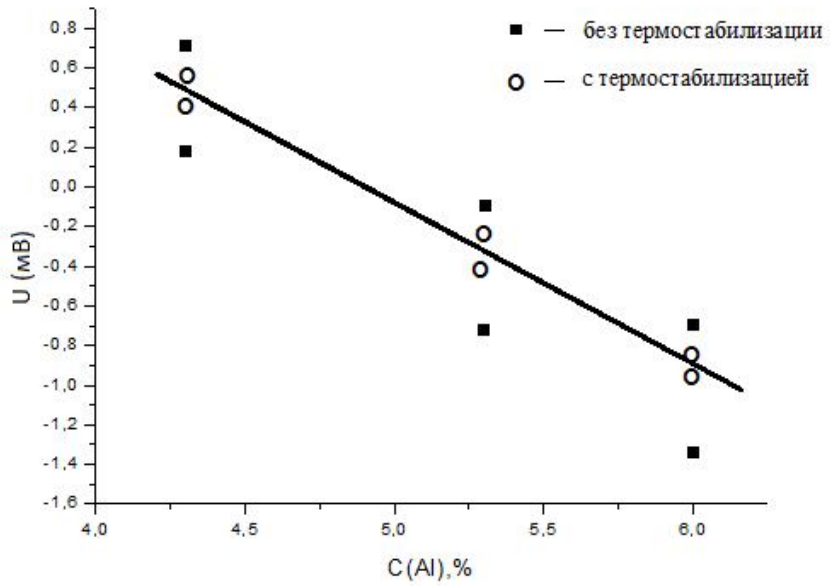


Рис. 4. Сравнение доверительных интервалов термоэдс для образцов без пластической деформации

Теперь рассмотрим результаты измерений со стабилизацией температуры горячего электрода. Эмпирические зависимости термоэдс от содержания алюминия и коэффициенты корреляции определяются следующими соотношениями:

Без деформации:

$$U = -0{,}83 \cdot C + 4{,}09,\ r = 98{,}8\%. \quad (4)$$

После деформации:

$$U = -1{,}04 \cdot C + 5{,}31,\ r = 98{,}6\%.$$

Усредненные результаты измерений представлены графически для изучаемых титановых сплавов без пластической деформации и после нее (рис. 2 и 3).

Здесь также сохранилась тенденция к уменьшению термоэдс при росте концентрации алюминия в сплаве. Кроме того, показано, что пластическая деформация приводит к повышению значений термоэдс.

Конструкционные пути улучшения качества термоэлектрического контроля признаны удовлетворительными, поскольку это позволило уменьшить диапазоны измеряемых значений и добиться строгой дифференциации результатов при контроле сплавов с близкими концентрациями алюминия.

Во всех рассмотренных случаях обнаружена линейная зависимость термотока от концентрации алюминия в образцах, которая может быть представлена в виде: $I = a \cdot C + b$, где C – концентрация алюминия в образце. Роль стабилизации температуры горячего электрода отражена в значениях полученных коэффициентов a и b (табл. 3).

После расчета коэффициентов регрессионных моделей производился расчет значений термо-ЭДС, определяющих доверительные интервалы. Результаты расчетов представлены в таблице 4.

При расчете коэффициентов регрессионных моделей с помощью компьютерной программы были определены коэффициенты корреляции между концентрацией алюминия и термоэдс. Усовершенствование установки термоэлектрического контроля привело к увеличению значения коэффициента корреляции для образцов без пластической деформации от 0,97 до 0,988, а для образцов с пластической деформацией от 0,98 до 0,986. Это свидетельствует об эффективности стабилизации температуры горячего электрода. Определение коэффициентов вариации показало уменьшение их значений с 9% до 0,5%, что также подтверждает значимость модификации установки.

Сравнительный анализ полученных зависимостей термоэдс от концентрации алюминия в титановых сплавах показал, что стабилизация температуры горячего электрода приводит к уменьшению размаха измеряемых значений (рис. 4). Аналогич-

ные результаты получены при исследовании образцов с предварительной деформацией.

Оказалось, что отличить деформированный образец от недеформированного с помощью термоэлектрического метода не представляется возможным из-за перекрытия диапазона возможных значений термоэдс.

Выводы и практические рекомендации. Термоэлетрический метод контроля применим для рассортировки титановых сплавов марок ОТ4, ВТ5, ВТ3-1. Требуемая точность термоэлектрического контроля достигается за счет стабилизации температуры горячего электрода путем введения в схему стабилизатора температуры, собранного на основе терморезистора и термореле. Предлагаемая установка позволяет регулировать температуру электрода с точностью до 1°С.

Установлена линейная корреляционная зависимость между концентрацией алюминия и значениями термоэдс в диапазоне концентраций алюминия от 3,6 до 6,3 масс.%, что позволяет выполнять термоэлектрический неразрушающий контроль с коэффициентом вариации от 1 до 4% и критерием достоверности контроля 0,98. Установка и метод измерения рекомендуются для использования на малых производственных предприятиях.

Библиографический список

1. *Вавилов В.П.* Тепловые методы неразрушающего контроля. – М.: Радио и связь, 1984. – 200 с.

2. *Горкунов Э.С., Сомова В.М., Царькова Т.П., Кузнецов И.А.* Экспресс-анализ химического и фазового состава сталей термоэлектрическим методом // Дефектоскопия. – 1998. – № 3. – С. 38–46.

3. *Ермолов И.Н., Фихман И.Д., Чернова В.С.* Технико-экономическая эффективность применения неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Машиностроение, 1974. – 160 с.

4. *Зубченко А.С.* Марочник сталей и сплавов. – М.: Машиностроение, 2003. – 784 с.

5. *Ильин А.А., Колачев Б.А., Полькин И.С.* Титановые сплавы. Состав, структура, свойства. Справочник. – М.: ВИЛС-МАТИ, 2009. – 520 с.

6. *Касимов Г.А.* Основы проектирования и конструирования аппаратуры неразрушающего контроля в промышленности. – М.: Московский энергетический институт, 1989. – 171 с.

7. *Клюев В.В., Соснин Ф.Р., Филинов В.Н.* Неразрушающий контроль и диагностика. Справочник. – М.: Машиностроение, 1995. – 400 с.

8. *Клюев В.В.* Приборы для неразрушающего контроля материалов и изделий. Кн. 1. – М.: Машиностроение, 1986. – 488 с.

9. *Самойлович А.Г.* Термоэлектрические и термомагнитные методы превращения энергии. Конспект лекций. – М.: Изд-во URSS, 2007. – 224 с.

10. *Тарасов А.В.* Металлургия титана. – М.: Академкнига, 2003. – 328 с.

11. *Чечулин Б.Б.* Титановые сплавы в машиностроении. – Л.: Машиностроение, 1977. – 248 с.

УДК 581.14 : 582.571.2

Зонтиков Дмитрий Николаевич
кандидат сельскохозяйственных наук
Зонтикова Светлана Анатольевна
кандидат сельскохозяйственных наук
Лебедев Владимир Павлович
доктор биологических наук
Криницын Игорь Георгиевич
кандидат биологических наук
Семёнова Галина Анатольевна
кандидат биологических наук
Шипова Елена Валентиновна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
zontikovdn@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНТОГЕНЕЗА И ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОПУЛЯЦИЙ *PULSATILLA PATENS* (L.) MILL

Исследован онтогенез и выявлены особенности прохождения его этапов у Pulsatilla patens (L.) Mill. Охарактеризованы морфологические особенности онтогенетических стадий. Определена возрастная структура популяций и влияние на него антропогенных факторов.

Ключевые слова: *онтогенез, Pulsatilla patens, популяция.*

Вид *Pulsatilla patens* (L.) Mill. (прострел раскрытый) занесён в Красную книгу Костромской области [1].

Ареал распространения *P. patens* постоянно сокращается в связи с активным хозяйственным использованием его местообитания. Исследование структурных и онтогенетических особенностей имеет значение при определении жизненных форм и продуктивности видов [2]. Изучение возрастного состава, отражающего в определённой мере тенденции развития ценопопуляций, также невозможно без исследования большого жизненного цикла развития растений [11].

Ранее были проанализированы жизненный цикл и возрастная структура ценопопуляций *P. patens* в северной степи [12], биоморфология [10], морфологическая изменчивость [9], биология и ранние этапы онтогенеза [8].

Остаётся невыясненным вопрос о морфологических признаках возрастных состояний и особенностях прохождения большого жизненного цикла *P. patens*. Интерес представляет выявление возрастной структуры популяций вида в различных фитоценозах, отличающихся по интенсивности антропогенной нагрузкой.

Цель данной работы – дать характеристику возрастным состояниям *P. patens* и выявить структуру популяций с прогнозированием перспективы их развития.

Материал и методика. Исследовались следующие места произрастания *P. patens*: левый берег реки Волга (95 м над у.м.), 4 км от поселка Красное-на-Волге (популяция – I), долина ручья Корба 10 км от г. Нерехта (популяция – II, 90 м над у.м.).

Обе популяции располагаются на территории, относящейся к северо-восточной подобласти Атлантико-континентальной лесной области, с преобладанием атлантических воздушных масс. Годовой климатический цикл типичен для умеренно-континентальных таежных европейских ландшафтов. В зимний период наиболее суровые условия создают арктические антициклоны, нередко чередующиеся с циклонами. В некоторые годы средняя температура января бывает –20^0 С. Однако случаются и короткие оттепели (до +6^0 С). Снежный покров наиболее высок в конце второй декады марта. Снежный покров 50–70 см, залегание снега неравномерное. Зима – самое длительное время года, подразделяется на несколько фаз: первозимье, глухозимье, предвесенняя фаза [6].

Летний период продолжается от 60 до 70 суток, вегетационный период – от 160 до 170 суток. В последнее десятилетие увеличилось количество аномально засушливых лет. Исследования проводились на территории южного, менее влажного подрайона – это наиболее тёплый район Заволжья. Осадков выпадает 520–570 мм, за период вегетации 300–320 мм [6].

Наблюдения проводились в 2003–2005 и 2011–2012 годах, использовали метод заложения временных площадок 1x1 м в двух популяциях. В I-популяции заложено 60 площадок – 30 площадок заложено на площади с интенсивным антропогенным влиянием (санитарные рубки, минерализованные полосы, сбор ягод и грибов) и 30 там, где влияние человека ограничивается только сбором ягод. Во II-й популяции – 30 площадок. Сопутствующие виды учитывали по шкале Друде [7]. При определении возрастной структуры популяции за учётную единицу принимали особей семенного происхождения – генеты и особи вегетативного происхождения, образовавшиеся в результате старческой парти-

© Зонтиков Д.Н., Зонтикова С.А., Лебедев В.П., Криницын И.Г., Семёнова Г.А., Шипова Е.В., 2013

Таблица 1

Виды травяно-кустарничково яруса местообитаний *P. patens* (Костромская обл.) с их обилием по шкале Друде

Популяция – I	Обилие	Популяция – II	Обилие
Andromeda polifolia	sol	*Adoxa moschatellina*	sp
Antennaria dioica	sol	*Antennaria dioica*	sp
Arctostaphylos uva-ursi	sol	*Asarum europaeum*	sp
Calluna vulgaris	sp	*Convallaria majalis*	sp
Chamaedaphne calyculata	sol	*Festuca longifolia*	sol
Convallaria majalis	cop1	*Fragaria vesca*	sp
Festuca longifolia	sol	*Juncus filiformis*	sol
Fragaria vesca	sp	*Dianthus superbus*	sol
Ledum palustre	sol	*Luzula pilosa*	sp
Luzula pilosa	sp	*Melampyrum nemorosum*	sp
Juncus filiformis	sol	*Oxalis acetosella*	cop1
Linnaea borealis	sp	*Paris quadrifolia*	sp
Maianthemum bifolium	sp	*Polygala amarella*	sol
Melampyrum sylvaticum	sol	*Pulsatilla patens*	sol
Oxalis acetosella	cop1	*Pyrola media*	sol
Polygonatum officinale	sp	*Pyrola rotundifolia*	sol
Pulsatilla patens	sol	*Solidago virgaurea*	sp
Pyrola minor	sp	*Salix cinerea*	sol
Pyrola rotundifolia	sp	*Vaccinium myrtillus*	cop2
Chimaphilla umbellata	sol	*Vaccinium vitis-idaea*	cop2
Solidago virgaurea	sol	*Vaccinium uliginosum*	cop1
Vaccinium myrtillus	cop2	*Poa trivialis*	sp
Vaccinium vitis-idaea	cop1	*Briza media*	sol
Vaccinium uliginosum	cop1	*Calamagrostis epigeios*	cop1

куляции. Онтогенетические состояния описывали по Работнову Т.А. и др. [13]. Возраст растений определяли по остаткам листьев на корневище. Индекс возрастности (S) определяли по формуле S=(P-p)/(P+p), где P – старые генеративные и сенильные особи, p – проростки, имматурные, виргинильные, молодые и средневозрастные генеративные особи, при отрицательных значениях в популяции достаточно молодых особей для самоподдержания [13].

Результаты и обсуждения. *P. patens* – многолетнее, поликарпическое, розеточное, вертикально корневищное, травянистое растение. Летнезимнезелёный вид. Цветёт в конце апреля – начале мая, плоды формируются в конце мая – начале июня на высоком цветоносе высотой до 50 см. Стеблевые листья собраны в мутовку, редуцированные, сросшиеся своими основаниями и образующие обвертку колокольчатой формы, разделённую на узколинейные доли [5]. У молодых растений корни стержневые, в раннем и средневозрастном генеративном состоянии идёт развитие хорошо развитых боковых корней. Стержневой корень у ранних и средневозрастных генеративных особей уходит на глубину до 70 см и глубже (по полевым исследованиям). Цветение растения начинается на 10–12 год жизни [12]. Плод – многоорешек, каждый орешек снабжён перисто-волосистой остью, до 5 см длиной [11].

Фитоценотическая характеристика исследуемых популяций. Исследовались два местообитания. В растительных группировках с *P. patens* было отмечено 46 видов сосудистых растений, из которых постоянно сопутствуют этому виду во всех местообитаниях: *Vaccinium myrtillus, Vaccinium vitis-idaea, Vaccinium uliginosum, Antennaria dioica, Convallaria majalis, Juncus filiformis, Fragaria vesca, Solidago virgaurea, Luzula pilosa, Oxalis acetosella, Festuca longifolia* (табл. 1). Популяция – I (располагающаяся в Красносельском районе) имеет фитоценотическую приуроченность к лесным сообществам с доминированием: в древесном ярусе *Pinus sylvestris* в травяно-кустарничковом ярусе – *Vaccinium myrtillus* и моховом *Pleurozium schreberi*. Территория, которая занимается популяцией, испытывает сильную антропогенную нагрузку – сбор ягод и грибов, работы по санитарной прочистке леса, противопожарные мероприятия (минерализованные полосы и рвы). На некоторых участках с нарушенным моховым покровом наблюдали участки локального произрастания *P. patens* с плотностью от 7 до 10 особей на 1 м^2, там же отмечали высокую плотность *Convallaria majalis*.

Популяция – II (располагается в Нерехтском районе) имеет фитоценотическую приуроченность к лесным сообществам с доминированием: в древесном ярусе *Pinus sylvestris* в травяно-кустарничковом ярусе – *Vaccinium vitis-idaea и* моховом *Sphagnum girgensohni*. Данная популяция произрастает в условиях большей влажности почвы, что обусловлено особенностями рельефа и хозяйственной деятельностью человека. Из-за вырубки, располагающейся на границе популяции, был нарушен гидрологический режим местности, в результате чего отмечено избыточное увлажнение территории.

Онтогенетические состояния *Pulsatilla patens*. В обеих изучаемых популяциях нами обнаружены все возрастные состояния *P. patens* от семян и проростков до сенильных особей.

Семена P. patens вытянутые, длиной 3–5 мм, заостренные в базальной части и с длинной волосистой остью 3–5 см. Созревают в конце июня, зрелые семена осыпаются вблизи материнского растения, могут быть отнесены на некоторое расстояние ветром. В зависимости от условий, семена прорастают в августе, но основная часть на следующий год. Для прорастания семян наиболее благоприятны места, не покрытые мхом (на минерализованных полосах, у края дорог).

Проростки, однопобеговые растения с двумя удлиненными тёмно-зелёными семядолями, заострёнными на вершине, длиной 3–4 мм, черешки около 2 мм длиной, образующих короткую пазуху с почкой, из которой образуется первый трёхлопастной лист диаметром порядка 7 мм (в таком состоянии они остаются до первой зимовки). Проростки, появляющиеся весной, за вегетационный период успевают сформировать три настоящих листа и в сентябре достигают высоты до 2–3 см.

Ювенильные особи. В ювенильном состоянии *P. patens* пребывает в течении 2-х или 3-х лет. Ежегодно в розеточном побеге образуется 3–4 новых листа, которые появляются во второй половине мая. Листья простые трёхдольные, опушённые длинными волосками, которые пропадают к середине июня. Длинна листа ювенильного растения составляет порядка 3–5 см. Корневая система представлена главным и боковыми корнями первого и второго порядка.

Имматурные особи. В имматурном состоянии начинает формироваться вертикальное корневище. Главный корень отмирает, начинает формироваться вертикальное эпигеогенное корневище. Высота растения составляет от 5 до 15 см. За вегетационный период образуется от 3 до 6 листьев. Листовая пластина опушена с нижней части листа до момента полного раскрытия листовой пластины, после раскрытия опушен, остаётся черешок, полностью опушение пропадает в июле. Побег нарастает моноподиально. Мелкая, диаметром 2–3 см трёхлопастная листовая пластинка, рассечённая клиновидными зубчатыми сегментами на длинном черешке. К концу имматурного состояния появляются крупные листовые пластины диаметром 4–5 см. Имматурный возраст длится 3–4 года.

Виргинильные особи. Для данного возрастного состояния характерно хорошо развитое вертикальное корневище с большим количеством черешков отмерших листьев (по числу которых можно достаточно точно определять возраст растения). В виргинильном возрасте *P. patens* имеет крупную, диаметром до 10 см, 4–5 лопастную пластинку. Листья первой генерации текущего года более мелкие и могут иметь трёхлопастную листовую пластинку (как в имматурном состоянии) по сравнению с более поздней генерацией. За вегетативный период развивается от 5 до 9 новых листьев. Продолжительность виргинильного возрастного состояния 2–3 года. К концу виргинильного состояния происходит ветвление корневища и разрастание куста.

Молодые генеративные особи. Развитие первого генеративного побега у *P. patens* происходит на 10–12 год жизни растения. Продолжительность данного возрастного состояния длится 2–3 года.

Средневозрастные генеративные особи. Переход в данное возрастное состояние характеризуется ветвлением эпигеогенного корневища (в полевых условиях к средневозрастным растениям относили особей имеющих от 3 генеративных побегов). Куст разрастается и даёт начало новым парциальным кустам.

Старовозрастные генеративные особи. Каудекс сильно разрушен, имеются отмирающие части, которые могут делить растение на части. Количество цветоносов значительно сокращается, наблюдаются усыхающие листья и цветоносы.

Сенильные. Каудекс разрушен, листья имеют морфологию, схожую с имматурной стадией.

Численность и плотность популяций. Численность и плотность популяции является одним из важнейших параметров, характеризующих её состояние. Из-за хозяйственной деятельности человека растения в пределах исследованных участков популяций распределены крайне неравномерно. Нами исследовано 30 м^2 на площади с интенсивной антропогенной нагрузкой, на которой произрастает 156 особей *P. patens*, плотность составляет 2,5 особи на 1 м^2. Однако *P. patens* может формировать локальные группировки в местах с нарушенным моховым покровом, плотность в таких локусах колеблется от 7 до 10 растений на 1 м^2. Также исследовано 30 м^2 местообитания с незначительным влиянием хозяйственной деятельности человека, нами отмечено 37 растений – 1,2 особи на 1 м^2. В ненарушенной её части *P. patens* произрастает относительно равномерно единичными особями.

Популяция – II испытывает значительное влияние со стороны человека, наблюдается выпадение целого ряда возрастных стадий. Нами исследовано 30 м^2, на которых произрастает 34 особи *P. patens*, растения располагаются локально по краю верхового болота. Плотность этой популяции составляет 1,1 особь на 1 м^2.

Возрастная структура популяций. В обеих популяциях были обнаружены растения различных возрастных состояний: проростки, имматурные, ювенильные, виргинильные, молодые, средневозрастные, старые генеративные и сенильные особи.

Абсолютный максимум растений в обеих популяциях приходится на средневозрастную генеративную онтогенетическую группу. Так, для популя-

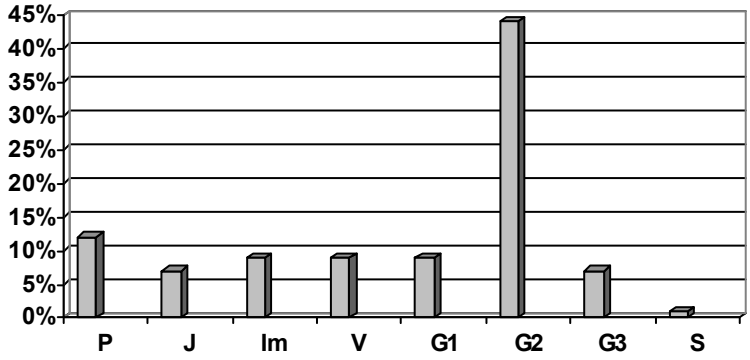


Рис. 1. Возрастной спектр популяции – I *Pulsatilla patens* (Красносельский район, Костромской обл., 2012 г.).
P – проростки, J – ювенильные особи, Im – имматурные особи, V – виргинильные особи, G1 – молодые генеративные особи, G2 – средневозрастные генеративные особи, G3 – старовозрастные генеративные особи, S – сенильные особи

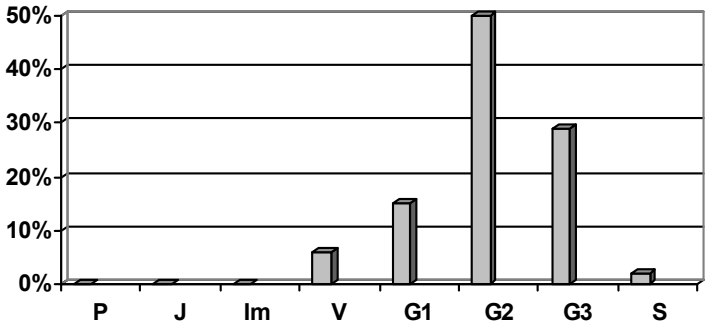


Рис. 2. Возрастной спектр популяции – II *Pulsatilla patens* (Нерехтский район, Костромской обл., 2012 г.).
Обозначения те же, что на рисунке 1

ции – I на них приходится 44% (69 штук) от общей численности популяции. Проростки – 20 (12%) особей, ювенильных – 11 (7%), имматурных – 14 (9%), виргинильных – 15 (9%), молодых генеративных – 14 (9%), старовозрастных генеративных – 11 (7%), сенильных – 2 (1%).

Одновершинный возрастной спектр со значительным числом прегенеративных возрастных состояний свидетельствует о достаточно устойчивом положении вида в данном местообитании. Преобладание средневозрастных генеративных особей характерно для длительно живущих травянистых стержнекорневых многолетников [3]. Небольшое количество сенильных растений обусловлено значительной продолжительностью жизни растений в генеративном возрастном состоянии.

В целом популяцию в Красносельском районе можно отнести к нормальному полночленному типу. Резкое преобладание средневозрастных особей можно объяснить наибольшей длительностью этого возрастного состояния и наименьшей элиминацией в данном возрастном состоянии. Возрастной спектр этого типа свойственен популяции, способной к самоподдержанию и самовоспроизведению.

Индекс возрастности свидетельствует о молодости этой популяции, он равен S= – 0,831.

Для популяции – II, распределение по возрастным стадиям было следующее: 50% (16 особей) приходилось на средневозрастную генеративную стадию, отличительной чертой данной популяции является отсутствие целого ряда возрастных стадий – проростков, ювенильных и имматурных особей было отмечено только 2 (6%) особи на виргинильной стадии развития, молодых генеративных растений нами было отмечено 5 (15%) особей, старовозрастных генеративных особей обнаружено 10 (29%) и 1 (2%) особь на сенильной стадии развития. Данную популяцию можно отнести к регрессивному типу, в возрастном спектре отмечается правосторонняя симметрия.

Индекс возрастности S=0,352 – свидетельствует о том, что в данной популяции преобладают зрелые особи.

Библиографический список

1. Красная книга Костромской области / под ред. А.Г. Еленевского, В.М. Константинова. – Кострома: Департамент природных ресурсов и охраны

окружающей среды Костромской области, 2009. – 369 с.

2. *Борисова И.В.* Основные жизненные формы двудольных многолетних травянистых растений степных фитоценозов Северного Казахстана // Ботанический журнал. – 1960. – Т. 60. – № 1. – С. 19–33.

3. *Заугольнова Л.Б.* Типы возрастных спектров нормальных ценопопуляций растений // Ценопопуляции растений (основные понятия и структура). – М.: Наука, 1976. – С. 81–92.

4. *Ишмуратова М.М., Суровцева Ю. В.* Изменчивость Pulsatilla patens (L.) Mill, в Башкирском Зауралье // Итоги биологических исследований 2001. – Уфа, 2003. – Вып. 7. – С. 231–233.

5. *Никитина С.В. Никитина Л.В., Вахрамеева М.Г.* Прострел раскрытый // Биол. флора Моск. области. – М., 1978. – Вып. 4. – С. 79–85.

6. *Рысина Г.П.* К биологии прострела раскрытого в Подмосковье // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1981. – Т. 86. – Вып. 3. – С. 129–134.

7. Полевая геоботаника / под. ред. Е.М. Лавренко и А.А. Корчагина. – М.; Л., 1964. – Т. III. – 530 с.

8. *Рысина Г.П.* Ранние этапы онтогенеза лесных травянистых растений Подмосковья. – М.: Наука, 1973. – 216 с.

9. *Сафонова Е.А., Скобелева А.А., Андреева С.Н., Черосов М.М.* Модель побегообразования Pulsatilla flavescens (Zucc.) Juz. Pulsatilla multifinda (G. Pritzel) Juz. // Материалы международной научной конференции посвящённой 110-летию А.А. Уранова «Современные проблемы популяционной экологии, геоботаники, систематики и флористики. – 2011. – Т. 1. – С. 189–193.

10. *Сушенцов О.Е.* Структура популяций видов Pulsatilla (Ranunculaceae) на Урале // Ботанический журнал. – 2007. – Т. 92. – № 4. – С. 493–505.

11. *Филимонова Т.В.* Онтогенез и возрастная структура популяций Alchemilla alpine (Rosaceae) в Мурманской области // Ботанический журнал. – 2006. – Т. 91. – № 11. – С. 1672–1682.

12. *Цибанова Н.А.* Жизненный цикл и возрастная структура ценопопуляций Pulsatilla patens (L.) Mill. (Ranunculaceae) в северной степи // Ботананический журнал. – 1976. – Т. 61. – № 9. – С. 1272–1277.

13. *Работнов Т.А.* Некоторые важнейшие современные задачи изучения растительных сообществ. Основные проблемы современной геоботаники. – М.: Наука, 1950. – 254 с.

УДК 631.4

Соколова Татьяна Леонидовна
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
boreech@yandex.ru

ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЛЮМБРИЦИД В РАЗЛИЧНЫХ БИОГЕОЦЕНОЗАХ ГОРОДА КОСТРОМЫ И КОСТРОМСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Статья посвящена исследованию видового разнообразия люмбрицид различных биогеоценозов в черте города Костромы и Костромской области. Автором представлены видовой состав Lumbricidae района исследования и эколого-биологические особенности педомезобионтов исследуемой группы.

Ключевые слова: *биоразнообразие, почвенная мезофауна, видовой состав люмбрицид.*

Одной из самых распространенных групп почвенных сапрофагов, характеризующихся высокой активностью переработки органики почв, являются олигохеты. Перерабатывая растительные остатки, они участвуют в их утилизации и перемещении органического вещества по почвенному профилю. Наиболее крупными представителями олигохет являются Lumbricidae, которые могут быть использованы в качестве чутких биоиндикаторов изменения режима и свойств почвы. Так, люмбрициды могут выступать как показатели обилия в почве органических остатков и характера накопления гумуса, общего режима влажности, который складывается в почве, и, наконец, как индикаторы, реагирующие на умеренные дозы техногенного вещества [1; 2; 3]. Изучение эколого-фаунистического состава данной группы педомезобионтов в городе Костроме и Костромской области не проводились, поэтому данная тема является актуальной.

Учет люмбрицид проводился общепринятым в почвенно-зоологических исследованиях методом почвенных раскопок в период с 2008 по 2012 год, при взятии проб площадью 0,25 м^2 до глубины встречаемости почвенных беспозвоночных. Разбор почвенных образцов производился послойно (подстилка, 0–5 см, 5–10 см, 10–20 см, 20–30 см, 30–40 см). Исследование видовой структуры люмбрицид проводилось в пригородных и городских экосистемах. В ходе исследования люмбрициды были выявлены во всех изученных типах биогеоценозов, находящихся как в черте города Костромы, так и за его пределами. Для определения влияния физико-химических свойств почв на биоразнообразие люмбрицид отобраны почвенные образцы с типичных пробных участков и исследованы такие почвенные показатели, как содержание гумуса, pH и влажность почвы. Для выявления видового состава люмбрицид были использованы определительные таблицы Т.С. Всеволодовой-Перель (1997).

© Соколова Т.Л., 2013

Таблица 1

Относительное обилие люмбрицид в почвах исследованных биоценозов (%)

Пробные площади	A.rosea	E.fetida	E.tetraedra	L.rubellus	L.castaneus	L.terrestris	O.lacteum	D.rubidus tenuis	A.caliginosa	A.longa	D.octaedra
Березняк, г. Кострома	23,4	9,1	-	18,8	13,1	-	-	23,9	-	11,7	-
Смешанный лес, г. Кострома	9,7	-	-	18,2	12,4	10,6	12,4	17,6	-	-	19,1
Агроценоз, г. Кострома	13,7	9,2	-	24,9	11,9	21,8	+	+	14,1	4,3	-
Агроценоз, в 10-ти км от г. Костромы	21,4	8,1	-	22,5	6,1	19,3	-	11,4	10,1	7,00	-
Березняк, Красносельский район	22,9	12,29	-	12,6	9,45	+	-	14,6	16,3	+	10,9
Смешанный лес, Красносельский район	11,6	-	-	16,1	29,4	11,6	-	+	13,9	-	22,2
Смешанный лес, Антроповский район	16,7	9,4	-	7,6	7,12	18,2	11,9	+	7,8	10,9	9,4
Агроценоз, Антроповский район	37,7	-	-	+	+	-	26,9	+	-	-	35,4
Смешанный лес, Макарьевский район	20,1	-	-	30,5	14,7	+	12,2	-	+	-	22,6
Березняк, Макарьевский район	28,5	-	17,9	30,9	-	-	+	22,8	-	+	-

Примечание: «+» – единичные экземпляры.

В почвах района исследования нами обнаружены представители 5 родов семейства Lumbricidae, многие из которых встречаются во всех исследуемых биогеоценозах, однако отмечаются разное соотношение численности педобионтов данной группы и структура доминирования. Фаунистический состав и встречаемость Lumbricidae представлены в таблице 1.

В большинстве обследованных нами биогеоценозов города Костромы и Костромского Заволжья наиболее распространенным по числу особей является род Lumbricus, который представлен такими видами, как Lumbricus rubellus, Lumbricus castaneus и Lumbricus terrestris.

Lumbricus rubellus Hoffmeister является подстилочным видом и предпочитает влажную, богатую перегноем почву. Данный вид зарегистрирован нами во всех исследуемых биогеоценозах. Однако наибольший процент данного вида отмечен в биоценозах, находящихся на значительном удалении от города Костромы, взятых в качестве фоновых (березняк и смешанный лес Макарьевского района). Почвы данных биогеоценозов отличаются средними и достаточно высокими показателями массовой доли органического вещества и показателями влажности. В результате проведенного исследования выявлено, что распространение данного вида связано с лиственными породами. Так, в березняке и смешанном лесу Lumbricus rubellus составил от 7,6 до 31%. Однако малый красный червь отмечен и в агроценозах как пригородных, так и городских биоценозов, где данный вид составил от 22 до 24,9%. Это обусловлено, очевидно, относительно высоким содержанием гумуса в почвах данных биогеоценозов. По результатам химического анализа почвы выявлено, что массовая доля органического вещества в данных биоценозах составила от 3,06 до 7,09%.

Наиболее крупным представителем люмбрицид является Lumbricus terrestris Linnaeus, 1758 или большой красный червь, который обитает в более глубоких слоях почвы, являясь норником. Данный вид также предпочитает почвы, богатые перегноем. Lumbricus terrestris не зарегистрирован нами в березняке в черте города Костромы, в пойме реки Унжа Макарьевского района, а также не отмечен в агроценозе Антроповского района. Проведенный химический анализ почвы позволяет сделать следующее предположение: отсутствие данного вида в этих биотопах может быть связано с тем, что в их

почвах отмечается относительно низкое содержание гумуса – 3,52–3,53% и содержание влажности – до 13,03%.

В почвах большинства обследованных биоценозов, за исключением березняка Макарьевского района, отмечен вид Lumbricus castaneus (Savigny, 1826). Отсутствие Lumbricus castaneus в березняке, вероятно, обусловлено невысокой влажностью почв, которая составила здесь 3,52%, так как данный вид предпочитает наиболее влажные почвы. Достаточно невысок процент (6,1%) рассматриваемого вида и в агроценозе, который находится в 10 км от города Костромы, где влажность почв данного биогеоценоза составила 3,06%.

Род Eisenia в исследованных городских и пригородных биогеоценозах представлен таким видом, как Eisenia fetida (Savigny, 1826), который относится к почвенно-подстилочным видам. В большинстве городских биотопов данный вид зарегистрирован. Результаты исследования по виду Eisenia fetida полностью совпадают с данными ряда других авторов по изучению биоразнообразия люмбрицид в Московской области [3].

К числу редко встречаемых родов люмбрицид в биогеоценозах района исследования относятся Eisenia tetraedra (Savigny, 1826), род Eiseniella, Octolasion lacteum Oerley, род Octolasion и подвид Dendrodrilus rubidus tenuis (Eisen, 1874), род Dendrodrilus Omodeo, 1956.

В ходе исследований такой вид, как Eisenia tetraedra обнаружен только в березняке Макарьевского района в бассейне реки Унжа. Данный вид относят к подстилочным, однако, по мере удаления от бассейна реки, он встречается в более глубоких слоях почвенного профиля. По результатам исследования люмбрицид Московской области данный вид был обнаружен только по берегам водоемов и в заболоченных почвах [3]. Octolasion lacteum способен к обитанию в переувлажненных почвах и перенесению длительного периода дефицита кислорода. Так, в черте города Костромы данный вид зарегистрирован в смешанном лесу, где влажность почвы в исследуемый период составила 25,78%. Octolasion lacteum составил в данном биоценозе 17,6% от числа выявленных здесь люмбрицид. Подвид Dendrodrilus rubidus tenuis (Eisen, 1874) встречается в большинстве биотопов, однако в ряде биогеоценозов зарегистрированы только единичные экземпляры.

В Костромской области род Aporrectodea представлен тремя видами: Aporrectodea caliginosa caliginosa, Aporrectodea longa, Aporrectodea rosea. Одним из наиболее распространенных является A. rosea (Savigny, 1826), он обнаружен во всех обследованных биоценозах. Вид A. rosea встречается в различных по механическому составу, по степени влажности и обогащенности органикой почвах, что говорит об эврибионтности данного вида. Широкое распространение A. rosea (Sav., 1826) обусловлено его экологическими особенностями.

Встречаемость вида Aporrectodea longa в городских биогеоценозах составляет от 4,3 до 11,7% от общего числа педобионтов. В большинстве же пригородных ценозов отмечены только единичные экземпляры данного вида. В то время как Aporrectodea caliginosa caliginosa, наоборот, в черте города встречается редко, так как предпочитает почвы, богатые перегноем.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нами зарегистрировано 11 видов люмбрицид, среди которых 6 видов (Aporrectodea rosea (Savigni, 1826), Lumbricus rubellus (Hoffmeister, 1843), Lumbricus castaneus (Savigni, 1826), Octolasion lacteum (Orley, 1885), Dendrobaena octaedra (Savigni, 1826), Aporrectodea caliginosa caliginosa (Savigni, 1826)) представляют собой широко распространенные и экологически пластичные виды. Видовой состав исследуемой группы педомезобионтов различается в разных биотопах, что обусловлено как физико-химическими параметрами почв, так и экологическими особенностями конкретного вида.

Библиографический список

1. *Бессолицина Е.П.* Ландшафтно-экологический анализ структуры зооценозов юга Сибири. – Иркутск, 2001. – 166 с.

2. *Гиляров М.С.* Зоологический метод диагностики почв. – М.: Наука, 1965. – 273 с.

3. *Матвеева В.Г., Носова Л.М.* Дождевые черви (Oligochata, Lumbricidae) в почвах сосновых культур Подмосковья // Фауна и экология почвенных беспозвоночных Московской области. – М.: Наука, 1983. – С. 147–155.

УДК 537.525

Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suhov_andrei@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМПУЛЬСНОГО РАЗРЯДА В АЗОТЕ

Проведено компьютерное моделирование поведения параметров плазмы в импульсном разряде в азоте. Использована одномерная модель плазмы газового разряда, включающая уравнения непрерывности для электронной и ионной компонент плазмы и уравнение электростатики с учетом начальных и граничных условий. Получена динамика изменения параметров плазмы, влияние на нее амплитуды импульса, длины разрядного промежутка и давления газа. Проведено сравнение результатов моделирования с экспериментальными данными.

Ключевые слова: *плазма, импульсный разряд, численное моделирование, уравнение непрерывности заряженных частиц.*

Импульсные газовые разряды широко применяются в современной технике для накачки мощных импульсных лазеров, собственно как источники света, например, в фотовспышках, в плазменных панелях и экранах, в плазмохимических реакторах с контролируемыми параметрами и т.п. Это обуславливает актуальность их экспериментального и теоретического исследования. В настоящее время для описания импульсных разрядов наиболее часто используется гидродинамическая двухжидкостная модель, учитывающая ионизацию электронным ударом, перемещение электронов и ионов под действием поля, ион-электронную эмиссию на катоде и влияние пространственного заряда на напряженность поля. В данной работе, продолжающей исследования [3; 4], рассмотрено моделирование импульсного разряда в азоте при низком давлении.

Рассматривается плазма, возникающая в разрядном промежутке (рис. 1) при подаче на электроды импульсного напряжения.

Фронт импульса (рис. 2, $t < t_{max}$) описывается функцией Максвелла $U_M(t)$, спад (рис. 2, $t > t_{max}$) – функцией Гаусса $U_G(t)$:

$$U_M(t) = U_{\max}\sqrt{e}\frac{t}{t_{\max}}e^{-\frac{t^2}{2t_{\max}^2}}; \quad U_G(t) = U_{\max}e^{-4\frac{(t-t_{\max})^2}{t_{\max}^2}}$$

где U_{max} – максимальная амплитуда напряжения, t_{max} – характерное время достижения максимальной амплитуды.

Под действием электрического поля остаточные ионы, которые в ничтожных концентрациях (10^3 *см*$^{-3}$) всегда присутствуют в газе (например, вследствие ионизации космическим лучами), ускоряются и бомбардируют катод, выбивая из него вторичные электроны. Фоновые и вторичные электроны, ускоряясь в электрическом поле в направлении анода, набирают энергию, и на некотором расстоянии от катода начинают возбуждать атомы и молекулы газа, вызывая их свечение. При дальнейшем движении в поле электроны набирают энергию, достаточную для ионизации.

Движение частиц концентрации n со скоростью $\boldsymbol{v}$ характеризуется потоком $\boldsymbol{\Gamma} = n\boldsymbol{v}$. Скорость заряженных частиц в электрическом поле $\boldsymbol{E}$ определяется их подвижностью $\boldsymbol{v} = \mu\boldsymbol{E}$, тогда $\boldsymbol{\Gamma} = n\mu\boldsymbol{E}$.

Вследствие ионизационных и рекомбинационных процессов, а также из-за неоднородности потока распределение концентрации заряженных частиц меняется во времени. Ионизация – процесс образования новых заряженных частиц (ионов и электронов), определяется через произведение 1-го коэффициента Таунсенда α на модуль потока электронов $\alpha|\boldsymbol{\Gamma}_e|$. Рекомбинация – процесс, обратный ионизации, ее величина может быть получена из произведения коэффициента ион-электронной рекомбинации β на произведение концентраций электронов и ионов $\beta n_e n_i$. Так как ионизация приводит к образованию новых заряженных частиц, следовательно, она приводит также к росту концентраций заряженных частиц с течением времени.

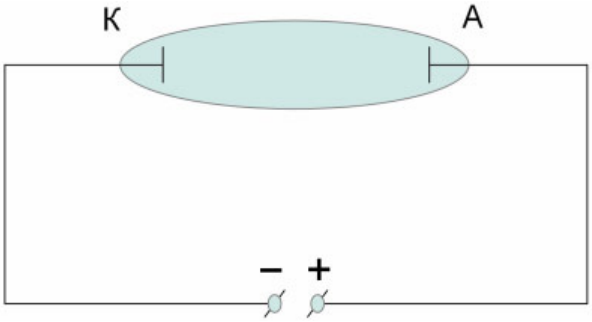


Рис. 1. Упрощённая схема моделируемой установки.
Катод – отрицательный электрод, анод – положительный

© Сухов А.К., 2013

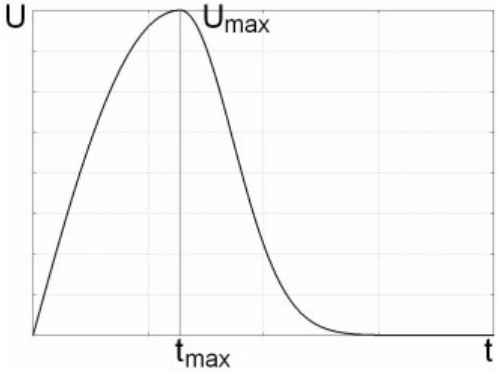


Рис. 2. График зависимости импульсного напряжения от времени

С течением времени распределение концентраций ионов и электронов становится неоднородным. Это приводит к возникновению локальных электрических полей напряженности $\boldsymbol{E}$. Дивергенция напряженности локального электрического поля в некоторой точке пространства определяется разностью концентраций ионов и электронов в этой точке с помощью уравнения Пуассона $div\,\boldsymbol{E} = 4\pi e(n_i - n_e)$. В расчётах напряжение, приложенное к электродам, учитывается через связь градиента потенциала с напряженностью электрического поля $\boldsymbol{E} = -grad\varphi$.

Для описания процессов, происходящих в плазме, рассматривается одномерная модель плазмы газового разряда, учитывающая изменение плотности зарядов за счёт неоднородности их потоков, процессов ионизации, рекомбинации и диффузии.

Разрядный процесс описывается одномерной системой дифференциальных уравнений двухжидкостной гидродинамики, включающей в себя уравнения непрерывности для электронов и ионов и уравнение Пуассона:

$$\begin{cases} \dfrac{\partial n_e}{\partial t} + \dfrac{\partial \Gamma_e}{\partial t} = \alpha\left|\Gamma_e\right| - \beta n_e n_i, \quad \Gamma_e = -n_e \mu_e E \\ \dfrac{\partial n_i}{\partial t} + \dfrac{\partial \Gamma_i}{\partial t} = \alpha\left|\Gamma_e\right| - \beta n_e n_i, \quad \Gamma_i = n_i \mu_i E \\ \dfrac{\partial E}{\partial x} = 4\pi e(n_i - n_e), \quad E = \dfrac{\partial \varphi}{\partial x} \end{cases},$$

где n_e, n_i – концентрации электронов и ионов; Γ_e, Γ_i – потоки электронов и ионов; α – коэффициент ударной ионизации молекул электронами (первый коэффициент Таунсенда), β – коэффициент ион-электронной рекомбинации, μ_e, μ_i – подвижности электронов и ионов, e – элементарный заряд (заряд электрона), E – напряженность электрического поля, φ – потенциал электрического поля.

Для решения данной системы дифференциальных уравнений воспользуемся методом конечных разностей. Введём в расчетной пространственно-временной области $0 \le x \le d = jh$, $0 \le t \le \tau \cdot N_k$ конечно-разностную сетку $\omega_{h\tau}$:

$$\omega_{h\tau} = \left\{x_j = jh,\ j = 0...N_j;\quad t^k = k\tau,\ k = 0...N_k\right\}$$

с пространственным шагом h [см] и шагом по времени τ [с]. Рассмотрим два временных слоя: нижний $t^k = k\tau$, на котором распределение искомых функций $n_e(x_j, t^k)$, $n_i(x_j, t^k)$, $E(x_j, t^k)$, $\varphi(x_j, t^k)$ $j = 0...N_j$ известно и верхний временной слой $t^{k+1} = (k+1)\tau$, на котором распределение искомых функций $n_e(x_j, t^{k+1})$, $n_i(x_j, t^{k+1})$, $E(x_j, t^{k+1})$, $\varphi(x_j, t^{k+1})$ $j = 0...N_j$ подлежит определению. Непрерывные функции заменим сеточными: $n_e(x_j, t^k) = n_{ej}^k$, $n_i(x_j, t^k) = n_{ij}^k$, $E(x_j, t^k) = E_j^k$, $\varphi(x_j, t^k) = \varphi_j^k$, а производные заменим конечно-разностными соотношениями, используя правые разности по времени и центральные по координате:

$$\left.\frac{\partial n_e}{\partial t}\right|_j^k = \frac{n_{ej}^{k+1} - n_{ej}^k}{\tau} \qquad \left.\frac{\partial \Gamma_e}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\Gamma_{ej+1}^k - \Gamma_{ej-1}^k}{2h}$$

$$\left.\frac{\partial n_i}{\partial t}\right|_j^k = \frac{n_{ij}^{k+1} - n_{ij}^k}{\tau} \qquad \left.\frac{\partial \Gamma_i}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\Gamma_{ij+1}^k - \Gamma_{ij-1}^k}{2h}$$

$$\left.\frac{\partial \varphi}{\partial x}\right|_j^k = \frac{\varphi_{j+1}^k - \varphi_{j-1}^k}{2h} \qquad \left.\frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2}\right|_j^k = \frac{\varphi_{j+1}^k - 2\varphi_j^k + \varphi_{j-1}^k}{h^2}$$

В результате подстановки получим систему алгебраических уравнений:

$$\begin{cases} \dfrac{n_{ej}^{k+1} - n_{ej}^k}{\tau} + \dfrac{\Gamma_{ej+1}^k - \Gamma_{ej-1}^k}{2h} = \alpha_j^k\left|\Gamma_{ej}^k\right| - \beta n_{ej}^k n_{ij}^k, \quad \Gamma_{ej}^k = -n_{ej}^k \mu_e E_j^k \\ \dfrac{n_{ij}^{k+1} - n_{ij}^k}{\tau} + \dfrac{\Gamma_{ij+1}^k - \Gamma_{ij-1}^k}{2h} = \alpha_j^k\left|\Gamma_{ej}^k\right| - \beta n_{ej}^k n_{ij}^k, \quad \Gamma_{ij}^k = n_{ij}^k \mu_i E_j^k \\ \dfrac{\varphi_{j+1}^k - 2\varphi_j^k + \varphi_{j-1}^k}{h^2} = 4\pi e(n_{ij}^k - n_{ej}^k), \quad E_j^k = \dfrac{\varphi_{j+1}^k - \varphi_{j-1}^k}{2h} \end{cases}$$

Первый коэффициент Таунсенда, зависящий от напряженности электрического поля E и давления азота p, аппроксимируем следующим выражением:

$$\alpha_j^k = \begin{cases} \dfrac{12}{p} e^{-\frac{342}{\left|E_j^k\right|/p}}, \quad \left|E_j^k\right|/p > 100\,\dfrac{В}{см} \\ \dfrac{900}{\left|E_j^k\right|/p} e^{-\frac{314}{\left|E_j^k\right|/p}}, \quad \left|E_j^k\right|/p < 100\,\dfrac{В}{см} \end{cases}$$

Алгоритм расчёта.

1. Задаём значения параметров расчета для азота:

$\beta = 2\cdot 10^{-7}$ – коэффициент объемной рекомбинации;

$\mu_e = 4{,}4\cdot 10^5/p$ – подвижность электронов (давление в Торах);

$\mu_i = 1{,}45\cdot 10^3/p$ – подвижность ионов (давление в Торах);

$\gamma = 0{,}01$ – коэффициент ион-электронной эмиссии;

$4\pi e = 1{,}81\cdot 10^{-6}$ [В·см] – размерный коэффициент в уравнении Пуассона.

2. Задаём начальные ($t = 0$) распределения концентраций электронов n_e, ионов n_i, равные фоновой концентрации $n_0 = 10^3$ см$^{-3}$ и распределение потенциала φ на всём разрядном промежутке в соответствии с начальным напряжением U_0:

$$n_{e_j}^0 = n_0,\ n_{i_j}^0 = n_0,\ \varphi_j^0 = \frac{jU_0}{N_j},\quad j = 0...N_j$$

3. Начинаем основной расчётный цикл:

1) Задаём напряжение между электродами U^k в соответствии с функцией импульса:

$$U^k = \begin{cases} U_{\max}\sqrt{e}\dfrac{k\tau}{t_{\max}}e^{-\frac{(k\tau)^2}{2t_{\max}^2}}, & k\tau < t_{\max} \\ U_{\max}e^{-4\frac{(k\tau - t_{\max})^2}{t_{\max}^2}}, & k\tau \ge t_{\max} \end{cases}$$

2) Находим распределение электрического поля E и потоков Γ заряженных частиц между электродами:

$$E_j^k = -\frac{\varphi_{j+1}^k - \varphi_{j-1}^k}{2h};\quad \Gamma_{e_j}^k = -n_{e_j}^k\mu_e E_j^k;$$

$$\Gamma_{i_j}^k = n_{i_j}^k\mu_i E_j^k;\quad j = 1...N_j - 1$$

3) Задаем граничные условия для поля и потоков. Поле E вблизи границ считаем непрерывным. Потоки ионов Γ_i у катода и электронов Γ_e у анода считаем непрерывными. Поток электронов Γ_e у катода формируется в процессе ион-электронной эмиссии с коэффициентом γ. Поток ионов Γ_i у анода формируется за счёт фоновой плотности ионов.

$$E_0^k = E_1^k,\quad E_{N_j}^k = E_{N_j-1}^k$$

$$\Gamma_{i0}^k = n_{i0}^k\mu_i E_0^k,\quad \Gamma_{e0}^k = -\gamma\Gamma_{i0}^k$$

$$\Gamma_{iN_j}^k = n_0\mu_i E_{N_j}^k,\quad \Gamma_{eN_j}^k = -n_{eN_j}^k\mu_e E_{N_j}^k$$

4) Рассчитываем концентрации ионов n_i и электронов n_e в следующем временном слое, используя явную схему:

$$n_{e_j}^{k+1} = n_{e_j}^k - \frac{\tau}{2h}\left(\Gamma_{e_{j+1}}^k - \Gamma_{e_{j-1}}^k\right) + \tau\left(\alpha_j^k\left|\Gamma_{e_j}^k\right| - \beta n_{e_j}^k n_{i_j}^k\right)$$

$$n_{i_j}^{k+1} = n_{i_j}^k - \frac{\tau}{2h}\left(\Gamma_{i_{j+1}}^k - \Gamma_{i_{j-1}}^k\right) + \tau\left(\alpha_j^k\left|\Gamma_{e_j}^k\right| - \beta n_{e_j}^k n_{i_j}^k\right)$$

$$j = 1...N_j - 1$$

5) Задаем граничные условия для концентраций. Концентрации ионов n_i у катода и электронов n_e у анода считаем непрерывными. Концентрация ионов n_i у анода равна фоновой. Концентрация электронов n_e у катода определяется ион-электронной эмиссией и фоном.

$$n_{i0}^{k+1} = n_{i1}^{k+1};\quad n_{iN_j}^{k+1} = n_0;$$

$$n_{e0}^{k+1} = \frac{\Gamma_{e0}^k}{\mu_e E_0^k} + n_0;\quad n_{eN_j}^{k+1} = n_{eN_j-1}^{k+1}$$

6) Для сглаживания решения проводим усреднение концентраций заряженных частиц путём интегрирования по трем соседним узлам:

$$n_{i_j}^{k+1} = \frac{1}{4}\left(n_{i_{j-1}}^{k+1} + 2n_{i_j}^{k+1} + n_{i_{j+1}}^{k+1}\right);$$

$$n_{e_j}^{k+1} = \frac{1}{4}\left(n_{e_{j-1}}^{k+1} + 2n_{e_j}^{k+1} + n_{e_{j+1}}^{k+1}\right)$$

7) Зная распределение концентраций n_e и n_i между электродами, вычисляем распределение потенциала φ, решая следующую систему линейных алгебраических уравнений Пуассона методом прогонки:

$$\varphi_{j+1}^{k+1} - 2\varphi_j^{k+1} + \varphi_{j-1}^{k+1} = h^2 4\pi e(n_{i_j}^{k+1} - n_{e_j}^{k+1}),\quad j = 1...N_j - 1$$

с граничными условиями:

$$\varphi_0^{k+1} = 0,\quad \varphi_{N_j}^{k+1} = U^k$$

8) Переходим к пункту 1) и повторяем цикл расчета.

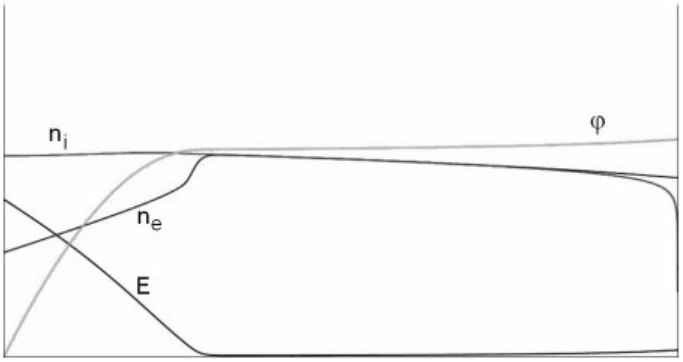
Результаты моделирования

Влияние шага разбиения.

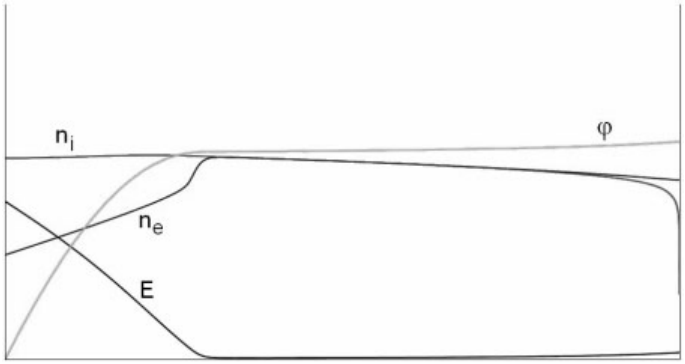
Выбор шага разбиения является очень важным этапом моделирования. От выбора правильного шага зависит точность и достоверность полученных данных. При выборе неправильного шага можно получить картину, недостаточно или совершенно неточно характеризующую реальные процессы, происходящие в исследуемой системе. Кроме того, для увеличения скорости моделирования шаг не должен быть слишком малым. Поэтому нужно выбрать максимально возможный шаг, при уменьшении которого полученные данные не будут сильно менять качественную и количественную картины.

Для оценки влияния шага разбиения на результаты моделирования и выбора оптимального шага, для проведения последующих исследований была проведена серия вычислительных экспериментов. В них производилось моделирование импульсного разряда с различными шагами разбиения по времени и по координате. Остальные параметры были постоянны: максимальное напряжение импульса $U_{max} = 800$ *В*, время достижения максимума напряжения $t_{max} = 3{,}2$ *мкс*,, давление азота $p = 1$ *тор*, длина разрядного промежутка $d = 2$ *см*.

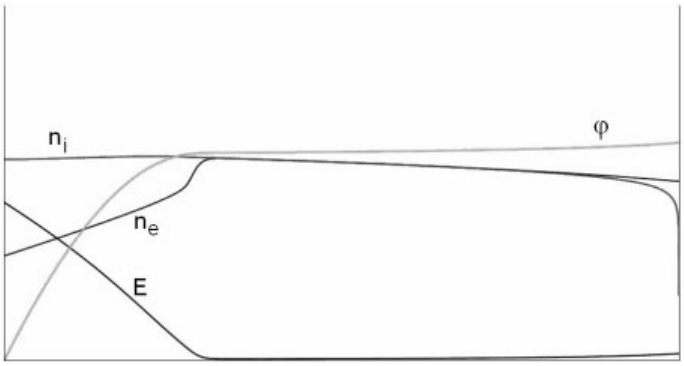
В расчетах получали пространственное распределение концентраций ионов (красный) и электро-



а)



б)



в)

Рис. 3. Влияние изменения шага разбиения по координате *h* и по времени *τ* на распределение параметров плазмы в разрядном промежутке в максимуме импульса (катод слева, анод справа):
а) $h = 10^{-3}$ *см*, $\tau = 8\cdot10^{-13}$ *с*; б) $h = 5\cdot10^{-4}$ *см*, $\tau = 2\cdot10^{-13}$ *с*;
в) $h = 2{,}5\cdot10^{-4}$ *см*, $\tau = 5\cdot10^{-14}$ *с*.

Таблица 1

Значения концентрации электронов и её погрешность при разных шагах разбиения по координате и по времени

h, см / τ, с	10^{-3}	$5\cdot10^{-4}$	$2{,}5\cdot10^{-4}$
$8\cdot10^{-13}$	$1{,}394\cdot10^{9}$ 1,1%		
$2\cdot10^{-13}$		$1{,}403\cdot10^{9}$ 0,5%	
$5\cdot10^{-14}$			$1{,}408\cdot10^{9}$ 0,0%

нов (синий), потенциала (зеленый) и электрического поля (черный) в разрядном промежутке в течение импульса. Числовые данные расчётов сохранялись в выходные файлы в текстовом формате и в виде изображений в формате *jpg*.

Для оценки качественного согласия результатов при разном шаге сравнивали распределение параметров разряда в момент времени максимума импульса напряжения. Результаты показали качественное согласие для различных комбинаций шагов разбиения по времени и по координате (рис. 3 а–в).

Для количественной оценки согласия результатов сравнивали значения концентраций электронов во время максимума импульса напряжения в середине расчётного промежутка. Используя метод двойного просчёта и приняв решение системы уравнений при шаге по координате $h = 2{,}5 \cdot 10^{-4}$ *см* и шаге по времени $\tau = 5 \cdot 10^{-14}$ *с* за наиболее точное, были определены погрешности остальных результатов с другими комбинациями шагов разбиения. Сравнение показало, что погрешность уменьшается пропорционально уменьшению шага (табл. 1):

При анализе данных была использована закономерность, согласно которой для сохранения точности расчёта при уменьшении шага по координате в 2 раза необходимо уменьшение шага по времени в 4 раза.

Изменение параметров плазмы в течение импульса.

Рассмотрим изменение параметров плазмы с течением времени во время импульсного разряда. В начальный момент времени $t = 0$ (рис. 4а) концентрации зарядов равны фоновой концентрации $n_e = n_i = 10^3$ *см*$^{-3}$. Приложенное напряжение U и электрическое поле E равны 0. Параметры моделирования:

– максимальное напряжение импульса $U_{max} = 800$ *В*;

– время достижения максимума напряжения $t_{max} = 3{,}2$ *мкс*,

– шаг разбиения по времени $\tau = 2 \cdot 10^{-13}$ *с*;

– шаг разбиения по координате $h = 5 \cdot 10^{-4}$ *см*;

– расстояние между электродами $d = 2$ *см*;

– давление азота $p = 1$ *тор*.

С повышением приложенного напряжения (рис. 4б) поле в разрядном промежутке также возрастает. Это вызывает рост концентраций зарядов. Концентрация ионов увеличивается быстрее, чем концентрация электронов. Это объясняется тем, что диффузионные потери электронов за счёт большой подвижности выше, чем для ионов. Возрастающая плотность зарядов приводит к экранировке внешнего поля, что обуславливает его уменьшение в разрядном промежутке.

При достижении максимума импульса (рис. 4в) концентрации зарядов принимают максимальные значения с запаздыванием на 0.5 мкс от момента максимума напряжения. В это время сформированы все пространственные составляющие разряда: катодный и анодный слои и положительный столб. В катодном слое концентрация ионов выше, чем концентрация электронов, здесь формируется объёмный положительный заряд. Там же наблюдается максимальное падение потенциала и максимальное поле. В катодном слое происходят основные процессы ионизации.

В положительном столбе плотности ионов и электронов практически равны. Здесь имеет место квазинейтральная плазма. Поле в положительном столбе принимает своё минимальное значение, достаточное для обеспечения протекания тока.

В анодном слое количество электронов больше, чем количество ионов, наблюдается отрицательный объёмный заряд, поле несколько выше, чем в положительном столбе.

После достижения пика импульса напряжение идёт на спад. При этом катодная область уменьшается (рис. 4г, 4д). При падении напряжения ниже порогового уровня наблюдается характерная картина распадающейся плазмы (рис. 4е). В распадающейся плазме приложенное напряжение и поле практически равны 0. Наблюдается распределение зарядов, определяемое их диффузионными потерями на электродах. С течением времени концентрации зарядов постепенно падают. По прошествии определённого времени (для данного моделирования около 25 мкс от начального значения), концентрации зарядов уменьшаются до фоновой – наблюдается полный распад плазмы (иллюстрация аналогична той, которая приведена на рис. 4а)

Рассмотренное поведение параметров плазмы во время импульса напряжения соответствует экспериментально наблюдаемым результатам. Использование моделирования позволяет более детально рассмотреть процесс развития импульсного разряда, а также провести исследования поведения разряда в различных заранее определённых условиях. Это необходимо при разработке различных импульсных газоразрядных устройств и обеспечивает снижение материальных и временных затрат при разработке новой техники.

Влияние амплитуды импульса напряжения.

Изменение амплитуды импульсного напряжения существенно меняет характер разряда. Известно, что существует определённое пороговое напряжение, ниже которого разряд не развивается. С увеличением амплитуды мощность разряда растет, и увеличиваются плотности образующихся зарядов.

Проведённое моделирование показало, что для давления азота $p = 1$ *тор* и разрядного промежутка $d = 2$ *см* пороговое напряжение импульсного разряда составляет $U_{пор} = 580$ *В*.

При малой амплитуде импульсного напряжения (рис. 5а) наблюдается возрастание плотности зарядов, но плазма не является квазинейтральной (концентрации ионов и электронов различны). Фор-

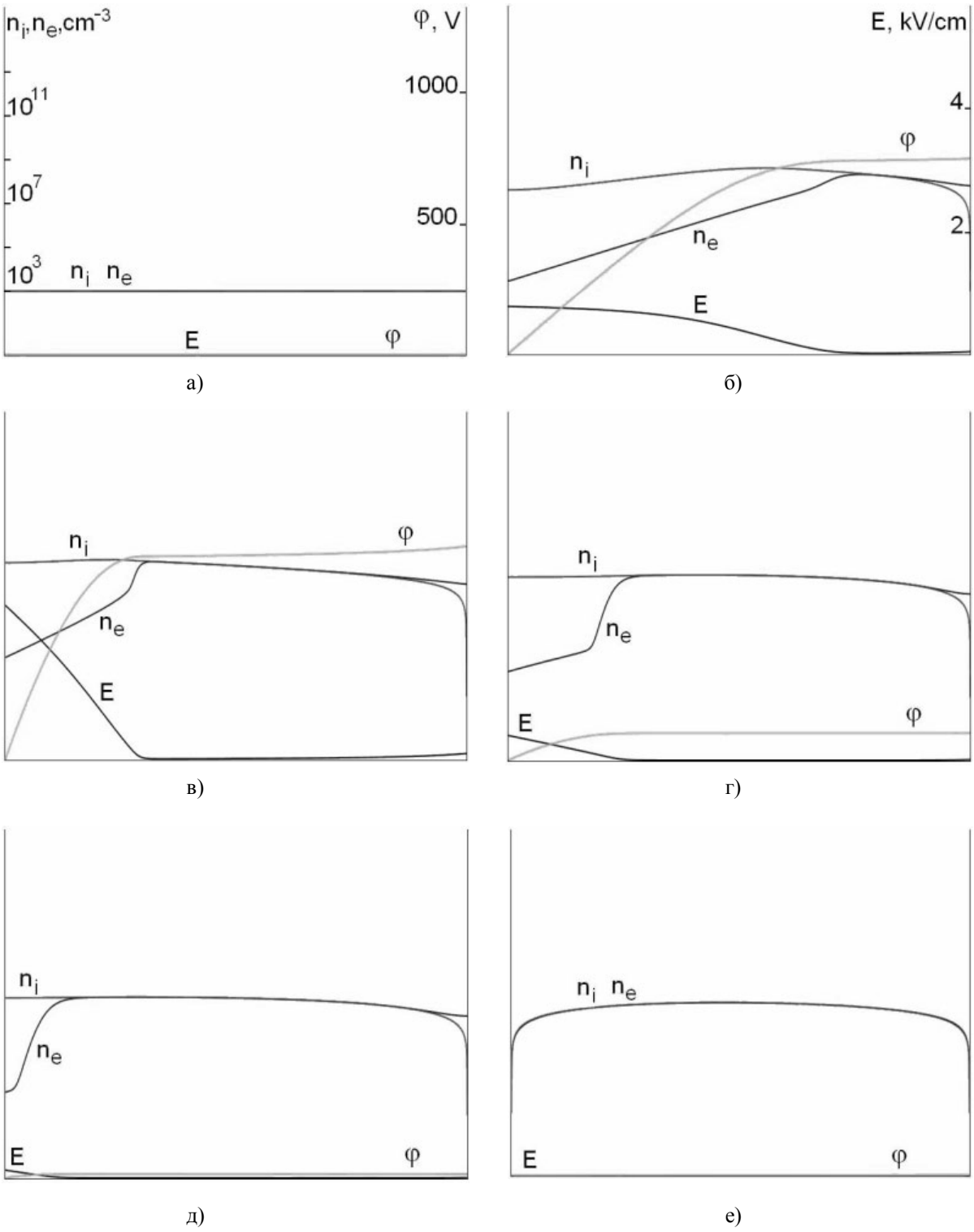


Рис. 4. Моделирование развития импульсного разряда во времени:
а) *t = 0 мкс*; б) *t = 2,3 мкс;* в) *t = 3,2 мкс*; г) *t = 5,5 мкс;* д) *t = 6,4 мкс*; е) *t = 7,3 мкс*

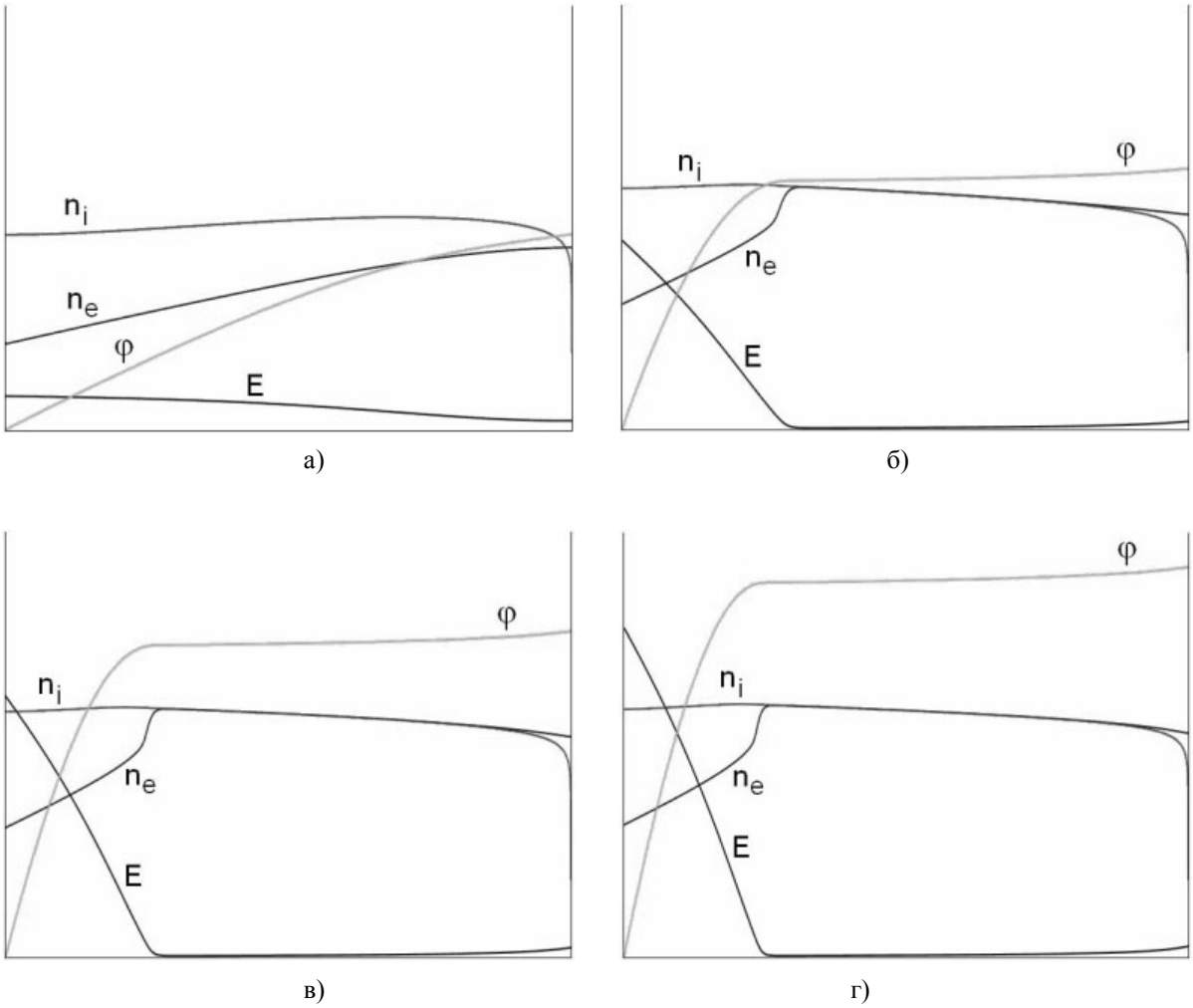


Рис. 5. Влияние изменения амплитуды импульсного напряжения на распределение параметров плазмы в разряде в пике импульса ($t = 3.2$ *мкс*): а) $U_{max} = 600$ *В*, б) $U_{max} = 800$ *В*, в) $U_{max} = 1000$ *В*, г) $U_{max} = 1200$ *В*.

мируется лишь катодная область, которая занимает весь разрядный промежуток. Дальнейшее увеличение амплитуды импульсного напряжения (рис. 5б-г) приводит к формированию положительного столба, в котором плазма квазинейтральна. При этом с ростом амплитуды импульса размер катодной области уменьшается, и поле в катодной области растёт.

Моделирование показало, что наблюдается снижение времени установления максимальных концентраций заряженных частиц при увеличении амплитуды приложенного импульсного напряжения. В таблице 2 приведены полученные в ходе моделирования данные.

Таблица 2

Значения времени установления максимальной концентрации зарядов от амплитуды импульсного напряжения

U_{max}, *В*	*t, мкс*
600	0,6
800	0,52
1000	0,46
1200	0,44

Качественная картина полученных результатов подтверждается в работе [1].

Влияние изменения длины разрядного промежутка.

Размер разрядного промежутка является важным параметром, влияющим на ход разряда. При изменении длины разрядного промежутка для постоянной амплитуды импульса меняется приложенное к разрядному промежутку электрическое поле. Это существенно влияет на развитие импульсного разряда.

Проведённое моделирование показало, что при постоянных параметрах: амплитуде импульсного напряжения $U_{max} = 800$ *В* и давлении $p = 1$ тор формирование катодного слоя происходит при длине разряда от *1 см* до *4 см*.

При изменении длины разряда происходит изменение произведения $p \cdot d$, которое определяет про-

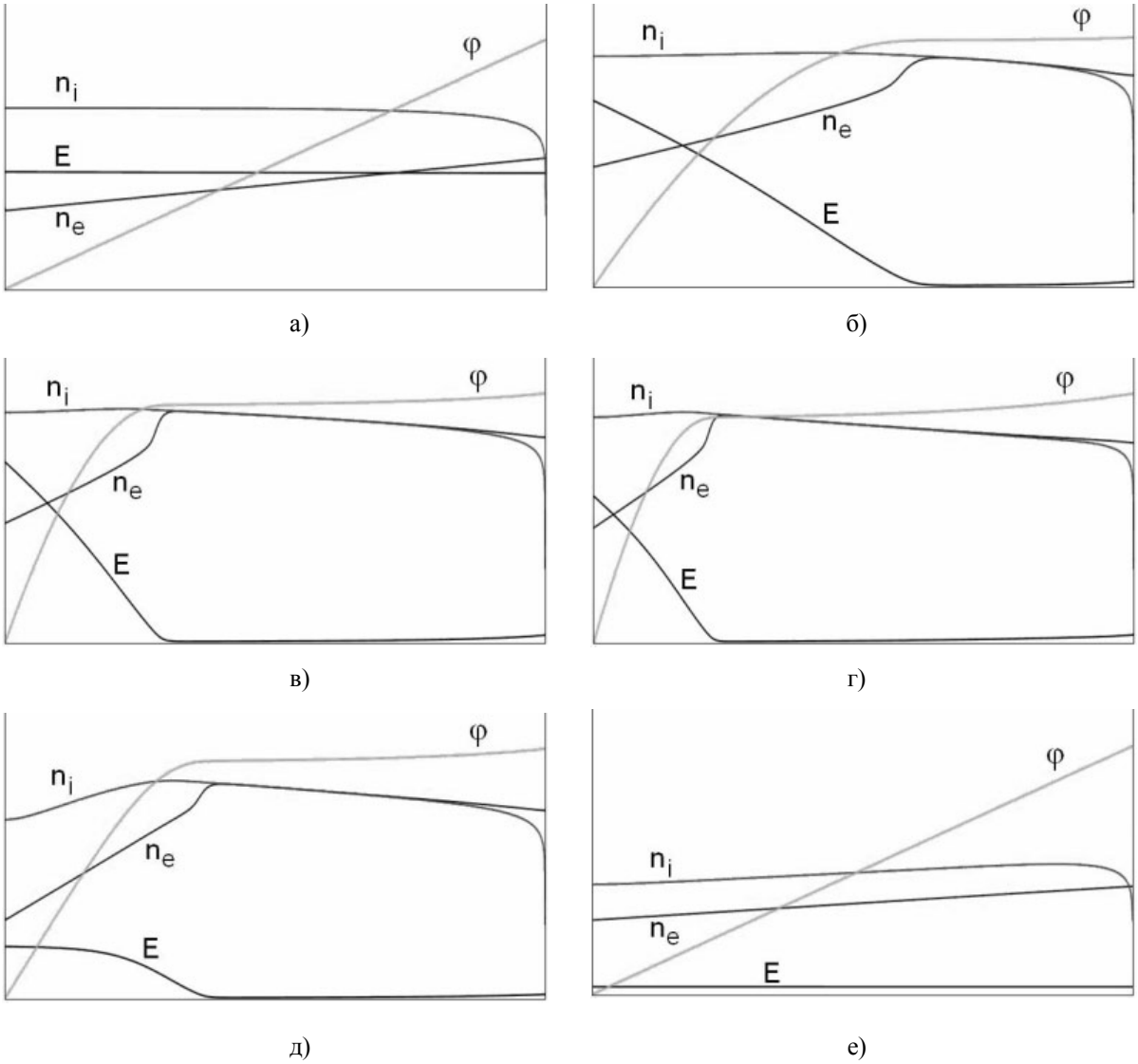


Рис. 6. Зависимость параметров плазмы от длины разрядного промежутка ($p = 1$ *тор*, $U_{max} = 800$ *В*): а) $d = 0.5$ *см*; б) $d = 1$ *см*; в) $d = 2$ *см*; г) $d = 3$ *см*; д) $d = 4$ *см*; е) $d = 8$ *см*

бивное напряжение, при котором формируется разряд. Это явление описывается законом Пашена. Увеличение пробивного напряжения влечёт за собой изменение длины катодной области, которая сначала уменьшается (рис. 6 а–г), а затем увеличивается (рис. 6 д, е). Известно, что параметр $p{\cdot}d$ является критерием подобия для напряжения пробоя. Повышение пробивного напряжения при больших значениях $p{\cdot}d$ объясняется уменьшением длины свободного пробега электронов и снижением вероятности набора электронами необходимой для ионизации энергии. Повышение пробивного напряжения при малых значениях $p{\cdot}d$ – уменьшением числа столкновений на длине разрядного промежутка.

Влияние изменения давления газа.

Давление газа в разрядном промежутке также влияет на размер катодной области разряда и минимальное пробивное напряжение. Размер катодной области обратно пропорционально зависит от величины давления. Минимальное пробивное напряжение разряда прямо пропорционально зависит от давления.

Моделирование показало, что при фиксированных параметрах: длине разряда $d = 2$ *см* и амплитуде импульсного напряжения $U_{max} = 800$ *В* разряд формируется, если значения давления газа находятся в интервале *0,75 – 1,1 тор*.

На рис. 7 изображены распределения характеристик плазмы в пространстве в момент пика импульса. Из него видно, что при увеличении величины давления газа катодная область увеличивается в размерах, а максимальная величина поля уменьшается.

Значения произведения $p{\cdot}d$ во всех проведённых вычислительных экспериментах соответствовали правой ветви кривой Пашена [2], поэтому при увеличении давления газа значение произведения $p{\cdot}d$ также увеличивается, приводя к увеличению пробивного напряжения. Это подтверждается увеличением длины катодной области и уменьшением максимальной величины поля.

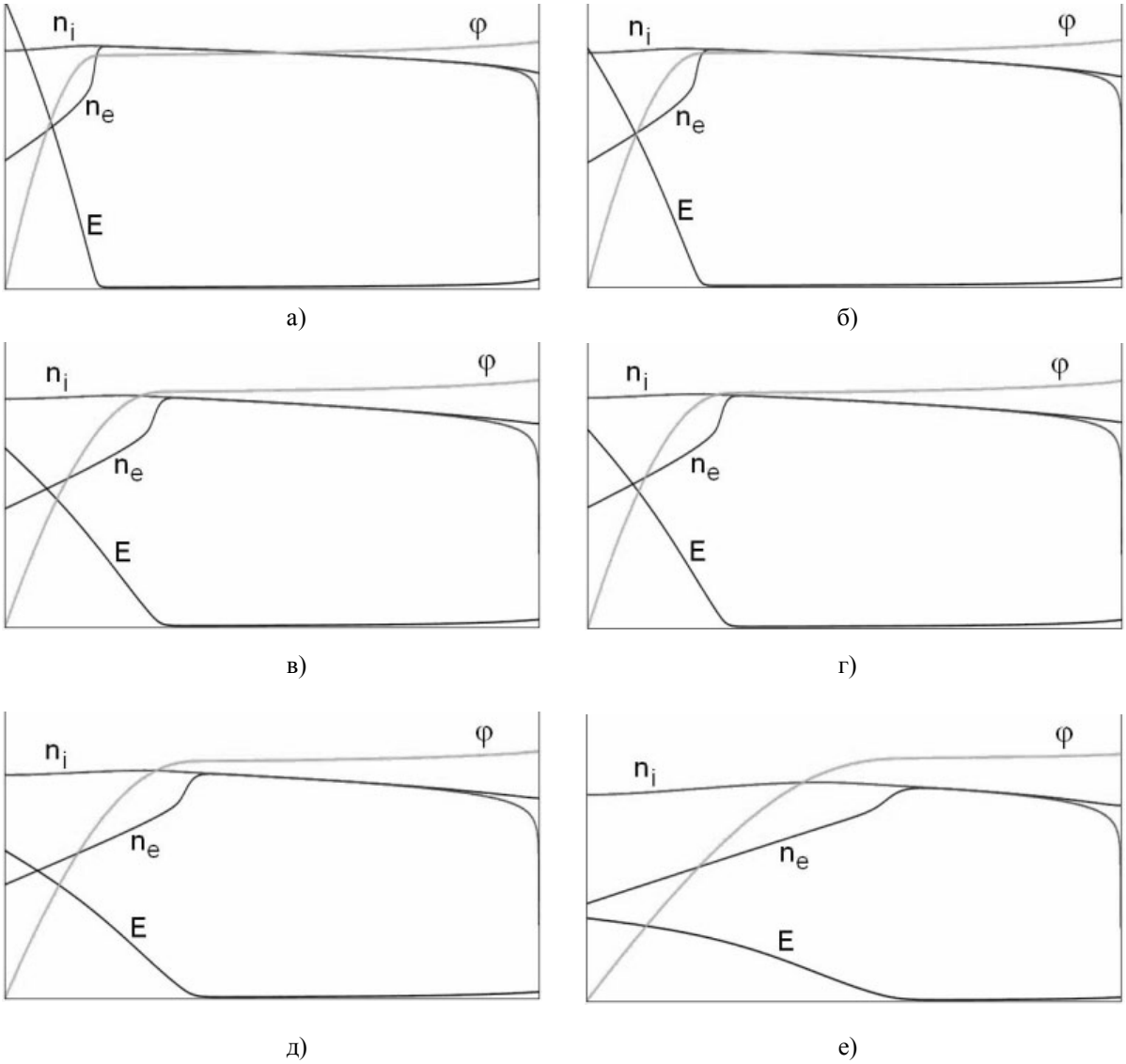


Рис. 7. Зависимость параметров плазмы от давления газа в разрядном промежутке ($d = 2$ *см*, $U_{max} = 800$ *В*, $t = 3{,}2$ *мкс*):
а) $p = 0.75$ *тор*; б) $p = 0.85$ *тор*; в) $p = 0.95$ *тор*; г) $p = 1$ *тор*; д) $p = 1.05$ *тор*; е) $p = 1.1$ *тор*

Таким образом, составлена программа моделирования изменения параметров плазмы во время импульсного разряда в азоте. Использована система дифференциальных уравнений, включающая в себя уравнения непрерывности для электронов и ионов и уравнение Пуассона. Для её решения применен метод конечных разностей. Для расчёта распределения потенциала использован метод прогонки.

Оценка влияния шага разбиения на результаты моделирования показала уменьшение погрешности вычислений при уменьшении шага разбиения. Изменение шага по координате в 2 раза требует изменения шага по времени в 4 раза для сохранения точности моделирования.

Показано изменение во времени параметров разряда на различных стадиях импульса напряжения. Наблюдаемое поведение параметров хорошо согласуется с экспериментальными данными.

Результаты расчётов показали, что во время импульсного разряда наблюдаются 3 стадии: формирование разрядных областей во время возрастания импульсного напряжения; режим максимальной плотности зарядов во время максимума напряжения импульса; распад плазмы при падении напряжения импульса ниже порогового. Нами рассмотрено влияние изменения амплитуды импульсного напряжения, длины разрядного промежутка, давления газа на характер развития импульсного разряда.

При увеличении амплитуды импульсного напряжения происходило изменение длины катодной области, рост поля в катодной области, а также снижение времени установления максимальных концентраций заряженных частиц.

Было показано, что изменение длины разрядного промежутка влияет на величину пробивного напряжения, изменение которой влечёт за собой изменение длины катодной области.

При увеличении давления газа в разрядном промежутке размер катодной области увеличивается, а минимальное пробивное напряжение разряда уменьшается, что соответствует экспериментальным данным.

Проведённое моделирование позволяет детально исследовать динамику и параметры всех стадий импульсного разряда.

Библиографический список

1. *Месяц Г.А.* Законы подобия в импульсных газовых разрядах // Успехи физических наук. – 2006. – Т. 176. – № 10. – С. 1069–1090.

2. *Райзер Ю.П.* Физика газового разряда: Науч. изд. – 3е изд., перераб. и доп. – Долгопрудный: Изд. дом «Интеллект», 2009. – 736 с.

3. *Сухов А.К.* Моделирование радиального профиля свечения по длине разряда униполярного пробоя газа // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2010. – № 2. – С. 12–17.

4. *Сухов А.К.* Моделирование формирования приэлектродных слоев в ограниченной плазме под действием внешнего постоянного электрического поля // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – № 1. – С. 23–27.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 658

Ражева Анастасия Александровна
Ивановская государственная текстильная академия, г. Иваново
RazhevaAnastasia@list.ru

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ПАМЯТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ (на примере предприятий текстильной промышленности)

В статье представлены результаты исследования влияния состояния корпоративной памяти на эффективность хозяйственной деятельности промышленного предприятия.

Ключевые слова: *конкурентоспособность, корпоративная память, информационно-интеллектуальный ресурс, текстильные предприятия.*

Интеграция России в мировое экономическое сообщество и развитие конкурентной среды в отечественной экономике приводят к тому, что проблема повышения конкурентоспособности российской продукции становится очень актуальной. Наибольшую важность она приобретает для предприятий текстильной отрасли. По данным Минпромторга [1], в январе–апреле 2012 года индекс текстильного и швейного производства составил 93,7% по сравнению с январем–апрелем 2011 года. В январе–апреле 2012 года по сравнению с соответствующим периодом 2011 года объем текстильного производства сократился на 2,2%. Падение выпуска текстильной продукции обусловлено как ухудшением обеспечения предприятий по объемам, ассортименту и качеству сырьем, красителями и текстильными вспомогательными веществами, что отразилось на качестве российских товаров и их покупательской способности, так и старением производственных мощностей, большинство из которых не способны осваивать прогрессивные технологии.

С.А. Новосадов отмечает, что «повышение уровня конкурентоспособности предприятия – это долгосрочная программа конкретных действий по созданию и реализации его продукции» [2]. В производстве текстильной продукции необходимо принимать конкретные управленческие решения, прежде всего, в следующих направлениях: модернизация и фокусирование производственных мощностей; максимальное использование производственного персонала; развитие структуры организации производства; модернизация управления качеством продукции; совершенствование и развитие производственной инфраструктуры; организация и кооперация взаимодействий с поставщиками и другими партнерами; повышение качества управления производством.

Принятие эффективных управленческих решений неосуществимо без наличия качественной информационной базы, которая бы содержала в себе все сведения о предприятии, этапах его развития, наилучших практиках, производственном опыте, другими словами, без его корпоративной памяти [3]. Корпоративная память, представляющая собой результат коллективной интеллектуальной деятельности сотрудников предприятия, является его важным информационно-интеллектуальным ресурсом управления. Активное вовлечение корпоративной памяти в процессы управления способствует формированию механизма устойчивого развития предприятия, что положительно сказывается на уровне его конкурентоспособности. В качестве доказательства данного утверждения представим результаты проведенного нами исследования влияния корпоративной памяти на результаты хозяйственной деятельности предприятий на примере трех текстильных предприятий Ивановской области (ЗАО «ПК «Нордтекс», ООО «Фабрика Красина» и компании «Серебряная нить»).

В литературе и обзоре научно-методических разработок нам не удалось обнаружить методику, в соответствии с которой можно было бы провести оценку состояния корпоративной памяти и ее влияния на эффективность хозяйственной деятельности предприятия. Очевидно, что на эффективность хозяйственной деятельности предприятия влияет множество факторов, среди которых находится и рассматриваемая нами корпоративная память. Однако корпоративная память как управленческий ресурс предприятия имеет организующий характер: именно на основе этого ресурса происходит согласование всех остальных факторов производства и в целом организация работы предприятия. Это позволило полагать, что эффективность хозяйственной деятельности предприятия является результатом работы его корпоративной памяти.

Таким образом, в своем исследовании мы опирались на следующие данные и идеи:

1. Исходные данные о состоянии корпоративной памяти, полученные путем интервьюирования руководителей исследуемых предприятий.

2. Значения показателей состояния хозяйственной деятельности предприятия, полученные в результате изучения годовых отчетов исследуемых предприятий.

© Ражева А.А., 2013

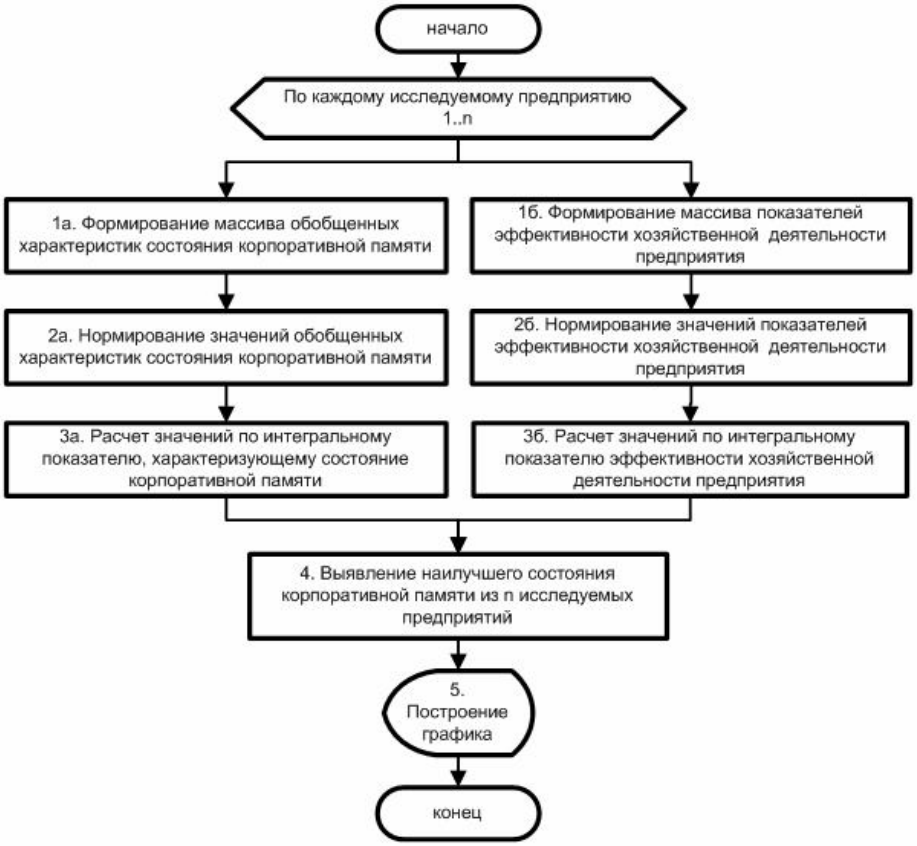


Рис. 1. Блок-схема процедуры оценки состояния корпоративной памяти и ее влияния на эффективность хозяйственной деятельности предприятия

Таблица 1

Значения обобщенных характеристик состояния корпоративной памяти по исследуемым предприятиям

№	Обобщенная характеристика состояния корпоративной памяти	Значение показателя на декабрь 2012 г.		
		ЗАО «ПК «Нордтекс»	ООО «Фабрика Красина»	«Серебряная нить»
1	Информативность, %	55,66667	55,33333	60,08333
2	Пополняемость, руб. / год	1900,07	1192,32	477,89

Таблица 2

Нормированные значения обобщенных характеристик состояния корпоративной памяти

№	Обобщенная характеристика корпоративной памяти	Значение показателя на декабрь 2012 г.		
		ЗАО «ПК «Нордтекс»	ООО «Фабрика Красина»	«Серебряная нить»
1	Информативность	0,926491	0,920943	1
2	Пополняемость	1	0,627514	0,251512
	Интегральный показатель	1,926491	1,548457	1,251512

3. Нормирование полученных значений по состоянию корпоративной памяти и состоянию хозяйственной деятельности предприятий, выраженных в различных единицах измерения, с целью их дальнейшей обработки и сравнения.

Принятая нами процедура оценки состояния корпоративной памяти и ее влияния на эффективность хозяйственной деятельности предприятия включает в себя следующие этапы (рис. 1).

Рассмотрим каждый из представленных на рисунке 1 блоков.

Блок 1а. Формирование массива обобщенных характеристик состояния корпоративной памяти.

В ходе интервьюирования руководителей исследуемых предприятий были получены данные о состоянии корпоративной памяти, характеризующие ее по следующим аспектам:

– развитость информационной структуры (насколько полно представлена на предприятии информация по каждому блоку структуры корпоративной памяти);

– использование источников пополнения (объем их финансирования);

– формы воплощения корпоративной памяти (какие из них используются и насколько полно).

На основе полученных значений были определены обобщенные показатели состояния корпоративной памяти:

1. Показатель информативности (%), отражающий средний уровень наличия информации на исследуемых предприятиях по всем блокам корпоративной памяти (информация о внешней среде предприятия, производстве, сотрудниках), за исключением блока по финансовой деятельности (по причине равенства значений показателей этого блока для всех исследуемых нами предприятий).

2. Показатель пополняемости корпоративной памяти (руб./год), отражающий суммарную величину затрат на пополнение корпоративной памяти по всем источникам (покупка знаний, аренда знаний, развитие знаний за счет «внешнего» обучения сотрудников, результаты НИОКР и рационализаторских предложений сотрудников, производственный опыт персонала).

В таблице 1 представлены значения обобщенных показателей – информативности и пополняемости по исследуемым предприятиям.

Блок 2а. Нормирование значений обобщенных характеристик состояния корпоративной памяти.

Для обеспечения возможности сравнения полученных значений показателей, выраженных в разных единицах измерения, мы выполнили их нормирование от максимального значения. Данная процедура позволила нам выразить значения всех исходных показателей в единой безразмерной величине, и, следовательно, возникла правомерность выполнения над ними арифметических действий и сравнения полученных результатов.

Блок 3а. Расчет значений по интегральному показателю, характеризующему состояние корпоративной памяти

Значение интегрального показателя, характеризующего состояние корпоративной памяти, мы рассматривали как сумму значений всех обобщенных показателей по каждому исследуемому предприятию – $\sum_{i=1}^{n} a_i$, где a_i – значение показателя состояния корпоративной памяти (табл. 2).

Блок 1б. Формирование массива показателей эффективности хозяйственной деятельности предприятия.

Оценка эффективности хозяйственной деятельности предприятий – это сложный вопрос. Но при развитых экономических отношениях в качестве значимых мы используем показатели, характеризующие позицию каждого предприятия на рынке. К таким показателям отнесены P_1 – доля рынка, которую занимает предприятие (по Ивановской области), P_2 – сохранение клиентской базы, P_3 – удовлетворение потребностей клиентов. Кроме того, интегральный показатель эффективности хозяйственной деятельности предприятия, по нашему мнению, должен включать в себя результаты работы предприятия на стратегическую перспективу. Одним из наиболее обобщающих показателей является оценка повышения эффективности работы предприятия за счет результатов НИОКР и рационализаторских предложений сотрудников. Однако сразу отметим, что на всех исследуемых нами предприятиях финансирование НИОКР отсутствует. Поэтому подробнее остановимся на показателе P_4, отвечающем за повышение эффективности работы предприятия за счет внедрения рациональных предложений сотрудников. Значимость этого показателя усиливается двумя обстоятельствами. С одной стороны, он дает косвенную оценку вовлеченности персонала в обеспечение роста производительности труда и экономии затрат на производство. С другой стороны, в этом случае обеспечивается повышение конкурентоспособности продукции за счет собственных инвестиций. Это особенно важно в период становления рыночной экономики в России, когда проблема инвестиционных вложений является не столько экономической, сколько политической. Последнее многократно подтверждено в публикациях известных специалистов в макро- и микроэкономике (напр., Г.Б. Клейнер, В.М. Полтерович и др.).

Таким образом, в состав показателей, отражающих вклад корпоративной памяти в эффективность хозяйственной деятельности исследуемых предприятий, были включены четыре показателя (табл. 3).

Блок 2б. Нормирование значений показателей эффективности хозяйственной деятельности предприятия (табл. 4).

Таблица 3

Значения показателей эффективности хозяйственной деятельности исследуемых предприятий (по данным годовых отчетов исследуемых предприятий)

Показатель эффективности хозяйственной деятельности предприятия	Значение показателя на декабрь 2012г.		
	ЗАО «ПК «Нордтекс»	ООО «Фабрика Красина»	«Серебряная нить»
P_1 – доля рынка по Ивановской области, %	12,28	6,32	0,01
P_2 – сохранение клиентской базы, шт. за год	519	388	324
P_3 – удовлетворение потребностей клиента, среднее количество сделок для постоянного клиента	11	7	15
P_4 – повышение эффективности работы предприятия за счет внедрения рациональных предложений сотрудников, тыс. руб. / год	188,77	326,39	292,78

Таблица 4

Нормированные значения показателей эффективности хозяйственной деятельности предприятий

Показатель эффективности	Значение показателя на декабрь 2012 г.		
	ЗАО «ПК «Нордтекс»	ООО «Фабрика Красина»	«Серебряная нить»
P_{011} – доля рынка по Ивановской области	1	0,514658	0,000814
P_{012} – сохранение клиентской базы	1	0,747592	0,624277
P_{013} – удовлетворение потребностей клиента	0,733333	0,466667	1
P_{032} – повышение эффективности работы предприятия за счет внедрения рациональных предложений сотрудников	0,578357	1	0,897025
Интегральный показатель	3,311691	2,728916	2,522117

Рис. 2. Оценка эффективности корпоративной памяти исследуемых предприятий

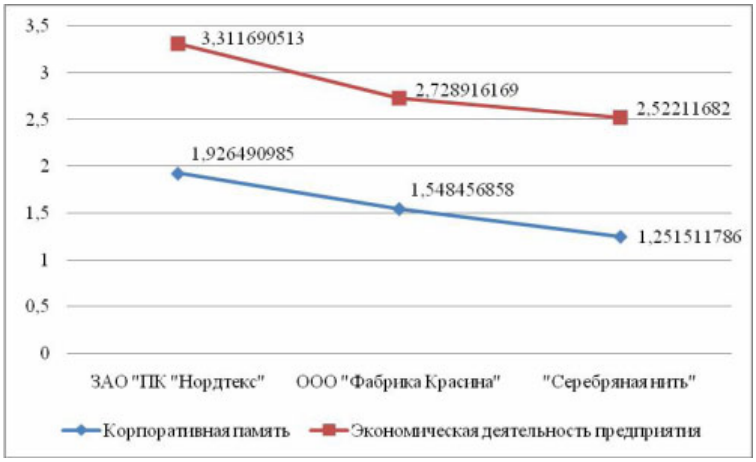


Рис. 3. Зависимость состояния хозяйственной деятельности предприятий от состояния их корпоративной памяти

Блок 3б. Расчет значений по интегральному показателю эффективности хозяйственной деятельности предприятия

Расчет интегрального показателя, отвечающего за эффективность хозяйственной деятельности исследуемых предприятий, представлен в табл. 4 как сумма значений по всем определенным ранее показателям – $\sum_{i=1}^{n} b_i$, где b_i – значение показателя состояния хозяйственной деятельности предприятия.

Блок 4. Выявление наилучшего состояния корпоративной памяти из n исследуемых предприятий (в данном случае n=3).

В результате проведенных расчетов нами были получены два набора значений:

1. {1,9265; 1,5485; 1,2515} – характеризующие состояние корпоративной памяти исследуемых предприятий: ЗАО «ПК «Нордтекс», ООО «Фабрика Красина» и «Серебряная нить» соответственно.

2. {3,3117; 2,7289; 2,5221} – характеризующие экономическое состояние исследуемых предприятий: ЗАО «ПК «Нордтекс», ООО «Фабрика Красина» и «Серебряная нить» соответственно.

Из полученных значений видна пропорциональная зависимость между состоянием корпоративной памяти предприятия и состоянием его хозяйственной деятельности: чем больше развита корпоративная память, тем эффективнее результаты хозяйственной деятельности предприятия.

Блок 5. Построение графика по полученным значениям.

Более наглядно полученные результаты можно изобразить с помощью графика на рисунке 2. Каждая точка графика на рисунке 2 представляет собой положение исследуемого предприятия в экономическом поле. По графику видно, что максимальному значению показателя, характеризующего состояние хозяйственной деятельности предприятия, соответствует максимальное состояние показателя, отображающего состояние корпоративной памяти – ЗАО «ПК «Нордтекс» (1,9265; 3,3117), и наоборот – «Серебряная нить (1,2515; 2,5221).

Тенденция зависимости состояния хозяйственной деятельности предприятия от состояния его корпоративной памяти отражена на графике (рис. 3).

По графику на рисунке 3 видно, что полученные кривые, соответствующие состояниям корпоративной памяти и хозяйственной деятельности, не параллельны друг другу, но имеют общую похожую тенденцию. Это позволяет подтвердить вывод о том, корпоративная память влияет на эффективность хозяйственной деятельности предприятия – чем больше она развита, тем эффективнее его хозяйственная деятельность.

Таким образом, мы отмечаем целесообразность развития и использования промышленными предприятиями такого важного ресурса как корпоративная память.

Библиографический список

1. Данные Минпромторга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minpromtorg.gov.ru/stats/industry/04-2012/5.

2. *Новосадов С.А.* Факторы, влияющие на повышение уровня конкурентоспособности предприятий текстильной промышленности // Российское предпринимательство. – 2007. – № 6. – Вып. 1 (92). – С. 132–134.

3. *Ражева А.А., Пирогов К.М.* Корпоративная память как управленческий ресурс текстильного предприятия // Изв. вузов. Технология текстильной промышленности. – 2012. – № 6 (342). – С. 6–9.

ИСТОРИЯ

УДК 947

Биккулов Николай Андреевич
Московский городской педагогический университет
bikkulov@mssp.su

УСАДЬБА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЕЕ ИСТОРИИ

Статья представляет собой обзор литературы по описанию и изучению русских усадеб, автор старается зафиксировать тот момент, когда усадьба стала объектом и целью научного изучения, проследить этапы изучения русской усадьбы с конца XVIII до начала XXI века.

Ключевые слова: *усадьба, усадьбоведение, русское дворянство, помещичье землевладение, науковедение.*

В современной науке с начала 90-х гг. XX в. наблюдается возрастание интереса к феномену русской усадьбы. Сегодня разные составляющие усадебного комплекса изучаются не разными дисциплинами, каждая из которых имеет свою задачу, а одной наукой, которая получила название «усадьбоведение». В последние два десятилетия проводятся конференции, публикуются статьи о новых найденных усадьбах и новых источниках для изучения уже известных усадеб. С усилением экономической самостоятельности территорий активизировалась реставрация и реконструкция исторически и культурно значимых «дворянских гнезд», организация на их базе культурных центров и музеев, что потребовало активизации исторических исследований сохранившихся усадебных комплексов.

Современному этапу изучения усадеб предшествовал долгий путь становления «усадьбоведения» как ветви исторической науки. При этом можно различить два направления в исследовании усадьбы – эмпирическое описание, обусловленное прикладными задачами (практическим интересом), и собственно научное изучение. В определенные периоды изучения усадьбы эти направления либо сменяют друг друга во времени, либо сосуществуют. Цель данной статьи – рассмотреть различные публикации об усадьбах и зафиксировать тот момент, когда усадьба стала объектом и целью научного изучения, когда появились исследования, отвечающие критериям научности, а также проследить дальнейшую судьбу этой научной проблемы в исторических работах. В статье особое внимание будет уделено истории изучения костромских усадеб, поскольку региональное усадьбоведение обладает определенной спецификой.

Научное изучение предполагает осознанное вычленение объекта исследования, наличие специального научно-терминологического аппарата и рефлексию ученого, то есть осмысление себя как исследователя и своей деятельности как научной. Науковедческие работы дают следующий перечень критериев научности: «предметность», «проблемность», «обоснованность», «интерсубъективная проверяемость», «системность», «истинность», «фундаментальность», «универсальность метода», «социокультурная автономность» [7, с. 31, 35–36].

Эмпирическое описание усадеб начинается в XVIII в.: первые описания русских усадеб появляются в виде рекламных объявлений, приглашающих публику посетить усадьбу в связи с тем или иным событием (праздником, приездом кого-либо из членов царской семьи, театральным представлением и др.); подобные описания усадеб были инициированы их хозяевами [6]. К ранним публикациям, появившимся уже в конце XVIII в., относятся также практические руководства по устройству усадебных садов А.Т. Болотова, а позднее И.Е. Забелина и А. Регеля. Во второй половине XIX в., когда крупные усадьбы становятся постоянным местом отдыха городских обывателей, начинают появляться путеводители, одним из первых был «Путеводитель по окрестностям Москвы и указатель их достопримечательностей» М.П. Захарова (М., 1867).

Среди отдельных публикаций 60-х – 70-х гг. XIX в. выделяются труды С.М. Любецкого. Реформы второй половины XIX в. отразились на усадебном землевладении: многие усадьбы стали пустеть, разрушаться, переходить от одних владельцев к другим. С.М. Любецкий пишет о периоде расцвета усадебной жизни, о «золотом веке» русской усадьбы (конец XVIII – нач. XIX вв.). Ретроспективный взгляд С.М. Любецкого на русскую усадьбу – это взгляд любителя старины и публициста. В предисловии к своей книге об окрестностях Москвы он обращается к любителям старины и призывает бережно относиться к прошлому, обосновывая это тем, что в российской истории сравнительно мало памятников минувшего времени, и «тем заботливее мы должны сохранять их, как в материальном, так и в литературном отношении»[10, с. 1]. С.М. Любецкий дает достаточно подробное описание подмосковных усадеб, сел и дач, а также приводит исторические справки.

Сведения о русской усадьбе историк может почерпнуть из мемуарной литературы, в которой рассказывается об усадебной жизни (Д. Благово),

© Биккулов Н.А., 2013

а также из классической прозы (С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и др.) и поэзии (П.А. Вяземский, А.А. Фет, А.К. Толстой и др.). В русской литературе усадьба часто является по терминологии литературоведения «хронотопом», который ассоциируется с детством, свободой, близостью к природе, крестьянской жизни. Усадьба в качестве места действия литературного произведения накладывает отпечаток на действия персонажей и сюжет в целом.

Ценителем усадебного быта и путешественником по усадьбам был граф С.Д. Шереметьев. Он издал ряд брошюр об усадьбах, принадлежавших роду Шереметьевых, и о тех усадьбах, где он побывал: «Бобрики и Оленьково» (М., 1889), «Остафьево» (М., 1892), «Ульянка» (СПб., 1893), «Кусково» (М., 1898) и др. В брошюрах содержатся исторические сведения о быте, интерьере, архитектуре, садах и парках этих усадеб. Интерес вызывали усадьбы, в которых жили или бывали известные личности, например, статья М.Н. Лонганова «Посещение села Авдотьина-Тихвинского, принадлежавшего Н.И. Новикову» (Русский вестник, 1858, т. 18, №22).

В начале XX в. начинают издаваться журналы «Старые годы» и «Столица и усадьба». В журнале «Старые годы» (1907–1916), выходившего под редакцией известного историка искусства В.А. Верещагина и позже искусствоведа П.П. Вейнера, были опубликованы сведения более чем о 130 усадьбах. В 1905 году множество усадеб погибло в пожарах, и издатели журнала привлекали внимание читателей к катастрофическому процессу деградации и исчезновения усадебной культуры. Усадебной жизни был посвящен особый журнал «Столица и усадьба», издававшийся В.П. Крымовым. Этот журнал распространялся больше в аристократических кругах (его выписывала императрица Мария Федоровна). Инициаторами статей часто выступали сами владельцы усадеб.

Главная особенность публикаций XVIII – начала XX вв. состоит в позиции их авторов: С.М. Любецкий, С.Д. Шереметьев, авторы журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба» были по преимуществу помещики, которым свойственно любование усадебной культурой, стремление сохранить усадьбу, ее интерьеры, коллекции произведений искусства, парки и сады для будущих поколений. Современные историки науки считают, что для литературы об усадьбах до 1917 года характерны «общая описательность, фрагментарность в выборе предмета исследования и “ностальгическая” тенденциозность» [9, с. 6].

1917 год прекратил существование помещичьего землевладения, однако интерес к усадьбе не пропал, и публикации на эту тему продолжали выходить как бы «по инерции» (например: «Подмосковные». – М., 1922; «Древние подмосковные: Александрова слобода, Коломенское, Измайлово» А.И. Некрасова. – М., 1923). Для публикаций о русской усадьбе важным оказывается 1922 г.: в декабре 1922 г. молодыми искусствоведами, архитекторами и историками было создано Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ). Исследователи из ОИРУ первыми подошли к изучению усадьбы систематически: ввели в научный обиход термин «усадьбоведение», обосновали необходимость особой ветви «историко-художественной науки», занимающейся описанием и изучением усадеб. Они занялись составлением научной базы, необходимой для усадьбоведения: усадебной картотеки (алфавитной и топографической), карты усадеб, картотеки иконографии, указателя источников (архивных и литературных материалов: дневников, записок, воспоминаний, переписки, описаний усадеб), библиографического указателя. В программе ОИРУ, составленной председателем и вдохновителем общества В.В. Згурой, было сказано, что, «согласно характеру усадебного материала, работа Общества распадается на следующие рубрики: архитектура, сады и парки, теоретические вопросы, театр, история и быт, живопись и скульптура, прикладное искусство» [цит. по: 12, с. 19]. Данные рубрики были отражены в анкете, заполнявшейся для описания усадьбы членами общества или желающими помочь обществу. В программе был отражен и масштаб деятельности общества – охват усадеб по всей стране. Для этого были выделены округа с центрами в Москве, Петрограде, Казани и других городах. ОИРУ соединяло теоретическую и практическую деятельность по исследованию усадеб: описание и фотографирование усадеб, публикация брошюр об отдельных усадьбах или работ, посвященных сравнительному описанию нескольких усадеб. Общество устраивало экскурсии для всех желающих, где экскурсоводами были сами члены общества (архитекторы, историки, искусствоведы). Именно благодаря возникновению ОИРУ в начале 20-х гг. XX в. усадьба становится объектом научного изучения. Однако в 1930-м году деятельность общества была прекращена, а многие члены общества пострадали от репрессий [5].

Период советской историографии с 1930-х по 1980-е можно охарактеризовать как «затишье» в усадьбоведении. Историческое изучение усадеб существовало в рамках более широких социально-экономических тем. Исследованием усадеб в связи с другими научными задачами занимались такие ученые, как А.М. Анфимов [1], Ю.А. Тихонов [13], И.Д. Ковальченко [8] и многие другие. Советские историки отошли от «точечного» исследования конкретных усадеб и обратили внимание на общие исторические и экономические процессы, проявившиеся в судьбе усадебных комплексов; исследователи привлекали массовые статистические источники, осмысливали хозяйственную роль поме-

щичьих усадеб, выявляли основные направления в изменении частного землевладения, затронувшего разные слои общества. Редко появлялись статьи, посвященные отдельным усадьбам (например, статья В.А. Маркиной о поместье Чарторыйских на Правобережной Украине в «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы». – Киев, 1960).

В 1972 г. в Институте археологии РАН был создан отдел для реализации государственной программы по изданию «Свода памятников истории и культуры» по регионам СССР – Сектор сводов. Основной задачей этого отдела было каталогизирование объектов культурно-исторического наследия, фиксация фактов, связанных с каждым из рассматриваемых объектов.

В 1992 г. начинается новый этап изучения русской усадьбы. Он связан с возрождением Общества изучения русской усадьбы, вновь объединившим историков, искусствоведов, реставраторов, архитекторов и краеведов. Общество занимается научной деятельностью, публикует сборники научных работ. К 2012 г. было издано 17 выпусков. Возрожденное ОИРУ продолжает деятельность по систематизации усадебного наследия, исследование усадебных комплексов в историко-культурологическом аспекте.

С 1992 г. резко возросло количество кандидатских диссертаций на тему усадебного пространства и усадебного быта, при этом исследования касаются как конкретных усадеб, так и общих вопросов усадьбоведения. Авторами кандидатских были представители разных специальностей – историки, культурологи, архитекторы (Н.А. Белянкина, А.А. Гудков, М.М. Звягинцева, Т.В. Ковалева, Ю.М. Кузнецова, Г.И. Орлова, О.В. Румянцева, Е.В. Холодова, Н.Ю. Шевченко, Е.А. Ширканова). К этой проблематике примыкают работы, объектом которых является дачная жизнь населения больших городов (например, новейшая работа О.Ю. Малиновой-Тзиафеты «Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга». – СПб., 2013).

Особо стоит отметить интерес зарубежных ученых к теме русской усадьбы: в 1995 г. в США вышла книга Присциллы Рузвельт «Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории» (издана на русском языке в 2008 г.). Книга рассчитана на широкий круг читателей и не может быть признана строго научной, однако она основана на значительном архивном материале и мемуарных источниках, преимущественно зарубежных.

Серьезной научной работой по истории русских усадеб является книга «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX веков: Исторические очерки», созданная Институтом российской истории РАН в 2001 г. В этой коллективной монографии показана история сельской усадьбы в ее становлении и развитии, рассказано о судьбах усадеб после 1917 г. Ценным является статистический анализ динамики частного помещичьего и вотчинного землевладения с XVI по XX век, с точными подсчетами усадеб, не представленными ни в одной другой работе.

Таким образом, историю усадьбоведения можно разделить на донаучный этап (этап прикладного описания усадеб) и научный этап, который, в свою очередь, делится на три периода: 1920–1930 гг. (деятельность ОИРУ), 1930–1990 гг. (советский период централизованного изучения усадеб), 1992 г. – по настоящее время (возрождение ОИРУ и активизация регионального усадьбоведения).

Региональное усадьбоведение берет свое начало в 80-х гг. XIX в., когда после реформы 1861 г. прошло два десятилетия и стали очевидны экономические, политические и социальные процессы, порожденные этой реформой. Обратимся к костромским публикациям об усадьбах.

В Костроме научное изучение процессов, происходивших в усадебных хозяйствах, началось в конце 1880 гг.: в 1887 г. в «Материалах для статистики Костромской губернии» была опубликована статья Д. Жбанкова, который, будучи членом губернского статистического комитета, провел исследование помещичьих усадеб в Солигаличском уезде через 25 лет после крестьянской реформы. Эту статью можно считать первой попыткой научного исследования костромской усадьбы. Для анализа ситуации в Солигаличском уезде были использованы данные волостных правлений о количестве усадеб, земли у владельцев, уровне их достатка, а также опросы владельцев усадеб. К 1887 г. из 124 имений только в 69 сохранились усадьба и хозяйство. Д. Жбанков обнаружил следующую закономерность: чем меньше у помещика было земли, тем большее ее количество было распахано, так как владельцы малых имений обрабатывали землю самостоятельно и «кормились с нее». Благосостояние помещиков Солигаличского уезда опиралось в основном на отхожие крестьянские промыслы, и после освобождения крестьян, когда помещики лишились основного своего дохода, усадьбы стали быстро беднеть и пустеть. Д. Жбанков писал, что «остаются в уезде и ведут хозяйство только те, которые имеют главные доходы от службы и других занятий» [11, с. 2].

Описания отдельных костромских усадеб появляются и в начале XX в. в трудах Костромского научного общества изучения местного края, открытого в мае 1912 г. Одними из первых публикаций являются очерк Е.Ф. Дюбюка о вотчине Дурново [4] и статья В.А. Апушкина о возвращении дворян в усадьбы [2]. После 1917 г. костромские краеведы, чтобы спасти от дальнейшего разорения остатки дворянских коллекций, библиотек и архивов, начали обследование национализированных усадеб, иногда по просьбе бывших хозяев [3].

В связи с тем что краеведение стояло в стороне от официальной исторической науки, в советские

годы в Костроме продолжились исследования и описания усадеб, прежде всего связанных с литературными именами. Историческим описанием частной дворянской жизни занимались А.А. Григоров, В.Н. Бочков, Д.Ф. Белоруков. Краеведческие книги и статьи рассчитаны на массового читателя и не предполагают научного исследования, в них нет крупных обобщений, однако они всесторонне рассматривают такую важную проблему, как частная жизнь человека в рамках истории государства.

Последней на сегодняшний день книгой об усадебных комплексах рядом с Костромой является коллективная монография «Костромская усадьба» (2005), которая основана на материалах многолетней работы по выявлению и исследованию усадебных комплексов на территории Костромской и Ивановской областей. Книга представляет научный интерес, хотя и не является строго научной.

Подводя итоги, следует отметить, что становление усадьбы как объекта научного изучения связано с кризисными этапами в существовании самих помещичьих усадеб. Обращение к усадебному наследию происходит тогда, когда частновладельческие хозяйства начинают исчезать под действием социально-политических перемен в государстве. После отмены крепостного права наступает первый кризис дворянских усадеб, когда помещик, лишившись крепостного труда, вынужден перестраивать хозяйство на основе рыночных отношений, усадьбы пустеют, и их численность повсеместно сокращается, – это отмечают губернские статистики. После событий 1917 г., когда перестало существовать само помещичье землевладение, возникает потребность сохранить историческое наследие усадеб, и создается ОИРУ.

Современный этап изучения связан, во-первых, с возрождением в обществе интереса к усадебному пространству и к усадебному быту, во-вторых, с необходимостью научного обоснования проектов реставрации и реконструкции сохранившихся усадебных комплексов.

Если для губернских статистических комитетов и ОИРУ усадьбы были еще настоящим, то для современных исследователей усадьба уже далекое прошлое. В XIX веке усадьба изучалась статистиками, экономистами, затем искусствоведами, в XX веке – усадьба стала объектом для исследовательской деятельности историков. Сейчас наступил этап соединения усилий разных наук для изучения феномена русской усадьбы.

Библиографический список

1. *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство европейской России. – М., 1969.

2. *Апушкин В.А.* О дворянских гнездах // Труды КНОИМК. – Кострома, 1917. – Вып. 7 – С. 115–132.

3. *Войтюк (Йенсен) Т.В., Магницкий В.К.* Между двух огней // Костромская старина. – 1998. – № 10–11.

4. *Дюбюк Е.Ф.* Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые годы после нее // Труды КНОИМК. Исторический сборник. – Кострома, 1915. – Вып. 3. – С. 1–144.

5. *Злочевский Г.Д.* Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). – М., 2002.

6. *Злочевский Г.Д.* Русская усадьба: историко-библиографический обзор литературы (1792–1992). – М., 2003.

7. *Кезин А.В.* Научность: эталоны, идеалы, критерии. – М., 1985. – С. 31, 35–36.

8. *Ковальченко И.Д.* К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Киев, 1960.

9. *Кузнецова Ю.М.* Русская дворянская усадьба. Экономические, политические и социально-культурные аспекты: вт. п. XVIII – нач. XIX вв.: Дис. … канд. истор. наук. – Самара, 2005.

10. *Любецкий С.М.* Московские окрестности, ближния и дальния, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде, для выбора дач и гуляния. – М., 1877.

11. Материалы для статистики Костромской губернии (под ред. В. Пирогова). – Вып. 7. – Кострома, 1887.

12. Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. – М., 1998. – Выпуск 4 (20).

13. *Тихонов Ю.А.* Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. – М., 1975.

УДК 39; 94(470)

Кабатов Сергей Александрович
кандидат исторических наук
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Kabatov74@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье определяется качественное содержание динамики этнокультурного развития в среде сельского населения Костромского Поволжья золотоордынского времени, выявляются причины, механизмы и основные итоги становления процесса так называемого «троеверия».

Ключевые слова: *славянский и финно-угорский языческие пантеоны, христианство, восстановительный период, монастырская колонизация.*

В начале золотоордынского времени закладываются основные предпосылки будущей истории региона, ставшего одним из очагов формирования русской (великорусской) народности. С точки зрения археологии, обособленный массив костромских могильников и связанных с ними поселений предполагает наличие определенной «областной» территории, сложившейся еще в дозолотоордынское время. Эту территорию можно сопоставить с границами Костромского княжества, выделившегося в середине XIII в. Последующее расширение княжества шло преимущественно в северном направлении.

Письменные и археологические источники, свидетельствующие о наличие внутренней колонизации в Костромском Поволжье золотоордынского времени, вне всяких сомнений, имевших место в данном регионе, на настоящий момент известны [8, с. 42].

О начальном периоде нового этапа освоения Костромского края, его внутренней колонизации – продвижении древнерусских земледельцев с ранее освоенных участков земли на новые, свидетельствуют скопления погребений из нескольких групп или рассеянных вдоль берегов в бассейне рек Шача и Солоница, нижнего течения р. Костромы и ее притоков Мезы и Андобы. Судя по характеру захоронений, исследованных в этих группах (трупоположения в подкурганных ямах с однотипным, крайне бедным инвентарем, полным отсутствием элементов финно-угорской культуры), их появление относится к раннему этапу золотоордынского времени [17, с. 121–122]. Ряд письменных источников, по словам Е.А. Рябинина, выявляет продолжение и развитие этого процесса. С конца XIV в. лесные речки Заволжья покрываются десятками монастырей, а водный раздел Костромы и Сухоны, по образному выражению В.О. Ключевского, становится «русской заволжской Фиваидой» [12, с. 428]. В свою очередь, так называемая монастырская колонизация была тесным образом связана с крестьянской, являясь исторически документированным выражением более широкого политического процесса: «…Смиренные пустынножители в XIV–XV вв. шли на север, потому что сюда направлялся поток народного движения» [3, с. 395]. Об этом же свидетельствует начало крестьянского освоения северных притоков Волги еще в XIII в.

Продвижение русского населения на север и северо-восток было обусловлено еще одной очень важной причиной – военный фактор, в результате которого можно говорить о неком качественном изменении в этническом плане населения Костромского Поволжья. Так, если до XIII в. выделенный нами Костромской микрорегион является наиболее обжитым и многочисленным, то уже с середины XIII в. фиксируется полное падение численности поселений в целом по Костромскому Поволжью по сравнению с предыдущим временем. Однако уже к концу первого этапа золотоордынского времени в Костромском, Нёмдо-Унжинском и Чухломском микрорегионах соответственно количество вновь образующихся памятников составляет по одному поселению на каждый. Особняком выступает в XIII в. Вёксо-Тёбзинский микрорегион, где численность вновь образующихся сельских поселений равняется семи [11, с. 5–22].

Вне всяких сомнений, резкое падение численности памятников исследуемой разновидности в XIII в. является следствием монголо-татарских погромов [8, с. 34–38].

Некоторое увеличение общей численности сельских поселений на территории Костромского Поволжья в XIV в. [10, с. 39, рис. 4, 10, 13–15] по сравнению с предшествующим временем, как уже отмечалось, дало нам право назвать данный этап золотоордынского периода «восстановительным» [9, с. 89]. Подобное хорошо прослеживается на территории третьего (Костромского) микрорегиона.

С начала золотоордынского времени, в связи с оттоком населения края из южных районов в северные, а также в результате миграционных движений в этом же направлении из южных княжеств, на протяжении XIII–XV вв. наблюдается численный перевес вновь возникающих сельских поселений в северных микрорегионах края (Чухломской, Вёкса-Тёбзинский) на 33%. На протяжении всего золотоордынского периода, как и в предыдущий, прослеживается абсолютная привязанность сельских поселений к водной гидросистеме. Наиболее

 © Кабатов С.А., 2013

жизнедеятельный регион Костромского Поволжья XIII–XV вв. включает в себя две центральные группы скопления сельских поселений – Вёкса-Тёбзинскую и Костромскую, восстановление которых протекало периодическим переменным доминированием одного микрорегиона над другим [11, с. 5–22].

Выявленный нами в Костромском крае XIV в. восстановительный процесс, берущий начало в XIII в., совпадает с внутренней колонизацией, известной нам по письменным источникам. С конца XIV в. лесные речки Заволжья покрываются десятками монастырей, которые в свою очередь следуют за расселяющимися и осваивающими новые территории крестьянскими хозяйствами. Об этом же свидетельствует начало крестьянского освоения северных притоков Волги еще в XIII в. [17, с. 122] и динамика развития Вёкса-Тёбзинского микрорегиона в XIII в.

С.З. Чернов, рассматривая «монастырскую колонизацию», выделяет несколько типов сельских монастырей XIV–XV вв., являющихся форпостами в данном процессе.

Тип I – монастыри-пустыни, которые характеризуются наличием комплекса археологических объектов, присущих монастырю как таковому: храм, некрополь и культурные отложения, фиксирующие жилую и хозяйственную застройку. Площадь монастырей первого типа составляет 1 тыс. кв.м. или (в XV в.) – 5 тыс. кв.м. Топография и ландшафтная приуроченность монастыря-пустыни необычны для типичных сельских поселений. Он располагается в удалении от хозяйственно освоенных земель, в не приспособленных к землепользованию районах.

Тип II – монастырь с примыкающим к нему поселением. Фиксируется храм, некрополь, жилая и хозяйственные застройки. Последняя прослеживается не во всех случаях. Площадь таких монастырей достигает размеров 10 га. С учетом площади примыкающего к нему поселения, размеры монастыря возрастают до 18–20 га., что в 2–3 раза больше площади монастырей первого типа. В ряде случаев селища выделяются топографически, отражая не только застройку, но и подмонастырское поселение. Поселение здесь возникает ранее монастыря или почти одновременно с ним. Монастыри этого типа возникают в местности, пригодной для ведения сельского хозяйства. В первой половине – середине XIV в., по археологическим данным, в структуре расселения волости выявляется периферийное положение, то есть расположение в 2–3 км. от зоны активного сельскохозяйственного освоения, вдали от больших дорог и тяготение к верховьям рек, низовья которой к тому времени были уже освоены.

Выделение монастырей с селищами в качестве типа археологических памятников дает нам право говорить о существовании определенной традиции, характерной только для первой половины XIV – XV вв. Позже, в связи с активным освоением территории, структура расселения претерпевает изменения и отмеченная закономерность уже не прослеживается.

Тип III – монастыри, находящиеся в селе и являющиеся центром волости.

Как самостоятельные образования, обители I и II типов сходят с исторической арены уже во второй половине XV в., попадая под патронат более крупных монастырей. В первой половине XV в., в период своей самостоятельности, эти обители являются особножительными и обладают небольшими вотчинами, которые обеспечивали их хозяйственную устойчивость. Их вкладчиками являлись служилые люди удельных князей и местные вотчинники.

В качестве верховных сюзеренов выступали удельные и великие князья. Эти монастыри служили местом уединенной подвижной жизни, а также прибежищем старости, местом упокоения и поминания для жителей окрестных сел [20, с. 126–127].

Практика стихийного создания пустыней, многие их которых лишь по прошествии определенного времени санкционировались церковными властями, была широко распространена в Верхнем Поволжье Северо-Восточной Руси [9, с. 64].

На Стоглавом соборе (1551 г.) это явление было осуждено, и в 85 главе («о затворницах и пустынницах») все ставилось под контроль центральной церковной власти: «Такоже о затворницех и о пустынницех святаго шестаго собора правило …запрещают без чину скитающимся. Повелевают их в монастыри отсылати. И в затворы затворяти, ащели того не хотят. Да изжеденутся от градов. Да своему обещанию неругаются . И в пустынях да живут. От них же имя себе стяжавше. Нецыи же иноцыне могут терпети во общих монастырех монастырскаго учения и наказания. Ниже своего обета воспомянуша в постригании. Исходят и скитаются по градом и по селом. Нецыи же по селом заводят по селом и созидают церкви. И стужают царю и боголюбцом. И многим православным в соблазн и в смущение, и таковое их не о Бозе строение. Паче же и безчиние. И запустение святых церквей, и таковым подабает по священным правилом запрещати. И не попущати без чину скитатися. Ниже пустыни по селом поставляти. Самем неискусным сущи. Како могут иных духовне пользовати. Ащели же Божиим изволением. И по откровению святаго духа. Или царскою властию. От ныне и впредь. Пустыни да созидаются. И святыя церкви да поставляются по благославлению своего епископа в коейждо области.

По соборному уложению мелкие пустыни сносити в одну пустыню. В которой чин по Бозе совершается, и впредь бы им мочно препитатися. Или в старые монастыри в общие преместить их как им

мочно жити. А на соблазн миру не скиталися бы, а те церкви пустынные преносити в монастыри же. Или на погосты. И устроити. Как вместимо службе быти. Или пределы из тех церквей учинити по разсуждению» [19, с. 249].

Однако обычаи создания несанкционированного церковными властями пустынножительства, в измененном виде, продолжает существовать и позднее как элемент традиционной культуры сельского населения XIV–XV вв. [9, с. 141]. При «келейничестве», если сын или дочь не вступили в брак, выражая желание отойти от мирской жизни и жить отдельно от семьи, родственники (благотворитель, община) возводили им келью. Намерение стать келейником или келейницей обыкновенно встречало благожелательное отношение у жителей селения, поскольку для последних тем самым являлась возможность более глубокого приобщения к церковной жизни [4, с. 52].

Обычай келейничества может рассматриваться в качестве завершающей стадии той эволюции, которую прошло пустынножительство как элемент православной культуры сельского населения [9, с. 142]. Во второй половине XIV – XV вв., получив санкцию церковных властей, оно способствовало расцвету монастырского движения. Утратив эту санкцию в более позднее время, в XVIII–XIX вв., пустынножительство замыкается в рамках отдельного селения или сельской общины [20, с. 127–128].

Однако все возрастающая роль церкви и христианской идеологии в Костромском Поволжье золотоордынского периода не являлась абсолютной [9, с. 141]. «...Если религиозное сознание русского крестьянства, обычно, связывают с двоеверием (язычество + христианство), то религиозное сознание русского крестьянства Поволжья можно назвать «троеверием»». В.О. Ключевский отмечал: «...К христианству прививалось вместе с язычеством русским еще и язычество чудское» [12, с. 283].

Духовная культура Костромского Поволжья золотоордынского времени являет собой сложносоставное сочетание двух форм верования – христианство и язычество, причем последнее представлено финно-угорским и славянским. Параллельно с этим культура впитывает в себя традиции и обычаи двух взаимодействующих народностей, о чем свидетельствует как археологический, так и этнографический материал.

Сравнительный анализ двух богов славянского и финно-язычного пантеонов – Велеса и Керемета, отголоски представлений о которых дошли и до наших дней, правда, в трансформированном и видоизмененном виде, на основе фольклорных данных, разработан Т.А. Золотовой и О.В. Даниловым [6, с. 7–34].

Керемет, следуя объяснению авторов, – одно из основных божеств языческого пантеона, связанное с «низом»: землей (земным плодородием), водой, культом умерших.

Аналогичное положение в славянском языческом пантеоне занимает Велес (Волос). Связь с сельскохозяйственными культурами последнего прослеживается в восточнославянском обычае оставлять в дар божеству несжатым несколько стеблей хлебных злаков, называющихся «волосовой бородкой» [9, с. 139]: «Когда выжнуться, оставляют на поле небольшой кусочек колосков и говорят одной жнее: Ты верти бородку Волосу...». Прослеживаются также и параллели между Велесом и особым божеством с родственными именами, относящимся к царству мертвых в балтийской мифологии. Данные параллели могут быть объяснены «древними общеиндоевропейскими представлениями о загробном мире как пастбище» [6, с. 21].

В христианскую эпоху Велес был заменен христианскими покровителями скота Власием, Николаем, Юрием. Сам процесс замещения чрезвычайно любопытен. В исследовании В.В. Иванова и В.Н. Топорова приводится уникальный восточнославянский текст. Это знаменитое «Сказание о построении града Ярославля» (опубликованное в 1877 г.). Конец произведения, по мнению исследователей, в ясной форме выражает связь новой церкви св. Власия и старого места поклонения Волосу. «Но по некоим времени, егда восприя сии человеци христианскую веру, ненавистник всякого добра диавол, не хотя зрети веры сия в людях, чини им мнозии страхования на месте, идеже некогда стоящи Волос: ту и сопели, и гусли, и пение многажды раздавашеся и плясание некое видимо бываше, скотие же, егда на месте сем хождаху, необычно худьбе и недугу предовашеся. И сем человеца сии велие скорбя, поведа пресвитеру бывающая, и молвиша, яко вся сия напость, бысть гнев Волоса, яко всей притворися в злаго духа. Да он сокрушит людии, скотие их, како сокрушиша его Кереметь. Пресвитер же уразуме ту прелесть диавола, ако сим злокозненным омрачением и страхом и недугом скотия сей исконный враг токмо хоцет погубити людии христовы. И пресвитер не мало поучи народ, а последни совет сотвори. Да просят сии человецы князя и епископа на месте, иде же тоя Кереметь, построить тут храм во имя святого Власия, епископа Севастийского, яко сей угодник Божий вельми силен своим ходотайством к Богу разорити наветы диавола и сохранение скотие людей христианских. И такото людии сии моли князя, да повелит построить Храм, а князь моли епископа дать благословление построить церковь древяну во имя священномученника Власия. И, о велие чудо! Егда освяти храм, и бес переста страхование творити и на пожити сокрушати, и за сие зримое чудо люди восхволяша Бога, тако благодеющего благодариша его угодника св. Власия чудотворца» [7, с. 197–215].

Для нас чрезвычайно важно, что в «Сказании» отождествлены Волос и Кереметь («...яко вся сия напасть, бысть гнев Волоса, яко всей притворися в злаго духа. Да он сокрушит людии, скотии их, како сокрушиша его и Кереметь»), которые уподоблены исконному врагу людей христовых – бесу [6, с. 22–23].

«Обмен» языческими воззрениями и богами между финно-угорским этносом и этносом их западных соседей начался довольно рано. Есть сведения, что Ростовская меря поклонялась славянскому «скотьему богу» Велесу уже во второй половине XI в. [6, с. 24].

В.О. Ключевский, пытаясь выявить закономерности в процессе усвоения христианской религии финскими племенами, считал, что «христианство, как его воспринимала от Руси чудь, не вырывало с корнем чудских языческих поверий: народные христианские верования, не вытесняя языческие, строились над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившихся на языческую основу». Общей особенностью верований населения Поволжья является восприятие религий не как противоположностей, а как «восполняющих друг друга частей одной и той же веры, относящихся к двум мирам, одна – к миру горнему, небесному, другая – к преисподней, к бездне» [12, с. 89].

Результатом становления процессов так называемого троеверия явилось отождествление Волоса и Керемета и приобретение ими функций «носителей зла» – бесов (в быту – чертей). В этом новой для них функции они выступают в Поволжском фольклорном жанре (былички).

Вообще, в русском фольклоре известно до 44 сюжетов о черте. Он фигурирует в разделе о змеях (7 сюжетов) и проклятиях (9 сюжетов) [1, с. 101–182], тем самым как бы обнаруживается его древняя природа (связь с Велесом).

Так, в основном славянском мифе «О боге-громовержце» Перун преследует своего змеевидного противника Велеса, поражает его огненными стрелами, и при этом выпадает дождь, приносящий плодородие. В «Указателе» С.Г. Айвазяном под №7 помещен сюжет: «Чёрта (змея) убивает грозой. Пока его не закопаешь, льет дождь» [6, с. 25]. В Новгородской губернии широко бытовали легенды о том, что «во время грозы Бог пускает стрелы в чертей, чем и объясняется распространенное поверье, что столб пыли, поднимаемый ветром, и есть сам чёрт» [16, с. 137]. Любопытная быличка, демонстрирующая связь чёрта с его архаическим прототипом Велесом (змеем), помещена в исследовании О.В. Померанцевой: «...Покойна же старушка Акулина всю жизнь, от замужества до смерти, имела беса и говорила, кто ее испортил: “В квасу дали, родимый, так и услышала, как по животу пошло что-то, а перекреститься-то, как стала пить, не перекрестилась. Вот ен супостат и вошел в нутро, как возьмет меня, так и не помню ничего”. Дочь этой старушки рассказывала: “Как стала матушка кончаться, раздуло живот незнамо, как глаза выкатились – стали большие, большие. Поднялась у нее рвота черная, черная, и выблевала она червяка черного, лохматого…”» [16, с. 139].

О былой значимости данного персонажа свидетельствуют и дуалистические легенды. Детальный анализ их предложен в монографии О.В. Померанцевой. Исследовательница отмечает, что при всем разнообразии этих рассказов <...> они, в сущности, едины по своей основе и в своих тенденциях. Они есть христианские мифы, повествующие со всей серьезностью о чем-то высшем, о знании, ничего общего с повседневным бытом не имеющим [16, с. 139]. К наиболее популярным сюжетам можно отнести следующие: о низвержении ангелов, о состязании между Богом и чёртом в создании мира и человека, о гневе Бога, о том, что чёрт появился из плевка Бога или был самолично сброшен им с неба, или изгнан при помощи архангелов Михаила и других [6, с. 26].

К характерным чертам быличек о чёрте можно отнести:

– отношение к чёрту «как к общему названию всей злой силы, которая часто обобщенно называется “нечистью”»;

– восприятие чёрта как носителя зла, никогда не берущего на себя функции «благодельного» персонажа;

– наличие разницы между библейским диаволом и «бытовым» чёртом;

– запрет на упоминание имени чёрта [16, с. 120].

В фольклоре русских и марийцев Поволжья также встречаются такого рода сюжеты, однако ни в одном из поволжских текстов не фигурируют, хотя бы в фантастически преобразованном виде, имена Керемета и Велеса. Но о том, что подобное явление могло иметь место, свидетельствует костромское диалектное название лешего, чёрта, нечистого «ёлсом» [7, с. 27]. В быту же и по сей день русские часто упоминают Керметая (в русском произношении Керемета). Если человек чем-либо напуган, он вспоминает, наравне с чёртом, и керемета («У, чёрт! У, керемет!»). Этим именем называют и человека, если с ним связано неприятное событие или ощущение [6, с. 27].

В системе языческих верований финских и славянских этносов имелись сходные по функциям и атрибутивным признакам божества. К ним относятся Керемет и Велес. Они являются одними из главных божеств марийского и восточнославянского пантеонов. Керемет и Велес связаны с «низом» (землей, культом умерших) и являются покровителями, защитниками соответствующих народов.

С течением времени происходит вытеснение языческих богов сходными по функциям и атрибутике христианскими святыми. Так, на место Велеса, как уже было сказано, приходят святые Власий,

Василий, Николай, Юрий [8, с. 147]. Сложнее этот процесс происходит на территории совместного проживания этносов, отличающихся по типу культуры, уровню религиозного мышления и другим факторам (Поволжье – место встречи финских и славянских племен). Победившее христианство вытесняет языческих кумиров, но не совсем, а поделив с ними сферы влияния. Отсюда отождествление Керемета и Велеса, а также наделение их новыми функциями носителей зла, опасного для человека демонического начала. Сначала данный процесс дает себя знать в поучениях различного рода против язычества отцов христианской церкви и христианских проповедников, а затем обнаруживается и в религиозном сознании марийского и русского народов. Об этом свидетельствуют фольклорные источники и материалы. Так, некоторые из архаических черт Велеса можно усмотреть, повторим, в облике чёрта из русских быличек (змеевидная природа, боязнь грозы, наличие черных волос или шерсти) [6, с. 32].

Территориальный охват данного исследования включает в себя регионы Верхнего и Среднего Поволжья, а хронологические рамки исследуемого периода простираются примерно со второй половины I тыс. н.э. до наших дней. Это превышает объемы изучаемого нами временного отрезка и территориальные границы Костромского Поволжья. Однако факт наличия сведений и конкретных исследований интересуемого региона дает нам право отнести данный сравнительный анализ Т.А. Золотовой и О.В. Данилова и к Костромскому Поволжью.

Массовая христианизация субстратного сельского населения Костромского Поволжья, на начальном этапе своего существования, соотносится с нижней хронологической отметкой интересуемого нас времени. И именно на это время, то есть, ориентировочно, на XIII–XIV вв., приходится начало процесса замещения одних божеств другими. Неверным будет предположение, что этот процесс протекал равномерно по всему Костромскому Поволжью с одинаковыми результатами. В источниках этого времени содержатся сведения о северных волостях и станах, имевших не заимствованные от названий рек, озер и урочищ нерусские названия. Таковы Ликурга, Иледам, Шухомаш, Шачебал. Сюда же следует причислять Мерский стан, располагавшийся между нижним течением р. Костромы и Волгой. «Эти волости с самостоятельными инородческими именами ведут свое происхождение от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими переселенцами и, с течением времени, обрусели» [15, с. 12]. В некоторых районах, особенно в лесном Заволжье, еще несколько столетий спустя после их включения в состав русских территорий продолжала звучать финноязычная речь. Согласно историческим свидетельствам, обитатели Чудской волости, расположенной к северу от Галича, в XIV в. говорили «по-чудски»; враждовавшие между собой удельные Галицкие князья нанимали в помощь «чудь и луговую черемису» [18, с. 54–55]. Можно сопоставить такие костромские волости с глухими уголками Пошехонья (бассейн р. Шексны, Ярославская обл.), где австрийский посол и путешественник Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. застал славянизированное финское население, еще сохранявшее собственный нерусский язык [2, с. 108].

Со временем обитатели этих остаточных островков полностью обрусели. Нужно заметить, что если в антропологическом типе костромичей курганной эпохи финно-угорские признаки достаточно отчетливы, то у населению XIII–XVII вв. такие черты выражаются крайне слабо. Это следствие дополнительных славянских миграций, развернувшихся с середины XIII в. Возросшая роль христианства прежде всего отображается в исчезновении курганных захоронений и выходе из употребления зооморфных украшений. Однако финно-угорские представления, переплетаясь со славянским язычеством в остаточной форме и христианскими канонами, все же доживают буквально до XIX в., и эти следы успевают зафиксировать этнографические источники. Так, А.А. Коринфский сообщает нам о гульбище «Кострома» [13, с. 275], а М. Забылин – о том, что «в Костромской губернии … по преданию, на поклонной горе близ Галича и села Туровского также поклонялись Мерянскому Яриле» [5, с. 82].

С конца XIII века приобретает довольно весомую роль христианство, особенно сильно развернувшее миссионерскую деятельность в Костромской земле к XIV в. Последнее, в основном, было обусловлено оттоком сельского населения из южнорусских земель в северном и северо-восточном направлении в результате монголо-татарских погромов. А за рядовым населением в этот край устремляется и церковь как государственный институт [9, с. 149].

Духовная культура Костромского Поволжья в период развитого и позднего средневековья и, более того, – вплоть до XIX в., являла собой сложную, неоднородную по составу, как в идеологическом, так и в этническом плане, систему троеверия с читающимися началами финно-угорского и славянского язычества.

Библиографический список

1. *Айвазян С.* Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – С. 162–182.

2. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.

3. *Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля в XV веке. – М.; Л., 1961. –399 с.

4. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – 446 с., ил.

5. *Забылин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным / Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – М., 1992. – 607 с.

6. *Золотова Т.А., Данилов О.В.* Очерки традиционной культуры народов Поволжья. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1996. – 100 с.

7. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1975. – 251 с.

8. *Кабатов С.А.* Микрорегионы Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Российская провинция как социокультурный феномен. – Кострома, 2000. – С. 34–38.

9. *Кабатов С.А.* Duchovna kultura obyvatelstva stredovekey dediny na Kostromskom posrediy // Acta Historrica Posoniensia I. Studie z dejin banictva a banskeho podnikania. Zbornik k zivotnemu jubileu M. Skladaneho. Filozofickej fakulty Univerzity Komenskeho. – Bratislava, 2001. – С. 137–149.

10. *Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): Дис. … канд. истор. наук. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. – 329 с.

11. *Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (итоги исследований по археологическим данным) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2005. – №. – С. 5–22.

12. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 1. – М., 1950. – 322 с.

13. *Коринфский А.А.* Народная Русь. – Смоленск: «Русич», 1995. – 656 с.

14. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. – 349 с.

15. *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. – Л., 1929.

16. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1971. – 183 с.

17. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. –318 с.

18. *Самарянов В.А.* Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Труды Московского Археологического общества / под ред. В.Е. Румянцева. – М., 1875. – Т. VI.

19. Стоглав. – СПб.: издание Д.Е. Кожанчикова в типографии Императорской Академии наук, 1863. – 313 с.

20. *Чернов С.З.* Сельские монастыри XIV–XV вв. на северо-востоке Московского княжества по археологическим данным // РА. – 1996. – №2. – С. 111–131.

УДК 739.2(470.317)

Камыгина Галина Антоновна
Костромской государственный технологический университет
gkamygina@mail.ru

НАРАЩИВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 60-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОСЕЛЬСКОЙ ЮВЕЛИРНОЙ ФАБРИКИ)

В статье рассмотрены конкретные примеры совершенствования оборудования в художественной промышленности СССР в 50-е – 60-е годы XX века.

Ключевые слова: *декоративно-прикладное искусство, русские художественные промыслы, скань, оборудование, производственные мощности.*

В настоящее время процессы глобализации современной экономики затронули каждого. Стандартизация внешнего облика человека (одежды, предметов быта) заставляют искать пути выражения личной индивидуальности. В решении этой проблемы мы обращаемся к опыту недалекого прошлого, когда изделия декоративно-прикладного искусства, в частности продукция народных художественных промыслов, наполняла быт населения Советской России эстетическим началом.

Рассматривая проблемы русских художественных промыслов, народного декоративного искусства, авторы обычно обращают внимание на вопросы, связанные с художественным решением, образностью, эстетическими качествами изделий. Довольно подробно рассматриваются искусствоведческие аспекты, творчество наиболее выдающихся мастеров и художников [1; 4; 5]. Изучение материальной базы, технологического обеспечения производства художественной продукции и их влияния на эстетические качества вещей мало изучены исследователями декоративно-прикладного искусства.

На рубеже 50-х – 60-х гг. XX в. в СССР начался период быстрого массового строительства жилья. Вводились в строй типовые малогабаритные квар-

© Камыгина Г.А., 2013

тиры, так необходимые для населения страны. В то же время остро возникала необходимость и в росте производства бытовой художественной продукции – посуды, домашнего текстиля, предметов украшения интерьера. Никогда еще проблемы, связанные с проектированием жилого интерьера, не решались в Советской России с таким размахом.

В 60-е гг. XX в. художники, работавшие на предприятиях декоративно-прикладного искусства, создали много образцов продукции для массового потребления. Но они не всегда могли быть освоены промышленностью, поскольку не хватало соответствующего оборудования и производственных мощностей [4, с. 18]. Необходимо было расширять и модернизировать производственную базу. Весьма актуальной была и нехватка квалифицированных кадров, поскольку страна еще не восстановилась после кровопролитной Великой Отечественной войны. За решение этих задач активно взялись предприятия художественных промыслов, включенные в систему государственной промышленности с 1960 года.

В этот период был принят ряд правительственных постановлений по развитию ювелирной промышленности и, в частности, по развитию старинного ювелирного промысла с. Красное-на-Волге Костромской области, обеспечивавшего жителей страны сравнительно дешевыми ювелирными изделиями: «О мерах по развитию ювелирной промышленности»; «О мерах по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов РСФСР» [6].

В этих постановлениях ставились задачи увеличения выпуска художественной продукции, намечалось создание прочной материально-технической базы, улучшение работы оборудования и обновление ассортимента, улучшение качества изделий. Особенно знамениты и востребованы в тот период были украшения из скани (филиграни): ажурные, легкие изделия, выполняемые из скрученной проволоки.

В 1959–60 гг. несколько ювелирных артелей, существовавших в селе Красном, объединились в единое предприятие, названное Красносельской ювелирной фабрикой. В это время на предприятии проходила активная реконструкция и модернизация производственных мощностей [3].

Технология выполнения ювелирных украшений из скани довольно трудоемка. Некоторые операции, например набор узора из коротких кусков проволоки, издавна выполняются вручную. Именно это ручное изготовление создает уникальность филигранных предметов. Но оригинальные, редкие приемы исполнения тормозили количественный рост выпуска изделий.

Наиболее трудоемкими процессами в производстве сканных изделий были операции заготовительного цикла, обеспечивавшие предприятие проволокой и мелкими деталями. Вплоть до 60-х гг. эти операции, требующие длительного времени и усидчивости, выполнялись вручную, специализированное оборудование для производства филиграни в СССР не производилось. По воспоминаниям заготовщика скани П.Ф. Поливина и технолога экспериментального цеха И.Н. Рассадиной [2], техническое оснащение трудоемких операций происходило благодаря талантливым мастерам-самоучкам.

Рис. 1. Поливин П.Ф. рядом со станком на механизированном участке для производства скани. Фото из личного архива автора

В.Ф. Лакеев и Ю.И. Халеев создавали оборудование, необходимое именно для специфического филигранного производства, на базе стандартных станков (сверлильного, токарного и других), что позволило значительно увеличить выпуск ювелирных изделий из скани (рис. 1). Мастера создали и деревянные приспособления для заготовки крупных деталей, позволявшие быстро создать большое количество одинаковых по размеру фрагментов узора, так называемую механическую скань (рис. 2).

В 60-е годы уже существовал механизированный участок заготовки скани [8], в составе которого находились следующие станки: для подготовки проволоки разных диаметров; для скручивания

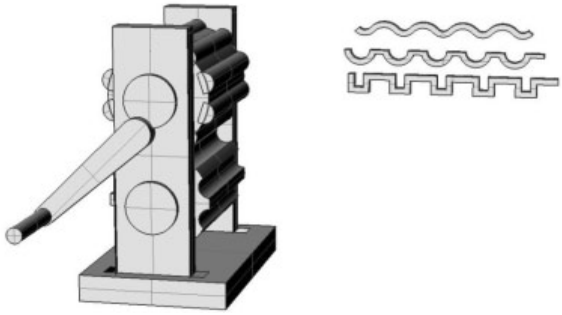


Рис. 2. Приспособление для заготовки механической скани

Рис. 3. Серийное изделие из филиграни производства Красносельской ювелирной фабрики (подстаканник)

и сплющивание скани; для изготовления зерни (металлических шариков) разных размеров.

Подобные фрагменты использовались тогда, когда необходимо набрать рисунок изделий, выполнявшихся в массовом порядке. Чаще всего подобные детали были востребованы для производства крупных изделий: подстаканников, портсигаров или винных наборов (рис. 3).

Данная продукция была чрезвычайно востребована потребителями. Применение унифицированных деталей, использование элементов стандартного изготовления соответствовало требованиям простоты и экономичности, предъявляемой к предметам массового спроса того времени.

Таким образом, во второй половине XX в. ручное производство продукции красносельского ювелирного промысла уступает место фабричному производство благодаря механизации отдельных, наиболее трудоемких процессов.

Библиографический список

1. *Бузин А.И.* Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: Изд-во КГПИ, 1997. – 260 с.

2. Воспоминания П.Ф. Поливина, записаны автором в 2010 г; воспоминания И.Н. Расссадиной, записаны автором в 2010–2011 гг.

3. Историческая справка о развитии Красносельского производственного объединения «Ювелирпром» / сост. А.А. Лобанов. – Красное-на-Волге: б.и., 2009.

4. *Некрасова М.А.* Народное искусство как часть культуры. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 343 с.

5. *Попова О.С.* Народные художественные промыслы / О.С. Попова, Н.С. Королева, Д.А. Чирков. – М.: Лег. и пищ. пром-сть, 1984. – 192 с.

6. Постановление Совета Министров СССР от 5 августа 1966 г. // Собрание Постановлений Совета Министров СССР. – 1966. – №15. – Ст. 73; Постановление Совета Министров СССР от 18 ноября 1966 г. // Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 1. – С. 362.

7. *Сорокин В.* По пути механизации // Красное Приволжье. – 1972. – 11 ноября.

УДК 94(47).084.3

Лобанов Владимир Борисович
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова
lobanov19772009@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: БОРЬБА ЗА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНЦЕ 1917 – ЛЕТОМ 1918 ГОДОВ

Статья посвящена участию Ставропольской губернии в Гражданской войне на начальном ее этапе. Показан мирный переход власти в губернии в руки Советов, отражение первого и второго Кубанских походов белогвардейской Добровольческой армии весной и летом 1918 г., зарождение и начало партизанского казачьего движения на стыке Кубани, Терека и Ставрополья во главе с А.Г. Шкуро.

Ключевые слова: *Гражданская война, Ставрополье, Северный Кавказ, Деникин, Шкуро.*

Весь Северный Кавказ был и остается клубком политических, социальных, национальных противоречий. Не составляла исключения и Ставропольская губерния, которая имела свои особенности развития. В качестве главной ее особенности стоит отметить ее аграрную направленность. Как писал советский исследователь Гражданской войны в губернии Н. Иванько в монографии «За власть Советов», здесь на 1917 г. было всего 2 города – губернский центр Ставрополь и Святой Крест (современный Буденновск), на каждые 100 жителей приходилось 95 крестьян [1]. Здесь, как нигде, отразился крестьянский характер России начала XX в. Это, в свою очередь, обусловило свои нюансы развития борьбы в крае, где, как писали советские историки, была сильна мелкобуржуазная стихия. Кроме социальных, существовали и национальные противоречия, которые, правда, в наименьшей степени влияли на противостояние в крае: кроме русских, здесь на севере проживали калмыки, а на востоке – ногайцы и туркмены. Что касается русского населения, то и оно делилось на «тавричан», выходцев из Таврической губернии, владевших значительными

© Лобанов В.Б., 2013

земельными участками и скотом [2], и остальное крестьянство. Однако крестьяне южных губерний были намного богаче крестьян центральных губерний в силу благоприятных климатических условий: и середняки, и бедняки здесь походили скорее на кулаков и середняков севера России. Из всего вышесказанного следует естественный вывод о том, что крестьянский характер губернии и большая прослойка зажиточных сельских хозяев привели к тому, что большинство голосов на выборах в Учредительное собрание было отдано эсерам. Правда, такая картина была показательна для сельской местности, в Ставрополе же большевики, как и во многих губернских городах страны, набрали подавляющее большинство голосов. Это была еще одна особенность Гражданской войны в крае, наиболее распространенная в ходе войны по всей России, – противостояние большевизированных городов и эсеровских губерний. Неслучайным являлось и то, что советская власть здесь установилась только в январе 1918 г., хотя до этого никаких эксцессов борьбы не наблюдалось. Власть совершенно мирно перешла в руки большевиков, не в последнюю очередь при помощи прибывших с Кавказского фронта частей. Вообще, роль старых воинских частей в установлении советской власти в начале Гражданской войны в регионе была ее характерной чертой, получившей наиболее широкое распространение на неказачьих территориях.

Все же губернии пришлось постепенно втянуться в Гражданскую войну: в феврале 1918 г. двигавшаяся на Екатеринодар Добровольческая армия разгромила с. Лежанка Медвеженского уезда [3]. Крестьянский сход принял решение пропустить добровольцев, и только вмешательство частей бывшей 39-ой пехотной дивизии привело к кровопролитию. Был образован медвеженский боевой участок против белых. Дисциплина в этих войсках была низкой, боеспособностью они не отличались. Г. Ладоха прямо писал об этом в своей книге, отмечая, что бойцы ставропольской самообороны на ночь уходили в ближайшие села. Самым главным недочетом он считал то, что «против реальной силы, которая из себя представляла добровольческая армия, со стороны советского командования не было выдвинуто своевременно достаточно надежных частей» [4]. С Г. Ладохой по поводу этого вопроса можно не согласиться. Перед объективным исследователем встает закономерный вопрос: а откуда было взять надежные красные части, да еще в достаточном количестве? Разумеется, следует рассматривать только местные силы, так как Ставропольская губерния в период до начала 2-го Кубанского похода считалась тыловым районом и не могла рассчитывать на помощь из центра. А местные силы нельзя было рассматривать в качестве боеспособной силы. Солдаты старой армии, очевидно, не горели желанием снова брать в руки оружие, из местных же крестьян был создан только один боевой участок на северо-западе губернии, да и тот, как показали дальнейшие события, не устоял против такой силы, как белая армия. В этом смысле упреки Г. Ладохи беспочвенны, так как никакой реальной силы, способной противостоять белым, на тот момент в губернии просто не существовало. Видимо, неслучайным поэтому был тот факт, что накануне второго наступления добровольцев на Кубань, по словам Деникина, шли переговоры белого командования с медвеженским военным руководством о «сохранении нейтралитета» и беспрепятственном пропуске белых через территорию губернии [5]. Естественно, такие переговоры не были санкционированы ставропольским губернским руководством, шли негласно, не афишировались, видимо, и в среде белогвардейцев. Но сами по себе эти переговоры показательны: они показали неуверенность обеих сторон в своих силах накануне решающих сражений. Вследствие этого вполне очевидно, что этот факт не предавался огласке и позже, в трудах как эмигрантов, так и советских историков. Все же главной причиной замалчивания переговоров, прежде всего в эмигрантской литературе, автор считает то, что они зашли в тупик и в конце концов были прерваны. По всей вероятности стороны предъявили друг другу невыполнимые условия. О проводившихся переговорах косвенно упоминается в монографии Ф. Емельянова и Ф. Головенченко, где авторы писали о том, что прибывшие 19 мая 1918 г. советские парламентеры, сообщив о стоявших с «железной дисциплиной» белых частях в Мечетинской и Егорлыкской, привезли ультиматум белого командования – сдать оружие и упразднить советскую власть [6]. Вполне вероятно, что это был пропагандистский, запугивающий шаг, не основанный на реальных возможностях. Следует напомнить, что белые войска после Ледяного похода переживали моральный кризис, а отряд М.Г. Дроздовского все еще находился в Новочеркасске. Тем не менее советское руководство приняло срочные меры по укреплению медвеженского фронта: планировало послать туда до 2 тыс. бойцов от уездов губернии. В.Т. Сухоруков в своем исследовании привел численность ставропольской самообороны накануне 2-го Кубанского похода – 7 тыс. человек [7]. Назначенный ставропольским губернским военным комиссаром бывший прапорщик Я.Петров после поездки по фронту предпринял ряд мер по стабилизации военного положения. А оно было поистине критическим – фронт даже не имел военного руководителя. Я. Петровым был назначен Н. Веревкин командующим Медвеженским участком, начальником полевого штаба стал Васильев. Военно-полевой штаб находился в Торговой. Очевидно, что с такими силами и таким руководством нельзя было всерьез думать об оказании достойного сопротивления белогвардейцам.

Как и в феврале 1918 г., направление белого наступления прошло через Медвеженский уезд губернии. Станица Торговая, где располагался полевой штаб участка, была взята уже 12(25) июня, в 20-х числах месяца по ст.ст. разгорелись кровопролитные бои в районе Песчанокопское – Белая Глина. А.И. Деникин называл эти села очагом большевизма, видимо ввиду близости к казачьим Дону и Кубани и проходившей здесь железной дороги, имевшей большое значение в деле пропаганды новых идей. Вместе с этим в качестве причины сопротивления крестьян в Песчанокопской называлась боязнь мести, так как часть раненых белых, оставленных в селе в ходе Ледяного похода, по приговору схода была расстреляна. 21 июня по ст.ст. дома виновных в этом были сожжены. В бою же за Белую Глину, по словам того же А.И. Деникина, крестьяне защищали якобы свое село, а не советскую власть. Это утверждение белого командующего достаточно спорно. Ситуация здесь напоминает ту, которая сложилась в Черноморской губернии накануне прихода туда белых. Находясь на границе казачьих областей, эти села Ставропольской губернии располагали достаточной информацией о том, какую политику в отношении иногородних проводило казачье руководство. Естественно, возникало предположение, что белые, в чьих рядах было значительное число казаков, будут проводить подобную политику и на Ставрополье. И в какой-то степени их ожидания оправдались. Участие ставропольских сел в антидобровольческой борьбе не прошло для них даром. Как упоминал А.И. Деникин, здесь было впервые применено наложение контрибуции за участие в вооруженной борьбе против белых. Контрибуция налагалась в соответствии с «виной» и количеством населения: в Шаблиевке и Екатериновке всего 50 тыс. рублей, а в Белой Глине, где белые понесли ощутимые потери, особенно 3-я пехотная дивизия полковника М.Г. Дроздовского [8], – 2,5 млн. рублей. Из этого факта следует, что белые действовали как каратели, воюющие на чужой территории. Это затем скажется на настроениях местного крестьянства, начавшего, как и в Черноморской губернии, партизанскую борьбу. И здесь скажется отсутствие гибкой политики в отношении решения аграрного вопроса, являвшегося основным в ходе всей Гражданской войны. Однако не следует однозначно оценивать настроения, царившие в занятых белыми районах. Следует отметить тот факт, что, по словам А.И. Деникина, некоторые села сами, без мобилизации, присылали в белую армию пополнения, чего, например, не наблюдалось в той же Черноморской губернии. Это было наиболее характерным отличием отношения населения этих губерний к белой власти. Этому способствовало объективное обстоятельство: Черноморье в силу ряда особенностей своего географического положения было намного беднее Ставрополья, чем и можно объяснить ярко выраженные симпатии части населения последней к белым.

Накануне Тихорецкой операции 2-я пехотная дивизия А.А. Боровского и броневик «Верный» были направлены в глубь Медвеженского уезда, в район Медвежье – Привольное, для разгрома угрожавших правому флангу белой армии красных частей, численность которых белое командование оценивало в 4 тыс. человек. По словам участника этого рейда алексеевца Б. Прянишникова, население Медвежьего после его занятия 29 июня по ст.ст. восприняло спокойно приход белых и, «несмотря на большую пропаганду… почти полностью осталось на месте» [9]. Разумеется, поверхностный взгляд белогвардейца, пробывшего в уездном центре день или два, не может являться абсолютно достоверным источником информации, однако он обозначил довольно точно тенденции, которые отражали отношения ставропольского крестьянства к старой, советской, и новой, белой, властям. Как он отметил, большая часть населения села осталась на месте, то есть более-менее одобрительно или нейтрально отнеслось к установлению новой власти. Также он упомянул о том, что советская пропаганда не возымела должного влияния: село покинула только часть населения, вероятнее всего советские активисты и часть сочувствующих. Не будет преувеличением и утверждение о том, что, скорее всего, здесь осталась значительная часть сочувствующих прежней власти, однако не вставших с оружием в руках на ее защиту. Пример Медвежьего без преувеличения, как в капле воды, отражал настроения губернии к белым на протяжении почти всего 1918 г., что стало залогом их победы.

Наступление белых в ставропольском направлении, занятие с. Медвежьего в 96 км от губернского центра, партизанское движение А.Г. Шкуро на границах губернии и последующее движение его сил на Ставрополь способствовали организационному сплачиванию антибольшевистских сил в самом городе. В.Т. Сухоруков, видимо, привел чересчур завышенную численность заговорщиков – 3 тыс. чел. Однако из намерения свергнуть советскую власть ничего не вышло. Планировался вооруженный захват власти в расчете на слабость советских сил, однако имевшихся сил оказалось достаточно для подавления выступления. Тем более о нем стало известно благодаря доносу. Однако в качестве главной причины поражения П. Жадан, свидетель тех событий, указывал на то, что «большинство офицеров и молодежи… осталось дома». Бесперспективность локальных, плохо организованных офицерских заговоров в губернских центрах, не поддержанных местным населением, без связи с Добровольческой армией, была очевидна, примером тому может служить Ярославское восстание июля 1918 г., проходившее практически параллельно со ставропольскими событиями. Только внешний

фактор, в данном случае белая армия, был способен кардинально изменить расстановку сил в губернии. Таким фактором стал партизанский отряд А.Г. Шкуро, который формально еще не входил в состав Добровольческой армии. Здесь стоит в нескольких словах рассказать предысторию этого отряда и его организатора.

А.Г. Шкуро был одной из заметных фигур Гражданской войны в России. Он прославил себя еще в годы Мировой войны, организовав на Юго-западном фронте партизанский отряд для действий в тылу у австрийцев. Как он сам признавался, его стихией была именно «партизанщина» [10] (за это многие его недолюбливали). Не изменил он своему кредо и в Персии в 1917 г., где действовал в составе корпуса Н.Н. Баратова против турок. Прибыв весной 1918 г. на Северный Кавказ, он был привлечен местными советскими руководителями, в частности командовавшим тогда Северо-Кавказской армией А.И. Автономовым и председателем Терского СНК Н. Буачидзе к созданию офицерско-казачьих сил для борьбы с наступавшими немцами. Естественно, А.Г. Шкуро не собирался служить красным, пытаясь лишь использовать положение в целях создания очага казачьего сопротивления в Кубанской области. Видимо, и советское руководство вполне резонно не доверяло ему, и после отрешения А.И. Автономова от командования армией А.Г. Шкуро, как его ставленник, был посажен во владикавказскую тюрьму, откуда, по его словам, был по ошибке выпущен (А.И. Деникин объяснил освобождение Андрея Григорьевича определенным влиянием генерала А.С. Мадритова, якобы сотрудничавшего с красными, на терское руководство), [11] приступил к организации антисоветского казачьего отряда в Баталпашинском отделе, на стыке Кубани, Терека и Ставрополья. В отличие от офицерского восстания в Ставрополе, не имевшего очевидных причин для успеха, движение А.Г. Шкуро развивалось успешно, получив поддержку местного казачьего населения, что привело к тому, что все попытки советского военного руководства подавить новый очаг сопротивления закончились неудачно. Получив сведения о продолжавшейся борьбе Добровольческой армии, он решил идти на соединение с ней. Его путь лежал через Ставрополь. Казаки, сосредоточившиеся в июле к северу от города, были, по словам А.Г. Шкуро, радостно встречены местным крестьянством (советские авторы писали о радостной встрече ставропольского кулачества белых банд А.Г. Шкуро). При помощи крестьян был схвачен и повешен ставропольский губвоенком Я. Петров, который организовывал оборону медвеженского участка. Здесь очень показательным является то, что реальная советская власть достаточно эффективно функционировала в центре губернии, а уже вблизи него, к северу, как в случае с отрядом А.Г. Шкуро, крестьянство склонялось в противоположную сторону, вероятнее всего не из-за симпатии к белым, а лишь в силу отрицательного отношения к большевикам. Не стоит забывать о том, что, как писали советские исследователи, Ставрополье было эсеровской вотчиной. На волне такого отношения местного населения к советской власти А.Г. Шкуро без особого труда, поставив ультимативные условия, удалось 8(21) июля занять город. А.Г. Шкуро затем встретился с А.И. Деникиным в Тихорецкой, признал его власть, и кубанские партизаны стали частью белой армии. Несмотря на такое радостное для белогвардейцев событие, А.И. Деникин в своих воспоминаниях прагматично заметил, что занятие города вне плана сделало его положение весьма непрочным и отвлекло силы от главного направления.

Можно с уверенностью сказать, что слова А.И. Деникина были направлены непосредственно против самого А.Г. Шкуро, носителя идеологии, отличной от той, что доминировала в Добровольческой армии. По его словам, он искренне был уверен в необходимости созыва Учредительного собрания, в то время как генерал А.А. Боровский, которого Андрей Григорьевич встретил на пути к А.И. Деникину, недвусмысленно дал ему понять, что об «Учредилке» не может быть и речи. Благодаря своему своеволию и недисциплинированности он не походил на образцовых белогвардейцев, каковыми являлись военачальники-«первопоходники». Естественно, дополнительные силы, которые привел А.И. Шкуро, были не лишними, но внутреннее противоречие (различные тенденции в белом движении) все же оставалось. Думается, это было все то же противоречие между правым кадетизмом, ставшим политической основой деникинской власти, и возникавшими время от времени в регионе очагами «керенщины» (черноморские демократы, бичераховское движение на Тереке). Совершенно очевидно, что компромисса между этими столь различными направлениями не могло быть в принципе, что, несомненно, ослабляло белые силы.

Библиографический список

1. *Иванько Н.И.* За власть Советов. – Ставрополь, 1957. – С. 6.

2. *Жадан П.Н.* Русская судьба: записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войнах. – М., 1991. – С. 13.

3. *Гуль Р.* Ледяной поход // Белое дело: избр. произведения: в 16 кн. – Кн. 1. – М., 1993. – С. 257.

4. *Ладоха Г.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. – Краснодар, 1923. – С. 99.

5. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918. – Минск, 2002. – С. 267.

6. *Головенченко Ф., Емельянов Ф.* Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920 гг.). – Ставрополь, 1928. – С. 98.

7. *Сухоруков В.Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918 – 1920 гг.). – М., 1961. – С. 42.

8. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. – Л., 1991. – С. 36.

9. *Прянишников Б.* С Партизанским Алексеевским полком во 2-м Кубанском походе // Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. – М., 2002. – С. 165.

10. *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана // Белое дело: избр. произведения: в 16 кн. – Кн. 7. – М., 1996. – С. 170.

11. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф-Р. 446. Оп. 2. Д. 30. Л. 11.

УДК 94 (478)

Назария Сергей Михайлович

кандидат исторических, доктор политических наук

Государственный институт международных отношений Молдовы (г. Кишинев)

sergnazar@mail.ru

АННЕКСИЯ БЕССАРАБИИ РУМЫНИЕЙ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ОТНОШЕНИЕ К ЭТОМУ ЖИТЕЛЕЙ КРАЯ

В условиях румынской оккупации, никем не избранный и никого не представляющий Сфатул Цэрий, нарушая все демократические нормы, провозгласил объединение Бессарабии с Румынией. Данный акт не имел никакой юридической силы, а с точки зрения принципа суверенитета народа и норм международного права являлся абсолютно незаконным. Большинство населения края не приняло чужеземного господства.

Ключевые слова: *Бессарабия, самоопределение, оккупация, расстрел, право, законно/незаконно, население.*

В атмосфере румынской военной оккупации, никем не избранный и никого не представляющий Сфатул Цэрий, открытым поимённым голосованием, 27 марта / 9 апреля 1918 г. провозгласил объединение Бессарабии с Румынией. О том, насколько «законным» был данный акт, отмечает крупнейший румынский историк Николае Йорга, который прямо и без тени смущения пишет, что «генерал Броштяну переправился через Прут и провинция... превратилась, в соответствии с ожиданиями, в оккупированную военным путём территорию» [14, p. 221].

Настроения против румынской интервенции выразил голландский историк В.П. ван Мёрс: «Молдавские лидеры Сфатул Цэрий прекрасно осознавали, что в умах доминируют революционные идеи и недоверие к румынскому правлению в республике» [17, p. 89]. Американец Ч. Кинг следующим образом дополняет его: «Приглашение румын в Бессарабию, хотя состоялось в результате обращения, сделанного Сфатул Цэрий, не было… желанным всюду… Многие члены Сфатул Цэрий сами очень мало выступали в пользу румынского присутствия» [15, p. 33].

Архивные документы свидетельствуют, что крестьянство открыто проявляло несогласие с этим решением [6–11; 19]. Такого рода свидетельства, включая донесения от агентов тайной полиции, шли из разных уголков Молдовы [1, с. 149–198; 2, с. 230; 4, с. 378; 7, Л. 1242–1243; 8, Л. 5–5 об.; 10, Л. 185 об., 186; 19, p. 141, 142]. После 6-месячной деятельности кишинёвская сигуранца констатировала: «Как свидетельствуют надёжные источники, в целом население городов и сёл воспринимает приход румын не только с недоверием, но и с ненавистью… Что касается самого „Объединения”, то оно даже не обсуждается, так как, по мнению людей, это объединение могло состояться лишь посредством плебисцита» [19, p. 142].

Для слежки за настроениями населения Бессарабии румынские власти ввели цензуру на почте. Один из ответственных чиновников данного ведомства, на основе отобранных в июле 1918 г. писем, писал вышестоящему начальству: «Отовсюду раздаётся один тревожный клич: румыны отбирают всё у нас и оставляют умирать с голоду… В некоторых письмах румын осыпают грубой бранью… В общем из всех этих писем видно серьёзное недовольство крестьян, вызывает тревогу их решимость оказывать сопротивление с топорами и дубинами… Из села в село посылаются письма, в которых население призывается к сопротивлению. Судя по фамилии отправителя или адресата, эти письма большей частью пишутся молдаванами» [1, с. 190–191].

Даже некоторые присланные из Румынии чиновники, редкие среди данной публики честные люди, не могли принять развязанного против населения террора. Так, префект Измаильского уезда Думбравэ докладывал вышестоящему начальству о произволе и насилии, творимых румынскими военными над мирным населением, и просил отставки: «При существующих условиях... когда властвует террор, город заполнен сотнями агентов сыскной полиции.., власть местной администрации превращается во власть фиктивную.., а мои заявления остаются гласом вопиющего в пустыне, когда всё население стонет от гнёта военного управления и доведено до такого состояния, что в уезде нельзя найти ни одного сторонника единения с Румынией, – не могу оставаться на своём посту... Если бы я был врагом единения Бессарабии с Румынией, то я только радовался бы тому, как большинством военных

© Назария С.М., 2013

властей убивается на корню идея объединения» [2, с. 226–227].

Проведя анализ исторических документов, историк-румынист Ион Цуркану, пришёл к выводу, что «на данном этапе исследования, одно является совершенно однозначным: народные массы следует исключить из списка факторов», способствовавших «объединению» [21, p. 173]. Объективно оценивает отношение различных категорий населения нашего края к «объединению» В.П. ван Мёрс: «Крестьяне, а не только нацменьшинства, опасались, что румынская интервенция покончит с запланированной Сфатул Цэрий или Всероссийским Учредительным собранием аграрной реформой и возвратит экспроприированную собственность помещикам. Вполне возможно, что молдавские крестьяне считали себя в первую очередь молдаванами, а не румынами... Они осознавали, что румынская военная интервенция может трансформировать социально-экономическую революцию в Бессарабии в румынскую националистическую революцию. Лишь узкая молдавская элита боролась за объединение с Румынией и, в конечном итоге, предпочитала культурные и этнические связи социально-экономическим реформам» [17, p. 86].

Вот как оценивает сложившуюся ситуацию экспрезидент РМ П. Лучинский: «Объединение, учитывая нормы международного права того времени, не было „пристёгнуто на все пуговицы", так как Сфатул Цэрий не являлся уполномоченным законными правами органом для голосования акта Объединения» [16, p. 188]. Если предположить, что народ избрал бы всеобщим и прямым голосованием парламент, даже тогда его общая судьба могла быть решена только референдумом. Процедура голосования в условиях военной оккупации и осадного положения не была свободной.

Возможно возражение: «Какая это оккупация, румыны оккупировали румын?!» Однако абсолютное большинство молдаван всегда считало себя именно молдаванами. Правда, предлагаются ещё и такие «аргументы»: народ одурачен и неадекватно оценивает реальность, да и какой народ осуществил национальное объединение без применения силы и насилия? Но последний европейский народ – немецкий, – добившийся национального единства подобным образом, сделал это в 60-е годы XIX в., когда ещё ни в морали, ни в международном законодательстве не существовало «права наций на самоопределение», в то время как в 1918 г. это право было полностью признано и стало международной нормой. Следовательно, судьбу Бессарабии могло законно решить только её население и никто другой.

Но здесь возникает «контраргумент»: в условиях войны было невозможно провести свободные выборы. И в качестве аргумента приводят примеры других отделившихся от России территорий и даже пример Соединённых Штатов Америки периода Войны за независимость, когда первый Конгресс также не был всенародно избран. Даже если и согласиться с этим, подобное совсем не означает, что судьбу населения возможно, а также справедливо и законно решать против его воли.

Однако и этот «аргумент» недействен, так как Россия де-факто вышла из войны ещё в ноябре 1917 г. (де-юре, в марте 1918-го), поэтому проводить выборы было возможно, и во Всероссийское Учредительное собрание они были проведены, в том числе и на территории Бессарабии, и его (то есть Учредительного собрания) законность никто и никогда не ставил под сомнение, даже и разогнавшие его большевики. Более того, когда создавался Сфатул Цэрий, все без оговорок признавали его главную миссию – организацию выборов в Бессарабское Учредительное собрание – и никто не сомневался в возможности их проведения на демократической основе. И лишь в середине января, со вступлением румынских войск на территорию Молдовы и её оккупацией, лидеры Сфатул Цэрий посчитали проведение таких выборов «бессмысленными». Повторяем – «бессмысленными», и именно потому, что даже в условиях румынской военной оккупации они дали бы совершенно противоположный результат, чем тот, которого «добились» националисты под прикрытием румынских штыков.

Что касается «других отделившихся от России территорий», – то люди, провозгласившие независимость Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, выражали волю этих народов, и после провозглашения независимости данные территории стали поистине независимыми государствами. Ещё раз повторим – этими актами была выражена воля народов жить в собственном независимом государстве. И после провозглашения независимости те, кто её провозгласил (и не под охраной иностранных штыков), не продали свои страны соседней державе.

В отношении США аналогия с Бессарабией также неуместна. Во-первых, по тем же причинам, что и с лимитрофными по отношению к России новообразованными государствами. А во-вторых, Филадельфийский Конгресс, выражая волю американского народа, возглавил его борьбу против колонизаторов и интервентов, а Сфатул Цэрий, против воли своего народа, призвал интервентов для его же порабощения и подавления его свободы.

Да и смехотворны утверждения некоторых «историков» о том, что до мозга костей коррумпированная и некомпетентная румынская полуфеодальная олигархия во главе со своим полусамодержавным королём иностранных кровей, жестоко угнетавшая собственный народ, держа его в бесправии и убогости, могла обеспечить свободу волеизъявления ещё и молдавскому народу. В этом отношении особо значимо мнение Октавиана Гоги, – политика, которого невозможно заподозрить в «антирумынизме», – о румынском политическом клас-

се: «Страна негодяев, страна несовершеннолетних, постыдно провалившаяся на экзамене на аттестат зрелости перед Европой… Вот к чему привели нас заурядные политики, воры, выступающие сегодня моралистами, министры, всю жизнь продававшиеся, депутаты-контрабандисты… Мы погибаем не от количества врагов, не от их оружия, болезнь у нас в душе, это устрашающая эпидемия морального менингита. Страна с руководителями – обыкновенными грабителями с большой дороги должна была оказаться на краю пропасти» [13, p. 281].

Однако в правовом контексте рассматриваемого вопроса ещё больший интерес представляет точка зрения известного румынского дипломата Николае Титулеску: «Кроме того, самоопределение (имеется в виду голосование 27 марта. – *С.Н.*) имело место в условиях оккупации Бессарабии румынскими войсками... Но самоопределение, собственно говоря, это плебисцит. Чтобы получить международное правовое признание, любой плебисцит должен быть проведен в условиях свободы. Потому там, где его проводили… именно международные силы обеспечивали порядок, а не военные той или иной заинтересованной стороны» [20, p. 85]. Титулеску ясно сознавал, в чём уязвимость акта 27 марта 1918 г.

В этом смысле, уже после завершения своей дипломатической карьеры, он отмечал: «Наихудшим является тот факт, что данное самоопределение было сопряжено двумя письмами: а) одно – генерала Авереску, который был тогда в первый раз председателем Совета министров, – о том, что румынские войска будут немедленно выведены из Бессарабии после восстановления порядка в ней [анализ этого документа см.: 5, с. 195–199]; б) второе – от Клемансо, который от имени великих держав писал Колчаку, чтобы он продолжал борьбу с Советами, а российская часть Бессарабии будет в любом случае возвращена России» [20, p. 86]. «Таким образом, – завершает свою мысль выдающийся дипломат, – наши права на Бессарабию очень не серьёзны» [20, p. 88]. Другими словами, исходя из логики Титулеску, не может быть и речи о каком-либо «самоопределении» в случае с Бессарабией 1918 года.

С официальным протестом против данного решения Сфатул Цэрий выступил СНК РСФСР. В ноте Советского правительства от 18 апреля отмечалось, что акт 9 апреля является не только «вызовом Российской Федеративной Советской Социалистической Республике», вопиющим нарушением только что подписанного советско-румынского соглашения об очищении Бессарабии от румынских войск, но и «насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации» [3, с. 248–249].

А вот как с позиций юридической науки оценивает «объединение» американский исследователь Ч. Кинг: «Важным источником нестабильности, проистекающей из территориального выигрыша, был статус Бессарабии – единственного территориального приобретения, чьё положение в рамках Великой Румынии никогда не было обеспечено каким-либо международным договором… Поскольку Япония никогда не ратифицировала этот договор*, а Соединённые Штаты и Россию даже не пригласили его подписать, он остался документом, не имеющим большого юридического значения» [15, p. 37, 38].

Анализ законности «объединения» Бессарабии с Румынией можно завершить выводами двух известных в Молдове людей. Первый из них – это юрист-международник А.Д. Буриан, считающий, что, «исходя из данности, что Сфатул Цэрий не был избран посредством всеобщего голосования населением Бессарабии, стоит ли вообще обсуждать вопрос, насколько законны решения незаконного органа, который, кроме того, явно превысил свои полномочия, ведь вопросы, связанные с передачей территорий, решаются либо на основе соглашения между общепризнанными субъектами международного права, либо посредством плебисцита (референдума)» [12, p. 341].

Второе мнение, – В.Ф. Степанюка, – звучит следующим образом: «Всестороннее изучение касающихся данной проблемы дипломатических актов, документов и исторических трудов приводит нас к выводу о том, что грубейшей ошибкой Румынского правительства явилась оккупация в январе 1918 года Молдавской Демократической Республики, “равноправного члена Российской Федеративной Демократической Республики”, союзника Румынии. Другие “недостатки”, “лакуны”, насколько бы ни были тяжелы, являются всё-таки второстепенными по сравнению с актом агрессии, совершённым румынским королевством в январе 1918 года, в результате чего было нарушено право молдавского народа на национальное самоопределение, был прерван процесс становления Молдавского Государства» [18, p. 252].

Таким образом, акт от 27 марта 1918 г. не имел никакой юридической силы, а с точки зрения принципа суверенитета народа и норм международного права являлся абсолютно незаконным. Большинство населения края не приняло чужеземного господства и жило надеждой на его свержение.

Примечание

* Так называемый Парижский протокол Англии, Франции, Италии и Японии с Румынией от 28 октября 1920 года (или Договор послов).

Библиографический список

1. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920): сб. документов и материалов. – Кишинев, Картя молдовеняскэ, 1967. – 684 с.

2. *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М.: «ИНДРИК», 1996. – 380 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 772 с.

4. *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинёв: Центральная типография, 2000. – 498 с.

5. *Назария С.* Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. – Кишинёв: Центральная типография, 2012. – 655 с.

6. Национальный архив Республики Молдова (далее: НАРМ). Ф. 679. Оп. 1. Д. 4803.

7. НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45.

8. НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 51.

9. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 45.

10. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 55.

11. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 73.

12. *Burian A.* Geopolitica lumii contemporane. – Chişinău: Tipografia Centrala, 2003. – 456 p.

13. *Constantiniu Fl.* O istorie sinceră a poporului român. – Bucureşti: Univers enciclopedic, 1997. – 466 p.

14. *Iorga N.* Neamul românesc în Basarabia. Vol. II. – Buc.: Editura Albatros, 1997. – XXXIII. – 362 p.

15. *King Ch.* Moldovenii, România, Rusia şi politica culturală. – Chişinău: Editura Arc, 2002. – 274 p.

16. *Lucinschi P.* Moldova şi moldovenii. – Chişinău: Cartea Moldovei, 2007. – 336 p.

17. *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chişinău: Editura Arc, 1996. – 526 p.

18. *Stepaniuc V.* Statalitatea poporului moldovenesc. – Chişinău: Tipografia Centrala, 2005. – 520 p.

19. *Stratan V., Gorun A.* Moş Ion Roată, Siguranţa şi „Unirea”. – Chişinău-Iaşi, 2003. – 164 p.

20. *Titulescu N.* Documente confidenţiale. – Buc.: Editura Academiei Române, 1992. – 176 p.

21. *Ţurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. – Chişinău: Tipografia Centrală, 1998. – 260 p.

ЭКОНОМИКА

УДК 330

Магрупова Зульфия Музгаровна
доктор экономических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
economica@chsu.ru
Кубко Владислав Владимирович
Череповецкий государственный университет
vkubko@inbox.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА И ПРОФСОЮЗОВ В УПРАВЛЕНИИ ТРУДОВЫМИ ПРОТЕСТАМИ

Анализ генезиса концепции социального протеста позволяет рассмотреть его влияние на организацию как систему. Протестный континуум присущ любой экономической системе, и он гораздо опаснее трудовых конфликтов. Для предотвращения трудовых социальных протестов государство декларирует принципы социального партнёрства, которое реализуется через участие в профсоюзах. Они выступают универсальным механизмом регулирования в социально-трудовых отношениях в условиях современной рыночной экономики.

Ключевые слова: *социальный протест, профсоюзы, социальное партнёрство, превентивное предупреждение, эндогенное управление, трудовой спор, производительность труда, цена участия.*

Первое десятилетие XXI века показывает, что, несмотря на отсутствие в современной России мощного забастовочного движения, проблема управления социальными протестами в экономической сфере остаётся открытой. Она существует по причине дуализма отношения государства к протестам, которое, с одной стороны, генерирует их, а, с другой, призвано управлять ими. Функция управления протестами зачастую осуществляется безрезультатно, что отрицательно влияет на выполнение государственной задачи динамичного развития экономики, поставленной в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развитая Российской Федерации.

Эксплуатация как ведущий мотив отношений собственности, разрыв между идеологией социального партнёрства и социальной реальностью, нарушение прав наёмных работников – это ряд системных причин коллективных социальных протестов.

Важнейшими факторами экономического и социального развития страны являются состояние трудового потенциала, эффективность превентивного предупреждения коллективных социальных протестов. Создание надлежащих условий и механизмов для их завершения, независимо от многообразия их типов, включая неявные протесты, вызванные сопротивлением наёмных работников, предопределяет необходимость системного анализа управления протестами.

Теоретико-методологические основы исследования «индустриальных» или в современной терминологии «коллективных» трудовых конфликтов были заложены в XIX веке. Теории и подходы научного анализа конфликтов разрабатывались в XX веке под влиянием борьбы трудящихся за свои социально-экономические и политические права. Исследование проблемы осуществляли учёные разных стран с позиций различных научных дисциплин. Создано множество конфликтологических парадигм и подходов к изучению элементов конфликта как социально-экономического феномена, а также управлению им. Однако авторы статьи считают, что социальные протесты нельзя сводить к коллективным трудовым конфликтам. Причины социальных протестов гораздо шире, последствия более деструктивны. Об опасности перерастания трудовых конфликтов в социальные протесты предупреждал ещё П. Сорокин.

Значительный вклад в развитие теории конфликта в широком смысле внесли работы А. Бретли, К. Боулдинга, Р. Будона, Л. Гумиловича, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера, К. Маркса, Дж.С. Милля, В. Парето, Т. Парсонса, А. Пигу, А. Смита, Ж. Сореля, П. Сорокина, А. Токвиля, М. Фоллет, Т. Шеллинга и отечественных учёных: В.М. Бехтерева, М.Б. Вебера, И.С. Войтинского, А.С. Звоницкой, А.Е. Пашерстника, Г.В. Плеханова, Н.Н. Полянского, М.И. Туган-Барановского, В.И. Усенина, И.И. Шелымагина, Н.Г. Чернышевского, Я.Л. Юделевского и других.

В качестве основной теоретико-методологической базы авторы статьи используют работы Питирима Сорокина. Он утверждает, что «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавляемых базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения. Если пищеварительный рефлекс доброй части населения подавляется голодом, то на лицо одна из причин восстаний и революций. Если подавляется собственнический инстинкт масс, господствует бедность и лишения, и особенно это происходит на фоне благоденствия других, то мы имеем ещё одну причину революции» [9, с. 169].

© Магрупова З.М., Кубко В.В., 2013

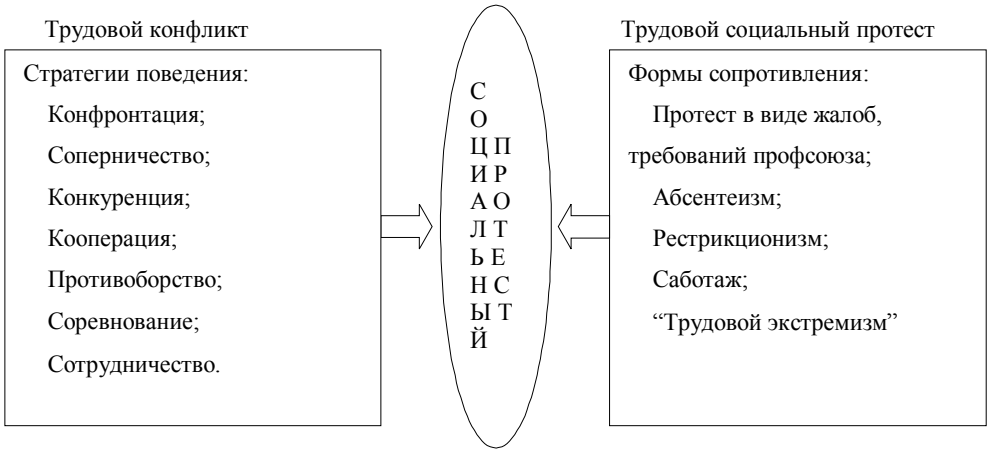


Рис. 1. Протестный континуум

Также в статье развиваются идеи К. Маркса, который объяснял причины разделения людей на классы с противоборствующими интересами их различным положением в экономической системе [6, с. 237], и Дж. Тернера, который, перечисляя ключевые тезисы К. Маркса, выделяет следующие: «Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы. Чем сильнее поляризация господствующих и угнетенных сегментов, тем более насильственным будет конфликт. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов» [10, с. 50].

Анализ генезиса концепций протестов показывает, что научный взгляд на влияние протестов на экономическую организацию как систему (это не всегда происходит в конфликте) в результате чего происходит совершенствование её, имеет давнюю историю. Однако с точки зрения экономики трудовые протесты несут в себе потенциал материального ущерба для обеих сторон коллективного взаимодействия и экономики страны в целом. Данное объективное обстоятельство, по мнению авторов, является ключевым для понимания необходимости концептуальных подходов конструктивного управления трудовыми протестами.

При анализе теорий и концепции, лежащих в основе данного исследования, нельзя ограничиваться только конфликтологическим направлением, необходимо включать и анализ теории социального действия. Наиболее значимыми в рамках данной работы являются идеи Юргена Харбамаса.

Юрген Харбемас – ведущий представитель стиля радикального социального теоретизирования Франкфуртской школы критической теории. Он поднимает эпистемологические вопросы о фундаментальной динамике развитых капиталистических обществ. В «Проблемах легитимности позднего

Таблица 1

Критерии разграничения понятий «коллективный трудовой спор» (КТС) и «коллективный трудовой протест» (КТП)

Коллективный трудовой спор (в форме дебатов)	Коллективный трудовой протест (в форме забастовки или коллективной приостановки работы с целью защиты индивидуальных трудовых прав работников)
Не приводит к нарушению обычного ритма экономической деятельности организации	Приводит к нарушению обычного ритма экономической деятельности организации даже на этапе подготовки к объявлению забастовки, а тем более на стадии подготовки к проведению уже объявленной забастовки
Не влияет на эффективность работы наёмных работников	Отрицательно влияет на эффективность работы наёмных работников, как тех, которые участвуют в протесте, так и сочувствующих и колеблющихся
Не наносит материального ущерба работодателю	Обладает способностью нанесения работодателю материального ущерба, включая трансакциональный ущерб за счёт необходимости проведения переговоров с организациями-контрагентами в целях налаживания коммуникаций и отношений, нарушенных в результате имевшей место забастовки

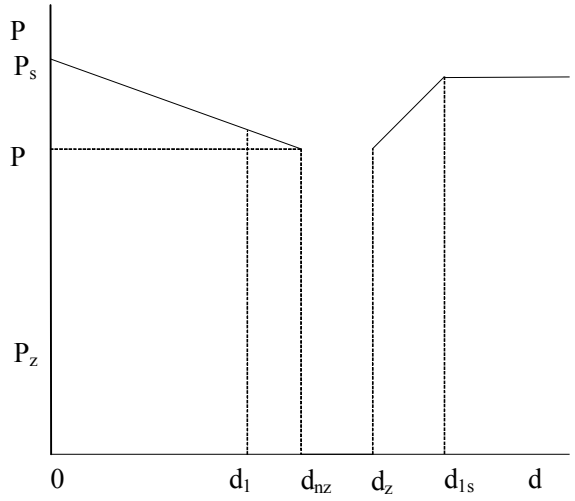


Рис. 2. Динамика производительности труда в период проведения «санкционированной» забастовки

капитализма» Хабермас исследует тенденции кризиса в развитых капиталистических обществах и даёт им следующие характеристики: непрерывные экономические и классовые противоречия вызывают политизацию административных решений в результате растущего государственного вмешательства. Особенно важно, что Хабермас утверждает о возможности управления кризисами и социальными протестами, а также не видит альтернатив замены капитализму [11, с. 75].

Трудовой протест присущ и патернализму, и субсидиарности, и солидарности; сотрудничеству и социальному партнёрству. Протестный континуум авторами схематично представлен на рисунке 1.

Протестный континуум, изображённый на рисунке 1 укладывается в рамки всех типов социально-трудовых отношений, отмечённых в современной отечественной литературе по экономике труда. При этом протест в различных его формах (забастовка, локаут и пр.) – это не феномен социального партнёрства и не его форма, а объективные явления, присущие любой экономической системе.

С целью упорядочения представлений о понятиях «трудовой спор» и «трудовой конфликт» нами обосновано их разграничение (табл. 1).

Предложенное разграничение, как считают авторы, имеет практическое значение. Так, КТС может быть завершён путём эндогенного управления с применением общепринятых способов – поиске взаимного решения проблемы, консенсуса и компромисса. Для КТП характерно то, что их завершение невозможно с помощью консенсусно-компромиссных способов, а требует экзогенного управления, т.е. участия третьего лица, способного вынести решение по сути протеста от имени государства.

Особенно опасны для развития экономики несанкционированные забастовки, носящие исключительно разрушительный характер. Различия между санкционированными и несанкционированными забастовками авторами рассмотрены на рисунках 2 и 3.

Рисунок 2 позволяет продемонстрировать; что в результате проведения «санкционированной» забастовки сторона работодателя понесёт материальные убытки от изменения показателей производительности труда (P) в зависимости от длительности забастовки по времени (d). Из моделируемой автором ситуации следует: в период стабильной работы (отрезок на оси абсцисс – 0–d) показатель производительности труда (P_s) обусловлен нормальным социально-психологическим состоянием работников; в период, предшествующий началу забастовки (d_1–d_{nz}), производительность труда снижается на разницу между P_s и P_j; в период проведения забастовки (d_{nz}–d_{zz}) показатель производительности труда равен нулю; в первый день выхода работников из забастовки показатель производительности труда потенциально может возрасти до стабильного уровня, то есть может возрасти на величину, равную разнице между P_1 и P_s.

Динамика производительности труда в условиях «несанкционированной» забастовки показана на рисунке 3.

Из рисунка 3 видно, что показатель производительности труда становится равным нулю с момента начала «несанкционированной» забастовки (d_{nz}). Он будет таким же до начала институционализации протеста. То есть до момента (d_{ic}), когда требования работников не только будут доведены до сведения соответствующего органа управления организацией, но и станут предметом обсуждения в рамках определенной примирительной процедуры. Если в период проведения соответствующей примирительной процедуры будет достигнуто соглашение по поводу заработной платы работников,

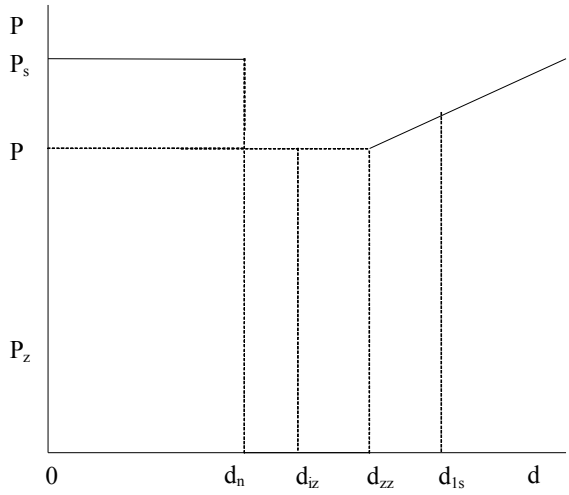


Рис. 3. Динамика производительности труда в период проведения «несанкционированной» забастовки

то забастовка закончится при том же нулевом показателе производительности труда (d_{zz}). Только на отрезке времени между d_{zz} и d_{1s} произойдёт возрастание производительности труда от нуля до уровня нормы.

В результате анализа «санкционированной» и «несанкционированной» забастовки авторы пришли к выводу, что прямые материальные издержки работодателя от забастовки нельзя определять только традиционным путём выявления целодневных потерь рабочего времени, фиксируемых по результатам её продолжительности (d_{nz}–d_{zz}). Этот теоретический вывод имеет несколько значений практического характера: 1) он открывает простор для разработки поправочных коэффициентов к целодневным потерям рабочего времени от забастовки, фиксируемых государственной статистикой; 2) он нацеливает сторону работодателей на принятие конструктивных мер работы с открытым трудовым протестом, исходя из задачи его завершения на ранних стадиях.

Далее рассмотрена математическая модель системы сопротивления наёмных работников как процесс, возникающий в силу определенных условий и имеющий свои характеристики.

Состояние процесса сопротивления наёмных работников (Z_{kn}) характеризуется рядом факторов, определяющих степень сопротивления и возможности его эскалации.

Эффективность механизма преодоления сопротивления определяется математической зависимостью:

$$J_{kn} = F(Z_{kn}, W_{kn}) \to \min J_{kn} = F$$

Для предотвращения социальных протестов государство декларирует принципы социального партнёрства.

Степень участия работников в социальном партнёрстве в РФ принято рассматривать через деятельность профсоюзов.

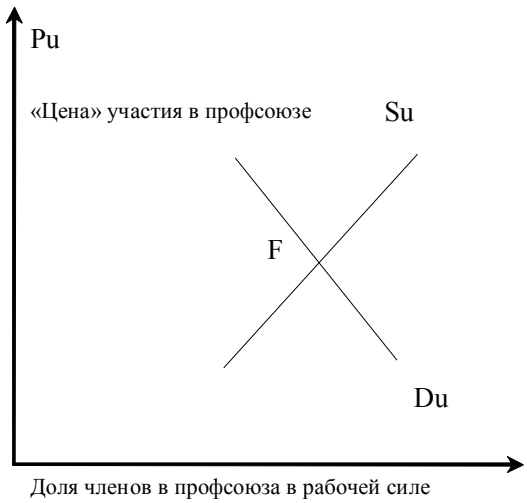


Рис. 4. Модель участия работников в профсоюзе

На предложение профсоюзных услуг будут оказывать влияние факторы, воздействующие на издержки участия в профсоюзе и профсоюзной деятельности: законодательство, степень противодействия работодателей профсоюзной деятельности, отраслевая и технологическая структура экономики, степень конкуренции и т.д.

Мы предлагаем следующую модель участия работников в профсоюзе, которая, по нашему мнению, позволит учесть интересы всех сторон производства.

При анализе экономической деятельности профсоюзов в экономической теории предполагается, что они стремятся улучшить для своих членов две характеристики – уровень заработной платы и уровень занятости. Поэтому их поведение может быть описано через максимизацию функции полезности профсоюзов от этих двух характеристик: $U=u(W, N)$, где W – заработная плата членов профсоюза, а N – число работающих членов профсоюза. Или другой вариант представления функции полезности профсоюза: $U=u(W, N, W_0)$, где W_0 – альтернативная заработная плата в непрофсоюзном секторе рынка труда.

Обобщение различных случаев максимизации функции полезности профсоюза может быть сделано с помощью функции полезности типа функции Стоун-Джери (Stone-Geary) [12].

Тогда функция полезности профсоюза будет иметь вид:

$$U = u(W, N) = (W - \gamma)^{\theta}(N - \delta)^{1-\theta},$$

где W – уровень заработной платы, N – уровень занятости, γ, δ, θ – параметры функции.

Причем γ и δ могут быть интерпретированы как «минимально необходимые уровни» заработной платы и занятости соответственно, а $(W - \gamma)$ и $(N - \delta)$ – дополнительные для членов профсоюза уровни заработной платы и занятости. Параметр θ показывает относительную важность для профсоюза дополнительной заработной платы или дополнительной занятости, $0<\theta<1$.

Рассмотренные случаи функции полезности профсоюза могут быть представлены как частные случаи функции Стоун-Джери при определенном значении параметров γ, δ, θ:

1) максимизация уровня заработной платы: $\gamma = 0$, $\delta = 0$, $\theta = 1$;

2) максимизация занятости: $\gamma = 0$, $\delta = 0$, $\theta = 1$;

3) максимизация суммарной заработной платы: $\gamma = 0$, $\delta = 0$, $\theta = 0{,}5$;

4) максимизация экономической ренты: $\gamma = W_0$, $\delta = 0$, $\theta = 0{,}5$, где W_0 – альтернативная заработная плата в непрофсоюзном секторе.

В экономике существует негативный (традиционный) и позитивный взгляды по проблеме влияния профсоюзов на экономическую эффективность.

При отрицательной оценке влияния профсоюзов на экономическую эффективность учитывают следующие моменты:

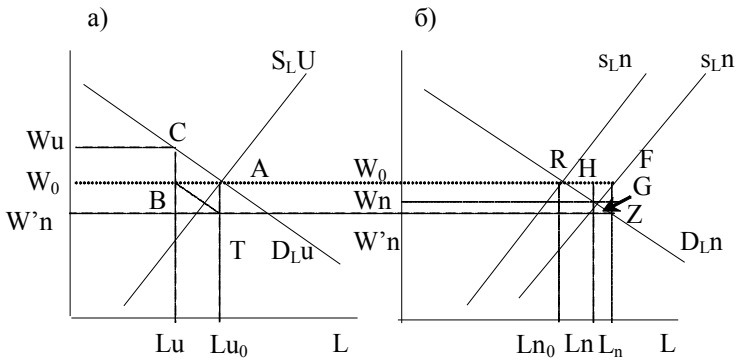


Рис. 5. Влияние профсоюзов на распределение ресурсов

– издержки от забастовок;

– ограничения на мобильность, увеличивающие издержки поиска;

– ограничения на мобильность и жесткость заработной платы, способствующие росту безработицы;

– снижение уровня прибылей и, соответственно, сокращение инвестиций, ограничивающее экономический рост;

– потери в выпуске от влияния на распределение ресурсов.

Традиционный анализ влияния действия профсоюзов на распределение ресурсов исходит из модели сравнительного анализа распределения ресурсов в двухсекторном рынке труда до действия профсоюзов и после действия профсоюзов [15].

Кривая спроса на труд соответствует предельному денежному продукту каждого дополнительного работника.

Если предположить, что в рассматриваемой модели в обоих секторах предложение труда совершенно неэластично, а наклон кривых спроса на труд одинаков, то потери в выпуске из-за сокращения занятости не будет, а заработная плата во втором секторе снизится до *W'n*. Тогда потери в выпуске составят сумму площадей треугольников *ABC* и *RFZ*, равную площади параллелограмма *BCAT*, которую можно представить как $\Delta Q = 1/2(Wu - W'n)(Lu_0 Lu)$, то есть половине произведения абсолютного различия в заработной плате между профсоюзным и непрофсоюзным секторами на изменение занятости в профсоюзном секторе. Влияние профсоюзов на распределение ресурсов рассматривается в следующем ракурсе, отображенном на рисунке 5.

Если кривая спроса более эластична во втором секторе, то перераспределение труда приведет к незначительной потере в выпуске в этом секторе. Если кривая спроса в секторе, не охваченном профсоюзами, совершенно эластична, то потеря в выпуске составит только площадь треугольника *ABC*.

При альтернативной позитивной оценке влияния профсоюзов на экономическую эффективность исходят из того, что профсоюзы рассматриваются как институт «коллективного голоса» на внутренних рынках труда.

Их роль в том, чтобы соединить предпочтения работников непосредственно с интересами управления и, участвуя в определении правил установления заработной платы и продвижения по служебной лестнице, способствовать снижению конкуренции на внутренних рынках труда.

В соответствии с этой точкой зрения такие действия профсоюзов приводят к:

– сокращению текучести работников, а, соответственно, и к уменьшению издержек от текучести;

– закреплению правил, обеспечивающих продвижение по службе работников со стажем, что устраняет конкуренцию на внутренних рынках труда и создает стимулы для старших работников делиться опытом работы с молодыми (неформальная профессиональная подготовка на рабочем месте);

– обобщению опыта и рационализаторских предложений;

– повышению дисциплины и снижению издержек от оппортунистического поведения работников;

– сокращению трансакционных издержек заключения трудовых контрактов, замене индивидуальных трудовых контрактов коллективными соглашениями.

Все это способствует повышению производительности труда и экономической эффективности производства.

Профсоюзы занимают особое место в становлении гражданского общества в России, так как они представляют интересы трудящихся в сферах труда и производства. В экономике профсоюзы являются социальным механизмом саморегуляции, инструментом развития социального партнёрства. Профсоюзы – это не только общественная организация, но, прежде всего, это институт, обеспечивающий социальную защиту работников и развитие демократических, партнёрских отношений на производстве.

Библиографический список

1. *Башмаков В.И., Санатулов Ш.З.* Профсоюзы современной России: Социологический аспект. – М.: АТиСО, 2007. – 368 с.

2. *Вебер М.Б.* Хозяйство и общество / пер. с нем. под научн. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 267 с.

3. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт / перев. с англ. Г. Лисина // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 236–242.

4. *Зиммель Г.* Человек как враг // Избр. соч.: в 2 т. – М.: Аспект Пресс, 1996. – Т. 2. – 501 с.

5. *Козер Л.* Функции социального конфликта / перев. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс: Дом Интеликтуальной книги, 2000. – 208 с.

6. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // Сочинения в 50-ти тт. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 9. – 701 с.

7. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: в 5 тт. – М.: Госполитиздат, 1960.

8. *Прихач А.Ю.* Методология управления конкурентоспособностью организаций в условиях транзитивной экономики: Дис. … д-ра экон. наук. – СПб., 2010. – 38 с.

9. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика / перев. В. Сапов. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

10. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – 471 с.

11. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. – М.: Праксис, 2010. – 272 с.

12. *Эренберг Р., Смит Р.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 2006. – Гл. 13. – 800 с.

13. *McConnell C.R., Brue S.L.* Contemporary labor economics. – 1992. – Ch. 8, 9. – P. 221–288.

14. *Filer R.K., Hamermesh D.S., Rees A.E.* The economics of work and pay. – 1996. – Ch. 11, 12, 13. – P. 413–524.

15. *Gunderson M., Ridell W.C.* Labour market economics. – 1988. – Ch. 14, 15 16. – P. 246–334.

УДК 338.43

Новиков Александр Иванович
доктор экономических наук, профессор
Ивановский государственный университет
Губин Владимир Анатольевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЕЕ ЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ

В статье проведена оценка землепользования в Ивановской и Костромской областях, структурированы земли по категориям хозяйств, выявлена и показана роль земельных отношений в обеспечении развития муниципальных социально-экономических систем.

Ключевые слова: *собственность, земельные отношения, социально-экономические системы, противоречия.*

В 2012 г. объем производства сельскохозяйственной продукции составил 3190,4 млрд. руб. По сравнению с 2011 г. произошло сокращение производства на 7,6%. По сравнению с 1990 г. производство мяса в стране составило только 86,4%, цельномолочной продукции в пересчете на молоко – 41,3%. В Ивановской области объем производства сельскохозяйственной продукции в 2011 г. во всех категориях хозяйств составил 10,7 млрд. руб. В 2012 г. произошло сокращение объемов производства как продукции растениеводства (97,0% к уровню 2011 г.), так и животноводства (99,6% к уровню 2011 г.) (Российская газета за 13 марта 2013 г.). Ивановская область по объемам производства в ЦФО занимает последнее место, так как за годы реформ она утратила отдельные производства сельскохозяйственной продукции на промышленной основе.

Неудовлетворительные результаты в сельскохозяйственной отрасли в стране нашли отражение в использовании факторов производства, в том числе, земельных ресурсов.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий в стране в 1990 г. составляла 222,1 млн. гектаров, из них 132,5 млн. гектаров (58,9%) – пашня, 88 млн. гектаров (40%) – сенокосы и пастбища. В 2011 г. сельскохозяйственные угодья сократились до 190,7 млн. га, минус 31,4 млн. га, в том числе пашни – 115,4 млн. га, то есть за период с 1990 по 2011 гг. обрабатываемая площадь пашни сократилась на 16,9 млн. га и площадь под сенокосами сократилась на 17 млн. га.

Более 38 млн. гектаров переувлажнены, заболочены и засорены камнями. На больших площадях происходит разрушение почвенного слоя, земля зарастает мелколесьем, уменьшается содержание гумуса.

Дадим характеристику использования земли в рамках структуры землепользователей.

1. По оценке гендиректора Института конъюнктуры аграрного рынка Д. Рылько, большая доля неиспользуемых земель находится у землевладельцев, скупавших их с целью перепродажи. Член Совета Федерации Сергей Лисовский оценил, что из оборота может быть выведено до 50% сельхозземель, половина из них уже принадлежит спекулянтам. У компаний, которые не связаны с аграрным бизнесом, десятки тысяч гектаров земель. По данным zemer.ru, свыше 10000 га в конце 2010 года было, например, у банка развития «Столица»,

 © Новиков А.И., Губин В.А., 2013

«Промсвязьнедвижимости», «Вашего финансового попечителя», УК Marshall Estate (Marshall Capital Partners), «Абсолют менеджмента» и др.

2. По данным вице-премьера В.А. Зубкова, «у нас в аренду без государственной регистрации, в простой письменной форме, сдано 54,6 млн. га. А без документов, самозахватом, еще 24,5 млн. га. И только 14,3 млн. га арендовано по закону. Причина такого положения в том, что все процедуры оформления земли по действующему законодательству усложнены. Стоит межевание дорого: минимум 35–40 тысяч рублей за земельную долю, а вообще – от 50 до 100 тысяч рублей. Таких денег у многих дольщиков просто нет» [1].

3. В средствах массовой информации можно прочитать, что причины провала продовольственной программы объясняются тем, что земельные ресурсы, находясь в обще-долевой собственности, как одной из разновидностей частной, используются неудовлетворительно. Наш анализ показал, что в частной собственности земельных ресурсов сельхозначения находится чуть более 30%, а основная масса, около 70%, находится в государственной и муниципальной собственности.

России сегодня требуется полноценный рынок продовольствия. Однако потенциал отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей явно недооценен. Страна имеет 9% посевных площадей мира, а продукции сельского хозяйства производится менее 1%. Россия обеспечивает себя продовольствием, по мнению специалистов, не более чем на 60%. При таком раскладе законен вопрос относительно роли государства.

Для удовлетворения потребности населения страны, по мнению экспертов, производство зерна должно составлять в России около 120 млн.т. Поэтому курс на адаптивную интенсификацию, технологизацию не имеет альтернативы. Особенно это актуально для депрессивных регионов, так как в них в настоящее время ощущается острая нехватка квалифицированных кадров, а в ближайшей перспективе ситуация, скорее всего, не изменится.

Наше исследование позволяет дать утвердительный ответ не только в части решения задач импортозамещения продовольствия, но и предоставляет основание рассматривать увеличение производства сельхозпродукции как фактор роста экономики регионов и страны в целом.

Рассчитаем потери России, связанные с выбытием из оборота пашни и других категорий земель. При урожайности зерновых 20 ц/га на выбывшей из оборота пашни можно было получить 34 млн. т зерновых. При цене 300 долл. за 1 т потенциальная выручка составила бы 10,2 млрд. долл. или 300 млрд. руб.

При уровне рентабельности производства зерновых около 15%, прибыль составила бы 45 млрд. руб., это 1/3 всей госпомощи сельскохозяйственной отрасли, этих денег хватило бы и на несостоявшиеся инновационные технологии и новую высокопроизводительную технику.

Отрасль потеряла 100 млрд. руб. зарплаты, это 85 тыс. дополнительных рабочих мест при среднемесячной зарплате 10 тыс. руб. или 66 тыс. чел. при среднемесячной зарплате 15 тыс. руб. в месяц.

Все лучшие земли планеты уже освоены. Дальнейшее расширение продуктивных земель возможно только за счет мелиорации малопродуктивных почв. Средняя стоимость обустройства и освоения одного гектара земель ныне оценивается от 5 до 10 тыс. долл. Чтобы ввести в оборот выбывшие ранее земли, заросшие кустарником, потребуются десятки триллионов рублей. Отметим, что развитые страны мира проводят жесткую политику сохранения пашни и воспроизводства плодородия.

Характеристика землепользования в Ивановской области

Земельный фонд Ивановской области на 1 января 2012 года составляет 2143,7 тыс. га (табл. 1). Наибольшие площади составляют категории «Земли лесного фонда» – 1011,6 тыс. га (47,2%), «Земли сельскохозяйственного назначения» – 868,7 тыс. га (40,5%).

Таблица 1

Структура земель по категориям и динамика их изменения в 2011 году

№ п/п	Категория земель	Общая площадь, тыс. га				
		2010 год	%	2011 год	%	изменения (+, -)
1	**Земли сельскохозяйственного назначения**	**869**	**40,5**	**868,7**	**40,5**	**- 0,3**
2	Земли населенных пунктов	110,7	5,2	111	5,2	+ 0,3
3	Земли промышленности, транспорта и иного специального назначения	85,6	4,0	85,6	4,0	-
4	Земли особо охраняемых территорий	1,3	0,1	1,3	0,1	-
5	Земли лесного фонда	1011,6	47,2	1011,6	47,2	-
6	Земли водного фонда	44,4	2,1	44,4	2,1	-
7	Земли запаса	21,1	0,9	21,1	0,9	-
	Итого по области	**2143,7**	**100**	**2143,7**	**100**	**-**

Таблица 2

Структура земель по категориям и динамика их изменения в 2011 году

№ п/п	Наименование категорий земель	2010 г.		2011 г.		2011 г. к 2010 г. (+/-) тыс.га
		тыс.га	%	тыс.га	%	
1	**Земли сельскохозяйственного назначения, в том числе**	**1969,3**	**32,7**	**1969,3**	**32,7**	**-**
2	Земли населенных пунктов, в т.ч.:	122,7	2,0	122,7	2,0	-
2.1	городских населенных пунктов	34,9	0,6	34,9	0,6	-
2.2	сельских населенных пунктов	87,8	1,5	87,8	1,5	-
3	Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения	51,0	0,8	51,0	0,8	-
4	Земли особо охраняемых территорий и объектов	0,9	-	59,8	1,0	+ 58,9
5	**Земли лесного фонда**	**3712,2**	**61,7**	**3653,3**	**60,7**	**- 58,9**
6	Земли водного фонда	71,7	1,2	71,7	1,2	-
7	Земли запаса	93,3	1,6	93,3	1,6	-
	Итого:	**6021,1**	**100**	**6021,1**	**100**	**-**

Снижение площади земель сельскохозяйственного назначения связано с переводом 0,3 тыс. га земельных участков в категорию земель населенных пунктов.

Земли сельскохозяйственного назначения предоставлены в собственность, аренду, постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение 190 сельскохозяйственным товариществам и обществам, 202 сельскохозяйственным производственным кооперативам, 20 государственным и муниципальным унитарным сельскохозяйственным предприятиям, 15 научно-исследовательским и учебным учреждениям, 7 подсобным сельским хозяйствам промышленных предприятий и организаций, прочим предприятиям, организациям и учреждениям (91), а также гражданам:

– для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства – 757 гражданам;

– для личного подсобного хозяйства – 102 тыс. семьям;

– для садоводства – 137 тыс. семьям;

– для огородничества – 21 тыс. семьям.

Характеристика землепользования в Костромской области

Земельный фонд Костромской области на 1 января 2011 года составляет 6021,1 тыс. га. Характеризуя структуру земельного фонда Костромской области, следует отметить, что большая часть его по-прежнему занята землями лесного фонда – 3653,3 тыс. га (60,7%) и землями сельскохозяйственного назначения – 1969,3 тыс. га (32,7%). Изменение площадей по категориям земель в 2011 году характеризуется данными, приведенными в таблице 2.

Снижение площади земель лесного фонда связано с переводом 58,9 тыс. га залесенных земельных участков в категорию земель особо охраняемых территорий и объектов.

На 1 января 2012 года площадь земель сельскохозяйственного назначения составляет 1969,3 тыс. га. К данной категории отнесены земли, предоставленные различным сельскохозяйственным предприятиям и организациям (товариществам и обществам, кооперативам, государственным и муниципальным унитарным предприятиям, научно-исследовательским учреждениям). В нее входят также земельные участки, предоставленные гражданам для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества и животноводства, сенокошения и выпаса скота, расположенные за пределами черты населенных пунктов. По сравнению с предшествующим годом, общая площадь земель сельскохозяйственного назначения не изменилась.

За отчетный период общая площадь земель фонда перераспределения в составе земель сельскохозяйственного назначения увеличилась на 62,8 тыс. га и на отчетную дату составила 530,6 тыс. га. Изменение площадных характеристик земель фонда перераспределения обусловлено ликвидацией сельскохозяйственных предприятий и фермерских хозяйств, а также отказами граждан и сельхозпредприятий от арендуемых земель сельскохозяйственного назначения.

В категории земель сельскохозяйственного назначения преобладают сельскохозяйственные угодья – 862,3 тыс. га (43,8%), лесные площади – 950,4 тыс. га (48,3%), прочие виды угодий – 156,6 тыс. га или 7,9% (лесные насаждения, не входящие в лесной фонд, под водой, земли застройки и др.). Распределение земель сельскохозяйственного назначения по угодьям представлено в таблице 3.

Развивая тему роли земельных ресурсов в социально-экономическом развитии муниципальных социально-экономических систем выдвинем научную гипотезу: у Ивановской и Костромской земли нет хозяина, собственника, поэтому пути решения

Таблица 3

Распределение земель сельскохозяйственного назначения по угодьям в 2011 году

№ п/п	Наименование угодий	Площадь (тыс.га)	% от площади категории
1.	**Сельскохозяйственные угодья**	**862,3**	**43,8**
2.	**Лесные площади**	**950,4**	**48,3**
3.	Лесные насаждения, не входящие в лесной фонд	81,8	4,2
4.	Под водой	13,8	0,7
5.	Земли застройки	10,0	0,5
6.	Под дорогами	27,5	1,4
7.	Болота	13,6	0,7
8.	Нарушенные земли	2,9	0,1
9.	Прочие земли	7,0	0,3
	Итого	**1969.3**	**100**

Таблица 4

Ранжирование производства сельскохозяйственной продукции по муниципальным районам Ивановской области в зависимости от использования трудовых ресурсов и территории (рассчитано по материалам Росстата по Ивановской области)

Муниципальные районы	Территория (км^2)	Численность постоянного населения (тыс. чел.)	Плотность населения, чел/ кв. км.	Ранг района по плотности населения	Производство сельскохозяйственной продукции				
					Всего, млн руб	На душу населения, тыс. руб.	Ранг, на душу населения	На кв. км. территории, тыс. руб	Ранга кв. км. территоритыс. руб/квкм
Верхнеландеховский	626,0	5,1	8,1	20	176,2	34,5	5	281,5	13
Вичугский	1005,0	21,7	21,6	6	205,9	9,5	21	204,9	19
Гаврилово-Посадский	945,3	18,0	19,0	10	747,4	41,5	2	790,6	2
Заволжский	1149,0	18,7	16,3	12	225,5	12,1	18	196,3	20
Ивановский	1079,0	63,5	58,9	1	2201,7	34,7	4	2040,5	1
Ильинский	1400,0	10,1	7,2	19	340,0	33,7	6	242,9	15
Кинешемский	1582,7	24,0	15,2	14	664,1	27,7	9	419,6	8
Комсомольский	1200,0	20,6	17,2	11	366,8	17,8	15	305,7	12
Лежневский	772,5	19,5	25,2	4	431,7	22,1	13	558,8	5
Лухский	955,0	9,2	9,6	17	219,0	23,8	10	229,3	16
Палехский	852,5	11,8	13,8	15	333,6	28,3	8	391,3	9
Пестяковский	1119,3	7,9	7,1	21	153,9	19,5	14	137,5	21
Приволсжкий	601,8	27,0	44,9	2	274,6	10,2	19	456,3	7
Пучежский	784,6	15,8	20,1	9	369,0	23,4	11	470,3	5
Родниковский	935,0	37,1	39,7	3	584,6	15,8	16	625,2	4
Савинский	861,0	13,2	15,3	13	308,3	23,4	12	358,1	11
Тейковский	1275,0	12,6	9,9	16	555,0	44,0	1	435,3	6
Фурмановский	763,2	7,0	9,2	18	275,1	39,3	3	360,5	10
Шуйский	1064,5	23,1	21,7	5	719,6	31,2	7	676,0	3
Южский	1343,0	27,0	20,1	8	273,1	10,1	20	203,4	18
Юрьевецкий	859,7	17,6	20,5	7	237,2	13,5	17	275,9	14

задачи надо искать в поиске эффективного собственника.

Роль земельных отношений в обеспечении развития муниципальных социально-экономических систем

Компетенция муниципальных властей включает:

– установление ставок земельного налога за земли, находящиеся на территории муниципалитета;

– определение величины арендной платы за земли, переданные в аренду;

– доходы от продажи земельных участков.

Все три указанные выше сферы компетенции органов власти муниципального образования являются источниками доходов муниципального бюджета и, следовательно, определяют возможный уровень развития муниципалитета. Поэтому целесообразно определить степень значимости земельных

Таблица 5

Расчет интегрального показателя эффективности использования ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции в Ивановской области (рассчитано по материалам Росстата по Ивановской области)

Муниципальные районы	Плотность населения, чел/ кв. км.	Ранг	Производство с\хпрод. на душу насения тыс. руб/чел	Ранг	Производство с\хпрод. на кв. кмтерриории тыс.руб/кв.км	Ранг	Сумма мест	Интегральный показатель
Верхнеландеховский	8,1	20	34,5	5	281,5	13	38	15
Вичугский	21,6	6	9,5	21	204,9	19	46	19
Гаврилово-Посадский	19,0	10	41,5	2	790,6	2	14	3
Заволжский	16,3	12	12,1	18	196,3	20	50	20
Ивановский	58,9	1	34,7	4	2040,5	1	6	1
Ильинский	7,2	19	33,7	6	242,9	15	40	16
Кинешемский	15,2	14	27,7	9	419,6	8	31	9
Комсомольский	17,2	11	17,8	15	305,7	12	38	13
Лежневский	25,2	4	22,1	13	558,8	5	22	4
Лухский	9,6	17	23,8	10	229,3	16	43	17
Палехский	13,8	15	28,3	8	391,3	9	32	11
Пестяковский	7,1	21	19,5	14	137,5	21	56	21
Приволжский	44,9	2	10,2	19	456,3	7	28	8
Пучежский	20,1	9	23,4	11	470,3	5	25	7
Родниковский	39,7	3	15,8	16	625,2	4	23	5
Савинский	15,3	13	23,4	12	358,1	11	36	12
Тейковский	9,9	16	44,0	1	435,3	6	23	6
Фурмановский	9,2	18	39,3	3	360,5	10	31	10
Шуйский	21,7	5	31,2	7	676,0	3	12	2
Южский	20,1	8	10,1	20	203,4	18	46	18
Юрьевецкий	20,5	7	13,5	17	275,9	14	38	14

ресурсов в социально-экономическом развитии муниципалитетов.

Прежде всего, отметим, что государственная политика в данной области объединяет две важные и взаимосвязанные сферы отношений: земельные отношения и отношения в области иной недвижимости. Это представляется логичным и целесообразным, особенно на современном уровне развития социально-экономических отношений в данных сферах.

Мы считаем, что основной целью государственной политики в области земли и иной недвижимости должен быть провозглашен устойчивый экономический рост страны и повышение благосостояния ее граждан. Все базовые положения, требования и условия государственной политики в области земли и иной недвижимости не только не препятствуют, но, скорее, способствуют выдвижению сферы земельных отношений в число основных факторов, обеспечивающих развитие муниципальных социально-экономических систем.

Расчет хозяйственного потенциала территории заключается в обеспечении рационального природо- и землепользования. Пока что в Ивановской области земельных ресурсов сельхозназначения к уровню 1990 г. используется только 42,4%.

Сравнительный подход предполагает использование как зарубежных достижений в области землепользования, так и отечественного опыта. В этом плане Ивановские показатели землепользования планируется сравнить с показателями соседних регионов.

Ранжирование муниципальных районов по объемам производства сельскохозяйственной продукции и эффективности использования ресурсов и расчет интегрального показателя эффективности сельскохозяйственного производства в зависимости от использования трудовых ресурсов и площади территории показаны в таблицах 4, 5, 6.

Из материалов таблицы 4 следует, что наиболее высокая плотность населения 39,7–58,9 чел. на 1 км^2 отмечена в Ивановском, Приволжском и Родниковском районах. Самая низкая – в Верхнеландеховском и Пестяковском районах – 7,1–8,1 чел. на 1 км^2. Наиболее высокие показатели по производству сельскохозяйственной продукции на душу населения наблюдаются в Тейковском и Гаврило-Посадском районах, а самые низкие – в Вичугском, Южском и Приволжском районах.

Интегральный показатель эффективности использования трудовых ресурсов в совокупности с по-

Таблица 6

Ранги муниципальных образований Ивановской области по интенсивности сельскохозяйственного производства в сельхозорганизациях (рассчитано по материалам Росстата по Ивановской области)

Муниципальные районы	Производство зерна	Производство мяса	Производство молока	Продуктивность коров	Производство кормов	Сумма мест	Место
Верхнеландеховский	16	16	18	21	19	90	20
Вичугский	20	21	21	18	20	100	21
Гаврилово-Посадский	1	8	3	3	2	17	3
Заволжский	15	19	19	9	17	79	16
Ивановский	5	1	5	1	7	19	4
Ильинский	19	15	15	15	16	80	19
Кинешемский	12	3	17	20	12	64	11
Комсомольский	8	12	8	17	6	51	8
Лежневский	13	6	12	7	13	51	9
Лухский	10	13	11	12	11	57	10
Палехский	9	10	9	5	9	42	7
Пестяковский	14	17	16	14	18	79	15
Приволжский	2	5	4	10	1	22	5
Пучежский	6	7	6	6	8	33	5
Родниковский	3	4	1	4	4	16	2
Савинский	18	11	14	16	14	73	14
Тейковский	7	9	7	8	5	36	6
Фурмановский	21	18	20	19	21	99	18
Шуйский	4	2	2	2	3	13	1
Южский	17	14	10	11	15	67	12
Юрьевецкий	11	20	13	13	10	67	13

казателями хозяйственного использования территорий позволил выявить лидеров в сельскохозяйственном производстве – это Ивановский, Шуйский, Гаврилово-Посадский и Родниковский районы.

Лидерами являются Шуйский и Родниковский районы, на их территории расположены многоотраслевые сельскохозяйственные организации, деятельность которых предусматривает более длинные технологические цепи и, естественно, большую суммарную добавленную стоимость. В частности, по объему производства мяса и молока Шуйский район находится на втором месте, Родниковский – на четвертом. Гаврилово-Посадский район занимает первое место по производству зерна и третье по производству молока.

Таким образом, по совокупности всех показателей, можно ранжировать районы как развитые, среднеразвитые и низкоразвитые:

К группе *высокоразвитых* муниципальных районов относятся 5 районов области:

– Ивановский район (пригородный район областного центра, с самой высокой плотностью населения, основной производитель мяса, первое место по уровню надоя в расчете на 1 корову);

– Гаврилово-Посадский (характеризуется средней плотностью населения, но ввиду уникальных природных условий занимает 1 место по производству зерна, отличается развитым молочным направлением в животноводстве, высокой кормообеспеченностью);

– Приволжский (высокая плотность населения, лидер по плотности производства кормов, высокие характеристики интенсивности зернового хозяйства, мясного и молочного производства, но уровень надоев в расчете на 1 корову невысок);

– Родниковский (наиболее высокая интенсивность производства молока в области при высоком уровне развития иных отраслей, достаточно высокая плотность населения);

– Шуйский (наиболее сбалансированный в сельскохозяйственном отношении район – по всем показателям занимает 2–4 места в области).

В группу *среднеразвитых* муниципальных районов входят 10 районов области:

– Кинешемский (при средней плотности населения район имеет средние показатели по уровню развития растениеводства, характеризуется неразвитым молочным скотоводством, но является одним из лидеров по интенсивности производства яиц за счет птицефабрики);

– Комсомольский (при высокой плотности населения район имеет достаточно высокие показа-

тели интенсивности растениеводства, средний уровень производства мяса и молока, но низкий надой в расчете на 1 корову);

– Лежневский (при высокой плотности населения район характеризуется средними показателями производства, более оптимальна ситуация по реализации мяса);

– Лухский (при низкой плотности населения район характеризуется средними уровнем производства по всем показателям);

– Палехский (имеет средние показатели по интенсивности производства при значительном уровне надоя молока в расчете на 1 корову);

– Пучежский (при средней плотности населения по всем показателям район занимает 6–8 места в области);

– Савинский район (характеризуется низкими показателями развития сельского хозяйства);

– Южский (при средней плотности населения наблюдаются средние и ниже среднего показатели развития сельхозпроизводства);

– Юрьевецкий (сниженная плотность населения в совокупности с малыми объемами производства мяса и средним уровнем развития растениеводства и молочного животноводства);

– Тейковский (при средней плотности населения район имеет достаточно высокие показатели интенсивности растениеводства и производства молока при сниженном производстве мяса).

В группу *недостаточно развитых* муниципальных районов вошли 6 районов области:

– Верхнеландеховский (малая плотность населения сочетается с низкими показателями интенсивности производства и молока, и мяса, и зерна, самый низкий в области показатель надоя в расчете на 1 корову);

– Вичугский (несмотря на средний показатель плотности населения, район находится на последнем месте по интенсивности животноводства и предпоследнем – растениеводства);

– Заволжский (низкая плотность населения и низкие показатели интенсивности и растениеводства, и животноводства, но при среднем показателе надоя в расчете на 1 корову);

– Ильинский (очень низкая плотность населения и сниженное значение всех рассмотренных показателей);

– Пестяковский (при самой низкой плотности населения в области район находится на уровне ниже среднего по области по всем выделенным показателям);

– Фурмановский (несмотря на достаточно высокую плотность населения – 7 место в области, – район характеризуется самым неразвитым растениеводством и низким уровнем развития животноводства).

В рамках данного подхода разработчики стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2020 г. предложили уделить внимание формированию мясомолочного кластера. Ключевым направлением организационной работы в сельскохозяйственных кластерах выступает создание мощных современных агрохолдингов, как правило, на базе предприятий перерабатывающей промышленности.

Наряду с реализацией крупных проектов, необходимо оказывать поддержку и мелким товаропроизводителям, которые могут выступать участниками рынка сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, создаются предпосылки для дальнейшего устойчивого развития аграрной сферы и выхода на качественно новый технологический уровень производства. Необходимо дальнейшее повышение конкурентоспособности сельхозпродукции ивановских производителей на основе технологической модернизации, что обеспечит соблюдение уровня стратегической продовольственной безопасности региона и, в дальнейшем, рост торговли с другими регионами России.

Правовые особенности землеустроительных работ

В земельном кодексе, по мнению юристов, допущены серьезные казусы [2, с. 123–133]. В этом документе интересы общества ставятся выше интересов граждан, то есть этот принцип нарушает основополагающее положение категории «земля» как основы жизни и деятельности человека. Кроем того, не ясно, что считать неделимым элементом в сфере земельных отношений: часть земельного участка, земельный участок или поле как объект земельных отношений. Законодатель исключил «земельное поле» из сферы земельных отношений и спровоцировал внедрение чересполосицы.

Экономические последствия такой ситуации в сельском хозяйстве предсказуемы. Поэтому позитивные изменения в этой отрасли возможны только при осуществлении крупных радикальных мер, освоении адаптивной интенсификации земледелия.

Библиографический список

1. Зерно без зеро // Российская газета. – 2009. – 22 мая. – № 92.

2. *Пашков В.* Вопрос о земле // Вестник института экономики РАН. – 2012. – № 3.

УДК 331.215.1

Цимбалюк Светлана Алексеевна
кандидат экономических наук
Киевский национальный экономический университет им. Вадима Гетьмана, Киев, Украина
cymso@ukr.net

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ОПЛАТЫ ТРУДА

В статье исследована сущность понятия «справедливая оплата труда». Изложены основные проблемы обеспечения справедливой оплаты труда в Украине. Исходя из рассмотренных недостатков, определены основные направления совершенствования оплаты труда.

Ключевые слова: *оплата труда, справедливая оплата труда, организация заработной платы, минимальная заработная плата, государственное регулирование, договорное регулирование.*

Невозможно эффективно управлять персоналом без обеспечения справедливой оплаты труда, выплаты достойного уровня вознаграждения, предоставления наемным работникам социального пакета. Только при таких условиях можно рассчитывать на повышение мотивации и лояльности работников и соответственно на высокие результаты труда.

Вопросы организации заработной платы являются одними из наиболее важных и, вместе с тем, наиболее болезненных для Украины. Необходимо обратить внимание на следующие актуальные проблемы: низкий уровень, тенизация и неудовлетворительная дифференциация заработной платы, нарушение предприятиями законодательства в сфере оплаты труда, несогласованность заработной платы со сложностью функций и обязанностей, уровнем квалификации работников и результатами труда. Перечисленные проблемы негативно влияют на обеспечение справедливости в оплате труда наемных работников.

Вопросам организации заработной платы посвящено немало исследований. Среди зарубежных авторов, которые занимались исследованием этих вопросов, следует выделить М. Армстронга, Э. Лоулера, Дж.Т. Милковича, Дж.М. Ньюман, Т. Стивенс, Р. Хендерсона и др. Различные теоретические и прикладные аспекты организации заработной платы изложены в трудах украинских ученых: Е. Гришновой, В. Данюка, Т. Кирьян, А. Колота, Г. Куликова, В. Лагутина, Э. Либановой, Н. Лукьянченко, О. Новиковой, В. Оникиенка, И. Петровой и др. Эти проблемы исследовали также российские ученые: Л. Абалкин, И. Алиев, Л. Бабынина, В. Бобков, Н. Волгин, Б. Генкин, В. Гимпельсон, Н. Горелов, Ю. Кокин, Р. Колосова, Б. Мазманова, Ю. Одегов, А. Рофе, М. Сорокина, А. Федченко, Р. Яковлев и др.

Ученые занимались теоретико-методологическим обоснованием сущности «цены рабочей силы», «заработной платы», механизма формирования заработной платы, разработкой предложений по совершенствованию организации заработной платы и т.д. Но есть проблемы, требующие дальнейших теоретических и прикладных исследований, а на их основе разработки рекомендаций по улучшению механизма организации заработной платы, в том числе, посредством обеспечения справедливой оплаты труда.

Мы пытаемся определить сущности понятия «справедливая оплата труда», выявить основные проблемы и разработки направлений обеспечения справедливой оплаты труда.

Если рассматривать вопрос обеспечения справедливой оплаты труда с научной точки зрения, то сначала нужно выяснить, что мы понимаем под термином «*справедливая оплата труда*».

Согласно толковому словарю понятие «*справедливый*» означает: 1) действующий беспристрастно; соответствующий истине; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный, правильный [2].

Исходя из толкования понятия «справедливый», мы можем сформулировать определение термина «справедливая оплата труда».

Справедливая оплата труда – это такой механизм определения размера заработной платы, который:

– обеспечивает достойный уровень заработной платы, достаточный для расширенного воспроизводства рабочей силы наемного работника и материального обеспечения нетрудоспособных членов семьи;

– соответствует законодательным нормам;

– обеспечивает справедливое распределение предельного продукта (результатов труда) между собственником и работниками;

– обеспечивает объективную дифференциацию заработной платы в зависимости от сложности труда и квалификации работника, результатов труда, стажа работы, условий труда;

– исключает предвзятое отношение к отдельным работникам в зависимости от пола, возраста и других факторов, которые непосредственно не касаются трудовой деятельности и т.д.

Рассмотрим *проблему обеспечения справедливой оплаты труда в двух измерениях*:

– определение размера фонда оплаты труда, его доли в операционных расходах предприятия, что характеризует справедливое распределение пре-

© Цимбалюк С.А., 2013

дельного продукта (результатов труда) между собственником и наемными работниками;

– распределение фонда оплаты труда между наемными работниками и определение размера заработной платы, которую получает работник за выполнение определенной трудовой функции.

Если говорить о *доле заработной платы в ВВП и операционных расходах*, то в Украине она намного ниже, чем в развитых странах Европы. Доля заработной платы в ВВП в Украине составляет 37%, в странах Европы этот показатель равняется 60–70% [3].

Важную роль в обеспечении справедливого распределения предельного продукта (результатов труда) между собственником и наемными работниками, на наш взгляд, должны играть социальные партнеры. В Генеральном соглашении должны быть предусмотрены обязательства социальных партнеров по определению в отраслевых соглашениях, коллективных договорах минимальной доли фонда оплаты труда в операционных расходах предприятий. Соответственно отраслевые соглашения должны содержать обязательства собственников по определению в коллективных договорах минимальной доли фонда оплаты труда в операционных расходах предприятий.

Анализ отраслевых соглашений показал, что в большинстве из них отсутствуют обязательства социальных партнеров относительно определения доли фонда оплаты труда в операционных расходах. Лишь отдельными соглашениями предусмотрены договоренности по обеспечению увеличения доли, хотя конкретный процент такого увеличения не указывается.

Вторая проблема – распределение фонда оплаты труда и *определение размера заработной платы, которую получает работник*. Для обеспечения социальной справедливости важно, чтобы в этом процессе были задействованы все классические составляющие механизма организации заработной платы: государственное и договорное регулирование, механизм определения заработной платы на уровне предприятия, включая нормирование труда, тарифные условия, системы оплаты труда и т.д.

Одной из основных проблем обеспечения справедливой оплаты труда в Украине является *низкий размер минимальной заработной платы*. Минимальная заработная плата основывается на уровне заниженного размера прожиточного минимума и не обеспечивает даже простого воспроизводства рабочей силы наемного работника.

Одним из направлений реформирования оплаты труда является пересмотр методики расчета прожиточного минимума, приближение набора составляющих, которые учитываются при его расчете, к реальным потребностям работников и условиям воспроизводства рабочей силы.

Вместе с тем, само по себе повышение минимальной заработной платы не решит проблемы справедливой оплаты труда, поскольку минимальная заработная плата обеспечивает выполнение лишь воспроизводительной функции. Заработная плата должна выполнять и другие важные функции: мотивационную, социальную, регулирующую.

Повышение размера минимальной заработной платы, которое, безусловно, можно считать положительным фактором, без реформирования других составляющих механизма организации заработной платы может повлечь ряд негативных явлений в Украине:

– уравнение в заработной плате работников различных категорий и квалификационных групп;

– «перекладывание» выполнения воспроизводственной функции с тарифной части на весь размер заработной платы, что негативно скажется на дифференциации заработной платы;

– увеличение разрыва между уровнями заработных плат работников бюджетного и внебюджетного секторов экономики.

В связи с этим, считаем, что необходимо комплексно подходить к реформированию системы оплаты труда в Украине, поскольку решение лишь отдельных вопросов может усугубить другие. Одновременно с повышением минимальной заработной платы нужно реформировать систему оплаты труда в бюджетной сфере, где не выполняются даже заниженные социальные стандарты, поскольку ученые, врачи, учителя могут получать меньшую заработную плату, чем неквалифицированные рабочие на предприятиях внебюджетного сектора экономики.

Важной составляющей механизма обеспечения объективной дифференциации заработной платы, а, следовательно, и социальной справедливости, являются *тарифные условия оплаты труда*.

Анализ тарифных условий оплаты труда, которые используются на украинских предприятиях, показывает, что на большинстве из них этот элемент механизма оплаты труда не обеспечивает соблюдение принципа социальной справедливости. Прежде всего, это касается таких вопросов:

– установление необоснованных диапазонов тарифных сеток и схем должностных окладов, что приводит либо к уравнению, либо, наоборот, к социальной несправедливости;

– несоблюдение порога «чувствительности» – минимально необходимой разницы между тарифными коэффициентами и соотношениями в оплате труда двух смежных разрядов, квалификационных групп, которая должна быть не менее 10%;

– отсутствие объективных критериев соотнесения сложности работ и, соответственно, формирования квалификационных групп по оплате труда руководителей, специалистов и технических служащих. Действующие справочники квалификационных характеристик профессий работников не

Таблица 1

Межразрядная разница ЕТС для оплаты труда работников бюджетной сферы Украины

Разряды ЕТС	Тарифные коэффициенты	Относительное увеличение тарифных коэффициентов, %	Разряды ЕТС	Тарифные коэффициенты	Относительное увеличение тарифных коэффициентов, %
1	2	3	1	2	3
1	1,0	–	*14*	2,42	6,6
2	1,09	9,0	*15*	2,58	6,6
3	1,18	8,3	*16*	2,79	8,1
4	1,27	7,6	*17*	3,0	7,5
5	1,36	7,1	*18*	3,21	7,0
6	1,45	6,6	*19*	3,42	6,5
7	1,54	6,2	*20*	3,64	6,4
8	1,64	6,5	*21*	3,85	5,8
9	1,73	5,5	*22*	4,06	5,5
10	1,82	5,2	*23*	4,27	5,2
11	1,97	8,2	*24*	4,36	2,1
12	2,12	7,6	*25*	4,51	3,4
13	2,27	7,1	–	–	–

позволяют провести надлежащую тарификацию работ для руководителей, специалистов и технических служащих и т.д.

Существенные недостатки с точки зрения обеспечения социальной справедливости имеет Единая тарифная сетка по оплате труда работников бюджетной сферы [1]. Рассчитанная нами межразрядная разница ЕТС приведена в таблице 1.

Среди *недостатков ЕТС*, которая используется для оплаты труда работников бюджетной сферы в Украине, с точки зрения обеспечения социальной справедливости надо выделить следующие:

– установление оклада (ставки) работника 1 тарифного разряда в размере, меньшем минимальной заработной платы, что противоречит законодательству, в том числе статье 96 КЗоТ Украины;

– очень маленький диапазон тарифной сетки: для двадцатипятиразрядной сетки соотношение 1:4,51 является мизерным;

– межразрядная разница тарифных коэффициентов всех разрядов меньше 10%, что необъективно учитывает разницу в сложности функций и обязанностей, уровне квалификации работников двух смежных разрядов;

– отсутствие логики в построении тарифных коэффициентов, использование смешанного типа межразрядной разницы, которая дифференцируется от 2,1% до 9%;

– отсутствие объективной методики оценивания сложности обязанностей и работ сотрудников и квалификационных характеристик профессий и должностей для отдельных отраслей бюджетной сферы и др.

Важную роль в обеспечении справедливой оплаты труда играют и *другие составляющие системы оплаты труда*:

– система премирования должна обеспечивать справедливую дифференциацию заработной платы в зависимости от результатов труда. Выплата всем работникам премии в одинаковом размере нивелирует назначения премирования в системе оплаты труда;

– доплаты должны справедливо компенсировать работнику дополнительные физические и умственные усилия, связанные с особым характером труда или условиями, которые отклоняются от нормальных;

– надбавки должны учитывать индивидуальные особенности работников, стимулировать их к улучшению профессионально важных качеств и длительной работы в определенной профессиональной сфере или на предприятии и т.п.

Для обеспечения социальной справедливости важно *повысить роль государства в сфере регулирования заработной платы* по следующим направлениям:

– разработка научно обоснованных рекомендаций по нормированию труда, проектированию на предприятиях различных составляющих заработной платы (тарифных условий оплаты труда, системы премирования, доплат и надбавок, социального пакета);

– реформирование системы оплаты труда в бюджетном секторе экономики, разработка новой социально справедливой ЕТС.

Основные *направления совершенствования ЕТС*, которая используется для оплаты труда работников бюджетной сферы в Украине:

– согласование оклада (ставки) работника 1 тарифного разряда с минимальной заработной платой;

– отнесение профессий и должностей не к разрядам ЕТС, а формирование квалификационных групп по оплате труда;

– уменьшение количества разрядов ЕТС и диапазонов разрядов для отдельных профессий и дол-

жностей за счет формирования квалификационных групп по оплате труда с учетом сложности работ;

– разработка методики оценивания должностей и работ для объективного сравнения сложности функций и обязанностей работников;

– использование постоянной межразрядной разницы тарифных коэффициентов, обеспечение разницы в тарифных ставках и должностных окладах двух смежных квалификационных групп не менее 10% и др.

Таким образом, вопросы организации заработной платы являются важными и проблемными для Украины. Особенное место занимают вопросы обеспечения справедливой оплаты труда наемных работников. Существующий механизм организации заработной платы является неэффективным, что обосновывает необходимость реформирования системы оплаты труда в Украине. Необходимо комплексно подходить к реформированию системы оплаты труда, поскольку решение отдельных вопросов может существенно усугубить другие. Кроме того, вопрос обеспечения справедливой оплаты труда не может быть решен обособленно от других проблем в экономической и социальной сфере государства. Причины несправедливой оплаты труда имеют глубокие корни и, скорее всего, связаны с ценностями, нормами морали, установками.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на конкретизацию требований к разработке научно обоснованных рекомендаций по проектированию различных составляющих заработной платы с целью обеспечения социальной справедливости.

Библиографический список

1. Об оплате труда работников на основе Единой тарифной сетки разрядов и коэффициентов по оплате труда работников учреждений, заведений и организаций отдельных отраслей бюджетной сферы // Постановление Кабинета Министров Украины от 30.08.2002 № 1298 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1298-2002-%D0%BF (дата обращения 24.02.2013).

2. *Ожегов С.И.*, *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ozhegov.info/slovar/ (дата обращения 24.02.2013).

3. О мероприятиях по случаю празднования в 2013 году Всемирного дня социальной справедливости // Постановление Президиума Федерации профсоюзов Украины от 11.12.2012 № П-15-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fpsu.org.ua/napryamki-diyalnosti/142-den-socialnoi-spravedlivosti/247-zahodysocsprav (дата обращения 24.02.2013).

УДК 378

Шаров Дмитрий Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mr.sharov-44@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: СПЕЦИФИКА И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В статье предложено новое видение роли повышения квалификации молодых преподавателей университета.
Ключевые слова: *динамика развития университета, квалификация молодых преподавателей.*

Для динамично развивающегося университета принципиальное значение имеет квалификация молодых преподавателей как будущего кадрового состава. Однако структура университета многопрофильна, что определяет специфику повышения квалификации.

Высшие профессиональные учебные заведения уже начинают функционировать в рамках новых образовательных стандартов двухуровневой подготовки, предусматривающих значительные изменения образовательного процесса в высшей профессиональной школе. Новая экономика и новый подход к человеческим ресурсам диктуют переход к компетентностно-ориентированному (инновационному) образованию, удовлетворяющему востребованность таких компетенций специалиста, как умения работать в коллективе, умения ориентироваться на рынке труда, готовности связывать свою карьеру с продолжением образования, способности принимать решения, менять профиль деятельности в зависимости от изменения стратегии предприятия, технологий и т.п. Новый подход, основанный на превращении высшего профессионального образования в образование, соотнесенное с общечеловеческими ценностями, требует пересмотра привычной стратегии преподавания и воспитания в высшей школе, а также пересмотра подготовки самих преподавателей к реализации новых образовательных задач.

Не так давно межведомственная комиссия по проведению мониторинга деятельности вузов предложила Госдуме разработать закон, обязывающий высшие школы проходить проверку на эффективность, о чем говорится в протоколе заседания комиссии, размещенном на сайте Минобрнауки РФ 29 ноября 2012 года. Предполагается, что действие закона будет распространяться не только на государственные вузы. Кроме того, много разговоров

 © Шаров Д.В., 2013

в последнее время ведется о качестве и конкурентоспособности отечественного образования, появился термин «инновации в образовании», но никто не говорит о том, кто будет внедрять это принципиально новое в образование – о преподавателях, не только об их квалификации, но и об их готовности к внедрению инноваций.

Одним из аккредитационных показателей высшего учебного заведения является количество работающих в нем докторов и кандидатов наук. Однако этот показатель статичен и не учитывает возрастной динамики. Анализируя преподавательский состав Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, отметим, что в университете на штатной основе работает 400 преподавателей, из которых две трети – доктора и кандидаты наук. В преподавательском составе имеются шестнадцать заслуженных работников высшей школы Российской Федерации, пятьдесят шесть почетных работников высшего профессионального образования Российской федерации и т.д. В целом хорошо, что количество докторов и кандидатов наук за последние годы увеличилось втрое, но вряд ли можно оценить динамику роста квалификации кадров как положительную, ибо подавляющее большинство докторов наук – люди пожилого возраста. Данное обстоятельство актуализирует исследование проблемы повышения квалификации молодых преподавателей. На наш взгляд, именно квалификацию молодых преподавателей следует рассматривать как фактор сопротивления изменениям, происходящим в социально-экономической жизни страны.

Очевидно, что в различных образовательных организациях, типах вузов существуют особенности повышения квалификации. Отмеченное делает возможным рассмотрение специфики повышения квалификации в классических, технических и педагогических вузах. Рассмотрение специфики повышения квалификации молодых сотрудников делает необходимым анализ возможных моделей повышения квалификации молодых сотрудников в КГУ им. Н.А. Некрасова. Более того, структура КГУ им. Н.А. Некрасова имеет факультеты различной направленности, а это, в свою очередь, призывает к необходимости дифференцировать возможные модели.

Специфика повышения квалификации молодых преподавателей классических вузов заключается в следующем: во-первых, основной формой повышения квалификации в классических вузах является аспирантура и докторантура; во-вторых, наличие договоров с зарубежными партнерами позволяет осуществить академический обмен; в-третьих, укрупненность вузов, носящих статус классических, позволяет реализовать принцип «фабрики культуры цивилизации устойчивого развития» [4, с. 108–119; 6, с. 71–76].

Специфика повышения квалификации молодых преподавателей технических вузов заключается в том, что преподаватели технических вузов более подготовлены технически, чем педагогически, это делает необходимым повышение уровня педагогического мастерства преподавателей и осознание ими того, что процесс обучения, прежде всего, явление педагогическое. Наиболее важной формой повышения педагогического мастерства являются соответствующие занятия, которые проводятся по безотрывной форме обучения в течение учебного года согласно учебному плану и рабочим программам, утвержденным ректором. А наиболее важными компетенциями, с нашей точки зрения, являются: научно-предметная; психолого-педагогическая; коммуникативная; социально-организационная (управленческая); креативная; информационная [2, с. 16–24].

Специфика повышения квалификации молодых преподавателей в педагогических вузах заключается в том, что многие преподаватели не владеют педагогическими навыками обучения и работы с подопечными: предметными, организаторскими, дидактическими, перцептивными, суггестивными, исследовательскими, научно-познавательными [5, с. 63–66; 3, с. 44–47].

Решение проблемы сопротивления изменениям, происходящим в системе высшего профессионального образования Российской Федерации (рейтинг Вузов, имеющих признаки неэффективности, ФЗ об образовании, стиль управления КГУ имени Н.А.Некрасова и т.п.), на основе повышения квалификации молодых преподавателей, на наш взгляд, является теоритически и практически значимым и возможным.

Библиографический список

1. *Гитман М.Б., Кузнецова Т.А., Матушкин Н.Н., Столбов В.Ю., Южаков А.А.* Механизмы и инструменты подготовки научных кадров к инновационной деятельности // Высшее образование в России. – 2012. –№ 10. – С. 21–29.

2. *Ким И.Н., Лисенко С.В.* Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя в рамках ФГОС // Высшее образование в России. 2012. – № 1. – С. 16–24.

3. *Кутузов А.Г.* Конструирование новой модели подготовки кадров // Высшее образование в России. – 2012. – № 8–9. – С. 44–47.

4. *Назаров И.Б.* Кадровые стратегии российских университетов // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 108–119.

5. *Рябова Н.В.* Инновационная инфраструктура педагогического вуза // Высшее образование в России. – 2012. – № 5. – С. 63–66.

6. *Шафранова Щ.Е.* О профессиональной подготовке преподавателей вуза // Высшее образование в России. – 2012. – № 3. – С. 71–76.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

Арефьев Александр Александрович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
fragor@rambler.ru

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БИОИНЖЕНЕРНОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В работе рассматриваются основные риски и перспективы применения биоинженерных технологий для физического и интеллектуального усовершенствования человека. Автор связывает моральные проблемы выбора отдельных людей с более масштабными рисками социального неравенства и изменения самого понятия «человек».

Ключевые слова: *биотехнологии, биоинженерное воздействие, риск, усовершенствование человека, биоэтика, трансгуманизм.*

«Расширение»: интерфейс человек-машина

Строго говоря, «усовершенствование» (от англ. – enhancement), «расширение» или «улучшение человека» включает любую деятельность по развитию наших физических и интеллектуальных способностей: чтение книг, занятия спортом – всё это является разновидностями «усовершенствования». С моральной точки зрения такие естественные практики являются нейтральными и неинтересными. Дискуссия начинается только в тех случаях, когда внешнее, искусственное воздействие на человека приводит к *скачкообразному превышению* его способностей по сравнению со *среднестатистическими* способностями окружающих. Далее мы будем рассматривать примеры разных типов биоинженерного усовершенствования человека, как в качестве терапии для восполнения функций, так и за её пределами. Реальный риск для будущего, механизм которого в целом сформирован уже сегодня, содержат разработки новейших интерфейсов человек-машина.

Сам принцип создания киборг- или гибридных систем человек-машина предполагает прямое взаимодействие техники с участками мозга. Человек не просто получает контроль над цифровым устройством или искусственной конечностью – он добровольно передаёт подробную информацию о своём физическом и эмоциональном состоянии. Такие разработки содержат высокий риск вмешательства в свободу выбора, как пациента, так и энтузиаста «улучшения». Например, интерфейс мозг-цифровая камера, который активно разрабатывается для восстановления зрения, не исключает трансляции рекламы или другого типа воздействия, чем может в корне изменить понятие «картина мира».

Серьёзных успехов в компенсаторном применении интерфейса обезьяна-машина добился бразильский нейрофизиолог Мигель Николелис. М. Николелис занимается проблемой восстановления утраченных конечностей у людей и животных. Он, безусловно, является энтузиастом технокиберцивилизации: «Весь потенциал “цифровой революции” сдерживался её расчетом на невысоко производительные и относительно медленные интерфейсы человек-машина (e.g., клавиатура, мышь и т.д.). <…> Диапазон использования такого инструмента ограничен конструктивной неспособностью к ассимиляции многочисленными внутренними отделами мозга в качестве непрерывного расширения наших конечностей или органов чувств. <…> Если такие устройства можно будет внедрить в “невральное пространство” как продолжения наших мускулов и чувств, они могут привести к беспрецедентному (и недостижимому сегодня) росту сенсорной, моторной и когнитивной активности человечества» [6, с. 223]. В 2008 году Николелис и его коллеги продемонстрировали, как обезьяна Айдоя (Idoya) привела в движение робота на тренажере-дорожке. Прототип – модель человека – шагал по движущемуся полотну, и, в зависимости от сигналов мозга обезьяны, менял скорость. Учёный и его команда сотрудничают с проектом Вычислительный мозг японского Агентства по науке и технологиям, Киото [5].

Важным документом является официальный Доклад Европейской группы по этике в науке и новых технологиях (OPINION OF THE EUROPEAN GROUP ON ETHICS IN SCIENCE AND NEW TECHNOLOGIES TO THE EUROPEAN COMMISSION). В Докладе [7] от 2005 года есть раздел «Этические аспекты имплантации информационно-коммуникационных устройств в человеческое тело» (ETHICAL ASPECTS OF ICT IMPLANTS IN THE HUMAN BODY) и специальный раздел «Имплантация ИКУ (здесь и далее – информационно-коммуникационные устройства) и расширение физических и умственных способностей» (ICT Implants and Enhancement of Physical and Mental Capabilities). Далее приводиться наш перевод раздела.

Должны быть предприняты усилия, чтобы не допустить использование ИКУ-имплантов для создания общества из двух классов, либо усилить разрыв между индустриальными странами и остальным миром. Доступ к ИКУ-имплантам для расширения (улучшения) человеческих возможностей должен быть использован только для того, чтобы: 1. Помочь детям или взрослым достичь нор-

© Арефьев А.А., 2013

мальных для популяции (антропометрических) параметров, если они желают этого и дали письменное согласие; 2. Улучшить шансы иммунной системы перед вирусами, например против ВИЧ.

В случае с использованием расширения в целях здравоохранения, доступ к ИКУ-имплантам должен быть основан на необходимой потребности, а не на экономических ресурсах или социальном статусе (потенциального носителя ИКУ-импланта). Европейская комиссия по этике подчёркивает необходимость категорического запрета следующих возможностей: использование ИКУ-имплантов в качестве основы для кибер-расизма; для изменения идентичности, памяти, восприятия человеком самого себя и окружающих; для улучшения способностей с целью подчинить других людей; для принуждения к внедрению ИКУ-имплантов людей, которые их не используют.

Этическая экспертиза

Е.Г. Гребенщикова, российский специалист по биоэтике, связывает актуальность этического рассмотрения новейших технологий с глобальными изменениями внутри самой науки: «Формирование биоэтического дискурса совпадает на Западе с критикой научной рациональности и научного истеблишмента, с осознанием опасностей технократического мышления, понимаемого как “инженерия человеческих душ и тел”. Поставив под сомнение этико-аксиологические основания научно-технологического развития, общественные дискуссии актуализировали вопросы дальнейших перспектив практических приложений научного знания и возможных, но не всегда прогнозируемых рисков» [1, с. 148–149].

Центральный вопрос в спорах о моральной допустимости «улучшения» можно сформулировать так: будет ли существование усовершенствованных людей нарушением конституционных прав обычных граждан за счёт превосходства в физических и интеллектуальных способностях?

На данный момент, когда ещё нет прецедентов судебного разбирательства подобных дел, чётко ответить на этот вопрос нельзя. Отсутствие социальной практики взаимодействия между простыми и «улучшенными» людьми и высокая секретность современных разработок определяют футурологический и фантастический характеры аргументов, приводимых противниками «усовершенствования». Протагонисты «усовершенствования» парируют аргументы своих соперников их собственным оружием демократии: никто не вправе запрещать человеку свободно выбирать образ жизни, в том числе – изменять своё тело, если это не принесёт вреда окружающим.

П.Д. Тищенко, один из отечественных специалистов по биоэтике, выделяет ряд проблем биоинженерных технологий, важных для человеческого достоинства: «Био-инженер – это не ремесленник, а скорее крестьянин, “вирусовод” и селекционер полезных ошибок природы (мутаций). <…> Если в работе с материалом неживой природы изготовитель является единственным агентом (субъектом), то в работе с материалом живым (в модифицировании) модификатор является ко-агентом, работающим с другим субъектом (живым телом). Действие из конструирования приобретает вид интервенции в процессы, которые имеют собственную, независящую от деятеля активность. <…> Все точнейшие и подробнейшие предсказания упираются в “человеческий фактор”. В живое, плохо контролируемое тело человека. <…> Поэтому продукт и средство биоинженерной деятельности столь сложен, что прогностические науки не способны более или менее достоверно отследить возможные последствия. Как образно высказывается Йонас, “предсказание превращается в гадание, планирование результатов – в рискованную игру (gambling)”. *Риск приобретает черты Фортуны*» [2, с. 128].

Подобно тому, как в профессиональном спорте и спорте высших достижений есть и продолжает быть актуальной проблема вреда, наносимого допингом, в этической дискуссии об «улучшении человека» существует постоянный ценностный конфликт между автономией воли отдельного человека и здоровьем и безопасностью общества. Авторы 25 вопросов по этике усовершенствования [4] предлагают частично разрешить это противоречие через установление патерналистской политики в области биотехнологий для плохо информированных граждан (например, детей), по аналогии с табаком и алкоголем. Если человек хорошо информирован о риске и идёт на «улучшение» сознательно, нельзя с абсолютной уверенностью гарантировать, что ни он, ни другие при этом не пострадают. Итогом размышлений авторов становится констатация необходимости «покровительственной» демократии для защиты гражданских свобод.

Интересно, что в сегодняшней полемике вокруг усовершенствования человека воспроизводится древнее представление об изначальном несовершенстве человека, о его грехопадении или уходе от идеала. Вот что пишет об этом В.Ю. Хен: «Желание усовершенствовать человека – гораздо древнее собственно евгенических программ. Миф о лучших временах в той или иной форме встречается у самых разных народов, разделённых пропастью времени и расстояния. Например, тотемические мифы аборигенов Австралии повествуют о необычных свойствах, присущих некоторым из предков людей, которые могли самостоятельно возноситься на небо или опускаться под землю. В Шумере верили в существование волшебной “страны живых”, в которой люди не знали ни болезней, ни смерти. Согласно представлениям майя, первые люди были умны, красивы и проницательны, но позже ревнивые боги-создатели лишили их этих качеств» [3, с. 125].

Разница между прошлыми столетиями и нашим временем в том, что если раньше религия и философия предлагали человеку маяки и тропы на пути к *нравственному совершенству*, то сегодня биотехнологии предлагают свой, конкурентный проект радикального *телесного* усовершенствования. Протагонисты безграничной модификации тела используют термин «трансгуманизм» чтобы подчеркнуть, что подобные операции могут и должны превосходить обыденную трактовку понятия «человек». Легендарные существа – сатиры, кентавры, русалки – теперь становятся проектами «постчеловечества».

Интересную точку зрения в защиту телесного усовершенствования человечества, продления срока жизни высказывает профессор из Канады Кристин Оверол. Консервативный аргумент своих оппонентов – жизнь полноценна именно в том объёме, который нам отпущен – профессор Оверол считает ошибочным. Она считает, что отказывая пожилым людям в возможности продления жизни, мы нарушаем их права. Конкретно автор выступает в защиту граждан, большая часть жизни которых прошла в неблагоприятных условиях и тяжелом труде. С этой точки зрения технологии enhancement могут быть использованы для восстановления организма, которое неподвластно стандартной медицине.

Основная надежда и *перспектива* биоинженерных технологий заключается в добросовестном применении её в тех случаях лечения, когда традиционная медицина помочь не в состоянии. К таким случаям относятся, например, восстановление организма после многих лет труда и проживания в неблагоприятных условиях, восстановление зрения, слуха и другие. Более фантастической, но не менее желанной для многих сторонников биоинженерных технологий является перспектива продления срока биологической жизни человека.

Что же касается *рисков,* то, во-первых, необходимо говорить об *интеллектуальном риске* неадекватного восприятия масштабов и возможностей современных биотехнологий: реальные факты имплантации «биочипов» резко расходятся с представлениями большинства обывателей о перспективах распространения подобных устройств.

Во-вторых, существует на первый взгляд фантастический, но признанный Европейской комиссией по этике *риск создания общества из двух классов,* связанный с проектом расширения физических и интеллектуальных возможностей. В отличие от «компенсаторного» использования биотехнологий, направленного на восстановление и лечение утраченных органов или способностей человека, «расширительный» подход принципиально не ставит перед учёными рамок по вмешательству в пространство человеческого тела с целью превзойти данные от природы возможности. Общество из двух классов, соответственно, может возникнуть в результате концентрации политической власти в руках улучшенных, «расширенных» людей. Заметим, что в случае изменения человеческого тела, результат будет рассчитан на краткосрочную перспективу индивидуальной жизни, ждать следующего поколения будет необязательно. Следовательно, реален риск быстрого расслоения общества.

В-третьих, упомянем о *риске правового нигилизма*. Уровень информированности сограждан о своих правах и возможностях в области медицины низок даже в крупных городах. В такой обстановке, когда нет ещё правового самосознания граждан в основе выбора медицинских услуг, мы можем говорить о риске правового нигилизма. Это означает безответственное отношение человека к себе лишь как к объекту медицинских воздействий, незнание себя в качестве субъекта права.

Библиографический список

1. *Гребенщикова Е.Г.* Трансдисциплинарные основания биоэтического знания // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / ответ. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 139–152.

2. *Тищенко П.Д.* Человечество: фортуна, риск и игра (опыт эсхатологии) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5 / ответ. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 108–148.

3. *Хен Ю.В.* Теория и практика усовершенствования человеческой «породы» // Вопросы философии. – 2006. – №5. – С. 123–136.

4. *Allhoff F., Lin P., Moore J., Weckert J.* Ethics of human enhancement: 25 questions and answers. Prepared for US National Science Foundation (awards #0620694, 0621021). 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.http://www.ethics.calpoly.edu/NSF_report.pdf) (дата обращения: 19.04.2013).

5. *Greenemeier L.* Monkey think, robot do // Scientific American 15.01.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=monkey-think-robot-do (дата обращения: 19.04.2013).

6. *Nicolelis M.* Human-machine interaction: potential impact of nanotechnology on the design of neuroprosthetic devices aimed at restoring or augmenting human performance // Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Roco, M. and Bainbridge, W., Editors. 2002 Arlington, VA: National Science Foundation and U.S. Department of Commerce. – P. 223–227.

7. Opinion of the european group on ethics in science and new technologies to the european commission (16.03.2005). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/archives/european_group_ethics/docs/avis20_en.pdf (дата обращения: 19.04.2013)

УДК 167/168

Булдаков Сергей Константинович
доктор философских наук, профессор
Костромской государственный университет им Н.А. Некрасова
kaf_filosof@ksu.edu.ru

НАУЧНЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматриваются научные основания классической науки, этапы ее развития, влияние научной картины мира на философию и методологию познания.

Ключевые слова: *научная революция, основания, философия, картина мира, Новое время, познание, метод, классическая наука, позитивизм.*

Научная революция XVII века изменила ранее сложившиеся познавательные принципы и заложила основания для классического типа научной рациональности. Вместо принципа приспособления к природе утверждается принцип ее преобразования. Переделка мира природы должна опираться на науку и новые технологии. Такое подчеркивание активности человека, его созидательной силы – отличительная черта мировоззрения Нового времени.

Ученые и философы Нового времени поняли, что для осуществления научного познания необходимо противопоставлять себя окружающему миру. Только мысленно поставив себя в позицию субъекта и превратив весь мир в противостоящий объект, можно познать его научно. Разделение на субъект и объект – одно из оснований западной науки. В этом раскрывается особенность западного образа мышления в целом. Такое вынесение человека за пределы мира превращает его в постороннего миру, он заявляет о своей претензии властвовать над миром, используя научное знание.

Научные основания классической науки связаны с формированием научной картины мира. В XVII веке завершается освоение античного научного наследия. Европейская наука опережает и античную, и арабскую, обеспечивая себе мировое лидерство. В XVII веке формируется динамика Галилея, теория неделимых Ф. Кавальери, аналитическая геометрия Р. Декарта, пишут свои труды Торричелли и П. Ферма, складывается метод дифференцирования. Возникающая новая философия математики приводит к тому, что под влиянием развития математики и механики происходит переворот в миропонимании, возникает первая научная картина мира. Место обыденного сознания постепенно заполняет научный опыт, формируется понятийный каркас миропонимания, включающего понятия, переосмысленные в духе научной рациональности своего века. Это служит основой для концептуальной схемы, обеспечивающей стандартные ответы на два фундаментальных вопроса: из чего состоит мир, и каков основной процесс, в силу которого происходят изменения, наблюдаемые в мире. Одновременно с этим картина мира выражает стремление естественных наук выйти из-под господства универсальной «науки наук», на роль которой претендовали теология или философия. У естествоиспытателей возникает стремление освободиться от «идеологического контроля» со стороны гуманитарных дисциплин, придав естествознанию универсальный мировоззренческий характер.

Построение научной картины мира предполагает устранение из миропонимания последних остатков мифологии и обыденных представлений о мироздании как вненаучных.

Весь процесс выработки естественнонаучного миропонимания направлен на формирование образа Вселенной, для описания которой достаточно только научных понятий. Так, для Галилея способом объяснения всех видимых качеств вещей выступает математическое описание.

Путь к новому мировоззрению заключался в отказе от конечности мира и переходе к идее бесконечности. Первые подходы к этому мы видим еще у Н. Кузанского, затем указанная идея получает развитие у Н. Коперника. Опираясь на труды Коперника, Дж. Бруно утверждает, что бесконечность не может быть объектом чувства, она постигается не физикой, а метафизикой, и имеет философский, а не естественнонаучный смысл.

Решая проблему физического строения мира, определяя его субстрат, наука XVII века обращается к теории атомизма. Ее модернизировал П. Гассенди. Рассматривая вопрос о строении материи, он писал, что хотя математики и предполагают, что любое тело делимо до бесконечности, природа, разрезая тела на частицы, из которых они сотканы, никогда не делит их до бесконечности. Поэтому атомы не могут быть рассечены или разделены. Атом оказывается как бы мельчайшей неделимой частицей любого вещества, он является основой материи. Материя понимается как субстанция, которая обладает определенными характеристиками (размером, формой, координатами и перемещением), и рассматривается отдельно от движения.

К концу XVII века новая картина мира сформировалась полностью. В этом заслуга И. Ньютона. У Ньютона слились космология и механика, главными положениями которых стали понятия движущей силы, инерции, соотношения гравитационной и инертной масс. Особое место в его теории при-

© Булдаков С.К., 2013

надлежит поиску математического описания движения. Теория Ньютона стала фундаментом классического естествознания, механической картины мира и основой нового типа философии, получившей название «механистической».

Научная революция XVII века сделала науку автономной социальной системой. Во многих странах появляются научные кружки, лаборатории, академии. Создается Лондонское королевское научное общество, президентом которого был Ньютон. В 1666 году создана академия наук в Париже. Новая наука задает новые параметры философии. В средние века она отталкивалась от догматов церкви и занималась, в основном, их истолкованием. Философия Нового времени осознает свою относительную независимость от религиозной проблематики. Она занята построением системы взглядов, отражающих новую картину мира и человека, и в ее основе лежит необходимость каждого человека привести в систему и удовлетворить свои потребности в истине. Задача философии – не в насаждении традиционного учения, а в создании элементов и положений нового учения, рационально объясняющего мир и человека, поэтому наука и философия все теснее сотрудничают и взаимодополняют друг друга.

Первым философом, сознательно поставившим перед собой задачу разработки научного метода, был Ф. Бэкон. В его главном труде «Новый Органон» задачей познания провозглашено завоевание природы и усовершенствование человеческой жизни. Знание истинно только тогда, когда оно основывается на выяснении причин происходящих в природе событий.

Наука должна отказаться от умозрительной формы умозаключений и доказательств. Первым условием реформы науки является усовершенствование методов обобщения. Процесс научного обобщения – это индукция. Истинный метод состоит в умственной переработке материалов, которые доставляет опыт. Научных открытий было бы больше, по мнению Ф. Бэкона, если бы ученые были вооружены правильным методом. Метод – это путь, главное средство исследования. К нему относятся, во-первых, орудия, совершенствующие способность нашего восприятия; во-вторых, орудия, совершенствующие человеческую мысль. Науку расширяет не пассивное созерцание, а эксперимент, то есть намеренное, активное испытание природы. Ученый посредством эксперимента получает ответы на поставленные перед природой вопросы. Непосредственная задача познания – исследование причин предметов. Задача науки о природе – исследование действующих причин, поэтому суть естествознания Бэкон видит в физике. Например, механика дает возможность применять знания на практике. Математика, по Бэкону, не имеет собственной цели и есть лишь вспомогательное средство для естествознания.

Р. Декарт явился основоположником науки классического типа, то есть знания, основанного на причинно-следственном объяснении. По мнению Декарта, знание должно обладать следующими свойствами: 1) не зависеть от людского произвола (быть объективным); 2) быть доступным для любого человека, наделенного нормальным умом; 3) основываться на строгой логичности. И хотя Декарт обобщает свойства, присущие математике, он говорит о современной науке в целом.

Декарт выделяет два способа усмотрения истин. Это интеллектуальная интуиция и дедукция. Интуиция – это понимание ума, при котором не остается сомнения относительно того, что мы разумеем. Индукция – знание умственное и непосредственное. Дедукция есть логический вывод, с необходимостью вытекающий из посылок, поэтому она есть знание опосредованное. Дедукция включает в себя цепь последовательных логических операций. Отправляясь от достоверной интуиции, разум двигается дальше посредством дедукции. Итогом совместной работы интеллектуальной интуиции и дедукции оказывается теория – стройная совокупность взаимосвязанных теоретических положений. Для науки необходим метод познания. Нужна методичность, то есть регулируемое правилами движение мысли, в процессе которого приобретаются новые истины либо обосновываются уже имеющиеся.

Философия Декарта учит тому, что в поисках истинного знания человек должен рассчитывать на самого себя, свой разум, а не обращаться к авторитетам, силе, власти и т. д. Современная наука знает, что не все может быть обосновано рационально, есть вопросы вне пределов разумности, но Декарт прав в том, что в сфере разума находятся многие ответы на вопросы, волнующие и человека, и общество.

В XVIII–XIX веках на основе развития новоевропейского типа научной рациональности окончательно сформировалась историческая модель классической науки.

В эпохе классической науки обычно выделяют два этапа. Первый (век Просвещения) связан с освоением научного наследия Ньютона. Второй – это век создания дисциплинарной науки в эпоху промышленной революции. Классическая наука основывалась на исходных представлениях Ньютона о механической картине мира, в которой мир понимался как механизм, действующий по законам физики. Механические представления распространялись на понимание биологических, химических и даже социально-экономических процессов.

Механицизм в это время стал синонимом научности. Новая техника развивалась эмпирически на собственном основании и была инструментом практического познания и освоения мира.

Способность человека к познанию мира тоже получала механистические объяснения. Наши чув-

ства – «клавиши», по которым ударяет окружающая нас природа. По мнению Дидро, умозаключения выводим не мы: все они выведены природой, мы только регистрируем известные нам из опыта явления, между которыми существует связь. Ощущения понимаются как зеркально точные копии предметов. В сознании человека нет ничего, что не было бы дано нам в ощущениях. Условие возникновения всякого знания – возбуждение души, ощущение извне. Работа памяти, сохраняющей добытое знание, сводится к органическим процессам. Методами познания Дидро признавал эксперимент и наблюдение. В познании разум опирается на чувства и опыт. Только на этой основе может быть достигнута достоверность знания.

Механистические представления о разуме и познавательной деятельности опроверг немецкий ученый и философ И. Кант. Кант сделал акцент на активности человеческого сознания. Человек обладает внутренним миром – это сфера духа. Именно в своем духовном мире человек способен к свободе, самоопределению, тогда как в мире природы открытые наукой законы действуют с железной необходимостью, не зависящей от человека.

Обоснованию изучения сущности научных истин посвящена работа И. Канта «Критика чистого разума». Это уяснение возможностей познавательных способностей человека. Чистый разум – это способность к теоретическому, то есть научному мышлению, этим он отличен от практического разума – способности строить отношения с другими людьми.

Учение Канта о знании опирается на его теорию суждения. Знание всегда выражается в форме суждения, в котором мыслится связь между двумя понятиями – субъектом и предикатом суждения. В аналитических суждениях предикат не дает нового знания, сравнительно с тем, которое есть в субъекте. Но есть суждения, в которых связь между субъектом и предикатом нельзя получить из простого анализа понятия субъекта. Такие суждения Кант называет синтетическими. В некоторых случаях синтетические суждения не основываются на опыте – это априорные суждения, именно им Кант придает первостепенное значение в знании.

Априорное знание – это математика, теоретическое естествознание и философия. Эти знания не выводятся из опыта, а существуют как идеи, понятия разума. Законы познания принадлежат не самой природе, а нашему разуму. Наш ум находит и может найти в природе только то, что он сам вкладывает в нее до опыта и независимо от опыта. Природа как предмет познания строится сознанием человека. С теорией Канта нельзя согласиться в целом, но его заслуга в том, что он подходит к человеку как активному, творческому существу, сознание которого действует совсем не по законам механики.

К концу XVIII века завершается процесс становления науки, которая является одним из важнейших элементов европейской культуры, охватывая своим влиянием все стороны человеческой деятельности. Особенно впечатляют успехи, достигнутые в XVIII веке в области математики. Ведущими научными центрами в этой области стали Парижская, Берлинская и Петербургская Академии наук. Публикуют свои труды по математике и механике Л. Эйлер, Ж. Лагранж, К. Гаусс, П. Лаплас. Были разработаны математические методы определения расстояния от Земли до Солнца, вычислены массы Солнца и Земли, установлены приблизительные размеры Солнечной системы, расстояния до звезд.

В XIX веке в физике пробудился интерес к исследованию форм движения материи, отличных от механического, в частности к электричеству. М. Фарадей развил идею электромагнитного поля для описания движения под воздействием электрических сил, показал возможность создания электродвигателей. Ученые занялись разработкой законов термодинамики, исследующей преобразование тепла. С. Карно математически обосновал теплоперенос в паровой машине, Дж. Джоуль определил механический эквивалент тепла и установил связь различных форм энергии между собой. Так сложился принцип сохранения энергии – один из основных законов физики. Дж. Максвелл доказал, что свет – род электромагнитных колебаний, и предположил существование иных типов волн, помимо световых. Один из таких типов, радиоволны, был обнаружен Г. Герцем. Таким образом, в середине XIX века обрела зрелость классическая физика. Вторая половина XIX века – это подступы к квантовой теории, развитие которой приведет к вторжению в физику математики и разного рода геометрий. Обсуждается проблема геометрической структуры физического пространства, открываются новые математические пути развития физики.

Сделан ряд крупных открытий в химии. Разработана атомно-молекулярная теория (Дж. Дальтон, Берцелиус), что позволило объяснить различные свойства одного и того же элемента. Учение о химических элементах, объединенное с атомно-молекулярной теорией, создало возможности для изучения свойств химических соединений. Создание теории химического строения (органической химии) А.М. Бутлеровым и открытие периодического закона химических элементов Д.И. Менделеевым завершили становление классической химии как науки.

В философии сложились два направления – рационализм Декарта и эмпиризм Бэкона и Локка. Декарт брал в качестве образца науки математику, отдавая приоритет разуму, для чего использовал метод дедукции. Дж. Локк ориентировался на эмпирический опыт в научном знании.

Открытия в естественных науках укладывались в простые схемы, создававшиеся на основе эмпиризма Бэкона и Локка, теории французских материалистов (Гельвеций, Дидро) и ньютоновского механицизма. Этот механицизм многим заменял философию, поэтому возникло эмпирическое направление философии науки – позитивизм, ставшее популярным среди ученых XIX века. Общей чертой позитивизма (как первого, так и позднего) было стремление решить вопросы философской теории познания, опираясь на данные естественных наук и обыденное сознание. Родоначальником был О. Конт, с точки зрения которого наука – это систематическое расширение простого здравого смысла. Цель познания якобы состоит в простом описании явлений, а не в поиске их сущностей (как было у Канта). О. Конт считал, что ни наука, ни философия не могут и не должны ставить вопрос о причине явлений, а только о том, как они происходят.

Основной характер позитивной философии выражался в признании соответствия всех явлений неизменным естественным законам, которые следовало свести до минимума. Опираясь на эволюционизм Дарвина, О. Конт выводил линейный принцип классификации науки – выстраивание наук по возрастающей сложности: математика – астрономия – механика – физика – химия – физиология – социология.

Позитивизм исходил из накопления знаний единичных случаев, которые не порождали качественно нового знания. Объясняя вопрос происхождения знаний, Г. Спенсер считал, что они наследуются биологическим путем, а наука – это средство приспособления человека к среде, способ достигать блага и избегать вреда. Это был схематичный, упрощенный путь понимания сущности науки.

Второй позитивизм был связан с осмыслением естественных наук, с происходившей в физике революцией. Ее спокойное течение в русле ньютоновской механики столкнулось с теориями электродинамики, специальной теории относительности и квантовой механики. Возникает сомнение в устойчивой картине мира, созданной Коперником и Ньютоном. Реальность физических явлений начинает отрицаться. Так, Э. Мах говорит, что в природе не существует другой реальности кроме наших собственных ощущений. Мах считал, что научное мышление развивается из обыденного, это звено в цепи биологического развития человека. Критерий истинности знания заменяется критерием успешности: только успех разделяет истину и заблуждение. Цель науки не истина, а экономия мышления – своеобразная форма эффективности. Самое экономное выражение фактов – через понятия, а создание понятий – цель естествознания. Позитивизм утверждает, что уделом науки является не объяснение, а описание вещей. Наука в принципе не способна ответить на вопрос «почему?» и должна ограничиться констатацией фактов. Второй позитивизм исходил из «критики опыта» и предлагал очистить опыт от всех положений, имеющих теоретическую и философскую природу. Опыт состоит из ощущений, которые являются «элементами мира». Третий позитивизм (Шлик, Витгенштейн) получил название логического позитивизма. Обычный язык создает массу заблуждений и мнимых проблем, из которых состоит философия. Чтобы этого избежать, надо создать идеальный язык, не допускающий неопределенностей. Задача философии – не объяснять мир, а разрабатывать логический язык науки. Таким образом, философия науки XIX века оказалась по своему уровню гораздо ниже, чем сама наука.

Библиографический список

1. *Иванов В.Г., Лезгина М.Л.* Введение в философию. – М., 2005. – 105 с.

2. *Котенко В.П.* История и философия классической науки. – М., 2005. – 480 с.

3. *Булдаков С.К.* История и философия науки. Учебное пособие. – М., 2008. – 138 с.

УДК 1:3+1:93

Павенков Олег Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет
pavenkov@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК И ЛЮБОВЬ-φιλία В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КАППАДОКИЙСКОЙ ШКОЛЫ (ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ, ГРИГОРИЙ НИССКИЙ, ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ)

Статья посвящена анализу семантического поля концепта «любовь-φιλία» в рамках предмета философии каппадокийцев Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова.

Ключевые слова: *любовь-φιλία, любовь-ἀγάπη, «Я» и «Ты», дружба, личность.*

Антропологическая проблематика актуализировалась в византийской философии IV–V вв. в связи с главным христологическим вопросом, который ее волновал: как Бог стал человеком? Как человеческая и Божественная природа совмещаются во Христе? Поэтому в эпоху Никейского и Константинопольского вселенских соборов, в процессе триадологических и христологических дискуссий возрос интерес к проблеме человека, человеческой личности, одним из экзистенциалов которой является любовь.

В любви существует такое многообразие ценностей и смыслов, что их необходимо систематизировать. Для обозначения любви греческий язык более богат, чем русский и содержит как минимум четыре основных глагола для отображения в слове различных аспектов: ἔραν, φιλεῖν, στέργειν и ἀγάπη. В данной статье мы рассмотрим с помощью герменевтического и диалектического методов смысловое поле глагола «φιλεῖν» или amor affectionis или любовь-filia. Филия – это более уравновешенный вид любви, основанный на внутренней близости субъектов. К любовь-filia относится также дружба. В восточной патристике подчеркивается ценность истинного верного друга. Объекты любви-filia намного более многоразличны, чем узкой половой любви. К видам такой любви могут относиться [1], например, любовь к отцу и матери («филопатор» – «любящий своего отца»); любовь к детям («филопайс» – «детолюбивый»); любовь к братьям и сестрам («филадельфйа», от «адельфос» – «брат» и «адельфэ» – «сестра»); любовь к своему отечеству («филопатрйа»); любовь к человеку («филантропйа», отсюда «филантропия»); любовь к славе («филендоксйа») и т.д. На уровне любви-filia действуют такие «позитивные» ценности, как друзья, интересный человек, тактичность, общение, взаимопомощь, взаимопонимание. К «негативным» ценностям относятся непонимание друг друга, разлад, расхождение во взглядах, созависимость, коммуникативный разрыв. Любовь-filia – это путь к преодолению сознанием иллюзорных «я» и «ты» через дружбу.

В отличие от любви-ἔρως и тем более любви-ἀγάπη проблематике соотношения семантического поля любви-φιλία византийские философы уделили меньше всего внимания. Это связано с изначально поставленным акцентом в византийской философии любви на тео- и agape- центричности. Пифагорейское учение о дружбе (φιλία), к сожалению, не отразилось на учении византийских философов. Однако платоно-аристотелевская парадигма мышления и понятийно-категориальный аппарат активно применялась ими для выражения своих сентенций, что позволяет установить концептуальную связь между аристотелевским и византийским, прежде всего, каппадокийским, философско-антропологическим учением о дружбе, о котором пойдет речь в данном параграфе. Научно установлено влияние Аристотеля и на учение о человеке каппадокийцев. Антропологическое учение Аристотеля, рассматривающее связь соотношения в человеке души и тела с трактовкой памяти оказало влияние, в частности, на учение Григория Нисского о конечной судьбе человека.

Первый из каппадокийцев, кто дал определение любви как таковой, был Григорий Нисский, основатель философской антропологии, который проводит однозначную бинарную оппозицию «любовь-ненависть». В своем определении он вводит понятие общее для любви – «φίλτρον», которая не тождественна любви-φιλία, однако, любовь-φιλία является неотъемлемым аспектом любви-φίλτρον. «Любовь (φίλτρον) есть духовная (ἡ ἐνδιάθετος) связь (σχέσις) с тем, что приятно, производимая радостью (ἡδονῆς) и пристрастием (προσπαθείας). Ненависть (μῖσος) есть отчуждение от неприятного и отвращение от оскорбляющего. То или другое из сих расположений можно употреблять и с пользою, и вопреки тому; и всякая добродетельная жизнь (κακίαν βίος) отсюда ведет свое начало» [18, с. 417]. В русском переводе слово «ἡ ἐνδιάθετος» переводится как «внутренняя», но не все внутренне духовно, а Григорий Нисский говорит именно о духовной связи, что видно из контекста сказанного. Итак, любовь есть духовная связь с субъектом любви, с которым осваивается душа во всех ее свойствах, с тем, что выше по естеству всего сущего, тем, что есть истинно. Поэтому использование для анализа отношений любви субъект-объектной парадигмы не возможно. Отношения любви – это всегда отношения субъект-

© Павенков О.В., 2013

субъектные. Данные определения φίλτρον и μῖσος, данные в букве и в духе аристотелевской парадигмы мышления, позволяют нам однозначно решить вопрос том, какие факторы влияют на любовь в человеке. К ним относятся следующие анализируемые и в этических трудах Аристотеля факторы: 1) ἡδονῆς, под которой может пониматься как духовная радость (и тогда речь пойдет о любви духовной), так и чувственное наслаждение (и тогда речь пойдет о низменной любви); 2) προσπαθείας, которое может быть переведено как «пристрастие», которое может быть как склонностью к познанию добра, так и порочной страстью.

Как ненависть, так и любовь амбивалентны: они могут как полезны, так и не полезны по своим действиям, однако эту полезность не следует как рациональную утилитарность. Добродетельная жизнь (κακίαν βίος) не состоит из одной лишь любви (φίλτρον). Она предполагает и ненависть по отношению к злу в различных его видах. Вопрос состоит в том, как распоряжается человек своей любовью и ненавистью, куда он направляет «векторы» этих двух чувств: на естество добра (τῇ φύσει τῶν ἀγαθῶν) или на неразумное чувство [18, с. 418].

Итак, имеет место быть семантический континуитет аристотелевской терминологии в определении любви (φίλτρον) Григория Нисского, в котором содержится не просто противопоставление ее «ненависти», но и амбивалентность, даже противоречивость, любви в зависимости от направленности факторов, действующих на душу.

По Григорию Нисскому любовь-φιλία, принятая в «сердце», как средоточий духовно-душевных сил человека, открывает ему возможность созерцания истины самой по себе. Благодаря любви-φιλία еще потенциальный союзник становится для человека другом и объявляется таковым [17, с. 781] Любовь-φιλία позволяет прийти в согласие и единомыслие в межконфессиональном диалоге между пребывающими в ереси и христианами. К такой любви, обретаемой через «царский путь», предполагающий поиск аристотелевской умеренности, Григорий Нисский призывает, в частности, ариан и савеллиан: «Вы, последователи Савеллия и Ария, столь между собою различающиеся, познав из сказаннаго всю истину (ἀλήθειαν), обретете со мной любовь (φιλίαν), и шествуя (царским путем) между той и другой сетями; обретете путь истины (ἀληθείας), идя по которому, узрите вечную жизнь (αἰώνιον ζωήν)» [17, с. 85]. Проведение герменевтического и семантического анализа отрывка позволяет нам говорить о том, что любовь-φιλίαν выступает путем истины (ἀληθείας) и дает возможность созерцания вечных идей.

В толковании на книгу «Экклезиаст» Григорий Нисский проводит разграничение: А) Любви достойной и доблестной (τὴν ἐπαινετὴν φιλίαν) и любви нечистой и низменной (τῆς ῥυπαρᾶς φιλίας); Б) меры времени любить и времени ненавидеть. Время, как у бл. Августина, носит метафизический характер. Время в данном контексте – это готовность души следовать по пути достижения истинного блага. С) слышание слова любви (τοῦ φιλῆσαι λόγον) и той фоновой информации («скверны»), которая препятствует этому слышанию. «*Время любити* (φιλῆσαι)*, и время ненавидети* (Еккл. 3:8). Кто будет иметь, вопрошает Григорий, – столько чистый слух, чтобы чисто принять слово о любви (τοῦ φιλῆσαι λόγον), не привнеся в себя с ним ничего из нечистой любви (τῆς ῥυπαρᾶς φιλίας)?.. Божественным прикосновением истинного Слова способность слуха (τὴν ἀκοὴν) у души нашей освобождена была от всякой скверны, заграждающей слух, и уразумели мы достойную похвалы доблестную любовь (τὴν ἐπαινετὴν φιλίαν), вняли душею, когда *время любити* (φιλῆσαι)*,* и когда *время ненавидети* (τοῦ μισῆσαι)» [18, с. 417]. Мы можем выстроить цепочку взаимосвязанных понятий, выступающих в качестве последовательно идущих этапов: ἀκοὴν (способность слышания) – мистическое воздействие Логоса – освобождение от «скверны» – уразумение любви, то есть усвоение ей разумом – усвоение любви всей душой человека. Герменевтический анализ данного фрагмента показывает, что здесь сосуществуют три смысловых контекста: контекст слышания любви, контекст мистического вмешательства и контекст усвоения любви, сначала постигаемой только рациональной способностью, а на последнем этапе уже всеми силами человеческой души. Во всех контекстах действующим субъектом является слово о любви (τοῦ φιλῆσαι λόγον), действующее на душу, очищающее ее, а душа выступает как пассивное воспринимающее начало, обучающееся слову любви.

Из данного фрагмента, однако, не ясен ряд моментов. Что такое «время любви»? Когда приходит время чистой любви? Как может распознать человек в себе готовность к доблестной любви? Сравнивая любовь с жаждой, Григорий Нисский противопоставляет любовь чистую (φιλίας) и нечистую «любовь» юности (ῥυπαρὸν τῆς νεότητος φίλτρον), которая любовью не является: «Ибо юность (ἡ νεότης), кипя страстями своего возраста, говорит: что ей время любить то, что; любезно юности (τῇ νεότητι φίλα): но Екклесиаст противоречит юности, определяя иное время чистой любви (φιλίας): потому что погрешительная связь души с тем, что; ни с чем несообразно (ἄτοπα), не есть и любовь (φιλίαν) … нечистая любовь юности (καὶ τὸ ῥυπαρὸν τῆς νεότητος φίλτρον) есть не любовь (φίλτρον), но болезнь воли... Поэтому не всякая любовь (φιλία) благовременна (εὔκαιρον), а только ощущаемая к достойному предмету любви (ἀγαπητὸν)» [18, с. 421]. Из контекста понятно, что любовь-φιλία здесь выступают как любовь во-

обще, а любовь-ἀγαπη лишь как достойная, благовременная (εὔκαιρον) любовь. Благовременность (εὔκαιρον) любви наступает тогда, когда душа человека достигает единства с любовью-ἀγαπη, критерием чего является достижение добродетельной жизни (κακίαν βίος).

Итак, гносеологическими усилиями невозможно уразуметь благовременную и доблестную любовь (ἐπαινετὴν φιλίαν). Познание ее по Григорию Нисскому происходит через логос и воздействие логоса. Любовь логосна. Логосность любви – это неотъемлемое ее качество.

В едином «духе» с Григорием Нисским понимал любовь-φιλία Василий Великий. Для статистики отметим, что из шести изученных автором трудов [2; 3; 4; 6; 7; 8; 9] Василия Великого, не считая его личных писем, слово «φιλία» употребляется всего 13 раз. Василий Великий говорит о любви-φιλία по отношению к субъект-субъектным богочеловеческим отношениям. Тот человек, кто имеет непреложную и неизменную в своей твердости любовь ко Христу, тот достоин Его дружбы [7, с. 392]. Для ответа на этот вопрос он использует метод аналогии, построенной метафорически и наполненной эпитетами: «Если кто, убив чьего-нибудь любимого сына (φονεύσας ἀγαπητὸν), окровавленные еще после убийства руки станет простирать к разгневанному отцу, прося у него правой руки в знак дружбы (φιλίας) и умоляя о прощении, то кровь сына, видимая на руке убийцы, не к большему ли еще гневу подвигнет оскорбленного отца?» [4, Chapter 1, section 37]. Аутсайдерская позиция сыноубийц, как тех, кто оказывается вне возможности установления субъект-субъектных отношений дружбы с Богом, может относиться и к тем, кто убивает любовь в самом себе.

В отличие от Григория Нисского, понятие любовь-φιλία используется Григорием Богословым (Назианзином), прежде всего, для рассмотрения феномена дружбы. Не испытав влияния пифагорейского учения о дружбе, Григорий Назианзин полагает, что дружба – это вид любви-φιλεῖν, духовная связь, единосущность душ, которая устанавливается трансцендентно. Любовь-φιλία – это «дар Божий» [13, col. 831 b, c.]. Друг не заменим, друг уникален и самобытен. Дружба является важной для раскрытия личностей, пребывающих в φιλεῖν, духовной ценностью. Дружеские отношения являются важным аспектом субъект-субъектных отношений.

Итак, любовь-φιλία – это ценность, приносящая ἡδονῆς (радость) от общения, если друг равно-добродетелен и сам является носителем любви. Известно, например, какое большое значение Григорий Назианзин придавал дружбе с Василием Великим. В своих словах он подчеркивает духовную полезность дружбы. «Ежели есть мне что полезное в жизни, так это твоя дружба (φιλία) и обращение с тобой. Так я думаю об этом, и желал бы всегда так думать» [15, Epistle 57, section 4].

Дружба тверда только с тем человеком, который придерживается сходных духовно-нравственных принципов и правил поведения. «У меня, – пишет про себя Григорий Назианзин, – дружба и близость тверды только с теми, которые держатся таких правил» [15, Epistle 100, section 3].

С одной стороны, Григорий Назианзин полагает, что дружба может быть характерна не только для христиан, но и для представителей политеистических религий. В частности, он хвалит язычника Кандиана за то, что он уважает дружбу. «Хотя по вере ты язычник и настоящему державцу воздаешь должное его державе... К похвальным твоим качествам принадлежит и то, что при таком бремени правления уделяешь несколько уважения и дружбе и… находишь досуг не только помнить друзей, но и оказывать им честь своими письмами, свидетельствовать свою к ним любовь (φιλίᾳ)» [15, Epistle 10, section 12]. Однако, с другой стороны, дружба, как и любое земное отношение, не должна абсолютизироваться. Григорий Назианзин, задаваясь вопросом «ибо почему важно название христианин?», отмечает, что христиане являются христианами не потому, что со Христом завязали земную, чисто человеческую дружбу, а по причине Богочеловечества Христа [14, с. 301]. Итак, «φιλίᾳ» как чисто земная любовь в этом контексте противопоставляется Григорием Назианзином богочеловеческим отношениям, где уже нет места земной привязанности. Через дела милосердия и любви-φιλίᾳ человек может соответствовать данному ему нравственному закону и имени [14, с. 301].

Таким образом, значение дружеской любви-φιλίᾳ по учению представителей каппадокийской школы состоит в том, что она способствует свободному раскрытию личности в коммуникации с тем «другим», другом которого стал «ты» для любящего. Так же как для каппадокийцев, концепт любви-дружбы по Аристотелю имеет антропогносеологическое значение. Через познание друг друга в любви, человек познает самого себя. Если в любви eros нет диалога, а есть стремление овладеть любимым, то дружба диалогична и друзья могут свободно общаться без какого-либо стремления к взаимному обладанию. В любви-φιλίᾳ первоначально единый логос разделяется и будучи единым становится двойственным, чтобы в этой двойственности, в отделении «Я» от «друга» человеческий разум мог познавать себя как часть единства образуемого двойственностью единством «мы».

Библиографический список

1. *Рюриков Ю. Б.* Детство человеческой любви // Философия любви. Ч. 1 / под общ. ред. Д.П. Горского; сост. А. А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 45.

2. Basilius Caesariensis Theol. Adversus Eunomium // Patrologia Graeca / P.Migne – Vol. 29. –

Paris, 1858–1866.

3. Basilius Caesariensis Theol. Commento al profeta Isaia, 2 vols. Turin: Societvisan, San Internazionale, 1939: 1:3397; 2:3-575. (Cod: 97, 762: Exeget.)

4. Basilius Caesariensis Theol. Enarratio in prophetam Isaiam [Dub.], ed. P. Trevisan, San Basilio.

5. Basilius Caesariensis Theol. Epistulae, ed. Y. Courtonne, Saint Basile. Lettres, 3 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1:1957; 2:1961; 3:1966: 1:3-219.

6. Basilius Caesariensis Theol. Homilia de gratiarum actione // Patrologia Graeca / P. Migne – Vol. 31. – Paris, 1858–1866.

7. Basilius Caesariensis Theol. Homiliae super Psalmos // Patrologia Graeca / P.Migne – Vol. 29 – Paris, 1858–1866.

8. Basilius Caesariensis Theol. Prologus 7 (de judicio dei) // Patrologia Graeca / P. Migne – Vol. 31. – Paris, 1858–1866.

9. Basilius Caesariensis Theol. Regulae morales // Patrologia Graeca / P. Migne – Vol. 31 – Paris, 1858–1866.

10. Basilius Caesariensis Theol., Homiliae in hexaemeron, ed. S. Giet (Cod: 35,834: Exeget., Homilet.)

11. Basilius Caesariensis Theol. Asceticon magnum sive Quaestiones (regulae brevius tractatae) // Patrologia Graeca / P. Migne – Vol. 31. – Paris, 1858–1866.

12. Gregorii Nysseni opera, vol. 3.1. Leiden: Brill, 1958: 71–85. Σ. 85.

13. Gregorius Nazianzenus Theol., Ad Gregorium Nyssenum (orat. 11) // Patrologia Graeca / P. Migne – Vol. 35/ – Paris, 1858, col. 831 b, c.

14. Gregorius Nazianzenus Theol., In dictum evangelii: Cum consummasset Jesus hos sermones (orat. 37). {2022.045} Volume 36/

15. Gregorius Nazianzenus Theol.Epistulae, ed. P. Gallay, 2 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1:1964; 2:1967: 1:1-118; 2:1-148

16. Gregorius Nyssenus Theol. Adversus Arium et Sabellium de patre et filio, ed. F. Mueller, Gregorii Nysseni opera, vol. 3.1. Leiden: Brill, 1958: 71–85.

17. Gregorius Nyssenus Theol., Encomium in xl martyres ii. {2017.067} Volume 46.

18. Gregorius Nyssenus Theol.In Ecclesiasten (homiliae 8), ed. P. Alexander, Gregorii Nysseni opera, vol. 5. Leiden: Brill, 1962: 277-442. (Cod: 31,078: Exeget., Homilet.)

УДК 101.1: 316

Латышева Жанна Вячеславовна
кандидат философских наук
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
joan_lat@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

В статье на методологической основе феноменологии Э. Гуссерля и социальной феноменологии А. Щюца впервые ведется разработка теоретических оснований категории социального трансцендирования. Раскрываются такие конституирующие её понятия, как повседневное знание, темпоральность социального мира, зоны релевантности, типизация, множественные реальности и др. Выявляются основные типы социального трансцендирования – повседневное и внеповседневное.

Ключевые слова: *социальное трансцендирование, жизненный мир, повседневность, повседневное знание, Мы-отношение.*

Каждый человек переживает изначально присутствующие и постоянно сопутствующие его жизни трансцендентности, стоит перед лицом истинной «трансцендентной бесконечности социального мира» [9, с. 499 –500] и «трансцендентной бесконечности мира природного» [9, с. 500]. А. Щюц, основоположник социальной феноменологии, по этому поводу пишет: «Я переживаю обе эти трансценденции – Природы и Общества – как в двояком смысле мне навязываемые: с одной стороны, в любой момент моего существования я нахожусь пребывающим в природе и обществе; они постоянно остаются соконституирующими элементами моей биографической ситуации и, следовательно, переживаются как неизбежно ей принадлежащие. С другой стороны, они конституируют общую рамку, в которой лишь я обладаю свободой моих потенциальностей, а это значит, что они задают диапазон всех возможностей определения моей ситуации. В этом смысле они не элементы моей ситуации, а ее детерминанты. В первом смысле, я могу – и более того, должен – принимать их как данность. Во втором смысле, я должен к ним приспособиться» [9, с. 500].

Природные и социальные трансцендентности обнаруживаются через ощущение и осознание границ непосредственной очевидности опыта человека. Снятие непостижимых моментов социального плана, приспособление к ним, обозначаемое нами *социальным трансцендированием,* предстает, поэтому, основным способом расширения означенных границ, одним из важнейших путей упорядочивания, организации совместного пространства жизни людей.

 © Латышева Ж.В., 2013

Являясь олицетворением духовного, творческого и преобразовательного потенциала человеческой активности, процессы трансцендирования, вне сомнения, являются одним из фундаментальных оснований генезиса социальной реальности в её объективном и субъективном измерениях. Более того, во всем многообразии своих проявлений трансцендирование есть не что иное, как осуществление призвания человека «…совершать усилия, чтобы изобретать, создавать себя, собственное бытие» [4, с. 349]; как продуцирование «феноменов специфически человеческих» [1, с. 87], которые, в этом мы солидарны с П. Бергером и Т. Лукманом, образуют и индицируют общество. Как процесс фундаментально социальный, т.е. выступающий залогом непрерывного созидания и обновления социума, трансцендирование, поэтому, нуждается во всестороннем раскрытии и тщательном изучении: выяснении условий и причин его возникновения, прояснении его природы и специфики, составляющих и механизмов, а также обнаружении особенностей проявления трансцендирования в различных сферах и подсистемах общества.

Каковы же узловые концептуальные моменты, которые конституируют трансцендирование как социальный феномен и процесс, а также как творческий метод социального конструирования реальности?

Известно, что стержневым проблемным комплексом социальных наук многими современными исследователями признается повседневность, повседневное знание и его значение для научного знания. Именно исследования повседневности и повседневного знания выступают, по нашему мнению, базисом формирования корректной трактовки социального трансцендирования. Обозначим, поэтому, некоторые фундирующие эту проблемную зону идеи и концепции.

Прежде всего, – это, как мы считаем, такие понятия феноменологии Э. Гуссерля, как естественная установка сознания, жизненный мир, интерсубъективность, интенциональность, темпоральность, базовые идеализации «и так далее, и тому подобное», «я могу это снова»; Гуссерлевы теории открытых и проблематичных возможностей; исследование, проведенное в трансцендентально редуцированном измерении и иные разработки основателя феноменологии. Кроме того, это, несомненно, Щюцевы социально-феноменологические концепты повседневного знания, его сфер, характеристик и структур, темпоральность социального мира, отношение лицом-к-лицу, типизация и анонимность взаимных восприятий индивидов, теория множественных реальностей и др. Будучи ограничены небольшим объемом журнальной статьи, высветим лишь некоторые из указанных составляющих. В то же время отметим, что определенные аспекты содержания ряда из перечисленных концепций – жизненного мира, интерсубъективности, темпоральной структуры повседневности, ситуации лицом-к-лицу, зон релевантности, характеристик типизации и анонимности повседневного знания, – были уже раскрыты нами [5, с. 146].

Для прояснения специфики социального трансцендирования важно, что повседневное (также как и научное) знание содержит в себе, согласно А. Щюцу, «ментальные конструкты, синтез, обобщения, формализации, идеализации, характерные для определенного уровня организации мышления» [10, с. 60]. Это значит, что в знании нет фактов-самих-по-себе, последние всегда выбираются, истолковываются разумом индивида с позиции релевантности для него. С этим обстоятельством связано то, что постижение внутреннего мира другого фундируется на жизненном опыте самого постигающего. «А поскольку происходящее в чужой голове дано нам не непосредственно, но лишь по аналогии (аппрезентативно), интерпретативные акты, обращенные на другого, в конечном счете являются интерпретациями собственного опыта» [6, с. 146].

Применительно к социальному трансцендированию это подразумевает, что одной из важнейших его проявлений выступает *преодоление трансцендентности другого как аппрезентативная герменевтика его внутреннего мира.* Подобное трансцендирование осуществляется, прежде всего, как ментальный процесс, оперирующий конструктами повседневного мышления. Избирательно-интерпретативная природа данного процесса детерминирована жизненным опытом и системой релевантностей индивида.

Необходимыми предпосылками и составляющими социального трансцендирования как метода и процесса снятия трансцендентности другого показывают себя, поэтому, следующие, выявленные А. Щюцем, характеристики повседневного знания. Во-первых, это *существование запаса наличного знания* («knowledge at hand», буквально – «подручного» знания) как опыта, на основе которого происходит понимание мира. Данный опыт непроблематизирован, но «изначально дан как *типизированный*, т.е. несущий открытый горизонт ожидаемого сходного опыта» [7, с. 11]. Во-вторых, это *«биографически детерминированная ситуация»* как седиментированный опыт предыдущих жизненных событий. В-третьих, *повседневное знание как знание интерсубъективное или социализированное,* имеющее *структурные характеристики, особенности происхождения,* и *признак «социального распределения знаний».* При этом важнейшей структурной характеристикой является «взаимность перспектив» (Шюц) как «взаимозаменяемость точек зрения и соответствия систем релевантностей» [7, с. 15], особенности происхождения заключаются в социальном генезисе повседневных знаний, третий признак состоит в том, что индивиды вла-

деют знанием только о каком-либо определенном сегменте жизненного мира, «и общее знание этого сектора индивидуально варьируется по степени ясности и отчетливости, мере освоенности или же выступает как вера» [10, с. 63].

Немаловажное значение для осмысления специфики социального трансцендирования имеют *темпоральные* особенности его развертывания. Они состоят в том, что, во-первых, трансцендирование продвигается в рамках многоуровневого стандартного времени [1, с. 49; 5, с. 146; 6, с. 146], во-вторых, оно осуществляется на фоне независимого от человека хода событий, в-третьих, предстаёт постоянной темпоральной *трансцендирующей* «игрой» – «игрой» *взаимопереходов* внутреннего, рефлексивного или интерсубъективного временн*ы*х измерений.

Помещая проблему социального трансцендирования в контекст концепции *зон (слоев) релевантности* [8, с. 245; 9, с. 479], важно подчеркнуть, что сами идеи зонирования знания и наличия достаточно ограниченного запаса знаний у индивида (или неравномерное им владение в пределах областей релевантности) предполагают выходы за пределы такой ограниченности, преодоление трансцендентности непознанных сфер повседневной жизни. Исходным основанием подобного трансцендирования всегда выступает пространственно-временной фокус «здесь-и-сейчас», а наиболее простым вариантом превосхождения показывает себя движение за рубежи «мира в пределах моей реальной досягаемости» (А. Щюц). При этом основной движущей силой трансцендирования оказывается прагматический мотив как организующее начало обыденности. И, наконец, направление, характер, содержание и форма социального трансцендирования во многом задаются выбором конкретной ситуации и определенной социальной роли как необходимых условий социального превосхождения.

Весьма существенную роль в выявлении природы социального трансцендирования играет анализ *отношения «лицом-к-лицу», Мы-отношения.* Представители социальной феноменологии выделяют его в качестве важнейшей структуры социального мира, благодаря которой индивиды связываются общим (как внешним, так и внутренним) временем и пространством. Однако А. Шюц справедливо считает, что Другой даже в данном отношении раскрывает свою индивидуальность, познается только частично, предстает лишь какой-либо одной стороной и абсолютное его понимание неосуществимо.

Только что отмеченное позволяет предположить, что основным локусом социального трансцендирования выступает именно ситуация лицом-к-лицу. Несмотря на действие такого механизма аналогового схватывания как эмпатия, обыденного запаса знаний индивида далеко недостаточно для того, чтобы сформировать исчерпывающее представление о повседневной жизни своего «визави». В данном социальном отношении имеют место, поэтому, различного рода трансцендентности, связанные как с непостигаемыми сторонами внутреннего мира другого, так и с недоступными познанию аспектами его существования. В связи с этим действенным приемом преодоления ряда трансцендентностей, возникающих как в пределах отношения лицом-к-лицу, так и в тех формах социальных интеракций, которые не основаны на межличностных связях предстаёт, как мы считаем, *типизация* [1, с. 55–60; 6, с. 121]. И, несмотря на то, что все целиком социальные трансцендентности всё-таки непреодолимы, именно схемы типизации позволяют людям не только понимать друг друга, но и оказывать воздействие на характер социальных взаимоотношений.

Следующим важным компонентом повседневного социального взаимодействия, имеющим непосредственное отношение к социальному трансцендированию, выступает *анонимность* обоюдных восприятий людей. Согласно А. Шюцу, «чем более стандартизирован преобладающий образец действия, тем более анонимным он является, тем более велик субъективный шанс на достижение согласия и, таким образом, на успех интерсубъективного поведения» [7, с. 34]. Наличие в социальных взаимодействиях различных степеней анонимности свидетельствует, по нашему мнению, о том, что со многими социальными трансцендентностями разного уровня общество успешно справилось. Анонимизация, связанная с типизацией, показывает себя, поэтому, необходимым средством «выходов за пределы». Более того, стандартизация и анонимизация являются едва ли не единственным способом преодоления трансцендентностей, возникающих вне ситуации лицом-к-лицу. Но и в межличностных отношениях приспособление к недоступным сторонам личности Другого, на наш взгляд, ускоряется за счет использования в этом процессе высоко стандартизированных, а значит, анонимизированных схем.

Представление о процессах социального трансцендирования было бы не полным без учета факта социального существования множественных реальностей, таких как «миры чувств, физических объектов, мир научных размышлений, философии, религии, “идолов языка”, мир снов, фантазии, безумия, индивидуальных мнений, игровой мир ребенка» [6, с. 116] и др. Их А. Шюц называет множественными конечными областями значений, указывая, что «именно значение наших переживаний, а не онтологическая структура объектов, конституирует реальность» [9, с. 511]. (Стоит заметить, что близкими понятию конечных областей значений А. Шюца являются, например, понятия Г. Зиммеля «мир действительности», «мир искусства», «мир

религии» «мир науки» [3, с. 5–6]; термин П. Бурдье «поля социального пространства» [2, с. 18–22]). Как верно отмечает Н.М. Смирнова, «“конечность” означает, что они не выводимы друг из друга и не соотносимы друг с другом непосредственно… Каждая из них обладает известной автономией, специфическим стилем социальной активности, типом переживаний, а также уровнем “внимания к жизни”» [6, с. 117]. Существенно при этом то, что верховной реальностью, согласно социальной феноменологии (особенно подходу П. Бергера и Т. Лукмана) выступает повседневный мир, а другие области значений оказываются лишь небольшими островками иных миров на территории обыденного мира.

Переход к этим конечным областям – это, как мы считаем, радикальное трансцендирование сознания за пределы обыденности, результатом которого становится полное погружение в совершенно другой мир, в абсолютно другое содержание. Такой решительный уход от верховной реальности объясняется тем, что «согласованность и совместимость переживаний с точки зрения их особого когнитивного стиля существует лишь в границах конкретной области значения, к которой эти переживания принадлежат…» [9, с. 514]. Происходит, поэтому, серьезная, глубокая перестройка внимания, переключение которого порождает изменения в интенсивности деятельности сознания, вызывает появление иного измерения времени и сопровождается «скачком» сознания (шоком). И именно через подобного рода трансцендирование, «фантазируя, создавая миры произведений искусства, философские системы и научные теории, человек получает доступ к тому, что ему практически недоступно, и тем расширяет горизонт своего опыта и способствует как личностному росту, так и развитию культуры в целом» [7, с. 120].

Таким образом, можно утверждать, что социальное трансцендирование, понятое как метод и процесс, посредством которого и в котором человек «обживает» и создает социальный мир, аутентично многомерной, полифоничной, творческой природе человеческого сознания – сознания, имеющего интенционально-темпоральные характеристики и тематизирующе-горизонтные механизмы; сознания, конституирующего различные ярусы и аспекты повседневной и внеповседневной реальностей, конструирующего мир вокруг себя и живущего в нем таким преодолевающим границы, «путешествующим» образом. Кроме того, на данном этапе анализа, т.е. в первом приближении, мы можем установить, что социальное трансцендирование развертывается согласно двум основным типам. Первый тип – это повседневное (имманентное) трансцендирование как преодоление трансцендентностей, располагающихся внутри мира обыденности. Второй тип – трансцендирование, выводящее сознание за рамки повседневного («трансцендентное», внеповседневное трансцендирование) как приспособление к трансцендентностям, находящимся за пределами повседневности, относящимся к иным конечным областям значений.

Библиографический список

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. *Бурдье П.* Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

3. *Зиммель Г.* Религия. Социально-психологический этюд. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1909. – 82 с.

4. *Невважай И.Д.* О природе должного в науке // Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / под ред. И.Т. Касавина, В.П. Филатова, М.О. Шахова. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 348–361.

5. *Латышева Ж.В.* Анализ оснований повседневного знания в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2011. – № 6 (44). – С. 144–150.

6. *Смирнова Н.М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М.: ИФРАН, 1997. – 222 с.

7. *Щюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // А. Щюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 7–50.

8. *Щюц А.* Размышления о проблеме релевантности // А. Щюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 233–398.

9. *Щюц А.* Символ, реальность и общество // А. Щюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 456–529.

10. *Щюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках / А. Щюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Пер. с нем. и англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 51–68.

УДК 1(091)

Рыбина Лариса Борисовна
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
larisa.rybina.2014@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ С.Л. ФРАНКА

В статье исследуется историко-философский аспект трактовки проблем, идей и вопросов, включенных в оригинальную философскую систему С.Л. Франка. Анализируется совокупность религиозно-философских, публицистических работ и осуществляется попытка показать взаимосвязь проблем человека и общества, проблемы бытия и всеединства.

Ключевые слова: *метафизика всеединства, общество, общественное бытие, русская философия, общественный идеал.*

С.Л. Франк – один из выдающихся представителей русской религиозной философии Серебряного века. Как и В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, он стремился к созданию цельного и систематически продуманного учения. Его историко-философская часть наследия велика. С.Л. Франку принадлежит много работ по философии. Основу его философской системы образует трилогия: «Предмет знания», «Душа человека», «Духовные основы общества». Также его перу принадлежат работы «Методология общественных наук», «Введение в философию», «Смысл жизни», «Непостижимое», «Свет во тьме», «Реальность и человек» и др.

Многогранность произведений, широта охватываемых проблем, оригинальные способы их разрешения обусловили неослабевающий интерес к исследованию творчества С.Л. Франка. В.В. Зеньковский о нем писал: «По силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям. Мы имеем в произведениях Франка очень стройную, продуманную систему, – только по вопросам эстетики, да по философии истории он ограничился случайными замечаниями. Но логика, гносеология, метафизика, антропология, этика – разработаны им (в духе метафизики всеединства) очень глубоко, с превосходным знанием основной литературы. Сама философская позиция Франка, систематическая в основном ее принципе, исключительно благоприятно отразилась в разработке отдельных проблем» [1, с. 802]. Темой нашего исследования является рассмотрение вопроса о диалектике философских воззрений С.Л. Франка на одну из них – проблему общественного идеала.

Прежде чем подойти к созданию собственной теории об обществе, философ производит анализ имеющихся социальных концепций первоначально в работе «Очерк методологии общественных наук», а затем в труде «Духовные основы общества». Анализируя западноевропейскую социальную философию нового времени, С.Л. Франк отметил, что она пополнила мировую общественную мысль целым рядом новых направлений, таких как рационализм, историзм, натурализм, материализм, позитивизм. Философ дал всестороннюю характеристику сильных и слабых сторон каждой из общественных теорий и пришел к выводу о том, что они односторонне, под узким углом исследуют человеческое общество. Эта односторонность не устраивает С.Л. Франка, и он заявляет о необходимости создания целостной общественной теории.

С.Л. Франк считает, что философским обоснованием построения единой обобщающей социальной науки является всеединство. Оно и становится, прежде всего, объектом его исследования. Основные характеристики всеединого бытия С.Л. Франк сформулировал в своей работе «Предмет знания», посвященной проблемам гносеологии. Мы согласны с выводами, сделанными исследователем взглядов С.Л. Франка О.А. Назаровой в статье «О роли и месте социальной философии в творчестве Семена Людвиговича Франка» [2], согласно которым именно свойства Абсолютного всеединого бытия и легли в основу универсальной философской методологии С.Л. Франка. Описанная О.А. Назаровой система методологических принципов используется философом для раскрытия содержания различных сфер бытия, в том числе и социального.

Но общество имеет и специфические черты, обладает априорными, вытекающими из самой его сущности закономерностями. Впервые они были отмечены С.Л. Франком в 1925 году в статье «Религиозные основы общественности», которая была опубликована в первом номере журнала «Путь». Позднее в работе «Духовные основы общества» они получили дальнейшее углубление. Опираясь на анализ онтологической природы социального бытия, он отмечает вечные и универсальные по своему существу нормативные принципы общественной жизни, которые и должны лечь в основу формирования общественного идеала. Согласно Франку, последняя цель человеческой жизни – возможно полное воплощение полноты божественной справедливости, реализация самой жизни во всеобъемлющей полноте, глубине, гармонии ее первоначальной основы. Из этой общей цели общественной жизни вытекает иерархическая структура тех отдельных начал, которые в своей совместности ее

 © Рыбина Л.Б., 2013

выражают. Наиболее общими и первичными из таких начал является, по мнению С.Л. Франка, триединство начал служения, солидарности и свободы.

Рассмотрение С.Л. Франком онтологической природы общества тесно связано с анализом соотношения «я» – «ты» – «мы», который в большей или меньшей мере проводится практически во всех работах философа. Согласно Франку, личное самобытие «я» не есть обособленная инстанция, а конституируется первичным единством «я» и «ты», которое выражается в форме «мы». Философ пишет: «Не только отдельный член единства, будучи неотделим от другого, тем самым неотделим от целого, не только «я» немыслимо вне объемлющего его единства «мы», но и наоборот: единство «мы» внутренне присутствует в каждом «я», есть внутренняя основа его собственной жизни» [4, с. 61]. Данное соотношение, осуществляемое в форме единства раздельности и взаимопроникновения, возможно благодаря укорененности непосредственного самобытия в абсолютной реальности или во всеедином бытии. Философия «мы» позволяет С.Л. Франку сделать важный вывод о том, что онтологическое единство имманентно присуще человеческому бытию. Социальная, общественная жизнь не есть, следовательно, какая-то чисто внешняя форма человеческой жизни. Она есть, по мнению С.Л. Франка, необходимое и имманентное выражение онтологического всеединства, составляющего основу человеческой жизни во всех ее областях. Он заключает, что общество «не есть просто совокупность, внешняя связь и взаимодействие индивидов, а есть их первичное внутреннее единство – исконное многоединство, или соборность, как специфическая форма бытия» [4, с. 64].

Личность и общество рассматриваются философом в обязательной связи с высшим онтологическим началом – Богом, в отношении с которым они равнозначны не в принципе утверждения в своих правах, а в принципе осознания своих нравственных обязанностей.

Однако С.Л. Франк критиковал идею гармонии личности с обществом, которая фактически вела к поглощению одного начала другим: либо акцент делался на значимости общественных форм, из которых выводилась идея личности, либо общественные формы ставились в исключительную зависимость от личного совершенствования. В противоположность этому, С.Л. Франк, исходя из понимания личности и общества как начал соотносительных, но не совпадающих, утверждал идею антиномии личного и общественного. Личность и общество не только постоянно взаимодействуют в рамках исторического развития, но и находятся в вечном антагонизме, не допускающем их окончательного примирения. С.Л. Франк пишет: «“Мы” и “я”, общество, как единство, как живое целое, и личность, выступают в общественном бытии <…> в качестве двух самостоятельных, противостоящих друг другу инстанций, каждая из которых притязает на абсолютное значение и сознает себя абсолютным началом» [4, с. 110].

Итак, согласно С.Л. Франку, общество конституируется двумя началами – соборным началом «мы» и нравственным началом Божественной правды. Они взаимосвязаны между собой. Разрешение общественных противоречий С.Л. Франк видел в начале соборности как первичном единстве «я» и «мы», в солидарности, достигаемой в общем служении высшим ценностям, той верховной правде, которая стоит и над обществом в целом, и над каждой человеческой личностью в отдельности.

Анализ проблемы общественного идеала предполагает рассмотрение таких вопросов, как соотношение абсолютного и относительного, утопии как формы общественного идеала. С.Л. Франк с социально-философских позиций критиковал преувеличение роли тех или иных отвлеченных политических принципов в жизни общества и человека. К анализу метафизических истоков кумиротворчества философ обращался в своих работах «Философские предпосылки деспотизма» (1907), «Этика нигилизма» (1909), «Крушение кумиров» (1924) и многих других. С.Л. Франк, выводя основные нормативные принципы общественной жизни, определяющие подлинно объективный идеал из онтологической природы общества, в вопросе понимания соотношения абсолютного и относительного предупреждал против их смешения. Согласно Франку, конкретные общественные идеалы относительны не только в том смысле, что зависят от эмпирических условий, от условий времени и места, но и в том, что ни один из них не есть абсолютное осуществление правды.

В труде «Этика нигилизма» С.Л. Франк критикует мировоззрение, основанное на полном отрицании абсолютных ценностей. В работе «Достоевский и кризис гуманизма» он рассматривает, как ошибочные взгляды на место человека в социальном бытии приводят к утопиям. В этом труде философ говорит о кризисе гуманизма. Под гуманизмом здесь он понимает веру в «человека как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному – в отличие от того христианского понимания человека, в котором человек воспринимается в его отношении к Богу и в его связи с Богом» [3, с. 361]. Философ приходит к выводу, что такой гуманизм должен окончательно погибнуть, а на его место придти правильное понимание роли и места человека в составе всеединого бытия.

Итак, С.Л. Франк убежден, что любые социально-политические идеалы относительны. По его мнению, ошибочно считать конечным идеалом общественной жизни и какой-либо отдельный отвлеченный принцип.

Анализируя проблему общественного идеала, С.Л. Франк подробно рассматривает религиозные вопросы. Он считает, что «общественная жизнь, будучи в качестве духовной жизни жизнью в Боге, имеет своим единственным, конечным назначением осуществление своей истинной онтологической природы во всей ее конкретной полноте, т. е. «обожение» человека, возможно более полное воплощение в совместной человеческой жизни всей полноты божественной правды» [4, с. 107]. Проведя философский анализ понятия «соборность», философ приходит к выводу, что «религиозность и соборность есть в основе своей одно и то же или две стороны одного и того же всеопределяющего начала человеческой жизни» [4, с. 59]. Из этого С.Л. Франк заключает, что именно на основах религиозности и должно быть построено человеческое общество.

Религиозные представления С.Л. Франка наиболее полно раскрываются в произведении «С нами Бог. Три размышления», написанном в 1941 году.

В последних своих работах, в частности в книге «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии» (1949), С.Л. Франк обращается к задачам христианской политики в современную ему эпоху. Также он пытается найти пути их решения. С.Л. Франк отмечает, что перед обществом стоят две основные взаимосвязанные задачи: поддержание и охрана накопленного в прошлом духовного достояния и дальнейшее совершенствование жизни.

Итак, С.Л. Франк дал полный обзор состояния современной социальной теории. Во-первых, он рассмотрел главные теоретические направления. Во-вторых, он выстроил их в исторической ретроспективе и показал превалирующие тенденции развития и необходимость создания обобщающей социальной науки. В-третьих, Франк отметил основные характеристики Абсолютного всеединого бытия, что позволило ему выработать свою универсальную систему теоретических и методологических принципов, которая используется им для анализа содержания различных сфер бытия. Также он указал основные характеристики социальной философии, определенные спецификой ее предмета – человеческого общества и социальных явлений. Особое внимание С.Л. Франк уделил наиболее актуальным вопросам социального знания: проблеме реальности общества; проблеме фактов; проблеме отношения универсального и индивидуального; реального и идеального; проблеме основной формы знания в обществоведении; проблеме общественного идеала и методе его определения.

Библиографический список

1. *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М.: Академический Проект; Раритет, 2001. – 880 с.

2. *Назарова О.А.* О роли и месте социальной философии в творчестве Семена Людвиговича Франка // Вопросы философии. – 2008. – №5. – С. 104–115.

3. *Франк С.Л.* Достоевский и кризис гуманизма // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – С. 360–367.

4. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 13–146.

УДК 101.1:316

Сатурин Алексей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Saturin1986@mail.ru

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье обозначаются некоторые признаки современного российского общественного сознания, предпринимаются попытки проследить связь разнородных социальных и культурных явлений современной действительности с философией постмодернизма.

Ключевые слова: *общественное сознание, постмодернизм, трайболизация, глокализация, кризис общественного сознания.*

Процессы мифологизации массового сознания, проявляющиеся в трайбализации общества и росте числа субкультур, подверглись тщательному анализу еще в 70-х гг. XX в. Наибольшее развитие данные идеи нашли в творчестве Э. Тоффлера и его континентального коллеги М. Маффесоли. Одна из существенных черт данных теорий – постулирование усталости современного общества от демифологизирующей культуры эпохи модерна [4, с. 181]. Как писал М. Маффесоли, современный человек всё более сосредотачивает своё внимание на целях, находящихся в непосредственной близости, которые напрямую затрагивают его [8, с. 278]. Проблема противоречия между реальной жизнью малых социальных групп и миром идеологических построений идеологов власти рассматривается Маффесоли как признак нарождения новой социальности. Итак, если взять в скобки усталость общества от политической и профсоюзной деятельности и рост числа

 © Сатурин А.А., 2013

быстросменяющих друг друга субкультур, мы можем предположить, что для философов-постмодернистов общество, являвшееся предметом рассмотрения классической философии, становится вопросом истории философского дискурса, т.е. меняется как предмет, так и методы обретения нового знания.

Для современного общества, как отмечает В.Н. Фурс, политический активизм, являвшийся господствующей ценностью модерна, сменяется эстетически окрашенным «не-деянием» [13]. Для этой ризомы малых социальных групп, разрастающейся изнутри традиционного общества, по мысли Маффесоли, в настоящее время невозможна никакая социальная идеология, единая для всего общества. Эта постоянно меняющаяся становящаяся общность не повинуется законам классической рациональности, она функционирует в «иных мирах». В теоретическом плане теория Маффесоли является попыткой преодолеть фатальность бодрийаровской трактовки имплозии постмодерного общества. В то же время, следует заметить, что Бодрийяр начал разрабатывать свою концепцию в иных социально-исторических условиях. Если концепция общества-мифа, предложенная Бодрийяром, является отражением модели потребительского капитализма, то теория разнообразия мифологизированных «племен», предложенная Маффесоли, имеет ввиду нечто нарождающееся, призванное преодолеть общественные мифологемы предыдущей эпохи и сменить их общинными.

Тенденция, обозначенная Маффесоли, справедливая для западного общества с его относительно высоким уровнем жизни, в российском обществе проявляется лишь отчасти. Действительно, Россию с 73,7% городского населения и 67%, проживающими в крупных городах с числом жителей более 100 тыс. [2], трудно назвать страной общества традиционного типа. В целом, вне зависимости от политической конъюнктуры, интерес российского общества к политике также невысок – в докризисный 2007 год наблюдалось снижение интереса к политике широких слоев населения: 90% граждан либо мало интересовались, либо вообще не интересовались политической жизнью страны [9], что можно объяснить усталостью российского общества от бурных событий в социальной и политической жизни страны второй половины 1980–1990-х гг. В настоящее время также наблюдается резкий спад политической активности граждан по сравнению с пиком политической активности в конце 2011 – первой половине 2012 годов [6]. Однако, несмотря на некоторые предпосылки, о бурном развитии малых социальных групп в рамках всего российского общества говорить несколько преждевременно. Мы можем с уверенностью говорить лишь о многочисленных, иногда успешных попытках заинтересованных коммерческих кругов пересадить западные субкультуры на российскую почву. В то же время, особенно в крупных городах, а также в локальных этнических и диаспорных центрах, наблюдается параллельный процесс трайболизации общества, источник которого находится в недрах архетипных слоев коллективного бессознательного и общественной психологии. В значительной степени – это психологическая потребность и реакция на глобализацию, с другой стороны – простая дань моде.

Одна из причин неразвитости в России общества малых социальностей лежит на поверхности: россияне заняты совершенно другими проблемами. По данным опроса общественного мнения, проведенного Левада-Центром 10–13 августа 2012 года 60% россиян испытывают постоянные материальные трудности, 28% озабочены отсутствием элементарных бытовых условий для нормального существования [7]. Для образования микрогрупп, о которых писал Маффесоли, требуется наличие свободного времени, высокоразвитая социально-бытовая инфраструктура, не сильная загруженность работой, материальными проблемами, бытом. В то же время, российское общественное сознание всегда отличалось некой онтологической цельностью, особенно в периоды социально-политической стабильности. Нарождение общества малых социальностей – свидетельство дифференциации и поляризации элементов общественного сознания, явление, скорее характерное для западной протестантской в своей основе цивилизации, чем для традиционной российской действительности. С другой стороны, признаки трайболизации российского общества указывают на рост индивидуалистических настроений, стремление отделить себя от других и защитить свои ценностно-целевые установки от властного нарратива больших метарассказов.

Если Маффесоли, вслед за Делезом и Гваттари, говорит о трайбализации современного общества, невозможности говорить о едином общественном сознании как таковом, то идеологи глобализации, такие как Р. Робертсон и Э. Гидденс, постулируют интенсификацию общественного сознания, переросшего узкие рамки национальных государств. Кроме того, современный этап глобализации, связываемый большинством западных специалистов с быстрым распространением высокоскоростных средств коммуникации, характеризуется возрастанием роли единого глобального сознания и, вместе с тем, усилением центробежных тенденций, проявляющихся в идеологии, экономике, политике, общественном сознании и культуре. Религия, традиции, культура по-прежнему сохраняются, но отношение общества к ним приобретает принципиально новые черты, отличные от аналогичных явлений в общественном сознании в рамках традиционных и модернистских общественных систем. Этим принципиально новым явлением стало рефлексивное некуматоидное сохранение религии, традиций и культуры. Как отмечает Гидденс,

в условиях, когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, индивид более чем прежде нуждается в сохранении и воссоздании собственной идентичности [3, с. 63]. Иными словами, национальное самосознание, традиционная религиозность, обычаи и культура передаются теперь преимущественно не от отца к сыну, как раньше, а вполне осознанно и нередко извне. Данная концепция призвана объяснить такие явления, как сближение РПЦ с государством, казачьи патрули возле православных храмов в Москве, талибов в Татарстане, отправления языческих культов в спальных районах крупных городов и тому подобные проявления современности. Всё это, по мысли Гидденса, результат глобализации, дань рефлексивному сохранению традиций, религии, культуры, даже если в этих явлениях трудно распознать признаки религии, традиций и культуры. Такой поворот, получивший название глокализм и популяризованный в работах Р. Робетсона, был бы невозможен без современных средств коммуникации и масс-медиа, об огромной разрушительной и нивелирующей силе которых одним из первых заявил Маршалл Маклюэн в 60-х гг. XX века.

По мысли Бодрийяра, отношение потребителя к реальному миру (политике, истории), обобщенное и систематизированное в «обществе потребления» функционированием массовых коммуникаций, – это «отрицание реального на основе жадного и мультиплицированного восприятия его знаков» [13]. Однако если СМИ, освещающие мировые события – это область трансцендентного восприятия мира, обеспечивающая поддержание иллюзии сопричастности некому реальному «большому» миру, то Интернет и социальные сети становятся сферой имманентной общественной практики. Согласно данным TNS Россия, пользователями Глобальной паутины являются 65% жителей крупных городов России с числом жителей более 100 тыс., по другим данным 55% [12]. В социальных сетях зарегистрированы 82% пользователей Интернета, в то же время телевизор смотрят 98% россиян. Большую часть информации о мире россияне получают посредством телевидения и Интернета. Кроме того, масскульт, переросший из современного состояния культуры в одну из наиболее процветающих отраслей промышленного производства, становится мощной общественной силой, искажающей восприятие реальности потребителями медиа-продукции, а также способствующей формированию мозаичности сознания индивидов. Субъект, лишенный четких социальных и культурных ориентиров, лишается представления о самом себе, как о некой нераздельной целостности, так как гиперплюрализм и идеология мультикультурализма предлагают ему многообразие вариантов самоидентификации. Индивиду предлагается возможность выбора культурной, религиозной, идейной и даже гендерной самоидентификации – признавать традиционные право и мораль или выступить с позиций постмодернизма, поддерживать или не поддерживать оппозицию, участвовать или нет в борьбе за права секс-меньшинств или выступать против с позиций традиционализма – все это хорошо с точки зрения современной постмодернистской философии. С другой стороны, для мозаичного сознания становится почти невозможным обрести непротиворечивую картину мира. Как отмечает В.И. Самохвалова, бессвязность мышления и фрагментарность модели мира, складывающейся у современного человека, позволяет «навязать ему систему мифов, по которым он будет выстраивать свою реальную жизнь и оценивать ее» [11, с. 125]. Благодаря этой системе мифов массового человека можно использовать в любых целях. Ситуация усугубляется тем, что идеологическая неразбериха начинает проникать в систему школьного образования. Учащимся предлагают самим выбирать концепции и модели поведения, которых стоит придерживаться, при этом традиционная роль учителя как руководителя в процессе обретения учащимися непротиворечивого объективного знания сводится к ретрансляции тех или иных даже самых парадоксальных идей. Таким образом, на макроуровне мы видим ризому малых нарождающихся социальностей, так или иначе подверженных влиянию глобальных процессов, на микроуровне – неясную совокупность индивидов – «тел без органов», реализующих свои виртуальные потенциалы.

Идеологический раскол российского общества, контуры которого вполне четко стали прослеживаться как минимум с декабря 2011 года [10] явился ярким подтверждением силы СМИ и быстроразвивающихся в России средств высокоскоростной коммуникации. Имплозивная реальность двух миров, сталкиваясь, пересекаясь и взаимодействуя, отражает сложную структуру современного российского общественного сознания. Традиционные СМИ, более характерные для общества модерного типа и современные высокоскоростные интернет-технологии, с развитием которых связывают современный этап глобализации, формируют общественное мнение, потребительское поведение, представления о реальности и лжи.

Виртуальная реальность и медиатехнологии становятся новым фактором общественного бытия, следствием этого стало слияние в общественном сознании знака предмета и предмета, что характерно, согласно Л. Леви-Брюлю, для обществ мифологического типа. Мифологическое мышление, как заметил данный автор, осуществляется не сообразно законам классической логики, оно «...обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум» [5, с. 130]. Такое пралогическое мышление движимо согласно собственным законам, отличным от законов аристоте-

левской логики. Такому мышлению свойственна логика, оно состоит из суждений и заключений, однако ход их не подчиняется закону непротиворечия. Схожие процессы можно проследить при анализе постмодернистской литературы. Аппелируя к микро- и макрореальности со специфическими, отличными от ньютоновских, физическими законами, постмодернистские авторы отказывают в праве на существование логике, сформированной античными мыслителями, однако, если в случае с пралогическим мышлением источником воображения первобытных людей являлась всё-таки природная реальность, то в условиях постсовременности, по мысли постмодернистов, логика формируется и навязывается нам посредством «иного» постреального высокотехнологичного мира.

В условиях общей усталости людей от доводов практического разума, рациональной аргументации и потребности вдумываться и разбираться в непрерывном и зачастую противоречивом ежедневном потоке информации, практически меняются средства донесения информации до сознания потребителей. Наглядным примером данной тенденции стали постмодернистские акции арт-группы «Война» в Санкт-Петербурге или нашумевший панкмолебен Pussy-riot в храме Христа Спасителя весной 2012 года. Как правило, постмодернистская природа того или иного события остается «вещью в себе» для рядового потребителя медиа-знаков, однако смысл послания, при этом, бессознательно воспринимается вполне чётко. В то же время, субъект, попавший в порочный круг структур медиа-знаков, становится либо связующим звеном в непрерывных потоках информации, либо полностью растворяется и теряет какой-либо изначально-заданный смысл. Таким образом, СМИ и Интернет подобно шаману в концепции Леви-Брюля одновременно отражают и не отражают реальность, одновременно являются и истиной, и ложью; в мозаичном сознании, подверженном влиянию медиатехнологий, происходит «мистическое отождествление», за которым теряются ориентиры подлинного бытия, данного нам непосредственно в чувственном восприятии мира.

Вместе с тем, корни идеологического кризиса российского общественного сознания, по-видимому, следует искать в начавшемся в 2008 году мировом экономическом кризисе, а в более широкой перспективе – в судьбоносных для России и мира социально-политических процессах второй половины 1980-х – первой половине 1990-х гг., связанных с политикой «перестройки» и распадом СССР. Великая рецессия замедлила становление среднего класса, практическое сознание которого способствовало реализации в России проекта экономической глобализации, при этом укрепились пласты традиционалистски-настроенных слоев российского общества с присущими им правыми и левыми идеологиями. Всё это породило системный всеохватывающий кризис общественного сознания в России, который трансформировался к концу 2011 года в форму открытого идеологического противостояния.

Если сравнить содержание лозунгов студенческих волнений во Франции 1968 года с идейной смысловой нагрузкой лозунгов оппозиции в 2011–2013 годах, станет очевиден предпостмодернистский характер первых и модернистский – вторых. Содержание лозунгов оппозиции, на наш взгляд, сводится к двум вполне модернистским по духу идеям: требованиям прозрачности власти, механизмов ее контроля и уважения к естественным правам личности и гражданина. При этом форма подачи тех или иных оппозиционных идей может быть довольно постмодернистской – шутливость лозунгов, переиначивание властных нарративов, театрализация действия и т.п.

Как свидетельствуют последние статистические исследования, в данный момент нет оснований говорить о каком-либо социальном или экономическом единстве в рядах политически-активного населения [1, с. 135], следовательно, критерий структурализации современного российского политического сознания следует искать в иных системах координат. Легко поддаться иллюзии, что идеологический раскол российского общества – следствие борьбы постмодернистского и модернистского сценария развития общества, однако, как нам представляется, идеология противоборствующих сторон вполне вписывается в модернистский проект просвещения. Следовательно, суть происходящих процессов можно объяснить противоречием, вытекающим из представления о необходимости считаться с мнением граждан и убеждением в правильности выбранного властями курса, которое нашло отражение в современном российском общественном сознании. Данное положение вписывается в теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, определяющую перспективы завершения проекта, созданного философами-просветителями XVIII века.

Таким образом, при анализе современной российской действительности трудно различить влияние объективных глобальных процессов, описываемых постмодернистами в своеобразной манере, от влияния самого постмодернистского философского дискурса на современное общественное сознание. Более четко влияние постмодернизма прослеживается в отношении теоретического уровня общественного сознания, посредством которого данная концепция проникает в широкие массы. Однако говорить о широком распространении постмодернистского мировоззрения в России преждевременно в силу незавершенности «проекта модерн» и некоторых цивилизационных особенностей российского общества. Являясь порождением духовного кризиса западной цивилизации, постмодер-

низм не предложил путей его преодоления, ограничившись описанием феноменов современного состояния общественного сознания. Отказ от иерархического характера различий мировоззренческо-ценностных систем, постулируемый данными исследователями, имплицитно привел к вариативности объяснения действительности и утрате веры в объективную истину. Вместе с тем, фиксируя колоссальные изменения современности, постмодернизм отражает все свойственные ей противоречия.

Библиографический список

1. *Бибиков А.* Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium. – 2012. – №2. – С. 130–163.

2. Вот какие мы – россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. – 2011. – 16 декабря.

3. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

4. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 227 с.

5. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 365 с.

6. Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514 (дата обращения: 11.03.2013).

7. Материальные проблемы доставляют наибольшие трудности российским семьям // Левада-Центр. Пресс-выпуски. 16.08.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/16-08-2012/materialnye-problemy-dostavlyayut-naibolshie-trudnosti-rossiiskim-semyam (дата обращения: 23.08.2012).

8. *Маффесоли М.* Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1991. – С. 274–283.

9. Россияне и политика: пути расходятся // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 658 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: wciom.ru/index.php?id=459&uid=4258 (дата обращения: 23.08.2012).

10. Рост протестных настроений // Левада-Центр. Пресс-выпуски. 01.08.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/01-08-2012/rost-protestnykh-nastroenii (дата обращения: 23.08.2012).

11. *Самохвалова В.И.* Человек современного массового общества и проблемы креативности // Полигнозис. – 2007. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=58

12. Сколько в России интернет-пользователей // ВЦИОМ. Исследования. 10.05.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=112761 (дата обращения: 23.08.2012).

13. *Фурс В.Н.* Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра // Социологический журнал. – 2002. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-02furs.html (дата обращения: 07.11.2012).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1.09

Бокарев Алексей Сергеевич
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
manrico@newmail.ru

ГЕНЕЗИС ЛИТЕРАТУРНОГО ФАКТА В ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ЦВЕТКОВА

В статье рассмотрены характерные для лирики А. Цветкова семантические механизмы, регулирующие процесс «конструирования» литературного факта в поэтическом произведении. Автор статьи приходит к выводу, что доступный непосредственному восприятию мир у Цветкова подменяется литературной «репродукцией», а граница между жизнью и текстом последовательно аннигилируется.

Ключевые слова: *Цветков, автометаописание, металирика, метапоэтика, стихи о стихах, литературное моделирование биографии.*

В литературоведческий оборот уже достаточно прочно вошло понятие металирики, характеризующее поэтические тексты «с установкой на профессиональное самоопределение и самопознание, с поисками мотивировки права на существование, с привлечением аргументов поэтической “правоты” через ссылку на прецеденты, с рефлексией над собственными генетическими и типологическими параметрами» [1, с. 119]. Данная дефиниция может быть распространена и на целый ряд произведений А. Цветкова, поэтический мир которого во многом определяется тематическим комплексом «стихи о стихах». Онтологический статус фигуры поэта, смысл творческого усилия, ревизия возможностей конвенционального языка фиксировать мир, соотношение «жизненной правды» и художественного вымысла – таковы главные аспекты метапоэтики Цветкова. Последний из них, а именно семантические «механизмы», регулирующие процесс «претворения» эмпирической реальности в литературный факт, мы и рассмотрим в настоящей статье на материале лирики 1970-х – 1980-х гг.

Проблема соотношения реальности и литературы разрабатывается Цветковым на мифологическом, библейско-евангельском и собственно биографическом материале и допускает три стратегии решения. Согласно первой, (1) реальность следует готовому тексту, ее «фабула» и «финал» известны заранее, а человек всего лишь «персонаж», лишенный собственной воли и вынужденный во всем подчиняться «автору». Вторая предполагает, что (2) реальность способна «редактировать» текст по своему усмотрению, вопреки инерции «размера» и «авторскому» замыслу; невозможность осуществления предопределенной «сюжетом» судьбы воспринимается «персонажем» как источник личной трагедии. Третья стратегия как бы учитывает опыт первых двух и состоит в том, что (3) реальность сама является текстом, который способен быть многократно «переписанным», – но ее «черновики» не уничтожаются, а сохраняются «автором» как набор альтернативных «версий и вариантов»; биография «персонажа» в силу этого утрачивает аутентичность и мыслится принципиально незавершенной. Рассмотрим каждую стратегию на примере конкретных текстов.

(1) Стихотворение «Прощание Гектора с Андромахой» [2, с. 61–62], репрезентирующее первую из них, по структуре напоминает драматическую миниатюру и состоит из трех реплик: две произнесены титульными персонажи, еще одна принадлежит Автору, непосредственно излагающему свои творческие «резоны». Так, ради «космос<а>, пронизанн<ого> речью» [2, с. 61], он готов поступиться супружеским счастьем Гектора, честью Андромахи и даже благополучием родной страны. Он следует за «музыкой слова», которая и определяет развертывание сюжета сочиняемого им произведения:

Чтоб медное сердце знобило,
Сшибая волной голыши,
Чтоб слово мне музыкой было,
А зрение – слухом души [2, с. 61].

Гектор и Андромаха не имеют объективного бытия, поскольку созданы воображением автора / Автора, – но ситуация осложнена тем, что, подозревая о своей вымышленности, они никак не желают с ней смириться. Так возникает иллюзия, будто не персонажи текста, а исторически реальные лица внутренне сопротивляются своей «мифологизации», наблюдая, как истинное чувство подменяется литературной «копией» («Ты не любовь, ты памятник любви» [2, с. 61]), а живой человек становится «выдержк<ой> из греческих грамматик» [2, с. 61]. Их поступки не способны влиять на будущее, и даже малейшее движение души тут же «корректируется» в соответствии с заранее известной «фабулой»:

Есть фабула, и нам не сладить с нею.
Я даже струсить вовремя не смею,
Хоть до кости душа обнажена.
Я буду кровью на прибрежном камне.
Моя царевна, ты уже вдова мне,
С тех пор, как трупу моему жена [2, с. 61].

Тем самым граница между реальностью и текстом размывается: автор (в котором синкретически слились Цветков и Гомер) перестает быть «вненахо-

© Бокарев А.С., 2013

димым» по отношению к собственному творению и становится полноправным внутритекстовым субъектом. Гектор и Андромаха, в свою очередь, начинают осознаваться как реальные личности, чья «жизнь», оказавшись в жерновах «мельницы размера», на глазах превращается в древнегреческий эпос.

(2) Другое стихотворение – «Серый коршун планировал к лесу…» [2, с. 21] – содержит авторизованный парафраз мифологического сюжета о взятии Трои. Безрезультатные попытки греков овладеть городом объясняются то «прихотливостью» копья Ахиллеса («И копье, как свихнувшийся дятел, / Избегало искомых пустот» [2, с. 21]), то возможной подменой соперника («То ли силу былую утратил, / То ли Гектор попался не тот» [2, с. 21]). В конечном итоге причиной неудачи объявляется «отклонение» событий от некого, по всей видимости, уже завершенного, текста, – а заодно и от стихотворного размера:

Как по липкому прелому тесту
Расползались удары меча.
Эта битва текла не по тексту
Вдохновенный гекзаметр топча [2, с. 21].

Отсюда – диффузия реальности и литературы, в силу которой персонаж получает шанс обратиться к своему создателю, не претендуя, впрочем, на то, что ему ответят: «Агамемнон молился Гомеру / Илиаде молились войска» [2, с. 21].

Зыбкость границы между «созданным» и «создающим» в процитированном фрагменте всего лишь объект изображения и характеризует чужой текст – гомеровскую эпопею. Однако последняя строфа дает понять, что и стихотворение Цветкова построено по той же модели. Обращает на себя внимание позиция лирического субъекта. Рассказанная в первых строфах «история» определяется им как «притча», по отношению к которой он занимает «внежизненно активную позицию», выступая как ее «автор». Но завершающая текст пуантировка – изменение формы высказывания с «я» на «мы» – уничтожает дистанцию между «автором» и теми, о ком он повествует. Отсутствие границ, разделяющих реальность и литературу, дополнительно интонируется:

Я растягивать притчу не стану,
Исходя вдохновенной слюной.
В это утро к ахейскому стану
Вдохновенье стояло стеной.
Все едино – ни Спарты, ни Трои,
Раскололи кифару и плуг.
Мы одни среди пролитой крови,
Мы одни – посмотрите вокруг [2, с. 21]

(выделено нами. – *А.Б.*).

Как видим, и в том, и в другом случае «пострадавшей» стороной является «персонаж», вынужденный или подчиняться логике навязанного ему сюжета, или, наоборот, стремиться «совпасть» с ним вопреки неблагоприятным обстоятельствам. Однако второе стихотворение свидетельствует, что в проигрыше бывает и «автор». Это можно объяснить тем, что лирический субъект Цветкова не только позиционируется как «творец», но и себя ощущает объектом чужого творчества. Причем неведомый «сочинитель» изъясняется едва ли не на «гомеровском» диалекте, да еще и обогатил свой технический арсенал рифмой:

Тень моя колышется неловко,
Словно строк попарная рифмовка
В широте Гомеровых морей,
Становясь прозрачней и мудрей [2, с. 55].

Потому нет никаких гарантий, что судьба протагониста внезапно не будет «отредактирована» или вовсе перечеркнута как неудавшийся поэтический «продукт»:

Я сам под звездами немею,
Полухочу – полуумею,
Прозрачный, маленький такой,
С тех пор, как неумелый кто-то
Меня на листике блокнота
Изобразил живой рукой [2, с. 59].

В силу этого важное значение приобретает литературное моделирование персональной биографии, имеющее целью «увековечить» собственное бытие при помощи слова и тем самым обезопасить его от творческого «произвола» неведомого «Гомера». «Отработке» этой стратегии посвящена отдельная книга – «Эдем» [2, с. 191–258], где «Гомер» «для простоты» назван «Иалдаваофом» [2, с. 255], а стремление протагониста оборачивается продуцированием сразу нескольких вариантов «личной жизни», чтобы уже наверняка убедить последнего в том, что человек «есть необходимая идея в сознании Бога и вынужден существовать вечно» [2, с. 256].

(3) Биография ономастически тождественного автору Цветкова вызывает в памяти известные литературные матрицы, а сам персонаж проецируется одновременно и на ветхозаветного Адама, и на евангельского Христа. Однако соответствия между «биографическим» и библейским «сюжетами» носят приблизительный, а то и вовсе парадоксальный характер, часто проясняясь лишь в прозаических автокомментариях (композиция «Эдема» предполагает хаотическое чередование стихотворений и прозаических отрывков). Они призваны подчеркнуть, что «претворяясь» в литературу, реальность не столько воспроизводит готовый миф, сколько сама становится мифом о себе. Принципам трансформации «жизненного» материала в литературный Цветков уделяет особое внимание. Вот несколько наиболее репрезентативных фрагментов:

– «переломы срастаются мигом / сколько боли на детство ни трать / древнегреческим фоном и мифом / в дневниковую канет тетрадь / будет мрамор текуч как известка / упразднят временную шкалу / и скелет небольшого подростка / в инвентарном пропишут шкафу» [2, с. 213];

– «об этом и петь, чтобы любое слово / гордилось высоким званием метафоры / пускай за сте-

ной безвредно спит семья / знакомая зовет к материальным издержкам / пускай длится в обгаженных маргаритках / неугомонный коитус кошек» [2, с. 222];

– «рабочий комплект солнечная система / руководство к сборке и эксплуатации / запуск планет в плоскости эклиптики / выключение посредством духовой трубы / труба прилагается к механизму» [2, с. 215].

Согласно Цветкову, становясь частью литературно обработанной истории, главой из «дневниковой тетради», реальность утрачивает самотождественность: релятивизируются ее пространственно-временные характеристики; события оказываются упорядоченными и ценностно уравновешенными («нам время устроили с целью гипноза / события видеть в строю» [2, с. 231]), а их участники осознаются как ветхий, пыльный от времени «инвентарь». Неприглядное зачастую прошлое последовательно мифологизируется и поэтизируется: под воздействием этих процессов даже заурядная любовная история выглядит «поздним уроком идеала», а борьба соперников за обладание женщиной – «почти что илиадой» («за поздний урок идеала / я был в этой жизни казним / почти что была илиада / с головкиным вовой одним» [2, с. 225]). В конце концов связи межу реальностью и ее литературной версией истончаются; художественный мир, претендуя быть самостоятельной «солнечной системой», все больше автономизируется и начинает существовать по собственным законам.

В одном из стихотворений «Эдема» эти законы артикулируются следующим образом:

так я игоря вижу подзорно
позитива прозябшие зерна
пруд *придумаю* в снулой плотве
обуздать не владею вполне

ночь выносит его на подмостки
как пучина с кембрийским песком
остальные друзья и подростки
точки мрака собой в тенескоп [2, с. 233]

(выделено нами. – *А.Б.*).

Очевидно, что реальные события и обстоятельства легко «достраиваются» вышедшим из-под контроля воображением, поэтому «жизнь» фактически «сочиняется» наново, и сколько ни пытайся «наводить на резкость», «недолет» в «окуляре зрачков» неизбежен. «Шепот ивы», колыхание плотвы вблизи причала и случайные откровения «за портвейном» – вот ее немногочисленные «всполохи» среди поэтического «мрака», грозящего невнятицей. И «опознать» в их свете «оригинал» не представляется возможным:

раз бульварный фланер анатолий
за портвейном на метр побратим
скудный умысел нам обратил
на такое родство анатомий
принесущее уйму вреда

только игоря мне никогда [2, с. 233].

Зато «пересочинять» реальность можно до бесконечности, причем бесполезные, на первый взгляд, «черновики» не отбрасываются – «у Бога нет отвергнутых вариантов» [2, с. 256]. Поэтому в книге на равных правах существуют две версии судьбы центрального персонажа. По одной из них, он «впоследствии покинул место действия и уехал в Америку» [2, с. 257], по другой – «благополучно прописан в черте Города на площади родителей» и беременность его супруги «протекает благополучно» [2, с. 257].

Изложенные наблюдения позволяют говорить о том, что отношения между реальностью и литературой в металирике А. Цветкова определяются принципом притяжения – отталкивания. Можно согласиться с одним из пассажей «Эдема», утверждающим, что «жизнь… есть зеркало перед лицом литературы, но в ней меньше логики и соответствий» [2, с. 255], однако необходима поправка: «логике» и «соответствиям» «жизнь» учится именно у литературы, повторяя ее сюжетные ходы или, напротив, стараясь избежать уже известного «сценария». Несмотря на очевидную амбивалентность, обе тенденции влекут за собой переход границы между миром и текстом, в результате которого обнаруживается общность регулирующих их законов. Отсюда свойственное лирическому субъекту ощущение, что, выступая творцом своего мира, он сам является чьим-то творением. Поэтому создание биографического «мифа» с одновременным существованием нескольких его версий может быть интерпретировано как попытка утвердиться в праве на самостоятельное написание сюжета собственной жизни – наперекор «режиссерским ремаркам» [2, с. 256] того, кто в ответе за этот «литературоцентричный» мир.

Библиографический список

1. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

2. *Цветков А.П.* Дивно молвить. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 280 с.

УДК 821.161.1.09

Морозов Николай Георгиевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА РАННЕГО Б.К. ЗАЙЦЕВА (1900-х – 1910-х годов)

В статье рассматривается специфика реализма в прозе Б. К. Зайцева 1900-х – 1910-х годов.

Ключевые слова: *проза Б. К. Зайцева 1900-х – 1910-х годов, мотивы русской классики XIX века, литературное «многоголосье», полиартный реализм.*

В.А. Келдыш относит прозу Б.К. Зайцева 1900–1910-х гг. к явлениям неореализма[1]. С доводами учёного, известного своими трудами в области эстетических особенностей отечественной литературы рубежа веков и начала XX столетия, можно было бы согласиться безоговорочно. Но в ранних рассказах и повестях Зайцева не всё прояснено с точки зрения жанрово-стилистических истоков его прозы. Более пристальный взгляд на произведения писателя, созданные в 1900-е – 1910-е годы, позволяет выявить достаточно устойчивый интерес Зайцева к героям и героиням, решающим вопрос о смысле жизни человека в мире дольнем на основе христианских ценностей и святынь. В таких произведениях, как правило, наблюдается большое количество явлений интертекстуальности, восходящих к множеству художественных текстов узнаваемых творцов русской классической литературы XIX века. Старая форма русской литературы XIX века, напитанная христианскими идеалами добра, любви, правды, привлекала Зайцева как своего рода палитра изобразительных средств, органически близких его этико-эстетическим представлениям о России, народе, их судьбах.

В итоге в ранней прозе писателя появились рассказы «Полковник Розов», «Священник Кронид», повесть «Аграфена», рассказ «Студент Бенедиктов». Есть в этих произведениях Зайцева, при всём различии сюжетов и образов, нечто общее, связанное с напряженными, неотступными раздумьями автора о состоянии духовного самочувствия русского народа в начале нового, двадцатого, столетия. Открытость художественного ландшафта этой прозы Зайцева явлениям реализма XIX века, всему его огромному и прекрасному наследию объясняется не только общей закономерностью, эдакой присущей всем писателям рубежа XIX–XX веков эстетической амбивалентностью (готовы, дескать, равно прислушаться к достижениям прошлого века и новациям модерна). Есть основания полагать, что наследие реалистического искусства «золотого века» притягивало и перетягивало внимание Зайцева, мыслителя и художника, благодаря исходящему от него эмоционально-психологическому полю, насыщенному ценностями жертвенной любви к ближнему, мыслями о государстве как семье людей разных сословий, согретых теплым чувством любви к Родине. В таком наследии нуждался Зайцев, наблюдавший Россию подвижников, стоятелей за христианское воспитание соотечественников (Розов, священник Кронид) и Россию, блуждающую в поисках истины (Аграфена, студент Бенедиктов), а подчас готовую обрушиться в хаос братоубийства и принять демоническое обличье (рассказ «Черные ветры»). Во всех этих рассказах и повестях герои показаны в постоянных сюжетных, образных созвучиях с узнаваемыми образами произведений Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Гончарова, Л. Толстого, Достоевского и Чехова. Истории их жизней подпитываются литературными историями героев и героинь русской классики XIX века. В результате достигается эффект небывалой гиперболизации заурядных, на первый взгляд, маленьких людей, достойных занять место в литературе второго ряда, объединенной темой русской провинции рубежа веков. На самом деле, в этих произведениях Зайцева есть огромная внутренняя напряженность мысли – религиозной, нравственной, исторической.

Герои перечисленных рассказов и повестей Зайцева заключают в своих характерах и судьбах важные, по мысли писателя, следствия эпохи рубежа столетий. Перевал веков, XIX-го и XX-го, стал невидимой гранью, отделившей добрые и сильные всходы отечественной культуры и истории от слабых, непрочно укоренённых в отеческой духовной почве. Не случайно Зайцев предоставляет читателям судить о героях этих его произведений, сверяясь с узнаваемыми аллюзиями, мотивами, реминисценциями вершинных произведений русской классической литературы XIX века. Например, весь текст повести «Аграфена» может рассматриваться сквозь призму своего рода мини-энциклопедии, составленной Зайцевым из произведений Некрасова, Пушкина, Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, посвященных судьбам русских крестьянок, связавших свою жизнь с господским, дворянским усадебным домом. Историю студента Бенедиктова, немолодого домашнего учителя в одной из усадеб срединной России, Зайцев насыщает мотивами и аллюзиями, восходящими к узнаваемым творениям русской литературы XIX века – от Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, вплоть до неуловимого, но ощутимого намёка на базаровско-трофимовские черты характера своего героя.

И в то же время в «Аграфене» и в «Студенте Бенедиктове» героиня и герой ищут свою дорогу в решении главного вопроса, неотвязно преследу-

 © Морозов Н.Г., 2013

ющего простую крестьянку и студента-разночинца: истинную любовь и смысл своего существования на Земле. Эти проблемы волновали всех значительных и лучших героев русской литературы XIX века. Именно поэтому так причудливо, на первый взгляд, сочетания образов «рыцаря бедного» и Франциска Ассизского, Раскольникова и Базарова, Вронского и Ноздрёва, Веры из «Обрыва» и Анны из романа Л. Толстого. В образе студента Бенедиктова даёт себя знать особенность стиля раннего Зайцева, проявившаяся в «Полковнике Розове» и «Священнике Крониде», а затем и в повести «Аграфена». Это удивительная насыщенность сюжетного пространства вокруг героя образными аллюзиями из русской классики XIX века, особая интертекстуальная плотность стиля. Она создаётся с самого начала повествования благодаря параллели между пушкинским образом «Рыцаря бедного» и современным Зайцеву студентом-разночинцем.

Ведь и в тургеневском Базарове уже присутствуют родовые черты зайцевского Бенедиктова, мечтающего стать учеником монаха-рыцаря, аскета и богослова Франциска Ассизского, своеобразного бунтаря против власти папы, революционера и ниспровергателя устоев. В облике Базарова, если взглянуть на него сквозь призму образной атрибутики студента Бенедиктова, обнаруживаются черты не только революционера-ниспровергателя старых истин и вековых устоев, но и свойства иностранного, не вполне адекватного русскому быту, интеллектуально-психологическому настрою современников героя. Длинноволосый, в зарубежном балахоне, аскетически небрежен к внешнему виду, романтически предан идее, построенной на трудах немецких ученых-естествоиспытателей. Не хватает только изолированной от суетного мира кельи, где можно было бы на свободе парить мысленно, наравне с великими мыслителями-аскетами. В Базарове, как видим, проступают черты средневекового студента-монаха, странника по европейским университетам-аббатствам.

Студент Бенедиктов, герой одноименного рассказа Б. К. Зайцева, наследует той сюжетной линии, касающейся образа Базарова, которая была штрихами обозначена автором «Отцов и детей». Зайцев придал ей мощное звучание, сделал основой сюжета собственного рассказа о современном студенте-разночинце, герое времени переходного, рубежа XIX–XX веков. Эти явления – этико-эстетические особенности формирующегося в творчестве Б.К. Зайцева 1900-х – 1910-х гг. многоуровневого художественного метода, трансформировавшегося позднее в эмиграции в духовный реализм[2].

Теперь попытаемся обозначить наиболее существенные особенности указанных выше рассказов и повестей Б.К. Зайцева 1900-х – 1910-х гг., в которых определяется художественный метод писателя:

– герои рассказов «Полковник Розов», «Священник Кронид», повести «Аграфена» и рассказа «Студент Бенедиктов» рассматриваются Зайцевым в общем хоре литературного «многоголосья» образов русской классики XIX века[3];

– в прозе Зайцева 1900-х – 1910-х годов определяются герои из народа (лекарь Розов и деревенский священник Кронид), которым нет необходимости искать духовно-нравственные идеалы вне русской деревни и – шире – вне России;

– эти герои заключают в своих характерах этико-религиозный код многих поколений своих родных, воспитанных в патриархальных традициях. Отсюда и основные их добродетели: терпение, смирение, неустанный труд во благо землепашцев, их счастья;

– в повести «Аграфена» и рассказе «Студент Бенедиктов» Зайцев выводит образы иных героев, выпадающих из системы патриархальных ценностей, теряющих прочные связи с духовными традициями своей Родины. Не случайно с этими героями связан мотив внутренней эмиграции, бегства из окружающего их социокультурного пространства. Крестьянка и студент-разночинец по своему психологическому существу – характеры романтические. Они живут мечтой о возвышенной и прекрасной, чистой жизни, столь отличающейся от грубой и низкой прозы деревенского российского быта. Результаты жизненных странствий Аграфены и Бенедиктова различны. Аграфена сохранила, хотя и слабые, связи с крестьянской трудовой общиной, в её сознании, по временам, пробуждаются мысли и образы, овеянные православными святынями. Скитания по тесным углам господских домов – грозный признак ошибочного и греховного выбора, сделанного героиней в юности. Подлинный смысл жизни земного человека героиня обретает в конце своего земного бытия, принимая духовное иночество в час расставания с жизнью земной;

– образ и судьба студента Бенедиктова исполнены драматизма: он – иностранец в своём Отечестве. Философский смысл его фамилии раскрывается в финале рассказа: герой мысленно возносится в высокогорную обитель основателя ордена Францисканцев, выбирая судьбу монашествующего рыцаря-интеллектуала, аскета-героя. Но драма Бенедиктова в том, что реальная Россия, современная ему Отчизна, с этого момента им потеряна. Он её предпочитает не замечать. В этом герое Зайцевым угадан тип эмигранта, изгоя-беглеца;

– Аграфена и Бенедиктов – обобщающего плана герои-романтики – жертвы романтических иллюзий. Но драматизм этих образов выглядит ещё и как увертюра к общенациональной трагедии, ожидающей русских людей, чьи связи с родной культурной почвой опасно истончились, ослабели. В «Слове о Родине» Зайцев будет горько раскаиваться в легкомысленной недооценке жизненно

важного для русского человека свойства – способности знать, понимать и любить Родину;

– причина грядущей трагедии русских людей, подобных Аграфене и Бенедиктову, в том, что их мечтательная «реальность» плохо адаптируется в условиях культурно-духовного ландшафта России. Сознавая это, они интуитивно стремятся забиться в свои щели, в свои ниши, обрекая себя на печальную участь: повторить на свой лад судьбу Печорина.

* * *

Исследования В.А. Келдыша, посвящённые сложным и пока ещё до конца не уяснённым закономерностям, лежащим в основе литературных явлений рубежа XIX–XX веков, дают пищу для новых размышлений. В пёстрой, достаточно многочисленной группе писателей и поэтов 1900-х – 1910-х гг. могут оказаться авторы, самобытный талант которых определяется не только обусловленной переходным от XIX века к XX столетию рубежным временем, изначальной прислушливостью писателя к эстетическим ценностям реализма классического и эстетическим декларациям искусства модерна. Исследование прозы раннего И.С. Шмелёва и Б.К. Зайцева убеждают в том предположении, что этих писателей, при всем различии их творческих индивидуальностей, объединяли некие общие этико-эстетические принципы. В обобщённом виде такого рода закономерности, в равной мере справедливые в отношении дооктябрьской прозы Шмелёва, Зайцева и Бунина, могут быть сформулированы в следующем порядке.

Прозу всех перечисленных выше писателей отличает сознательная, чаще – интуитивная прислушливость к литературному «многоголосью»[4], идущему от вершинных творений русской классической литературы XIX века. В прозе этих писателей (как, впрочем, в прозе Ф. Сологуба, А. Ремизова, А. Белого и др.) буквально сверкают драгоценными блестками аллюзии, реминисценции, мотивы, параллели узнаваемых произведений русской литературы XIX века. Не случайно эти писатели, как известно, в юности были усердными читателями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Островского, Достоевского, Л. Толстого, Чехова.

Вместе с этой характерной для раннего творчества Шмелёва, Бунина и Зайцева открытостью по отношению к наследию «золотого века» русской литературы, в их прозе 1900-х – 1910-х гг. наблюдается ещё одна существенная для понимания их эстетических принципов закономерность. Их рассказы и повести, посвященные раздумьям о судьбах крестьянской и дворянской России рубежа столетий, являются художественной рефлексией заключительного отрезка духовно-нравственной жизни крестьянской, дворянской и разночинной России накануне обрушения исторической государственности. Все они разделили горькую судьбу русской эмиграции после 1917 года.

Горестные наблюдения и раздумья этих авторов, касающиеся тревожных явлений духовно-нравственного оскудения народа в канун надвигающейся очередной смуты и неизбежно сопровождающей её братоубийственной розни, повсеместной разрухи и массовой гибели жертв кровавого хаоса, побуждали их обратиться к поискам путей спасения. Они находили их в творчестве, посвящённом изображению образов стоятелей за идеалы и ценности православного христианства, подвижников в миру – из сельского духовенства, разночинной интеллигенции, патриархального крестьянства. Литературная форма произведений XIX века при этом неизбежно дополнялась заложенными в ней элементами поэтики древнерусской литературы. Всё это наследие под пером молодых авторов обретало новую жизнь, возрождалось в художественных текстах Шмелёва, Бунина, Зайцева.

В прозе раннего Б.К. Зайцева эта сверхзадача, православно-дидактическая мысль автора с особенной наглядностью выразилась в рассказах «Полковник Розов» и «Священник Кронид». В то же время Бунин и Зайцев невольно следуют традициям древнерусского летописца Нестора, возрожденного в образе летописца Пимена в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Зайцев после страшных потрясений 1905–1907 гг. пишет рассказ «Черные ветры», Бунин – повесть «Деревня». В этих творениях – страшная правда духовного оскудения глубинной России, обращенная к соотечественникам.

Суммируя все эти суждения, касающиеся специфики художественного метода, вырабатывавшегося в процессе этико-эстетических исканий Бунина, Шмелёва и Зайцева на рубеже XIX–XX вв. и в 1900-е – 1910-е гг., попытаемся сделать вывод теоретического характера. Художественный метод названных писателей в указанном отрезке их творческого пути следует определить как полиартный реализм. Теоретической и методологической основой этого термина является глава «Мир плохого вкуса» и «артизация плохого мира» в книге А.В. Кукаркина[5]. Данное терминологическое определение существа творчества трёх известных писателей рубежа XIX–XX веков не противоречит в принципе сложившемуся в современной науке представлению о многоуровневом этико-эстетическом ландшафте промежуточного этапа в судьбе реалистического искусства. Вместе с тем данный термин позволяет конкретизировать существенные, еще не попадавшие в поле зрения учёных малосущественные, на первый взгляд, явления ранней прозы Зайцева, отчасти – Шмелёва. В результате истории судеб отечественного реализма восстанавливается важное для понимания логики историко-литературного процесса звено.

Примечания

[1] См.: *Келдыш В.А.* Другие пути // Келдыш В.А. О «серебряном веке» в русской литературе: Общие закономерности. Проблемы прозы. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – С. 273–277. В.А. Келдыш относит Б.К. Зайцева к писателям, чье творчество отличалось «промежуточным» художественным складом» (с. 277), подошедшим близко к искусству «неореализма».

[2] Термин введен в научный оборот А.М. Любомудровым в ряде фундаментальных трудов, посвященных литературе русского Зарубежья. См., например, содержательную статью А.М. Любомудрова о специфике духовного реализма И.С. Шмелева: *Любомудров А.М.* Опыт духовного романа («Пути небесные» И.С. Шмелева) // Шмелёв И. Пути небесные. – М.: Издательский Совет Русской Православной церкви; Изд-во ДАРЪ, 2005. – С. 35–40; 45–50.

[3] Термин О.Б. Кормана «поэтическое многоголосье», применённый в анализе поэзии Н.А. Некрасова, считаем возможным транспонировать в несколько изменённом виде на явления историко-литературного процесса рубежа веков и начала XX века.

[4] Автор видоизменяет известный термин О.Б. Кормана, экстраполируя его содержание на литературные явления рубежа XIX–XX вв.

[5] См.: *Кукаркин А.В.* Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образы. Техника. Бизнес. – 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – С. 115–120.

УДК 882.09

Позднякова Елена Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pozdniackova.elena2011@yandex.ru

РЕМАРКА В ПЬЕСАХ А.П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются семантические и функциональные значения ремарки в драмах Чехова.
Ключевые слова: *ремарка, авторская позиция, психологизм.*

«Вы чересчур игнорируете сценические требования», – именно так напишет В.И. Немирович-Данченко по поводу «Лешего» и отчасти окажется прав. «Несценичность» или (как любят выражаться литературоведы) излишнюю повествовательность чеховских пьес довольно сложно не заметить. Достаточно обратить внимание на их ремарки.

Конечно, произведения Антона Павловича построены с опорой на классические образцы драмы. Поэтому в пьесах присутствуют традиционные афишная и номинативная ремарки, ремарки интонационной характеристики, реплики («тихо», «громко»), ремарки перемещения персонажей по сцене, ремарки «занавес». Но возможности данного структурного компонента текста в пьесах Чехова значительно расширяются.

Традиционно ремарке отводилась роль вспомогательного элемента драмы, или, как выразился М.М. Бахтин, «мёртвого слова». У Чехова всё иначе. Ремарка перестаёт выполнять чисто функциональную роль, помогая сценической реализации текста. Уже в ранних пьесах ремарка становится отдельным, вполне самостоятельным фрагментом художественного произведения.

Вообще все чеховские ремарки условно можно разделить на три функциональные группы: ремарки, выражающие авторскую позицию, ремарки, создающие атмосферу, настрой отдельного эпизода и, наконец, ремарки, раскрывающие внутренний мир персонажей.

Часто создаётся впечатление, что некоторые ремарки рассчитаны непосредственно на самих действующих лиц. В пьесе «Три сестры», например, о Маше говорится: «одетая как обычно» [7, с. 157]. Данный факт останется понятным лишь участникам драмы, которые имеют возможность каждодневно наблюдать героиню.

В одной из ремарок, предваряющих действие комедии «Вишневый сад», прозвучит следующее: «одна из дверей ведет в комнату Ани» [7, с. 197]. Конечно, это важно для героев пьесы, но для зрителя вряд ли расположение комнат в старом помещичьем доме будет настолько принципиально. Более того, в дальнейшем ходе действия пьесы данный факт не обыгран и даже просто не упомянут.

Можно вспомнить продолжение той же ремарки: «Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты» [7, с. 197]. Режиссеру-постановщику не составит труда воплотить на сцене закрытые окна, но как одновременно передать вид цветущих вишен и занявшийся рассвет? При этом возникает череда ещё более сложных задач. К примеру, убедить зрителя, что «уже май», или сделать предметом зрительского восприятия тот факт, что в саду «утренник».

Как заметит П.М. Бицилли, многие ремарки «явно не для режиссера, а для читателя. Чехов иной раз словно забывает, что то, что он пишет, предназначено для сцены. <…> Вычеркнем все это (а подобных ремарок немало), и впечатление от целого слабеет. Показать же это на сцене нет никакой возможности» [2, с. 631].

© Позднякова Е.А., 2013

Ощущения и знания, доступные исключительно участникам действия, встречаются в следующей ремарке: «Нет ни занавесей на окнах, ни картин, осталось немного мебели, которая сложена в один угол точно для продажи. Чувствуется пустота <...> За сценой в глубине гул. Это пришли прощаться мужики» [7, с. 242]. Самих мужиков зритель так и не увидит, а значит, настоящий источник «гула» вряд ли будет им понят.

Ещё пример – бывшая детская в комедии «Вишневый сад». Сам Антон Павлович напишет: «комната, которая до сих пор называется детскою» [7, с. 197], и дальше все герои будут вторить: «Любовь Андреевна, как сейчас помню <…> подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской» [7, с. 197] (Лопахин); «Детская, милая моя, прекрасная комната… Я тут спала, когда была маленькой» [7, с. 199], «О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала» [7, с. 210] (Любовь Андреевна); «Когда-то мы с тобой, сестра, спали вот в этой самой комнате» [7, с. 203] (Гаев). Данные замечания связаны только с воспоминаниями героев, в действительности детской давно нет. Поэтому предваряющая действие начальная ремарка Чехова о «комнате, которая до сих пор называется детскою», и сама словно бы находится лишь в сознании действующих лиц.

Аналогичный пример встречается в сценах из деревенской жизни «Дядя Ваня»: «На стене висит карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [7, с. 105]. Вводное слово, абсолютно не характерное для ремарки классической драмы, более чем уместно в драме Чехова. Создается впечатление, что для Чехова подобные замечания важны, а главное – естественны. Драматург словно бы является непосредственным участником действия вместе с заявленными в афише героями. Потому так легко, словно между делом, и бросает Антон Павлович ремарки о неизменном наряде героини или плане дома. Поэтому многие ремарки отражают картину мира глазами действующих лиц, способных увидеть и понять те детали, которые со стороны останутся незамеченными.

В драмах Чехова очень важны зрительные и слуховые элементы. Так, в пьесе «Вишнёвый сад» появляются белые цветы деревьев и восходящее солнце (в I действии), закат (во II действии) и т. п. Не менее важную роль играют слуховые эффекты: замирающий печальный звук лопнувшей струны (во II и в последнем действии), тихая музыка (в III действии), стук топора (в последнем). С их помощью драматург создаёт полноценные пейзажи, рисует обстановку, среду, передаёт атмосферу действия. Все это работает на повествовательность. «Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце…» (II действие) [7, с. 215]. Очень много красок, попросту лишних для традиционной авторской ремарки к началу действия. Например, «город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду», проблематично обыграть на сцене. Придётся периодически менять погоду, что ходом действия никак не предусмотрено. При прочтении же пьесы ремарка сыграет свою роль: едва заметный город по контрасту с хрупкостью ускользающего мира Раневской и Гаева станет символом надвигающейся новой жизни.

Обилие художественных деталей, сама манера изложения указывают на то, что подобные ремарки предназначены скорее для прочтения, чем для необходимых пояснений постановщикам пьесы. Более того, у Чехова всё символично, зрительные и слуховые эффекты всегда являются отражением психологизма пьесы, её внутреннего настроения. Поэтому неслучайно с такой щепетильностью Антон Павлович разъяснял перед первым представлением «Вишневого сада» именно детали пейзажа: «…Сенокос бывает обыкновенно 20–25 июня, в это время коростель, кажется, уже не кричит, лягушки тоже уже умолкают к этому времени. Кричит только иволга. Кладбища нет, оно было очень давно. Две-три плиты, лежащие беспорядочно, – вот и все, что осталось. Мост – это очень хорошо. Если поезд можно показать без шума, без единого звука, то – валяйте…» [6, с. 284].

В итоге Антон Павлович был понят К.С. Станиславским, написавшим в свое время: «Он (Чехов) уточнил и углубил наши знания о жизни вещей, звуков, света на сцене, которые в театре, как и в жизни, имеют огромное влияние на человеческую душу. Сумерки, заход солнца, его восход, гроза, дождь, первые звуки утренних птиц, топот лошадей по мосту и стук уезжающего экипажа, бой часов, крик сверчка, набат нужны Чехову не для сценического эффекта, а для того, чтобы раскрыть нам жизнь человеческого духа» [4, с. 223].

Таким образом, можно говорить о появлении в драмах Чехова наполненного символами пейзажа. И здесь драматург использует эпические традиции прозы И.С. Тургенева. Достаточно вспомнить картину из романа «Отцы и дети»: «Поля, все поля, тянулись вплоть до самого небосклона… Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избенками под темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившиеся молотильный сарайчики с плетенными из хвороста стенами и зевающими воротищами возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившеюся кое-

где штукатуркой, то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами» [5, с. 12]. Та же авторская любовь к описываемому пейзажу, а главное, то же внимание к мельчайшим деталям, каждая из которых становится символом.

В финальном действии комедии «Чайка» особое значение приобретает звук. «Через две комнаты играют меланхолический вальс» [7, с. 47]; «за сценой играют меланхолический вальс» [7, с. 53]. При этом из реплики Полины Андреевны становится понятно, что играет Треплев. «Костя играет. Значит, тоскует» [7, с. 47]. Звук вальса, причем «меланхолического», не просто задаёт тон, а отражает настроения не только самого Треплева, и даже не участников мизансцены – Полины Андреевны и Маши, которая «делает бесшумно два-три тура вальса» [7, с. 47]. Звуки этого вальса создают общий эмоциональный тон всего четвертого действия.

В отдельных сценах именно звуковые ремарки становятся главным художественным средством в создании общего настроения. Достаточно вспомнить звук, завершающий первое действие комедии «Вишневый сад»: «Далеко за садом пастух играет на свирели…» [7, с. 214]. При этом роль данной ремарки несколько сложнее. Чистый, высокий звук свирели не только отражает нежные чувства Треплева к Варе. Он является устойчивым символом, отсылающим читателя к пастушеской идиллии, подчёркивающей оторванность героя от реальной жизни.

Знаменательна полифония звуков, создаваемая ремарками в комедии «Вишневый сад»: «За сценой гул. Это пришли прощаться мужики» [7, с. 242], «слышно, как вдали стучат топором по дереву» [7, с. 246], «Шарлотта тихо напевает песенку» [7, с. 248], «Слышится плач ребенка» [7, с. 248], «За дверью сдержанный смех, шепот» [7, с. 250], «Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно. Слышатся шаги» [7, с. 253], «Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву» [7, с. 254]. Стоит заметить, что весь звуковой мир помещичьего мира построен по принципу угасания: от гула в начале действия до тишины в конце. Замирание звуков дома и сада ещё раз подчеркивает обречённость и, наконец, гибель обоих. При этом звуковое наполнение не статично, оно постоянно меняется, что ещё раз подчёркивает естественность всего происходящего на сцене. Как полна красками сама жизнь, так она многогранна и в драмах Чехова.

В пьесах Чехова ремарки не просто указывают на место действия, обстановку, – они создают картину, образ и, более того, эмоциональный тон произведения. Пожалуй, одним из самых интересных примеров последнего типа станут ремарки, связанные с образом Константина Треплева в комедии «Чайка». Вообще стоит заметить, что глубина характера данного персонажа в полной мере находит отражение именно в ремарках.

Так, последней репликой Треплева в комедии являются размышления о Нине: «Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму…» [7, с. 59]. Нет никаких озвученных мыслей о загубленной жизни Заречной, о своей судьбе, нет обвинений в чей-либо адрес. Простая, ничем не примечательная фраза. А дальше идёт авторская ремарка: «В продолжение двух минут молча рвёт все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит» [7, с. 59]. Этот жест Треплева необычайно символичен. Герой-писатель, уничтожая собственные рукописи, прощается с жизнью.

Вся внутренняя драма действующего лица проявляется не через внешние сценические эффекты и даже не через реплики. Герой промолчит, при этом ремарка соберёт все чувства воедино и скажет за него. Поэтому неслучайно повторение слова «молча» в ремарках четвёртого действия: «Треплев молча подает руку» [7, с. 46], «Треплев встает из-за стола и молча уходит» [7, с. 47], и пр. Переживания не выходят наружу, они предельно сконцентрированы, сжаты, как пружина, в душе героя, и ремарка выражает это. Даже когда слово «молча» не присутствует в ремарке, оно подразумевается: не проронив ни единой реплики, Треплев «кладёт журнал на письменный стол, потом направляется к левой двери; проходя мимо матери, целует её в голову» [7, с. 53].

Необходимо заметить, что ремарки, относящиеся к Треплеву в первом, втором и третьем действиях, имеют противоположную направленность. Герой произносит там свои реплики «умоляюще и с упрёком», «вспылив громко», «топнув ногой», «порывисто», «в отчаянии», «сквозь слёзы», «иронически», «гневно», срывая «с головы повязку».

С помощью ремарки создаётся у Чехова психологический портрет Любови Андреевны в комедии «Вишневый сад». Чехов словно намеренно не даёт в афише, да и вообще по ходу сценического действия, ни одной детали внешнего облика героини, концентрируясь на её эмоциональном мире. Так, Любовь Андреевна говорит «радостно, сквозь слёзы»; она «целует брата, Варю, потом опять брата <…> целует Дуняшу», Фирса и даже шкаф. Она «закрывает лицо руками» и «вскакивает в сильном волнении»; «рвёт телеграммы, не прочитав»; «смеется от радости» и «тихо плачет», говорит «нежно» и «оторопев»; «напевает лезгинку» и «аплодирует», может сказать «рассердившись, но сдержанно» или «нетерпеливо, со слезами». Чехов одними короткими, но семантически ёмкими ремарками

передает целую гамму чувств, подчас и вовсе детально останавливается на душевном состоянии героини: «не плачет, но бледна, лицо её дрожит, она не может говорить». Такое подчёркнутое внимание к эмоциональности персонажа рисует образ по-детски непосредственной, искренней, ранимой и беззащитной героини. Раневская живёт не умом, а сердцем, эмоционально переживая каждую минуту жизни.

Особого внимания заслуживают примеры, в которых само действие пьесы фиксируется не с помощью диалога персонажей, а именно за счёт ремарки. Как правило, это наиболее напряжённые в эмоциональном плане эпизоды. Для примера можно рассмотреть сцену ссоры Треплева и Аркадиной в комедии «Чайка». К Треплеву здесь относятся следующие ремарки: «Иронически. Гневно. Срывает с головы повязку. Треплев садится и тихо плачет. Обнимает её. Целует ей руки». Не менее эмоциональны комментарии к словам Аркадиной: «Пройдясь в волнении. Плачет. Целует его в лоб, в щёки, в голову. Утирает ему слёзы. Нежно». Реплики героев теряются, ведь они передают гораздо меньше чувств и, вопреки канонам, являются скорее вспомогательным средством к авторскому слову.

Стоит также отметить, что именно ремарки, передающие эмоции персонажей, указывают на мельчайшие оттенки настроения, минутные порывы. Так, ремарки, упоминающие слезы, плач, по своему семантическому наполнению не одинаковы. Например, в пьесе «Вишневый сад» слезы «страдания» показаны лишь в нескольких сценах: воспоминания Раневской об утонувшем сыне (I действие), у Гаева по возвращение с торгов, у Вари после разговора с Лопахиным и у Гаева и Раневской при прощании с домом (IV действие). В остальных эпизодах упоминание о слезах будет указывать на взволнованность героя или грусть, меланхолию. Как заметит А.П. Скафтымов, «указания на слезы иногда соединяются и с радостным волнением: у Раневской при возвращении на родину, у Фирса – обрадованного приездом Раневской. Часто слезы фигурируют для обозначения особой искренности и сердечности тона: у Трофимова при словах: “Ведь он обобрал вас” <…> Кроме того, нужно выделить особые “сопровождающие” слезы легко плаксивой Вари <…> Наконец, совсем особо стоят слезы Дуняши при словах: “Блюдечко разбила”, или у Пищика: “Где деньги… Вот они…”» [3, с. 746]. Для Чехова необычайно важны штрихи, оттенки ощущений для создания тонкого эмоционального тона драмы, что особенно заметно при обращении к тексту. Н.Я. Берковский напишет по этому поводу: «Драмы Чехова – не повести вообще, но именно повести того же Чехова, примененные к сценическим условиям [1, с. 960].

Подводя итог, можно сказать, что значительный вклад в повествовательность чеховской драмы вносит именно ремарка, ставшая семантически и функционально самостоятельным элементом пьесы.

Библиографический список

1. *Берковский Н.Я.* Чехов, повествователь и драматург // А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 930–973.

2. *Бицилли П.М.* Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 522–692.

3. *Скафтымов А.П.* О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова // А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. – СПб.: РХГА, 2010. – С. 744–782.

4. *Станиславский К.С.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1954. – 515 с.

5.*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 8. – М.: Наука, 1981. – 560 с.

6. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 11. – М.: Наука, 1978. – 720 с.

7. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 13. – М.: Наука, 1978. – 520 с.

УДК 882

Устинов Алексей Валерьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
1013801@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Д.Л. МОРДОВЦЕВА «ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ»

Автор статьи определяет художественное своеобразие романа Д.Л. Мордовцева, рассматривает соотнесенность традиций вальтер-скоттовского романа, канонов классической литературы и их преломление в «Великом расколе».

Ключевые слова: *исторический роман, жанровое своеобразие исторической прозы, Д.Л. Мордовцев, А.С. Пушкин, В. Скотт, роман «Великий раскол».*

Роман Д.Л. Мордовцева «Великий раскол» был опубликован в 1880 году в журнале «Русская мысль», а вышел в свет отдельной книгой – в 1881. «Пореформенные» 60–80-е годы XIX века были тем временем, когда переосмысливалось значение церковного раскола. Романы Мордовцева «Соловецкое сидение» и «Великий Раскол» явились одними из первых художественных произведений, посвященных этому сложнейшему моменту отечественной истории.

Роман «Великий раскол» был встречен неоднозначно. С одной стороны, его приветствовала читающая публика – сама публикация в журнале «Русская мысль» подготавливала произведение к роли «капитального явления в русской литературе» [11, с. 1509]. Роман «читали в свое время нарасхват … все русское образованное общество хвалило и зачитывалось новым произведением Мордовцева» [11, с. 1509]. С другой стороны, критика встретила роман неоднозначно, а известный публицист-расколовед Н.И.Субботин в журнале «Русский вестник» (1881, июнь, т. 153) [18] подверг роман безжалостному разбору, хотя местами и справедливому.

Плодовитость Мордовцева, вероятно, одна из причин, по которым широкого освещения в литературной науке творчества писателя так и не состоялось («Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов Мордовцева. В 26 томах» (1914) включает в себя 21 исторический роман, не считая отдельных повестей и рассказов). Еще при жизни писателя его произведения иногда причисляли к разряду «второсортной» литературы, как сделал это Н. Соколов в статье «Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики» («Русская старина», т. 81, 1894), обвинив произведения в возбуждении «неудержимой зевоты и сна» [15, с. 192]. Критик А.М. Скабичевский считал, что «популярно-исторические сочинения» Мордовцева не имеют особой ценности [13]. «Заблудший сын историографии … залепетал бабушкины сказки младенческим языком», – так охарактеризовала Мордовцева фельетонная энциклопедия «Наши знакомые» [6, с. 151].

Эти и подобные им оценки, на наш взгляд, поверхностны и вызваны в первую очередь отсутствием методики анализа произведений исторической направленности. Вплоть до 90-х годов XX века исторические романы Мордовцева практически не изучались, хотя сами произведения продолжают издаваться как отдельными томами, так и в составе серий исторических романов [7].

В 2000-е годы научное внимание к творчеству Мордовцева существенно повысилось. Во многом это связано как с переосмыслением исторического наследия, так и с изменением отношения в целом к тем историческим периодам, художественной реконструкции которых писатель уделил значительное место в своем творчестве – Смутному времени, Расколу, Петровским преобразованиям. Среди таких работ, на наш взгляд, стоит выделить монографию А.Ю. Сорочана «“Квазиисторический” роман в русской литературе. Д.Л. Мордовцев» (2007) [17], диссертацию кандидата филологических наук Ким Сун Хуна «Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века» (2001) [3], в которой достаточно подробно рассмотрен образ протопопа Аввакума в романе «Великий раскол», а также статью Л.А. Мещеряковой «Загоскин и Мордовцев. Исторические переклички» (2003) [5]. Вопросы особенностей поэтики романа «Великий Раскол» затрагиваются в предисловии к изданию 1990 г.: С.И. Панов и А.М. Ранчин указывают на принципы реконструкции Мордовцевым исторической личности, отмечают своеобразие отношения «своей» и «чужой» речи в романе [10, с. 21–22], мастерство владения художественной символикой [10, с. 24]. Ю.В. Лебедев в предисловии к изданию 1991 года двухтомника избранных сочинений писателя основное внимание уделил личной жизни писателя, идейному формированию его как человека либерально-демократических взглядов [4].

Роман «Великий раскол», как роман исторический, созданный в пореформенную эпоху второй половины XIX века, может быть лучше понят, если в процессе его изучения использовать накопленный советским литературоведением опыт анализа исторических произведений, попытаться определить место романа по отношению к типологическим особенностям, характерным для произведений исторического направления в отечественной литературе.

© Устинов А.В., 2013

Ключевыми принципами художественности исторического романа являются историческая подлинность изображаемых событий, наличие в произведении философской основы, объективность изложения и художественная уникальность. Можно сделать вывод о существовании двух типов исторического романа – художественного и авантюрно-исторического. Если к первой группе относятся такие произведения, как «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Война и Мир» Л.Н. Толстого, «Петр I» А.Н. Толстого, то ко второму типу – романы «Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина, «Мазепа» Ф.В. Булгарина, «Касимовская невеста» Вс.С. Соловьева. Этот второй тип исторического романа традиционно связывают с беллетристическим направлением в русской литературе, что составляет определенное препятствие его полноценному научному изучению. Отнесение к беллетристике лучших романов Д.Л. Мордовцева – «Сидение раскольников на Соловках», «Дмитрий Самозванец» и, в первую очередь, романа «Великий раскол», на наш взгляд, ошибочно и неперспективно.

Исследование композиционных и стилистических особенностей романа позволило выявить ряд моментов, позволяющих говорить о романе «Великий Раскол» как о явлении с литературной точки зрения неординарном. Поэтика романа «Великий Раскол» сложна и многогранна. Ей присущи несколько видов композиции, использование различных стилистических пластов, текстовых уровней, сложная система метафор и символов. Само произведение построено в большей степени на основе поэтики древнерусской литературы, нежели на принципах современной автору западноевропейской литературы, лежавшей в основе традиционной для середины XIX века романной формы прозаического произведения с господствующим реалистическим течением.

Главные действующие лица романа – непосредственные участники «раскола»: протопоп Аввакум (1620 или 1621–1682), царь Алексей Михайлович Романов (1629–1676) , патриарх Никон (1605–1681). В произведении представлен и ряд других исторических фигур – боярыня Феодосия Морозова (1632–1675), царевна Софья (1657–1704), предводитель народного восстания Степан Разин (ок. 1630–1671). Их судьба представлена в качестве сюжетных линий, зачастую двигающихся параллельно.

Фундаментом для развертывания повествования в романе служит не фабульная структура, а событийная. Этим роман близок драме Пушкина «Борис Годунов», в которой также прослеживается отступление от классических жанровых традиций. Подобно тому, как для Пушкина совершенно не годилась распространенная драматургическая система, по словам С.М. Бонди, «умно разработанная теоретиками классицизма и блестяще и разнообразно воплощавшаяся в практике» [2, с. 432], задача Мордовцева – показать своих героев не сквозь призму авантюрной коллизии, а через микроскоп истории, для чего классическая система персонажей не подходила. И Пушкин в «Борисе Годунове», и Мордовцев в «Великом Расколе» стремились изобразить историю как стихийное движение народной массы, «показать длительный процесс развития чувств, настроений народа» [2, с. 431].

В романе «Великий раскол» нет одного главного героя, на котором бы сосредотачивалось все внимание автора, а традиционные для западноевропейской литературы роли «антагониста», «протагониста», «резонера» сильно видоизменены. Можно предположить, что «резонер» для автора – персонаж собирательный, представленный периодически появляющимися людьми из народа, высказывающими свою точку зрения по предмету тех или иных событий. Так, роман заканчивается описанием дальнейших судеб персонажей – как исторических лиц, так и созданных воображением автора. И заключительное слово предоставляется не любимице автора царевне Софье, и даже не царевичу Петру, за которым, казалось бы, остается ответное слово в истории, а его малороссийскому тезке – простому казаку Петрусю: «Когда он узнал, что москали дегтем не мажут сапог и “все переказились” из-за того, как креститься, двумя или тремя пальцами, он только рукой махнул: “От дурни москали”» [9, с. 589].

Неприятие романа современниками писателя было связано с тем, что они не оценили по достоинству именно это отступление от классических правил литературы. И когда стояла задача «ущипнуть» в журнале автора-либерала, то претензии направлялись в русло выявления художественных недостатков, его романы представлялись как не вполне удачные с литературной точки зрения хроники событий с вкраплениями авторских реплик. Именно так представлял роман читающей публике Н. Соколов, отмечавший, что «к выпискам для пущей важности, для картинности и сочности слога, автор уже собственно от себя прибавляет между слов “значит”, “выходит” и тому подобные вводимые речения» [15, с. 192]. Обращая внимание на то, как «придумывается интрижка» [15, с. 192], критик оставляет незамеченной всю сложность конструкции поэтического мира «Великого Раскола». Следует отметить, что именно идейные воззрения Мордовцева, во многом противоречившие официальным взглядам на события Раскола, явились основным объектом критики, а собственно литературная составляющая романа оставлялась в стороне.

Основной движущей силой романа является сам ход русской истории, Мордовцев ставит своей задачей выявить причинно-следственную взаимосвязь событий, разделивших страну фактически на два противоборствующих лагеря. Автор строит

иерархию персонажей, отталкиваясь не от их роли в искусственной фабульной последовательности, но согласно своему видению их роли истории [10, с. 12]. И Аввакум, и Никон, и царь Алексей Михайлович важны не участием в той или иной коллизии, но выражением своего места в истории, каким его видит сам автор. При этом авторская симпатия явно на стороне противников Никоновых преобразований. И это достигается не средствами романтизации персонажа, создания особой обстановки вокруг героя, но последовательным развертыванием событий, позволяющих ему проявить себя в том или ином качестве. Что очень важно – эти события не выдуманы Мордовцевым, но являются частью исторического процесса. Таким образом, автор предлагает читателю самому определить, на чьей он стороне.

Сопоставление структуры романа Мордовцева «Великий раскол» с принципами построения так называемого «вальтер-скоттовского романа» [1, с. 15–20], характерными для русского исторического романа первой половины XIX в., позволяет отметить отступления писателя от жанровых канонов западноевропейской литературы в пользу традиций литературы древнерусской.

Протагонист Вальтера Скотта всегда отличается толерантностью, умеренностью, выдержкой, а сама человеческая жизнь для него «важнее, чем национальные или политические разногласия» [1, с. 18]. Совершенно не таков протопоп Аввакум: в «Великом расколе» он, скорее, обратен скоттовскому протагонисту. Мордовцев, несмотря на всю явную симпатию к вождю древлеправославия, называет его «изувером» и «фанатиком» [9, с. 337]. Но такая истовость подвижника, искреннего борца за свои убеждения, больше подходит древнерусскому богатырю, вождю, чем смиренному старцу. Мордовцев и рисует его богатырем, следуя в этом за Соловьевым, который называл Аввакума «вырвавшимся из отеческого дома богатырем», который не был устроен и наделен ни образованием, ни воспитанием [16, с. 385].

Другим важным моментом для построения вальтер-скоттовского романа является роль исторического лица, которое всегда появляется на периферии исторического романа. Ни о какой периферийности, понятно, говорить в отношении исторических персонажей Мордовцева не приходится. Они находятся на первом плане, по ним отсчитывает романист время своего произведения. И если Пушкин считал, что таким образом история выходит на страницы произведения естественно, «домашним образом», то для Мордовцева введение читателя в царские покои – уже пройденный этап. Поэтому художник сосредотачивает свое внимание на другом – на мысли своих персонажей, на их убеждениях, показывает внутреннюю гармоничность их позиций, твердость в том, что они для себя считают единственно возможным. В этом и проявляется главный «раскол» романа: такие мощные фигуры, как Аввакум и Никон, Морозова и царь Алексей Михайлович, своей непримиримостью раскалывают страну на два отныне чуждых друг другу лагеря, расходясь в разные стороны как два материка, рожденных одним континентом.

Сравнение особенностей организации персонажей внутри романа «Великий раскол» с другим аспектом вальтер-скоттовского романа – так называемым «таинственным помощником» главного героя, позволяет сделать следующее наблюдение: рядом с каждым ведущим персонажем романа периодически появляются животные, взаимоотношение с которыми позволяет автору показать нечто уникальное, характерное только для данного персонажа, выявить его важнейшие черты. Для протопопа Аввакума – это мышка, которую он подкармливает в тюрьме, для Никона – это убитая им птица, а для Софьи – это приветствующие ее лебеди. «Звериная тема» в романе восходит к древнерусской поэтике. В романе представлено 64 наименования представителей животного мира, развернута стройная зооморфная образность, выраженная в специальных тропах, а также вышеупомянутым сопутствием животных некоторым персонажам. Стоит отметить и присутствующую в романе специальную зооморфную лексику. В этом плане поэтика «Великого раскола» сближается и с древнерусской литературой, и с фольклорной традицией. Причем вопрос подобного взаимодействия решается автором не на уровне заимствования сюжетов или прямого цитирования, но на более сложном уровне символов и тропов.

Большой интерес, с нашей точки зрения, может представлять разбор сцен произведения в отношении исторической подлинности и авторского вымысла, поскольку большинство ситуаций, описываемых в романе, являются историческими фактами (например, приезд грузинского церевича Теймураза в Москву в 1658 г. [9, с. 227–228], суд над Никоном [9, с. 300–306] и др.).

Одной из важнейших особенностей романа является многослойность речевого пространства. В романе встречаются сразу четыре значительных словесных пласта: литературная речь древней Руси, народное просторечие, речь художественной литературы и научно-публицистическая речь середины XIX века. Кроме этого, стоит отметить и присутствие малороссийского фольклора и просторечия.

Взаимодействие этих речевых пластов осуществляется по следующим направлениям. 1) Собственно авторская речь, ведущаяся в повествовательном ключе, диалоги персонажей. 2) Авторское заимствование из историографических источников, среди которых следует выделить главы о событиях середины XVII века из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева. 3) Авторское за-

имствование из подлинных документов по истории раскола, из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного», изданного Н. Тихонравовым в 1861 году под наименованием «Автобиография протопопа Аввакума», а также «Материалов по истории раскола за первое время его существования», издаваемых Н.И. Субботиным начиная с 1874 г. 4) Прямая речь персонажей, в которой используются прямые цитаты из исторических документов (например, протопоп Аввакум в общении с Морозовой и Урусовой нередко говорит словами своего «Жития»), пересказ евангельских сюжетов (Морозова: «*Христос постился в пустыне и приступи к нему диавол и ят его в Иерусалим и постави его на крыльце церковном*» [9, с. 575], древнерусской духовной литературы. 5) Фольклорные элементы: песни, пословицы, поговорки: «*Как журавушка по бережку похаживает, шелковую травинушку пощипывает*» [9, с. 539]. 6) Звукопись слов, подчеркивающая нелитературный характер речи персонажей из народа (*Мотри-мотри*, братцы, мышь бежит [9, с. 531]. Что у вас *тутай-ка*, братцы [9, с. 547]. *Вот с самово утрея топоры говорят* [9, с. 581]. 7) Устаревшая лексика, характерная для древнерусской литературы (*цесарская земля, Персида, Ерусалим-град, земля францовская* [9, с. 517].

Таким образом, автор стремится показать речь персонажа ситуативно зависимой, подчеркнуть индивидуальные особенности. Словесная ткань произведения сбалансированна и подчеркнуто аутентична («Исполла эти, деспота!» – приветствуют монахи появление Никона в московской церкви в начале романа) [9, с. 221].

А.М. Скабичевский считал, что к середине XIX века историческая романистика разделилась на две части – индивидуально-художественную и массово-сказочную беллетристику: «Если в первую группу относятся произведения Пушкина и Гоголя, то ко второй принадлежит однообразное множество, словно выкроенных по одному шаблону» [14, с. 794]. Шаблонность этих массово-сказочных романов проявляется, кроме всего прочего, в том, что они «обнаруживают самое поверхностное знание истории», а также демонстрируют «произвольное искажение исторических фактов, порою даже и сочинение небывалых» [14, с. 794].

Очевидно, что роман «Великий раскол» такой характеристике исторической беллетристики не соответствует. Его отличительными чертами являются отсутствие авантюрной фабулы, построение сюжета на основе исторических, а не вымышленных, событий, преобладание элементов поэтики, характерных в большей степени для древнерусской литературы, нежели для современной автору литературы, отсутствие классической структуры персонажей, опора на исторические документы и историографические реконструкции событий. Таким образом, Мордовцев максимально приближает читателя к историческому событию. Но не за счет «заглядывания в частную, домашнюю жизнь», а с помощью развертывания тех индивидуальных изменений, которые происходили, по мнению Мордовцева, с историческими личностями, представленными им в роли персонажей. Художник ставит прямую зависимость судьбы своего персонажа от движения истории, вместе с этим показывая полноту выбора – через значительность, ответственность и неоднозначность. Мордовцев не приближает искусство к исторической подлинности, но саму историческую подлинность изображает как художественное пространство. Ему удается создать не копию исторической хроники, но заставить историческую хронику раскрыться в качестве произведения искусства. Многомерность, многоплановость произведения, отсутствие дидактичности и политической ангажированности, особая художественная изысканность делают роман уникальным явлением русской исторической литературы второй половины XIX века.

Библиографический список

1. *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. – СПб.: Академический проект, 1996. – 336 с.

2. *Бонди С.М.* Драматические произведения Пушкина // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – Т. 4. – С. 421–470.

3. *Ким Сун Хун.* Аввакум и его сочинения в русской науке и литературе 2-й половины XIX – начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2001. – 185 с.

4. *Лебедев Ю.В.* Даниил Лукич Мордовцев // Мордовцев Д.Л. Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 1. – С. 5–44.

5. *Мещерякова Л.А.* Загоскин и Мордовцев. Исторические переклички // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: сб. науч. трудов. – Пенза, 2003. – С. 203–208.

6. *Михневич В.* Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. – СПб.: Типография Эдуарда Гоппе, 1884.

7. *Мордовцев Д.Л.* Господин Великий Новгород. – М.: Белый город, 2010. – 464 с.

8. *Мордовцев Д.Л.* Полн. собр. исторических романов, повестей и рассказов: в 26 т. – Петроград: Изд-во П.П. Сойкина, 1914. – Т. I–XXVI.

9. *Мордовцев Д.Л.* За чьи грехи? Великий раскол. – М.: Правда, 1990. – 624 с.

10. *Панов С.И., Ранчин А.М.* Д.Л. Мордовцев и его историческая проза // Мордовцев Д.Л. За чьи грехи? Великий раскол. – М.: Правда, 1990. – С. 5–30.

11. *Правдин*. Старообрядчество в произведениях Мордовцева // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. – 1908. – № 49, 50.

12. *Путря Н.В.* Д.Л. Мордовцев – многогранность таланта // Наукова молодь: Збірка праць молодих вчених. Матер. 1 регіональної наук.-практ. конф. «Внесок молодих учених у розвиток науки регіону». Луганськ: Знання, 2005. – Т. 4. Соціально-гуманітарні науки. Фізична культура та спорт. – 222 с.

13. *Скабичевский А.М.* Даниил Мордовцев. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. – Т. XIII. – СПб., 1903.

14. *Скабичевский А.М.* Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А.М. Сочинения: в 2 т. – СПб., 1890. – Т. 2. – С. 654–794.

15. *Соколов Н.* Петр Великий и Вальтер-Скотты-могильщики // Русская старина. – 1894. – Т. 81. – С. 191–209.

16. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – 768 с.

17. *Сорочан А.Ю.* «“Квазиисторический” роман в русской литературе. Д.Л. Мордовцев». – Тверь: Марина, 2007.

18. *Субботин Н.* Историк-беллетрист // Русский вестник. – 1881. – Т. 253. – С. 149–216.

УДК 81'372. 23

Хриптулова Татьяна Николаевна
Смоленский государственный институт искусств
khriptulovatat@rambler.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Н.И. ТРЯПКИНА

Статья посвящена исследованию прецедентных имен в лирике Н.И. Тряпкина, отражающих литературные вкусы и пристрастия поэта и играющих важную роль в раскрытии авторского замысла и воссоздании индивидуально-авторской художественной картины мира.

Ключевые слова: *имя собственное, оним, прецедентный феномен, исторический персонаж, стихотворный текст.*

Онимы в лирике Н.И. Тряпкина играют важнейшую роль по созданию богатого ономастического фона, имена собственные (ИС) содержат в себе важные особенности реализации национально-культурного компонента в творчестве поэта. Эта особенность ИС связана с наличием у него лексического фона – комплекса исторических, национально-культурных, социальных и других ассоциаций, соотносимых носителем языка с языковой системой. Онимы в поэзии Тряпкина представлены следующими разрядами: антропонимами, топонимами, гидронимами. Самую многочисленную группу составляют антропонимы, то есть именования людей.

Довольно широкий пласт имен собственных (антропонимов) представлен именами реальных исторических персонажей. Стихотворения, в которых они употребляются, относятся к различным годам и разнородны по тематике. Здесь можно отметить стихи разных лет, которые возвеличивают человека: Святослав Игоревич («Эй, славяне, славяне!», 1960; «Не хватает грома для раската», 1969), Г. Отрепьев («Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966), С. Разин («Возвращение Разина», 1945; «Не поляки, не свеи, не фрязи», 1973), Соломон («Песнь о российском храме», 1982), Тимур Тамерлан («Песнь песней», 1970–1973) – и стихотворения, которые призваны обличить исторического персонажа: А. Гитлер («Годовой отчет колхоза», 1946), Ф. Паулюс («Подъезжают казаки», 1944), У. Черчилль («Увы, брат, Черчилль Уинстон», 1970) – или показать образ людей искусства несколько упрощенно (К. Симонов, М. Шолохов («Стихи о собачьем наследии», 1961–1973), К. Чуковский («Послание старому приятелю», 1973).

Безусловно, имена исторических лиц одновременно имеют и общее значение имени как выделительного знака, и информационный лексический фон, то есть воспроизводят те семы, которые заложены в имени, являющемся отражением и сохранением информации культурно-исторического и специфически-национального характера: Владимир – князь, крестивший Русь; Нестор – монах Киево-Печерского монастыря, древнерусский историк и публицист; Аввакум – глава раскола в русской церкви.

Эти имена относятся к группе прецедентных, то есть имен, связанных с широко известными текстами или с ситуацией, широко известной носителям языка [1, с. 246]. Это имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры, имена, денотаты которых выступают как эталоны времени, пространства, меры [3, с. 142]. Представление обозначаемого этими именами «культурного предмета» (для антропонимов – лица) «являются общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [3, с. 146]. В плане содержания имени имеется определенное коллективное представление, которое присутствует в сознании носителей данного языка и актуализируется при употреблении прецедентного имени в речи. Однако, кроме общего, в семантике такого имени присутствует и индивидуальный компонент, субъективный, то есть имеют место индивидуальные представления, ассоци-

© Хриптулова Т.Н., 2013

ации и коннотации, связанные с теми или иными прецедентными именами в сознании конкретного носителя языка. Причем важно проанализировать восприятие имени автором текста, дать оценку его употреблению в тексте, его роли в создании образа, раскрытии темы произведения, оценить прецедентные ситуации его использования.

В текстах Н.И. Тряпкина больше всего имен исторических деятелей и людей искусства. Такой подбор свидетельствует об отдельных чертах мировоззрения поэта, его литературных пристрастиях.

Так, имена исторических деятелей чаще всего связаны с российской историей, которую Тряпкин хорошо знал, ценил, понимал корни и истоки Руси. Поэтому несколько стихотворений посвящено первым русским князьям, возвеличиванию силы русского духа, борьбе Киевской Руси с татаро-монголами. Князья (Борис, Глеб, Святослав) образно восславлены в стихах «Радость» (1959), «Эй, славяне, славяне!» (1960), «Не хватает грома для раската» (1969), «За речными плесами» (1971), «Где-то звонко стучали зенитки (1971). Например:

Не к векам Святослава
Крылья нашей молвы.
Слушай, Дон и Морава,
Слушай, Курск и Варшава,
Голос красной Москвы!

Над весенним туманом –
Огнедышаший свет.
По военным курганом –
Горечь памятных лет [9, с. 191].

Только имена во многом помогают представить себе величие образа древнерусского князя – мудрого правителя, воина, защитника.

Имеют место и имена более поздних исторических деятелей, в основном это деятели российской истории: протопоп Аввакум («Черная печорская тайга», 1961; «Савелий Пижемский», 1966; «Предание», 1973; «Стихи о Николае Клюеве», 1973), В. Мономах («Стихи о Гришке Отрепьеве», 1966), Б. Годунов («Как сегодня над степью донецкой», 1966), И. Калита («Девки бродят по вечерним скверам», 1967; «Пускай придет он – вечно молодой», 1973), М. Скуратов («Царская часовня», 1981), Д. Самозванец («Забытые вехи, заглохшие дали», 1965). В перечисленных стихотворениях отражаются эпохальные события в истории России. Зачастую эти стихи не лишены патриотического пафоса.

Имена писателей и поэтов составляют второй важнейший разряд прецедентных имен. Их круг очерчен литературными вкусами и пристрастиями Н.И. Тряпкина. Несколько стихов связано с именем Пушкина, основоположника русской поэзии (стихотворения «Письмо», 1953; «Вспомним заповедь поэта», 1982; «Стихи о мазуриках», 1987). Для всех указанных стихотворений общим является тезис, сформулированный в статье М.В. Исаковского: «Классический русский стих совсем не устарел. Наоборот, он таит в себе огромные, еще никем не использованные возможности» [4, т. 4, с. 17]:

И прохвоста, и паскуду
Взгреть кнутом не постесняюсь.
Пусть я Пушкиным не буду,
За себя же – постараюсь [10, с. 143].

Справедливо писал А.Т. Твардовский: «…У каждого из нас свой Пушкин, остающийся одним на всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца» [8, т. 5, с. 17]. Обращение к пушкинской теме для Тряпкина в какой-то степени испытание. На это указывают В. Котельников [6, с. 139] и В. Кожинов [5, с. 301], так как (по мысли Твардовского) «всего труднее писать о нем человеку, причастному хотя бы в скромнейшей степени, к тому искусству, которому он своим гением сообщил поистине бессмертную силу власти над сердцами людей» [8, т. 5, с. 17]. Всматриваясь в судьбу Пушкина, преклоняясь перед своим старшим собратом, поэт верит в то, что он «не рухнет в пропасть и не сгорит». На помощь писателю приходит его удивительный, тонкий юмор. Тряпкин остер на язык, и происходит это в тех случаях, когда поэт пытается поэтическими средствами расправиться с ненавистными ему столичными «мазуриками», «халтурщиками», с «критиками-перевертышами»:

Эй вы, бубны и ухваты!
Грохнем, что ли, для бравура?
Чтобы ахнули кастраты
От веселого прикура [10, с. 143].

В сонме литературных имен разных лет – имена мастеров слова, оказавших влияние на формирование Тряпкина-поэта, на что указывают эпиграфы целого ряда стихотворений: В.А. Жуковский – «К востоку, все к востоку / Стремление земли» («Бабочка белая! Бабочка белая! 1960), «Вон в стороне божий храм / Виден одинокий» («Песнь о российском храме», 1982), М.Ю. Лермонтов – «В минуту жизни трудную» («Стихи в трудную минуту», 1972–1975), Н.А. Некрасов «Сгорело ты, гнездо моих отцов» («Элегии старому пепелищу», 1957), А.К. Толстой – «Колокольчики мои, / Цветики степные!» («Проселки», 1957), Ф.И. Тютчев – «Здесь дым один, как пятая стихия, / Дым безотрадный, бесконечный дым!» – («Дым», 1984), «Когда пробьет последний час природы / Состав частей разрушится земных, / Все зримое опять покроют воды, / И божий лик изобразится в них» («Курильская песня», 1978), М. Горький – «Господи – помилуй! / Мы – твои рабы!» («Сухмень», 1982), А. Блок – «С одною думой непостижимой / Смотрю на твой спокойный лик» («Русь», 1973), В. Брюсов – «И дальше тропой неизбежной, / Сквозь годы и бедствий и смут…» («Песнь песней», 1970–1973). Безусловно, это объяснятся тем, что Тряпкин в своем творчестве продолжил и развивал литературные традиции, которые укрепились в истории русской

литературы. Так слагались стихи о Николае Клюеве (1973), о Федоре Панферове (1979), шуточное стихотворение-подражание К. Бальмонту (1987). Здесь же нельзя не сказать об употреблении в эпиграфах онимов поэтов – представителей «крестьянской поэзии»: А. Кольцова («Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958), С. Есенина («Голубень», 1982), А. Прокофьева («Поход», 1981), П. Орешина («Рассказ про одно странствие», 1982). Разными сторонами своего творчества Тряпкин всегда соприкасался с широким кругом поэтов. Что касается осмысления деревенской темы, «крестьянского уклада, просторечия и песенного обихода», поэт на протяжении всего творческого пути обращался к поэтическому наследию своих великих предшественников и современников.

В некоторых случаях Н.Тряпкин включал несколько фамилий в одно стихотворение, объединенное общей идеей (стихотворения «Письмо», «Послание старому приятелю», «Стихи о собачьем наследии»). Например:

Ты пред Шолоховым – ниц:
Ваше благородие!
И со всех твоих страниц –
Райская рапсодия.

Ты пред Симоновым – ах!
Ваше, мол, сиятельство!
И во всех твоих статьях
Столько пресмыкательства! [11, с. 23].

Это стихотворение – важная веха в творчестве Тряпкина. Употребление в нем имен собственных является закономерным. Тряпкин всегда был отверженным поэтом. В каком-то смысле он культивировал свою отверженность от литературной элиты (в данном случае – К. Симонова и М. Шолохова) и не тянулся к особо избранным, так как понимал: там, в их миру, он будет лишен поэтической свободы [2, с. 18].

Имена зарубежных мастеров слова в лирике Тряпкина немногочисленны: Гомер («Душа моя бьется в каких-то силках непонятных», 1962; «А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры», 1970; «Ода к морю», 1981; «Вспомним заповедь поэта», 1982); Шекспир («Реквием», 1962); Вольтер («А ты проснись на рубеже какой-то смутной веры», 1970); Шиллер («Я родился при Советской власти», 1987). Эпиграфами к стихотворениям «Фауст» (1957), «Мелодия высотных пустынь» (1961), «Лира священная! Звук Филомены!» (1982) были взяты стоки из произведений Гете, Шелли, Сафо. Все названные имена – имена первого уровня фоновых знаний.

Интересно, что в лирике Тряпкина дважды упоминаются имена поэтов Смоленской поэтической школы: А. Твардовского («Послание старому приятелю»), М. Исаковского (строки из стихотворения Исаковского *«Спой мне, спой, Прокошина, / Что луга не скошены»* стали эпиграфом к стихотворению Тряпкина «Истопил камелек. Хорошо!», 1961). В работах, посвященных анализу лирики Тряпкина, не раз обращалось внимание на сходство его поэтической системы с творчеством поэтов М. Исаковского, А. Твардовского, Н. Рыленкова (В. Бараков, В. Бондаренко, В. Котельников, С. Куняев, Е. Лебедев, О.Панченко и др.). Безусловно, в использовании имен Твардовского, Исаковского в лирике Тряпкина эта близость подчеркивается: всех трех поэтов объединяет любовь к родному краю, чувство гордости за историю родной земли, почтение к своим корням и истокам.

Если обратиться к именам литературных героев и проанализировать ИС собственные, составляющие эту группу, то здесь определяющую роль в выборе онимов играют литературные приоритеты Тряпкина. В творчестве поэта представлены следующие литературные имена: князь Игорь и Ярославна. Имена литературных героев нередко ассоциируются с литературными произведениями. Например, стихотворение «Я искал твой след неповторимый» (1970):

Только дым от песни многославной,
Да и жизнь растаяла, как дым…
Да куда ж ты скрылась, Ярославна,
Перед родом-племенем моим?

И пускай все так же надо мною
Пролетают годы и века.
Под какой искать тебя стеною?
У какого камня-соловка? [9, с. 399].

Так, воспроизводя устоявшиеся образы древнерусской литературы, в своих стихотворениях поэт наполняет их особым смыслом, связанным с личными переживаниями поэта.

Еще один микропласт составляют имена героев, принадлежавших к «мифологическим»: Берендей («За синие своды…», 1957; «Кострома», 1958; «Колхозная новогодняя пирушка», 1948–1958), Лель («За синие своды…», 1957; «То градом драит клевера», 1956; «Мелодия высотных пустынь», 1961; «Сухмень», 1982), Вий («Дорога», 1979), Зигфрид («Узкие русла, крутые обрывы», 1981), Дон Жуан («Посиделки», 1966), Мефистофель («Фауст», 1957) Шехерезада («Стихи о Востоке», 1961). Как отмечает В. Котельников, язык мифа, на котором поэт рассказывает о вполне реальных событиях, современных жизненных явлениях, заново создается в стихе специально для выражения современного мироощущения [6, с. 144]:

Свищут века полевой чернобылью,
Кони взметают песок.
Свищут, гремят за спиной твоей крылья,
Зигфрид с мечом на восток.

Вот она – крепость: и гроты и стены!
Вот он – готический стих!
Шел ты отсюда, сквозь эти морены,
В сторону предков моих [12, с. 346].

Мифологическое преображение мира не оттесняет реалистических картин, однако в ряде стихотворений отдается предпочтение многозначности, иносказательности, свойственным художественному мышлению автора.

Необходимо подчеркнуть, что Тряпкин к истории русского государства обращался постоянно. Однако деятели советской эпохи практически единично упомянуты в текстах (В.И. Ленин – Ильич – «Я родился при Советской власти»), С.М. Буденный («Как сегодня над степью донецкой»). Любовь к России у поэта не ассоциируется с именами ее вождей, что сближает лирику Тряпкина, в первую очередь, с лирикой Рыленкова, нежели Твардовского и Исаковского [7, с. 49].

Итак, Н.И. Тряпкин активно использует прецедентные имена. Наиболее часто в стихах встречаются имена исторических деятелей (разные виды антропонимов), имена поэтов и писателей, что отражает пристальное внимание поэта к истории народа, его литературные вкусы и пристрастия, характеризует языковую личность Тряпкина как духовно богатую, мыслящую, обладающую индивидуальным видением мира.

Библиографический список

1. *Бобылева Е.В.* Прецедентное имя. Вопросы прецедентности религиозного дискурса // Ономастическое пространство и национальная культура: Материалы научно-практической конференции, 14–16 сентября 2006 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2006. – С. 244–248.

2. *Бондаренко В.Г.* Последние годы империи. – М.: Мол. гвардия. – 2005. – 667 с.

3. *Гудков Б.Д.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 189 с.

4. *Исаковский М.В.* Опираясь на могучий авторитет великих классиков // Исаковский М.В. Собр соч.: в 5 т. – Т. 4. – М.: Худ лит-ра, 1982. – 399 с.

5. *Кожинов В.* Два пласта // Молодая гвардия. – 1969. – № 9. – С. 298–302.

6. *Котельников В.* Перуново древо поэта // Литературная учеба. – 1985. – № 5. – С. 136–146.

7. *Сивцова А.А.* Прецедентные имена в лирике Н.И. Рыленкова // Язык и стиль Н.И. Рыленкова: Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения одного из основоположников Смоленской поэтической школы. 2 февраля 2009 года / отв. ред. И.А. Королёва. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. – С. 43–49.

8. *Твардовский А.Т.* Пушкин // Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 5. – М.: Худ. лит-ра, 1980. – 463 с.

9. *Тряпкин Н.И.* Избранное: стихотворения. – М.: Худож. лит-ра, 1984. – 560 с.

10. *Тряпкин Н.И.* Излуки: стихотворения. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 159 с.

11. *Тряпкин Н.И.* Разговор по душам. – М.: Современник, 1989. – 175 с.

12. *Тряпкин Н.И.* Стихотворения (1940–1982). – М.: Современник, 1983. – 382 с.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.373

Богатырева Екатерина Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
katyabogatyreva@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ВОДА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности структурно-семантических моделей фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском языке с учетом аспектов их фразеологической семантики и грамматического строя.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, структурно-семантическая модель, фразеологическая модель, компонент «вода».*

Моделируемость в сфере фразеологии представляет собой одну из актуальных проблем современной науки о языке. При установлении особенностей фразеологической модели важно учитывать как грамматический строй фразеологических единиц (ФЕ), так и их семантику. Анализ данных аспектов структуры ФЕ предполагает рассмотрение моделирования устойчивых сочетаний через выявление их структурно-семантических моделей. Базовым для данного исследования признаётся определение фразеологической модели, данное В.М. Мокиенко, согласно которому *фразеологической моделью* является структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, семантически отражающий относительную стабильность их формы и семантики [2, с. 43]. Структурно-семантическое моделирование требует изучения специфики фразеологической модели, обусловленной особой ролью внутренней формы, особенностями исконной мотивировки и целостной семантики ФЕ [3, с. 53].

В результате анализа русских ФЕ с компонентом «вода» был выявлен ряд структурно-семантических моделей при учете грамматической структуры ФЕ, их обобщенно-переносного значения, образной основы, внутренней формы, а также семантики компонента «вода». Рассмотрим их особенности.

1. «Что-либо сравнивается с *водой*, обладающей текучестью: (…) что-либо, что/как *вода:* (…)»: ***Беда, что с гор вода; Года текут, как вода; Деньги, что вода; Умчались (уплыли) годы, как вешние воды; Свадьба скорая, что вода полая; На обеде все соседи, а пришла беда, они прочь, как вода; Беда, что текучая вода: набежит да схлынет; Года, как вода: пройдут не увидишь; Счастье как вода: в бредне тянешь – надуется, а вытащишь – ничего нет; Людское счастье, что вода в бредне.***

В некоторых паремиях, построенных по такой структурно-семантической схеме, возможно отсутствие сравнительного союза *что* или *как:* ***Богатство – вода: пришла и ушла; Наше счастье – вода в бредне.***

Данная структурно-семантическая модель ФЕ передаёт семантику чего-то быстро проходящего, скоротечного, легко исчезающего.

2. а) «(Что-либо) – (что/как) глагол, обозначающий совершение какого-либо действия с *водой* (*лить, носить*) в неподходящей для этого ёмкости (емкости, имеющей отверстия в дне или стенках)»: ***носить воду решетом; в решете воду носить (таскать); Решетом воду мерить – потерять время; Дурака учить – в решете воду носить; На людей глядя жить – решетом воду носить; Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить; Что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить; Как в утлое судно воду лить; В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить.***

Обороты, построенные по рассматриваемой структурно-семантической схеме, семантизируют безрезультатность, бесполезность выполнения каких-либо действий.

б) «В какой-либо ёмкости / какую-либо ёмкость / с помощью какой-либо ёмкости, имеющей отверстия в дне или стенках *воды/водой/воду* не + глагол, обозначающий совершение какого-либо действия с *водой*»: ***В решете воду не носят; В решете воды не удержишь; Бездонной кадки водою не наполнишь; Решетом воды не вычерпаешь.***

Фразеологическая модель передаёт невозможность выполнения каких-либо действий при использовании неподходящих для этого средств.

3. «*Воду* + глагол, выражающий совершение с *водой* неподходящего действия + – *вода* и будет»: ***Воду варить – вода и будет; Воду в ступе толочь – вода и будет.***

Структурно-семантическая модель отражает семантику безрезультатности, бесполезности каких-либо действий.

4. «Облить / окатить какой-либо *водой* кого-либо»: ***облить грязной водой*** *кого-либо****; окатить / облить холодной водой*** *кого-либо;* ***Облить (окатить) ушатом холодной воды*** *кого-либо.*

Данная модель актуализирует значение какого-либо внешнего воздействия на человека.

5. а) «Глагольное словосочетание или слово/словосочетание + в *воду*»: ***<И> концы в воду; бро-***

© Богатырева Е.Н., 2013

сить дело с камнем в воду; прятать (спрятать) концы в воду; хоронить концы в воду; И все беси в воду.

б) «(Что-либо / кто-либо пропал) как (будто, словно и т. п.) в *воду* + глагол, обозначающий исчезновение»: ***Все беды пропали, что в воду упали; как (будто, словно, точно) в воду канул; как в воду утопил.***

Структурно-семантические модели обозначают бесследное исчезновение, сокрытие чего-либо или кого-либо.

в) «(От чего-либо отрицательного) + хоть в *воду*»: ***хоть (что) в воду; готов хоть в воду; от долгов – хоть в воду; От горя хоть в море, от беды хоть в воду.***

Модель передаёт семантику безвыходного положения.

г) «У кого-либо (зажиточного) много пива, меду, да (…) его в *воду*»: ***У богатого богатины пива-мёду много, да с камнем бы его в воду; У скупого много пива, мёду, да пора его и совсем в воду.***

Структурно-семантическая схема актуализирует значение избавления от кого-либо зажиточного, характеризуемого отрицательно.

д) «От чего-либо + не в *воду*»: ***от горя не в воду; от беды не в воду; от роду не в воду.***

Структурно-семантическая модель опровергает состояние безвыходности ситуации.

6. «Лучше хлеб с *водою,* чем что-либо ещё худшее»: ***Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою.***

Фразеологическая модель передаёт семантику выбора бедности как «меньшего из двух зол».

7. а) «Хлеб да *вода* + какая-либо (относящаяся к конкретному кругу лиц) еда»: ***Хлеб да вода – молодецкая еда; Хлеб да вода – шахтёрская еда; Хлеб да вода – то наша дворянская еда; Хлеб да вода – то наша мужицкая еда.***

Структурно-семантическая модель актуализирует смысл «хлеб и вода – необходимые и вместе с тем достаточные средства существования для какой-либо категории людей».

б) «Хлеб да *вода* – какая-либо (характеризуемая положительно) еда»: ***Хлеб да вода – блаженная еда; Хлеб да вода – здоровая еда.***

Модель имеет значение «хлеб и вода – вкусные и полезные средства существования».

8. «Без хлеба *у воды / на воде* + словосочетание, обозначающее что-либо недостаточное для жизни»: ***Без хлеба на воде ноги жидки; Без хлеба у воды жить худо.***

Фразеологическая модель семантизирует необходимость для жизнедеятельности человека помимо питья твёрдой пищи.

9. «Противопоставление «огонь не *вода*» + фраза, обозначающая свойства огня, отличные от свойств *воды*»: ***Огонь не вода – охватит, не выплывешь; Огонь не вода – пожитки не всплывают.***

Модель передаёт семантику преобладания стихии огня над водой.

10. «Что-либо / кто-либо в (на) огне не горит / не сгорит, в (на) *воде* не тонет / не потонет»: ***Правда в огне не горит <и> в воде не тонет; Счастливый и в огне не сгорит, и в воде не потонет; Казенное на воде не тонет, на огне не горит.***

Возможна инверсия глагольно-именных словосочетаний: «Что-либо / кто-либо в (на) *воде* не тонет, в (на) огне не горит»: ***Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит.***

Данная фразеологическая модель может усекаться: «Что-либо / кто-либо (и) в *воде* не тонет»: ***Доброе дело и в воде не тонет.***

Структурно-семантические модели актуализируют смысл неуязвимости чего-либо или кого-либо.

11. «Чьи-либо слёзы – *вода*»: ***Чужая слеза – вода; Женские слёзы – вода.***

Данная модель служит для обозначения отношения к чьим-либо слезам с равнодушием.

12. «Тиха(я) *вода, да* + фраза, отражающая семантику скрытых отрицательных свойств воды»: ***Тиха вода, да омуты глубоки; Тихая вода, да от неё подтоп живёт.***

Структурно-семантическая схема обозначает скрытые проявления внешне спокойного человека.

13. «*Вода* + оборот, семантизирующий проявление её силы, мощи над чем-либо»: ***Вода <и> камень точит (долбит); Вода и землю точит, и камень долбит; Вода и мельницу ломает; Вода всё кроет и берег моет.***

Модель отражает семантику проявления сверхъестественной силы *воды*-стихии.

14. а) «Где *вода* (была), там / тут и + что-то, имеющее к ней непосредственное отношение (будет)»: ***Где вода, там и беда; Где вода, там и суда; Где вода, там и верба; Где вода была, тут вода и будет.***

б) «Где много *воды*, там + фраза, выражающая следствие наличия большого количества *воды*»: ***Где много воды, там больше будет; Где много воды, там жди беды.***

Фразеологические модели актуализируют семантику появления чего-либо как следствия присутствия чего-либо, связанного с первым.

в) «Где нет (не было) воды, там / тут + оборот, семантизирующий следствие отсутствия *воды*»: ***Где нет воды, тут и блох не живет; Где воды не было, там сухо.***

Данная модель семантизирует наличие чего-либо положительное из-за отсутствия чего-либо отрицательного.

15. «Глагол, обозначающий движение + (в) огонь и (в) воду»: ***Пройти огонь и воду (и медные трубы); Идти / пойти в огонь и в воду; Кидаться в огонь и в воду.***

Структурно-семантическая модель отражает семантику преодоления или готовности к преодолению тяжелых жизненных испытаний.

16. «На ком-либо (на каких-либо людях) *воду* возят»: ***На обиженных воду возят; На упрямых воду возят; На сердитых воду возят, а на дутых – кирпичи.***

Фразеологическая модель семантизирует возможность использования каких-либо проявлений характера человека против него.

17. «Императив, выражающий значение «не делай чего-либо с *водой*» + фраза, обозначающая «пригодится, понадобится»»: ***Не мути водою – случится черпать; Не плюй в колодец (колодезь), пригодится (случится) воды (водицы) напиться.***

Данная модель передаёт значение бережливого отношения к тому, что однажды может понадобиться, пригодиться.

18. «(…) *вода* + фраза, означающая «не причинит вреда»»: ***Пей воду – вода не смутит ума; Вода не замутит живота; Холодна вода не замутит живота (ума).***

Структурно-семантическая модель отражает семантику безвредности воды для человека.

19. «Как / что кто-либо без *воды*, так / то кто-либо без чего / кого-либо, являющегося неотъемлемой частью его жизни»: ***Как рыба без воды, так пьяница без вина; Что гусь без воды, то мужик без жены.***

Фразеологическая модель семантизирует невозможность существования кого-либо без чего-либо / кого-либо.

Исследование показало, что компонент «вода» проявляет себя в составе структурно-семантических моделей ФЕ как стихия, жидкость, вещество, обладающее текучестью и в большом скоплении представляющее водоём, а также как необходимое средство существования и стихийная сила. Будучи запечатленными в сознании носителей языка, данные признаки «воды» участвуют в формировании фразеологических моделей, объединённых одной и той же или схожей семантикой на основе конкретных грамматических схем.

Библиографический список

1. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 484 с.

2. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980. – 205 с.

3. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.

4. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – М.: Современник, 1986. – 512 с.

5. *Савицкий В.М.* Аспекты теории фразообразовательных моделей: учеб. пособие к спецкурсу. – Самара: Изд-во СамГПИ, 1993. – 65 с.

6. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. – М.: Изд-во АСТ, 2001.– 720 с.

7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.

УДК 81.11

Заграевская Татьяна Борисовна
Пятигорский государственный лингвистический университет
zagraevskaya@yandex.ru

ЭТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ДЕСКРИПТОРЫ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АФРОЭТНОСОЦИОЛЕКТИЗМОВ

Автор статьи рассматривает эволюцию разработки системы этико-стилистической параметризации и дескрипторов англоязычных афроэтносоциолектизмов для целей их лексикографирования. Особое внимание уделено концепции Э. Партриджа в его «A dictionary of slang and unconventional English».

Ключевые слова: *афроэтносоциолектизмы, дескриптор, лексикография, помета, словарная статья, социолексикографический, стилистический.*

Внимание к этико-стилистическим дескриптором англоязычных афроэтносоциолектизмов проявилось у лексикографов по субстандарту еще у Ф. Гроуза [3], который представил их, правда, 1) только одной пометой – «abusive» (оскорбительный, бранный) в составе дефиниции: *chimney chops*. An *abusive* appellation for a negro; и 2) *разъяснением в составе дефиниции*: *bumbo*. <…> the negro *name for the private parts of a woman*. Здесь указание на «наименование интимных частей тела женщины» позволяет предположить, что данный этнослентизм характеризуется значительной сниженностью. Это подтверждается также дефиницией этого афроэтносоциолектизма в наиболее фундаментальном словаре Э. Партриджа «The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English» (ред.: Tom Dalzell – Senior Editor and Terry Victor – Editor): bumba; bumbo *noun* the anus or vagina *jamaica, 1980* [5], где этот этнослентизм относится

© Заграевская Т.Б., 2013

к англоязычному британско-ямайкскому этносоциолекту конца XX в.

Дж.К. Хоттен [4], спустя почти столетие, также использует один этико-стилистический дескриптор – «a term of contempt» (*презрительное*) *в составе филолого-энциклопедической дефиниции*, как *микроструктурный инструмент* социолексикологической параметризации: *mean white*, *a term of contempt among negroes*, in the old slavery days, for white men without landed property. A white man in the Southern States had no *locus standi* unless he possessed property, and the blackest of niggers would have felt insulted at any "poor white trash" claiming to be "a man and brother".

У А. Баррера и Ч. Леланда [1] этносоциолексикографический инструментарий *этико-стилистической градации* социолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка представлен уже в двух случаях и двумя *этико-стилистическими экспрессивно-оценочными* пометами как *микроструктурным инструментом* социолексикологической параметризации афроэтносоциолектизмов:

1) помета «*a term of contempt*» (*презрительное*): *mean white*, formerly *a term of contempt among negroes for white men without landed propert*y; здесь *в составе филолого-энциклопедической дефиниции*;

2) помета «*a term of opprobrium*» (*оскорбительное*): *white trash* (*American*), *used by negroes to a white man as a term of opprobrium*; здесь *в составе развернутого лингвистического толкования*; в обоих случаях – в субкультурном социолектном лексиконе этносубъязыка американских негров с адресатной направленностью на этносоциум белых людей.

Этносоциолексикографический инструментарий *этико-стилистической градации* социолектной лексической системы англоязычного афроэтносубъязыка в словаре Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли [2] представлен уже для 14 лексем семью *этико-стилистическими* пометами и *элементами словарных статей, выполняющих функции подобных помет* как *микроструктурным инструментом* социолексикологической параметризации этносоциолектизмов:

1) сложная помета, или ее функциональная замена в составе развернутой дефиниции, содержащая элемент «*contempt*», или производное от него слово «*contemptuous*» (*презрительное*): *trash* = (American) a negro *term of contempt*; *a touch of the tar-brush*, *subs. phr*. (common). – Black blood: *in contemptuous reference* to colour; *tar-brush, subs. phr*. (common). – Black blood: *in contemptuous reference* to colour; *ball face*, *subs*. (*American*). – A *contemptuous epithet* applied by negroes to white persons;

2) сложная помета, содержащая элемент «*contempt*» (*презрительное*) в сочетании с пометой «*term of opprobrium*» (*оскорбительное*), содержащейся в паспортизированном словарном источнике, цитата из которого использована для семантизации значения лексемы посредством *филолого-энциклопедического определения* и *этимолого-дериватологической справки*: *toe-ragger*, *subs. phr*. (Australian). – A *term of contempt*: cf. *toey.* 1896. *Truth* (Sydney), 12 Jan. The bushie's favourite term of opprobrium 'a toe-ragger' is Maori. The nastiest *term of contempt* was *tua rika rika*, or slave. The old whalers on the Maoriland coast in their anger called each other *toeriggers*, and to-day the word in the form of *toe-ragger* has spread throughout the whole of the South Seas;

3) элемент «*humorous*» (≈ *шутливое*), выполняющий функцию этико-стилистической пометы в составе *дефиниции*, представленной *филолого-энциклопедическим толкованием*: *break down*, *subs*. (common.). – A noisy dance; also, a convivial gathering. The term was, at first, specially applied to a negro dance, but is now in general use in England in a *humorous* sense; здесь показано развитие этико-стилистической коннотации описываемого этносоциолектизма;

4) элемент «*familiar*» (*фамильярное*), выполняющий функцию этико-стилистической пометы в составе *дефиниции*, представленной *развернутым лингвистическим толкованием*: *uncle*, *subs*. (common). – (American). – A *familiar* address: spec. of an old worthy negro;

5) элемент «*derision*» (≈ *насмешливое*), выполняющий функцию этико-стилистической пометы в составе *комплексной развернутой функционально-стилистической справки*: *high-toned nigger* = a negro who has raised himself in social position. [Once literary; now utterly discredited and never used, save in ignorance or derision.] <…> 1884. Phillips Woolley, *Trottings of a Tender Foot*. I never saw any so-called *high-toned nigger*;

6) помета «*vulgarism*»: *all of my love*, *adv. phr*. (American). – A negro *vulgarism* for 'alone' Дж.С. Фармер и У.Э. Хэнли, так же как и авторы предыдущих рассмотренных выше словарей, понимают вульгаризмы не как нецензурные стилистически-сниженные единицы-табу, а как отклонения от литературной нормы, характерные для речи неграмотных негров, обозначаемые нами термином «внелитературное просторечие», что обычно маркируется в словарях русского языка как «простонародное», а в словарях английского языка – как фонетические и грамматические искажения, например: *begosh! b`gosh! intj*. (American). – An expletive, probably of negro origin; a half veiled oath; *a corruption of 'By God!';*

7) в словаре Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли зарегистрированы также такие афроэтносоциолектизмы, которые обозначают интимные части тела, однако маркируются, как это принято в современных словарях сленга, не пометой «*vulgarism*», а пометой «*venery*», вероятно, близкой по своему социально- и этико-стилистическому содержанию пометам «vulgar» и «taboo»; ср., например:

– *bumbo*, *subs*. (West Indian).—I. The *female pudendum*: a negro term: see *monosyllable*; где: *monosyllable*, subs. (*venery*). – The female pudendum; *cunt* (q.v.). *English synonyms* <…> *bumbo* (negro); где: *cunt*, *subs*. (common). – The female *pudendum*; Latin *cunnus*. A language word, but *vulgar* in usage. Здесь вокабула BUMBO не снабжена пометой «*vulgarism*», однако и использованный для ее семантизации субстандартный синоним CUNT снабжен пометой «*vulgar*» в составе *комплексной развернутой функционально-стилистической справки*;

– *trench*, *subs*. *(venery). – The female pudendum: see monosyllable*. 1772. *Bridges, Burlesque Homer*, 35. The smooth rimm'd *trenches* of sooty, sweaty, negro wenches. *Ibid*., 361. I'll give him seven wenches With fists so hard they've kept their *trenches* from being storm'd.

В отдельных случаях авторы словаря не снабжают никакими этико-стилистическими пометами такие афроэтносоциолектизмы, в которых есть весьма сниженные лексемы, маркируемые в современных субстандартных словарях пометами «*vulgarism*» или «*taboo*»; ср., например, следующие статьи:

– *в словаре Фармера-Хэнли*: *white man's whore*, *subs. phr*. (West Indian). – A 'brown' or 'yellow' mistress: a 'black' smock-servant: an echo of the 'colour' sentiment: *cf*: a negro 'as black as one's hat' calling another 'a damned black nigger.'; здесь очевидный вульгаризм *whore* никак не отмечен.

В словаре Р. Спиерса «A. Forbidden American English. A Serious companion of taboo American English»: *whore* [hor] 1. a prostitute <…> subject to the same restrictions as *taboo* language [6]; здесь указано ограничение на употребление этого слова как языкового «*taboo*».

Но наиболее развернутую систему дескрипторов англоязычных афроэтносоциолектизмов мы находим у Э. Партриджа в его «A dictionary of slang and unconventional English» [5]. Она представлена для 26 этнолексем семью *социально-этико-стилистическими* пометами и *элементами словарных статей, выполняющих функции подобных помет*, в качестве *микроструктурного инструмента* социолексикологической параметризации этносоциолектизмов. Покажем их на примерах словарных статей в направлении увеличения степени инвективности коннотации афроэтносоциолектизма:

1) *этико-стилистическая имплицитная помета* «*impolite*» – «*невежливое*»: (здесь «негативность» присутствует по умолчанию, что подсказывает контекст, в котором дана ее «позитивная» противоположность – «*polite*»: *blackie* (or *-y)-white*. "I'm an *Anglo-Indian*—a *half-chat*, a *chillicracker*, a *blackie-white* – the first is *the polite term* – the others are what they [the full whites] call us behind our backs" (Berkely Mather, *The Memsahib,* 1977, set mostly in India, 1938–44). In short, a half-caste. Здесь элемент литературного стандарта «*Anglo-Indian*» маркирован эксплицитной пометой «*the polite term*», а его субстандартные синонимы-этносленгизмы «*a half-chat, a chillicracker, a blackie-white*» – имплицитно подразумеваемой пометой «*impolite*», что очевидно из следующего за этими этносленгизмами контекста, разъясняющего инвективное этико-стилистическое содержание коннотации этих стилистически-сниженных лексем в речи белых с адресатной направленностью на социум «черно-белых полукровок»: «the others are what they [the full whites] call us behind our backs»;

2) *компонент «not used in polite company» в развернутом толковании из паспортизированного словарного источника*: *pinkie, -y*. …A white man or, less common, woman: black teenagers' in Britain: since late 1950s. *Observer,* 10 Sep. 1967, 'By the time they leave school, whites have become "pinky", "the grey man" or – less common – "Mr Charlie".' Powis notes 'Originally an expression for a light-coloured Negro ... *not used in polite company*'; здесь из источника «(*Powis*)» [= Deputy Assistant Commissioner David Powis, QPM, *The Signs of Crime: a Field Manual for Police,* 1977]. При этом очевидно, что данный компонент дефиниции выполняет роль *имплицитной этико-стилистической пометы* «*impolite*»;

3) *этико-стилистическая помета* «*joc*.» («= *joc*ular») – «*шутливое*»: *tinted folk*. People with 'coloured' or black skins. Aus. *joc*. coll.: …since ca. 1950s;

4) *этико-стилистическая помета* «*ironic*» – «*ироническое*»: *Snowball*. A Negro: from ca. 1780. (Grose, 1st ed.) *Ironic* nickname. Здесь эта помета дана в сочетании с аппелятивом – указанием на ироническое сленговое прозвище;

5) *компонент* «*ironic*» *в составе номинативно-дериватологической справки*: *Enoch*. (Gen pl.) White primary-school children's nickname for coloured immigrant children: 1970s. (Harre, Morgan, O'Neill, *Nicknames,* 1979.) *By ironic transference from Enoch Powell, a noted opponent of immigration into the UK*. Здесь антономасия на имя собственное – *John Enoch Powell* (16.06.1912–8.02.1998) – видный общественный деятель, член палаты общин и министр здравоохранения Великобритании, ярый противник иммиграции на Британские острова;

6) *компонент* «*ironic*» *в составе этимолого-дериватологической справки*: *seedy(-boy)*. A Negro: Anglo-Indian coll.: mid – C. 19–20. Also *sidi (-boy). Ironically ex Urdu sidi, my lord*. Здесь указание на источник заимствования – из урду, а также на форму и, особенно, значение этимона «*sidi*» – «мой господин», что объясняет иронию в наименования негра, особенно, в Индии в сер. XIX в.;

7) *социально-этический компонент* «*defence*» *в составе комплексной этносоциально-функциональной справки* «used as a *'defence'*, a retort against

Blackie, Nig-nog, Enoch» (≈ «*защитная словесная реакция на оскорбительный сленговый этноним*»), дополняющей *филолого-энциклопедическое определение*, заимствованные из *паспортизированного словарного источника*: *ice-cream* … (Gen. pl.) Nickname given by coloured immigrant primary-school children to the white children; used as a *'defence'*, a retort against *Blackie, Nig-nog, Enoch:* 1970s. Harre, Morgan, O'Neill, *Nicknames,* 1979;

8) *комплексная социально-этико-стилистическая помета* «*a patronising* English *term*» ≈ «*покровительственно-снисходительное*»: *Chinkie-chonks.* A *patronising* English *term* for all Asians dwelling East of India. 'We could fill the school with candidates with four A-levels if we took all the little chinki-chonks who flood the public schools' (the Dean of a London medical school, quoted in the *Guardian,* 18 Dec. 1978). Здесь снисходительная коннотация этой этнолексемы подтверждается *паспортизированным иллюстративным примером*;

9) *комплексная социально-этико-стилистическая помета* «*offensively patronising*» ≈ «*оскорбительно-снисходительное*»: *George, george.* A common vocative to a Negro whose name is unknown: Can.: since ca. 1920; by 1960, ob., and prob. considered *offensively patronising*, for it 'was customarily applied to the porters (stewards) on Pullman [railway restaurant] cars, who were invariably Negro. The custom, along with the cars, is obsolescent' (Claiborne, 1976). Здесь оскорбительно-снисходительная коннотация этой афроэтнолексемы раскрывается в *паспортизированном иллюстративном примере*;

10) *комбинация основной этико-стилистической пометы* «*joc.*» («*= jocular*») – «*шутливое*» *и дополнительной к ней комплексной социально-этико-стилистической пометы* «*a term of humorous abuse*» ≈ «*шутливо-оскорбительное*» *в сочетании с паспортизированным иллюстративным примером*: *black-enamelled*. (Of races, people) dark-skinned: army *joc*, esp. in Canal Zone: ca. 1945-55. *A term of humorous abuse*, as in 'Cm'ere, Ali, you black-enamelled bastard, iggri [hurry up]!' (P.B.); здесь автор примера – «(*P.B.*)» – Пол Бил – редактор словаря Э. Партриджа;

11) *развернутое лингвистическое толкование, выполняющее, кроме семантизации денотативного значения вокабулы, еще и социально-этико-стилистическую характеризацию ее коннотации* – функцию соответствующей пометы: *Jim Crow*…. *Racial prejudice*, esp. against Negroes: since ca. 1955;

12) *комплексный компонент развернутого лингвистического толкования, заимствованного из паспортизированного словарного источника* – «*racist … unpleasant … expression*» – «≈ *неприятное расистское выражение*»: *Honkie, -y. 'Racist* negro expression (*unpleasant*) for a white person (usually male)' (Powis): since (?)mid-1960s in UK; здесь словарный источник – «(*Powis*)» [см. выше];

13) *комплексный компонент дополнительного к основному развернутого лингвистического толкования, заимствованного из паспортизированного словарного источника* – «*a racist … term … not said in a pleasant manner*»: *Whitey*; or *w-*. A white person, whether individually or collectively; hence, the Establishment as represented by the whites: orig. and still (1977) predominantly Negroes', in Britain usu. West Indians': adopted, ex US, ca. 1955. *(DCCU.)* Powis: *'A racist Negro term* for a white person (usually male), *not said in a pleasant manner.*'; здесь словарный источник – также «(*Powis*)» [см. о нем выше];

14) *комплексный инструмент, включающий (а) компонент развернутого лингвистического толкования, заимствованного из паспортизированного словарного источника* – «*patronising and unpleasant racist expression … never used in black company*» – «≈ *снисходительное и неприятное расистское выражение…, никогда не употребляемое в компании с чернокожими*» и *(б) компонент дополнительного филолого-энциклопедического определения* «*with intent to insult*», предложенного редактором словаря Полем Билом «(*P.B.*)»: *jungle(-)bunny. 'Patronising and unpleasant racist expression* for a Negro, *never used in black company*' (Powis). One might add 'except *with intent to insult'*. But it is applied not only to people of African origin; schoolchildren in an East Midlands market town were using it of Asian fellow-pupils in 1971: since late 1960s in the Services. (P.B.). Целиком весь этот комплексный инструмент «*patronising and unpleasant racist expression … never used in black company…except with intent to insult*» детально раскрывает инвективное содержание коннотации данного афроэтносоциолектизма; здесь словарный источник – «(*Powis*)» [см. выше];

15) *помета* «*derogatory*» *с социально-стилистическим и этико-стилистическим содержанием* – «*уничижительное*» в составе *филолого-энциклопедического определения*: grey, n. … Adopted ex US Negro *derogatory* s. for 'a white person';

16) *комплексный компонент дополнительного к основному развернутого лингвистического толкования* «*Not always intended as derogatory, but now [1977] increasingly taken to be so*», *заимствованного из паспортизированного словарного источника и содержащий социально-этико-стилистическую помету* «*derogatory*» – «*уничижительное*»: *abo, Abo.* Australian Aboriginal: Aus. coll.: mid-C. 19-20. Wilkes, *'Not always intended as derogatory, but now [1977] increasingly taken to be so.*'; здесь словарный источник – «*Wilkes*» (= Wilkes, G. A. A dictionary of Australian colloquialisms) [7];

17) *компонент «contemptuously» – «презрительное» в функции этико-стилистической пометы в составе паспортизированного иллюстративного примера, выполняющего функцию филолого-энциклопедического толкования*: *half-chat.* An Indian

Army term dating from ca. 1880, thus in Richards: 'Half-caste, or "half-chat" as the troops in my time [ca. 1901-9] *contemptuously* called them.' Also, C.20, an Aus. and Pacific Islands term, as, e.g., in Sydney Parkman, *Captain Bowker,* 1946. P.B.: the term was still in use, among Brit, soldiers in the East, in the 1950s; источник примера – «*Richards*» (= Richards, F. Old Soldier Sahib, 1936);

18) *компонент «a term of contempt» в функции этико-стилистической пометы в составе развернутого лингвистического толкования*: *white nigger. A term of contempt* for a white man: Sierra Leone Negroes' coll.: from ca. 1880. Ware quotes *Daily News* of 20 June 1883;

19) *социально-этико-стилистическая помета «pej.» (= pej*orative) – «*пейоративное*»: *chimney-chops.* A Negro: coll.; late C.18-mid-19 *pej*.;

20) *социально-этико-стилистическая помета «pej.» в сочетании с социально-адресатной пометой «provocative», указывающей на коммуникативно-провоцирующую функцию «ответной словесной реации адресата на оскорбительный словесный вызов адресанта»*: *chocolate drop...* Name given by white primary-school children to coloured immigrant children: usu. *pej*. or *provocative*: 1970s. (Harre, Morgan, O'Neill, *Nicknames,* 1979.);

21) *социально-этико-стилистическая помета «pej.» в составе сложной социально-стратификационной и функционально-стилистичнеской пометы «low pej. coll.»*: *lubra*. A woman: low *pej*. coll.: late C. 19–20 rural Aus. Ex the 'standard' sense, a black woman, recorded first in 1834. Здесь вокабула *lubra* – низкий пейоративный этноколлоквиализм, локализованный в своем бытии в сельской местности Австралии с 1834 г. и в течение всего XX в.;

22) *социально-этико-стилистическая помета «pej.» в составе филолого-энциклопедического толкования*: *Uncle Tom.* A Negroes', a West Indians', *pej*. for such a man of their own race as is deferential towards white people: adopted in the British Commonwealth, ca. 1965, ex US, where the sense and the feeling are, among Negroes, somewhat stronger;

23) *компонент «insult» – «оскорбление» в дополнительной социально-стилистической параметризации вокабулы, выполняющий функцию социально-этико-стилистической пометы*: *straight out of the trees.* Applied to coloured people, esp. Negroes, by those who resent their presence in UK: later C.20. This sort of *insult* is not new: cf. *straight from the bog* or *off the turnips.* (P.B.). Здесь имеются также ссылки на две подобные статьи, сделанные редактором этого словаря – П. Билом, что позволяет раскрыть более глубоко инвективное содержание этносоциолексикографируемой вокабулы;

24) *компоненты «insulting» – «оскорбительное» и «almost taboo» – «почти табу» в дополнительной социально-исторической и социально-этико-стилистической параметризации инвективности вокабулы, выполняющий функцию комплексной социально-этико-стилистической пометы*: *Sambo,* gen in address. A Negro: coll.: from ca. 1800, orig. US. (Nautically, any Negro rating.) Ex S.E. sense, a Negro with a strain of Indian or European blood. It occurs in John Atkins, *A Voyage to Guinea, Brasil, and the West-Indies,* 1735. (Moe.) In later C.20, *insulting and, in polite circles, almost taboo* (P.B.).

Такова система этико-стилистических дескрипторов англоязычных афроэтносоциолектизмов конца XX века. Но XXI век уточняет некоторые из них, добавляет другие, что, однако, является объектом специального исследования.

Библиографический список

1. *Barrère A., Leland Ch.G.* A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. Vol. 2. L-Z. – London: Georg Bell & Sons, 1897. – 415 p.

2. *Farmer J.S., Henley W.E.* Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. / Compiled and Edited by J.S. Farmer & W.E. Henley. Revised Edition 1909 (Original Issue 1890). Vol. I. A-B / Printed for Subscribers Only. – London: Thos. Poulter and Sons, Limited, MCMIX. – 461 p.

3. *Grose F.* A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. The Third Edition, Corrected and Enlarged. – London: Printed for Hooper and Wigstead, 1796. – XV (далее страницы без нумерации ≅ 238 p.).

4. *Hotten J.C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new edition, revised and corrected, with many additions. – London: Chatto and Windus, Publishers, 1874. – X, 380 p.

5. *Partridge E.* The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / Tom Dalzell (Senior Editor) and Terry Victor (Editor). – Routledge, 2008. – XVIII, 721 p.

6. *Spears R.A.* Forbidden American English. A Serious companion of taboo American English. – София: Народна култура, 1992. – XX, 225 p.

7. *Wilkes G.A.* A dictionary of Australian colloquialisms. – London; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1978. – XII, 370 p.

УДК 882.09

Ивкова Елена Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ivkova.elena@gmail.com

УСЛОЖНЁННЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)

В статье рассматриваются усложнённые сложноподчинённые предложения на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Особое внимание уделяется контаминированным конструкциям, выявляется продуктивность их структурных моделей, анализируются их основные структурно-семантические типы.

Ключевые слова: *сложноподчинённое предложение, контаминированные конструкции, структурная модель, союз, художественный текст.*

Многокомпонентные сложные предложения являются частотной синтаксической единицей в текстах художественной литературы. Этот факт можно объяснить тем, что они обладают «способностью при значительном количестве компонентов быть, благодаря свойству компактности, целостной языковой единицей, передающей тончайшие оттенки мысли и обладающей огромными экспрессивными и текстообразующими возможностями» [6, с. 207].

На сегодняшний день актуальным остаётся исследование языковой ткани произведений Л.Н. Толстого, его уникального синтаксиса. Так, одной из важнейших черт, определяющих своеобразие синтаксиса Толстого, является широкое использование многокомпонентных сложноподчинённых предложений (МСПП), в частности МСПП контаминированного типа. Как отмечает Г.Ф. Калашникова, способы контаминации весьма разнообразны именно в предложениях со сложноподчинённой структурной основой [5, с. 51]. Усложнёнными МСПП контаминированного типа мы называем конструкции, чей структурный минимум состоит из четырёх компонентов и которые сочетают в себе соподчинение и последовательное подчинение придаточных [7, с. 134].

Материалом для исследования послужил текст романа «Война и мир», который считается эталонным по многим параметрам: морально-этическим, художественно-изобразительным, лингвистическим. Отразив важный этап в развитии и становлении системы современного русского литературного языка, он продолжает служить живым источником и непревзойдённым образцом художественного слова. С лингвистической точки зрения язык романа выступает мерилом норм русского литературного языка. Достаточно сказать, что многие словарные статьи академических толковых словарей современного русского литературного языка иллюстрируются примерами из этого произведения (см. напр., в МАС [8, т. 1, с. 469, 471, 473, 475; т. 2, с. 239, 245, 264 и т.д.]). Образцовыми также считаются синтаксические построения в романе, отличающиеся структурной и семантической сложностью. Кроме того, дополнительный интерес представляет возможность сравнить интересующие нас конструкции на русском языке с соответствующими на французском в этом двуязычном произведении.

Цель данной статьи – выявить в тексте романа наиболее продуктивные структурные модели МСПП контаминированного типа, описать основные структурно-семантические типы данных конструкций.

При рассмотрении МСПП мы опирались на структурно-семантическую классификацию сложноподчинённых предложений в интерпретации Л.Ю. Максимова [7, с. 33–135]. В рамках данного подхода выделяют две основные группы сложноподчинённых предложений: сложноподчинённые предложения с придаточными, распространяющими одно из слов главной части (предложения нерасчленённого типа) и с придаточными, соотносящимися со всей главной частью в целом (предложения расчленённого типа). Таким образом, степень спаянности компонентов сложноподчинённого предложения различна.

В отличие от научного стиля, где предложения контаминированной структуры являются самым малочисленным структурным типом МСПП [3, с. 14], в художественной литературе данный структурный вариант представлен достаточно широко. Так, общая представленность МСПП контаминированного типа в тексте романа составляет более 30% от всех МСПП. Такая частотность контаминированных конструкций показывает, что их многомерная иерархическая структура лучше всего подходит для передачи мысли и её тончайших оттенков интересах изобразительности.

Большинство МСПП контаминированного типа в романе – четырёхкомпонентно (43,3%). Широко представлены пятикомпонентные модели (29,7%). Малопродуктивны шести- (13%) и семикомпонентные конструкции (10,7%). 3% приходятся на восьми-, девяти- и десятикомпонентные предложения. Предельным по количеству компонентов является сложноподчинённое предложение, включающее в себя двенадцать придаточных (0,3%). Таким образом, самой частотной является конструкция с минимальным количеством компонентов для данного структурного типа.

 © Ивкова Е.Ю., 2013

Среди МСПП с минимальным количеством компонентов наиболее продуктивными являются предложения, построенные по следующим моделям: предложения с двумя соподчинёнными придаточными I степени и одним придаточным II степени, поясняющим первую или вторую из соподчинённых частей (80%). Причём употребительность предложений, в которых поясняется второе придаточное I степени, выше (63,5%). Покажем структурные особенности исследуемых нами МСПП на следующих примерах: 1) *Чувство это исчезло,* ***как скоро*** *князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни, но он знал,* ***что*** *это чувство,* ***которое*** *он умел развить, жило в нём* [9, т. 2, с. 552]; 2) *А я именно хочу сказать вам,* ***чтоб*** *избежать недоразумений,* ***что*** *вы очень ошибётесь,* ***ежели*** *причтёте меня и мою мать к числу этих людей* [9, т. 1, с. 91]; 3) *Берг, как и обыкновенно, молчал,* ***когда*** *дело касалось не лично его, но по случаю анекдотов о вспыльчивости великого князя с наслаждением рассказывал,* ***как*** *в Галиции ему удалось говорить с великим князем,* ***когда*** *он объезжал полки и гневался за неправильность движения* [9, т. 1, с. 345]; 4) ***Когда*** *старик стал говорить слишком громко, Сперанский улыбнулся и сказал,* ***что*** *он не может судить о выгоде или невыгоде* ***того, что*** *угодно государю* [9, т. 2, с. 606]; 5) *Полковник рассказал,* ***что*** *манифест об объявлении войны уже вышел в Петербурге и* ***что*** *экземпляр,* ***который*** *он сам видел, доставлен ныне курьером главнокомандующему* [9, т. 1, с. 101].

Как видно из приведённых примеров, придаточные I степени чаще всего неоднородны. Самое частотное второе придаточное I степени – изъяснительно-объектное. Чаще оно поясняется присубстантивно-атрибутивным придаточным при помощи относительного местоимения *который*, придаточным местоименно-соотносительного типа, а также придаточными условия, времени, распространяющими всю главную часть. С главной частью такие придаточные почти всегда связаны синтаксическим союзом *что*, наиболее частотным из союзных средств подобного типа [7, с. 64]. Однако у Толстого нередки случаи употребления союза *как*, который придаёт ситуации динамический характер (см. пример 3). Что касается первого придаточного I степени, то здесь наиболее частотными являются придаточные, соотносящиеся со всей главной частью в целом: придаточные условия, цели, времени.

Не менее продуктивными являются четырёхкомпонентные конструкции, построенные по следующей модели: предложения с одним придаточным I степени и двумя придаточными II степени (20%): 1) *Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно* ***оттого, что*** *князь Андрей в высшей степени соединял все* *те* *качества,* ***которых*** *не было у Пьера и* ***которые*** *ближе всего можно выразить понятием – силы воли* [9, т. 1, с. 57]; 2) *Наташа, сидевшая против него, глядела на Бориса,* ***как*** *глядят девочки тринадцати лет на мальчика, с* ***которым*** *они в первый раз только что поцеловались и в* ***которого*** *они влюблены* [9, т. 1, с. 101]; 3) *Он (Пьер) хотел решиться, но с ужасом чувствовал,* ***что*** *не было у него в этом случае* *той* *решимости,* ***которую*** *он знал в себе и* ***которая*** *действительно была в нём* [9, т. 1, с. 301)]; 4) *Она (Наташа) всё думала о* ***том, что*** *никто никак не может понять* *всего,* ***что*** *она понимает и* ***что*** *в ней есть* [9, т. 2, с. 637]; 5) *Видно было,* ***что*** *там, в задних комнатах,* ***откуда*** *они все так стремительно прибежали, у них были разговоры веселее,* ***чем*** *здесь о городских сплетнях, погоде и compesse Apraksine* [9, т. 1, с. 71].

В приведённых примерах придаточные II степени чаще однородны. Они выражают присубстантивно-атрибутивные отношения и присоединяются к главной части относительным местоимением *который*. Соотносительные слова (указательные местоимения *те, той* или местоименное наречие *там*), придающие отношениям выделительный характер, устанавливают более тесную связь между главной и придаточной частями (см. примеры 1, 3, 5). Стоит отметить, что в придаточных сравнительно-объектного типа Толстой отдаёт предпочтение разговорному союзу *чем* (см. пример 5), тогда как в книжном языке первой половины XIX века преобладает союз *нежели* [1, с. 406].

Исследование МСПП контаминированного типа показало, что возможности усложнения данных конструкций различны. Вслед за Г.Ф. Калашниковой мы полагаем, что потенциальные возможности усложнения структуры МСПП больше у конструкций с соподчинением и последовательным подчинением придаточных [5, с. 49]. Приведём примеры: 1) *Во втором ряду с правого фланга, с* ***которого*** *коляска обгоняла роты, невольно бросался в глаза голубоглазый солдат, Долохов,* ***который*** *особенно бойко и грациозно шёл в такт песни и глядел на лица проезжающих с* *таким* *выражением,* ***как будто*** *он жалел* *всех,* ***кто*** *не шёл в это время с ротой* [9, т. 1, с. 180]; 2) *Даже* *те* *из членов,* ***которые****, казалось, были на его стороне, понимали его по-своему, с ограничениями, изменениями, на* ***которые*** *он не мог согласиться,* ***так как*** *главная потребность Пьера состояла* *именно в том,* ***чтобы*** *передать свою мысль другому* *точно* *так,* ***как*** *он сам понимал её* [9, т. 2, с. 616].

Из примеров видно, что «развёртывание» сложного предложения происходит за счёт появления новых уровней синтаксической иерархии. Так, второе придаточное I степени, которое, как мы уже видели, больше приспособлено к «нагнетению» (выражение Г.Ф. Калашниковой) информации, усложняется двумя и тремя придаточными. Придаточные I уровня чаще всего – нерасчленённого типа. В приведённых примерах это придаточные присуб-

стантивно-атрибутивные, связанные с главной частью с помощью союзного слова *который.*

Несмотря на сложную организацию, усложнённые МСПП контаминированного типа широко используются Толстым не только в авторском повествовании, но и активно вводятся им в речь персонажей: 1) ***Ежели*** *ты ждёшь от себя чего-нибудь впереди,* ***то*** *на каждом шагу ты будешь чувствовать,* ***что*** *для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной,* ***где*** *ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом…* [9, т. 1, с. 55–56]; 2) *Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет, не женись* ***до тех пор, пока*** *ты не скажешь себе,* ***что*** *ты сделал всё,* ***что*** *мог, и* ***до тех пор, пока*** *ты не перестанешь любить ту женщину,* ***какую*** *ты выбрал,* ***пока*** *ты не увидишь её ясно, а* ***то*** *ты ошибёшься жестоко и непоправимо* [9, т. 1, с. 55]; 3) ***Ежели*** *я вижу, ясно вижу эту лестницу,* ***которая*** *ведёт от растения к человеку,* ***то*** *отчего же я предположу,* ***что*** *эта лестница,* ***которой*** *я не вижу конца внизу, она теряется в растениях* [9, т. 2, с. 551]; 4) ***Ежели*** *правда,* ***что*** *мосье Денисов сделал тебе предложение,* ***хотя*** *это и смешно,* ***то*** *скажи ему,* ***что*** *он дурак, вот и всё* [9, т. 2, с. 489]; 5) *Я знаю,* ***что*** *я всегда буду первою confidente моих дочерей и* ***что*** *Николенька, по своему пылкому характеру,* ***ежели*** *будет шалить (мальчику нельзя без этого),* ***то*** *всё не* ***так, как*** *эти петербургские господа* [9, т. 1, с. 74]. 6) *И веришь ли мне,* ***ежели*** *я ещё дорожу жизнью,* ***то*** *дорожу только* ***потому, что*** *надеюсь ещё встретить такое небесное существо,* ***которое*** *бы возродило, очистило и возвысило меня* [9, т. 1, с. 551]; 7) *Я никого знать не хочу, кроме тех,* ***кого*** *люблю; но* ***кого*** *я люблю,* ***того*** *люблю* ***так, что*** *жизнь отдам, а остальных передавлю всех,* ***коли*** *станут на дороге* [9, т. 2, с.468].

Как видно из примеров, чаще всего Толстой использует предложения усложнённого типа в речи Андрея Болконского и Пьера Безухова, людей образованных, хорошо владеющих литературным языком. Предложения эти обычно включают от четырёх до семи компонентов. Стоит отметить тот факт, что усложнённые предложения нередки и в речи второстепенных персонажей, таких как графиня Ростова, Николай Ростов, Долохов (см. примеры 4, 5, 6, 7). Из приведённых примеров видно, что доминируют конструкции с двойным союзом *ежели… то* с препозицией придаточной части. Формируя более тесную связь с главной частью, они выражают отношения взаимообусловленности (см. примеры 1, 3, 4, 6). Интересно отметить тот факт, что у Толстого в условных придаточных чаще всего можно встретить союз ***ежели***, который в первой половине XIX века употребляется без специальной стилистической окраски [1, с. 411]. Находясь в интерпозиции, придаточное условное выражает добавочный оттенок, подчёркивая важность условия (см. пример 5). В речи Долохова автор использует условное придаточное в постпозиции с союзом *коли* (см. пример 7), тем самым придавая его слогу налёт просторечия. Таким образом, мы согласны с теми исследователями, которые отмечают, что Толстой активно вводит МСПП контаминированного типа в реплики своих персонажей, приспосабливая эту книжную конструкцию к условиям устного речевого общения [4, с. 77].

Приведём ещё примеры использования усложнённых МСПП контаминированной структуры, но уже во внутренней речи героев, а именно Николая Ростова и Андрея Болконского: 1) *Знаю,* ***что*** *ты велик и* ***что*** *грех тебя просить об этом; но, ради бога, сделай,* ***чтобы*** *на меня вылез матёрый и* ***чтобы*** *Карай, на глазах дядюшки,* ***который*** *вон оттуда смотрит, влепился ему мёртвой хваткой в горло* [9, т. 2, с.702]; 2) *Мало того,* ***что*** *я знаю всё* ***то, что*** *есть во мне, надо,* ***чтоб*** *и все знали это: и Пьер, и эта девочка,* ***которая*** *хотела улететь в небо, надо,* ***чтобы*** *все знали меня,* ***чтобы*** *не для одного меня шла моя жизнь,* ***чтобы*** *не жили они так,* ***как*** *эта девочка, независимо от моей жизни,* ***чтобы*** *на всех она отражалась и* ***чтобы*** *все они жили со мною вместе!* [9, т. 2, с. 597].

Благодаря контаминированному подчинению во внутренних монологах Николая Ростова и Андрея Болконского мы видим сам процесс формирования мысли. Как отмечает В.В. Виноградов, создается иллюзия, что синтаксическая фраза у Толстого не движется по заранее обдуманной и замкнутой логической схеме, как в книжном языке, а непосредственно отражает ход мысленно произносимой, как бы импровизируемой монологической речи [2, с. 142].

Характерной особенностью многокомпонентных структур является их насыщенность средствами связи (стечение союзов). Чаще всего в предложении контактируют синтаксический и семантический союзы: 1) *–Я буду мост зажигайт, – сказал он торжественным тоном, как будто бы выражал этим,* ***что, несмотря на*** *все делаемые ему неприятности, он всё-таки сделает то, что должно* [9, т. 1, с. 214]; 2) *Когда он несколько успокоился, он объяснил Ростову, что живёт с матерью,* ***что, ежели*** *мать увидит его умирающим, она не перенесёт этого* [9, т. 2, с. 450].

Исследованный материал показал, что Л.Н. Толстой, будучи мастером художественного слова, широко использовал всё структурное многообразие МСПП современного русского языка. Наиболее полное и яркое выражение в синтаксисе романа «Война и мир» получили усложнённые конструкции контаминированного типа. Внешне очень громоздкие, но ёмкие и точные по смыслу фразы как нельзя лучше передают душевное состояние героев, объясняют ход их мыслей. Несмотря на свою кажущуюся сложность, они легко воспринимаются читателями.

Библиографический список

1. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.

2. *Виноградов В.В.* О языке Толстого: (50–60-е годы) // Л.Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – Кн. I. – С. 117–220.

3. *Ганцовская Н.С.* Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. – М., 1967. – 19с.

4. *Ганцовская Н.С.* Особенности употребления сложноподчинённых предложений с несколькими придаточными в пьесах Л.Н. Толстого // Язык и стиль Л.Н. Толстого: межвуз. сб. науч. трудов. – Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1984. – С. 72–78.

5. *Калашникова Г.Ф.* Многокомпонентные сложные предложения с союзной связью в современном русском языке: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1981. – 43 с.

6. *Калашникова Г.Ф.* Перспективы исследования полипредикативных сложных предложений // Развитие теории полипредикативных сложных предложений в русле традиций харьковской лингвистической школы: коллективная монография. Выпуск III. – Харьков: ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. – С. 207–211.

7. *Крючков С.Е.,* Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.

8. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русс. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985.

9. *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 2 кн. Кн. 1, 2. – М.: Изд-во Эксмо, 2012. – 1856 с.

УДК [811.161.1 + 811. 112.2] '373.7

Ланина Анна Николаевна
Международный гуманитарный университет (г. Одесса, Украина)
lanina_anna@mail.ru

РЕАЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЖИВОТНЫМ МИРОМ КАК АКТИВНЫЙ ИСТОЧНИК МОТИВАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗООСЕМИЗМАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется семантика фразеологизмов с зоокомпонентами в лингвокультурологическом аспекте, рассматривается образное содержание зоофразеологизмов, основанных на реальных наблюдениях за животным миром.

Ключевые слова: *фразеологизм, зоосемизм, наблюдение, национально-культурная специфика, мотивация.*

Исследование семантики ФЕ с зоосемизмами имеет свои особенности. С одной стороны, отличительной чертой значения зоофразеологизмов является, на наш взгляд, доминантная роль компонента-зоосемизма в формировании целостного значения превалирующего количества фразеологизмов. Это обусловлено рядом признаков: 1) образным потенциалом зоосемизмов; 2) соотнесённостью зоокомпонента с объективной действительностью; 3) ассоциативно-образной природой зоосемизма; 4) эмотивно-оценочным потенциалом зоосемизма; 5) национально-культурной коннотацией зоокомпонента. С другой стороны, фразеологизмы с зоосемизмами отличаются ярко выраженным антропометрическим характером, то есть своеобразным измерением обозначаемого с точки зрения человека как меры всех вещей.

Более того, абсолютное большинство фразеологизмов с зоокомпонентами являются семантически ориентированными на человека, что приобретает особую значимость в силу специфики самого объекта исследования.

Цель данной статьи – рассмотреть образное содержание зоофразеологизмов, основанных на реальных наблюдениях за животным миром, с привлечением данных этологии – науки о поведении животных в естественных условиях, а также учетом сведений охотников и лесоводов.

Такая необходимость обусловлена самим значением фразеологизмов с зоосемизмами, которое тесным образом связано с эмпирическим освоением действительности и её отражением в национально-языковом сознании. Животный мир относится к «старейшим», «ядерным» областям реального мира, «которые в первую очередь становились объектами номинации со стороны языкового сознания и объектами научной систематизации со стороны научного сознания» [5, с. 24–25].

Фактический материал показывает, что в процессе наблюдения за животным миром человек выделял наиболее яркие признаки животного, характеризующие его внешний вид или характер, отмечал поведение животного в разных ситуациях. Помимо этого, люди выражали свои чувства и эмоции к происходящему: практически каждое животное получило человеческую оценку по отношению к себе и своему образу жизни, чаще негативную.

Проанализированный нами материал позволяет выделить следующие наблюдения человека за

© Ланина А.Н., 2013

животным миром, нашедшие отражение в русской зоофразеологии.

1. Наблюдения за внешним видом животного:

1) части тела животного (лицо, глаза, шея, руки, ноги, хвост и т.д.): *шея как у* ***жирафа***; длиннорукий *как* ***орангутанг***; *когти как у* ***кошки***; *ноги как у* ***слона***; *зад как у ломовой* ***лошади***; *кудрявый как* ***баран***; *толстый как* ***барсук*** и многие др.; 2) волосяной покров / грива: *волосатый как* ***горилла***; *колючий как* ***ёж*** и пр.; 3) окрас животного: *пятнистый как* ***леопард***; *чёрный как* ***ворон***; *рыжая как* ***лиса***; *пожелтеть как* ***канарейка***; *яркий (пёстрый) как* ***попугай*** и т.д.; 4) размер: *здоровый как* ***лось,*** *жирный как* ***свинья***; *худой (тощий) как цыганская* ***лошадь***; *большой (огромный) как* ***слон***; 5) эстетический вид животного: *грязный как* ***свинья***; *ободранная* ***кошка*** и т.п.; 6) возраст: *был* ***конь,*** *да изъездился*; *не годится и* ***мышей*** *ловить.*

2. Наблюдения за характером животного (лень, жадность, трусость, злость, хитрость, смелость и т.п.): *покорный как* ***мул***; *что ни* ***конь***, *то норов*; *злой как цепной* ***пёс***; *выносливый как* ***лось***; *хитрый как* ***лиса*** и др.

3. Наблюдения за действиями животного. Перемещение животного в пространстве (лазание, прыганье, ходьба, прыжки, полёт, ползание и т.п.): *переть как* ***конь***; *скакать (нестись, мчаться) как* ***лошадь***; *ползти как* ***тюлень***; *плавать как* ***морж***; *пятиться* ***раком*** и т.д.

4. Наблюдения за организмом животного: 1) физиологические потребности и состояния организма животного (усталость, страх, голод, сон и пр.): *голодный как* ***волк***; *усталому* ***коню*** *хомут не хомут*; *от всего шарахается как пугливая* ***лошадь***; *спать как* ***заяц*** и пр.; 2) физиологические особенности организма животного (звуки, которые издаёт животное, запах животного, зрение, слух и т.д.): ***волком*** *выть*; *вонять* от кого *как от* ***козла***; *зоркий как* ***рысь***; *слух как у* ***кошки,*** *плодовитая как* ***крольчиха*** и пр.; 3) физические данные животного (грациозность, ловкость, сила): *грациозная как* ***лань***; *сильный как* ***медведь***; *ловкий как* ***кошка*** и многие др.

5. Наблюдения за отношением человека к животному миру: 1) взаимоотношения человека с животным: *не дразни* ***собаку,*** *так не укусит*; *тянуть* ***кота*** *за хвост*; *тереться вокруг как* ***кошка*** и др.; 2) кормление животного, уход за ним: *откормить как* ***борова***; *кормить как* ***свинью***; *сегодня в чести, а завтра* ***свиней*** *пасти*; *искать* ***блох***; *швырнуть как* ***собаке*** *кость* и др.; 3) использование животного в качестве рабочей силы; в научно-исследовательских целях: *пахать как* ***лошадь***; *работать как* ***бык*** *в ярме*; *нагружать как на* ***ишака***; *гнать* ***лошадей***, *подопытный* ***кролик*** и т.д.; 4) использование в целях пропитания: *доить как* ***козу***; *доить как* ***корову***; *дойная* ***корова***; 5) наказание животного человеком: *быть* ***бычку*** *на верёвочке*; *ткнуть* кого куда *носом [мордой] как* ***котёнка***; *драть как сидорову* ***козу***; 6) убийство животного (часто на охоте) с целью пропитания или для продажи: *зарезать как* ***барана***, *перестрелять как* ***перепелов***; *погнаться за двумя* ***зайцами***; *травленый* ***волк***; *выкуривать как* ***лису*** *из норы* и т.д.; 7) истребление, улов животного: *убивать как бешеных* ***собак***; *вздёрнуть как* ***собаку***; *попасть как* ***мышь*** *на сало*; *раздавить как* ***таракана (тараканов)*** и т.д.

6. Наблюдения за отношениями между животными: 1) нападение, законы выживания в животном мире: *вцепиться в горло как* ***тигр***; *накинуться* на кого *как* ***коршуны*** *на падаль*; *крадёт* ***волк*** *и считанную* ***овцу***; *как* ***кошка*** *с* ***собакой***; *как* ***пауки*** *[в банке]* и пр.; 2) поведение животного среди своих: *с* ***волками*** *жить – по-волчьи выть*; *сбиваться в кучу как* ***овцы***; ***ворон ворону*** *глаз не выклюет*; 3) отношение к потомству: *таскать с собой как* ***кошка котят***; *носиться с кем как* ***наседка*** *с* ***цыплятами***; *брать за шиворот как* ***котёнка***; *раскрывать рот как* ***воронёнок*** и др.; 5) брачный период животных: *ворковать как голубки*; ***кот*** *мартовский*; *плодиться как* ***кролики***; *токовать как* ***тетерев*** *на току* и пр.

7. Наблюдения за ситуацией: 1) животное и пища: *как* ***кот*** *на сало*; *знает* ***кошка,*** *чьё мясо съела*; *был бы хлеб, а* ***мыши*** *будут*; *ввалился как* ***мышь*** *в закром*; *лететь как* ***пчелы*** *на мёд* и т.д.; 2) животное в разных сложных ситуациях (в западне, в замкнутом пространстве, нелегких условиях): *метаться как* ***крыса*** *в западне*; *метаться как* ***тигрица*** *в клетке*; *ходить как* ***корова*** *по льду*; *биться как* ***рыба*** *об лёд* и пр.; 3) существование животного: *жить как* ***собака***; *жить как* ***свинья***; *как* ***рыба*** *в воде*; *как* ***птица*** *небесная*; 4) смерть животного: *кончить как* ***собака***; *мрут (дохнут) как* ***мухи***; *умереть как* ***пёс*** *под забором* и др.; 5) вред, причиняемый животным: ***мыши*** *съели*; *как* ***молью*** *изъеденный*; *жалить как ядовитое* ***насекомое***; *какая* ***муха*** *укусила?* и др.

Многочисленные ФЕ с зоосемизмами, мотивированные объективным окружающим миром, представляют особый интерес для исследователя. С одной стороны, они являются тем пластом зоофразеологии, который в наибольшей степени отражает универсальные черты при различных лингвокультурологических изысканиях в сопоставительном аспекте. С другой стороны, раскрытие их образного основания с привлечением данных этологии и сведений охотников может помочь ответить на вопрос об источниках мотивации того или иного зоосемизма при межъязыковых расхождениях.

В качестве подтверждения универсальности наблюдений за животным миром показателен зоосемизм ***волк***, которому в составе фразеологизмов присущи многие характеристики в русском языке, например, ‘прожорливость’. По наблюдениям охотников, «за один приём волк после недельного голодания съедает от 4 до 8 кг мяса из расчета того,

что есть ему приходится не каждый день. Известны многочисленные факты того, что один волк съедал целиком зарезанную им овцу, а волчья семья за один прием съедала лося в 130–140 кг весом» [7, с. 348]. А. Брем пишет: «Подвижность и сила волка приводят к усиленному обмену веществ в его организме, а, следовательно, ему требуется большее количество пищи, в результате чего этот хищник везде, где он появляется, истребляет множество доступных ему животных» [2, с. 1001].

Данный факт нашёл отражение в следующих фразеологизмах с зоосемизмом ***волк*** в русском языке: *глотать* что *[жадно] как* ***волк*** Неодобр. ‘о человеке, жадно, алчно глотающем какую-л. пищу’ [6, с. 68]; *голоден (голодный) как* ***волк*** Неодобр. ‘об очень голодном, готовом съесть что угодно человеке’ [6, с. 68] [4, с. 40]; *аппетит* у кого *как у* ***волка*** [6, с. 68]; *прожорлив (прожорливый) как* ***волк*** неодобр. или ирон. ‘о крайне прожорливом, ненасытном человеке’ [6, с. 68]. Аналогично в немецком языке: *(er war) hungrig wie ein* ***Wolf*** [(он был) голоден как волк] Разг. ‘имел большой голод’ [9; 10; 1, с. 628]; *einen* ***Wolfs****hunger haben* [волчий аппетит иметь] [11, с. 1743].

Приведём еще один пример. Одной из особенностей жизни ***волков*** является организация их отношений, проживание в стае, где они «держатся вместе, помогают друг другу при нападении на добычу и созывают других волков своим воем» [2, с. 999]. «В жизни волчьей стаи имеет место строгая иерархия, которая основывается не столько на силе и агрессивности, сколько на признании за членами своего сообщества других, более весомых качеств» [3, т. 1, с. 348]. Эти наблюдения за жизнью ***волков*** легли в основу следующих зоофразеологизмов в русском языке: *так и быть, с* ***волками*** *выть* [3, т. 1, с. 232]; *либо с* ***волками*** *выть, либо съеденному быть* [3, т. 1, с. 232]; *с* ***волками*** *жить – по-волчьи выть* ‘человек бывает вынужденным приноравливаться к окружающим, поступать так же, как те, в общество которых он попал, принимать их образ жизни (обычно предосудительный)’ [3, т. 1, с. 233]. Сравним в немецком: *mit den* ***Wölfen*** *muß man heulen* [с волками нужно выть] ‘приспосабливаться к любому окружению, следовать плохому обществу’ [11, с. 1742; 1, с. 628].

Обратим внимание на то, как соотнесение образного основания зоофразеологизмов с объективной действительностью может помочь в раскрытии мотивированности культурной коннотации. По мнению, В.Н. Телия, «оперирование источниками интерпретации, равно как и её образными основаниями как фрагментами мировидения – это те “банки данных”, на основе которых выполняется лингвокультурологический анализ» [8, с. 238].

Проанализированный нами материал показывает, что фразеологизмы с зоосемизмами, в основании которых лежат наблюдения за внешним видом животного, физиологическими потребностями, физическими способностями животного, его непосредственными физическими действиями, а также отношениями между особями не имеют значительных расхождений в русском и немецком языках. В то же время наблюдения за **характером** и **поведением** животных, нашедшие отражение в зоофразеологии, обнаруживают существенные отличия в исследуемых языках, выступая стереотипами и эталонами того или иного качества человека в разных языках.

Поясним сказанное на примерах фразеологизмов с зоосемизмом ***барсук.*** Барсук – хищный лесной пушной зверь из семейства куниц, ведущий преимущественно ночной образ жизни. К концу осени барсук начинает готовиться к зимней спячке, поэтому активно накапливает подкожный жир, слой которого достигает 4–5 см толщины, а вес животного увеличивается в два раза и более. Продолжительность зимнего сна в разных районах значительно различается (от 3 до 6–7 месяцев), на юге своего ареала барсук вовсе не впадает в спячку [2, с. 1500, 1511]. Данные сведения о барсуке легли в основу русских фразеологизмов *спать как* ***барсук*** – народн. ‘о крепко и долго спящем человеке’ [6, с. 27]; *толстый как* ***барсук*** – народн. неодобр. ‘о раскормленном, пухлом, жирном человеке’ [6, с. 27]. Аналогично в немецком языке: *schlafen wie ein* ***Dachs*** [спать как барсук] ‘очень глубоко и долго’ [9; 11, с. 299]; *essen wie ein* ***Dachs*** [есть как барсук] [11, с. 299].

Своеобразие существования барсука заключается в том, что он старается выкапывать свою нору в самых отдаленных и нелюдимых местах леса и проводит там бóльшую часть времени, так как вне её пределов может легко стать жертвой других животных. А. Брем пишет: «Нора барсука может использоваться, если ее не разрушать, в течение многих десятилетий и даже столетий. Она обновляется и расширяется каждым следующим поколением барсуков, постепенно превращаясь в «барсучий городок». На поверхности этот комплекс дополняется хорошо проторенными дорожками к местам кормежки, площадками для игр, местами для испражнения» [2, с. 1499]. Наблюдения за поведением барсука, привязанного к своему жилищу, расценивается русскими как ‘нелюдимость’ и ‘угрюмость’: *залезть* куда *как* ***барсук*** *в нору* – неодобр. ‘об одиноком, угрюмом, нелюдимом человеке, не любящем без необходимости выходить из дома, домоседе’ [6, с. 27]; *сидеть как* ***барсук*** *[в норе]* – неодобр. ‘об одиноком, нелюдимом и угрюмом человеке, домоседе’ [6, с. 27].

Интересны наблюдения за тем, как барсук покидает своё жилище: «он очень осторожно высовывает из отверстия норы половину головы, с минуту прислушивается и принюхивается и снова скрывается. Только удостоверившись таким обра-

зом несколько раз в безопасности, барсук решается наконец показаться из норы целиком; выйдя же наружу, он прислушивается и обнюхивает вокруг себя воздух еще раз и только после этого отправляется обычной мелкой рысцой в путь [2, с. 1503–1504]. По утверждению проф. Лутца Рёриха (Röhrich), молодые и совсем неопытные барсуки иногда пренебрегают данной осторожностью, бесстрашно покидая нору. На основе этого наблюдения в немецком языке возник фразеологизм *ein noch ganz junger* ***Dachs*** [еще совсем молодой барсук], означающий 'молодого, неопытного человека' и / или 'новичка в профессии' [9; 11, с. 299]. Характер и поведение молодого барсука часто расценивают как 'наглость': разг. *frech wie ein* ***Dachs*** [наглый как барсук]; *ein Frech**dachs*** [нахал-барсук] – фам., часто шутл. 'о нахальном ребенке, молодом человеке' [11, с. 299; 9].

Исследованный нами материал показывает, что наиболее продуктивным источником интерпретации ФЕ с зоосемизмами является объективный животный мир, эмпирически познаваемый и оцениваемый человеком. Изучение семантики зоофразеологизмов с привлечением данных этологии и наблюдений охотников открывает новые перспективы для анализа. Результаты такого исследования приобретают особую ценность при изучении национально-культурной специфики фразеологизмов с зоокомпонентами и способны внести некоторые коррективы относительно распространённого среди ученых мнения о произвольном характере фразеологических стереотипов и эталонов в той или иной культуре.

Библиографический список

1. *Бинович Л.Э.*, *Гришин Н.Н.* Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. д-ра М. Клаппенбах и К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.
2. *Брем А.* Жизнь животных [Электронный ресурс] / подгот. по кн. Брем А. Жизнь животных: в 13 т. / под ред. Н.М. Книповича. – 4-е изд. – СПб.: Рус. книжн. товарищество «Деятель», 1911–1916. – Электрон. дан. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. – Медиа, 2003.
4. *Козлова Т.В.* Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М.: Дело и Сервис, 2001. – 208 с.
5. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
6. *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Изд-во Норинт, 2003. – 608 с.
7. *Слепых В.* Современная русская охота. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 464 с.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
9. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache Idiomatik. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
10. Lingvo x3. Многоязычный электронный словарь. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. *Röhrich Lutz.* Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 3 Bd. – [3. Auflage (7. Gesamtauflage)]. – Herder; Freiburg; Basel; Wien, 1991.

УДК 811.112.2' 276.3-053.6

Рыбакова Елена Александровна
Московский городской педагогический университет
rybakov68@mail.ru

КОНТАМИНАЦИЯ КАК ПРИЁМ СОЗДАНИЯ ИГРЫ СЛОВ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена анализу контаминации – одному из приёмов игры слов на уровне словообразования в языке современной немецкой молодёжи.

Ключевые слова: *контаминация, языковая игра, язык молодежи, окказиональные единицы, комический эффект.*

В языке современной немецкой молодежи игра с формой слова наиболее ярко проявляется на уровне словообразования и морфологии. Благодаря играм на словообразовательном уровне растет количество лексических единиц, удовлетворяющих одномоментную жажду экспрессии и дающих выход эмоциям адресанта. Следует отметить, что соединение словообразовательных возможностей языковой системы и индивидуальных способностей говорящего/пишущего приводит к появлению в речи новых лексических единиц.

Результатом творческого словообразования являются окказионализмы, которые в молодежной коммуникации употребляются, как правило, «одноразово» и удовлетворяют сиюминутную потребность в игре. Они связаны с отклонениями от языковой нормы и обычно являются фактами речи. Однако, несмотря на окказиональность некоторых отдельных единиц, модели, по которым строятся эти единицы, имеют место в языке и указывают на актуальные тенденции развития языка.

Одним из ярких приемов создания окказионализмов на уровне словообразования в языке совре-

© Рыбакова Е.А., 2013

менной немецкой молодежи является контаминация. Она представляет собой тот прием языковой игры, в котором наглядно проявляется игра с формой слова. Контаминированные единицы интересны, прежде всего, с точки зрения создания ими комического эффекта, игры слов и эмоционально-экспрессивной функции.

Для анализа контаминированных единиц нами использовался неисследованный ранее материал, извлечённый из современных словарей молодёжного сленга, молодежных журналов, ресурсов Интернета. Современность исследуемого материала, который подвергается быстрому устареванию, также определяет новизну исследования.

Контаминация как приём словообразования получила широкое распространение в XX веке. Свое начало она берет в системе терминообразований в языке рекламы, откуда проникает и в нестандартную лексику. В. Хлебников называет этот прием скорнением. В немецкой литературе используется термин Wortverschmelzung (Хайберт, Райнерс).

Под контаминацией понимают «образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения частей двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями» [7, с. 172]. Словообразовательная шутка в окказиональных образованиях, созданных способом контаминации, основана на неожиданном, не всегда оправданном, с точки зрения узуса, соединения двух слов (частей слов) в одно. При контаминации когнитивные возможности игры слов проявляются в наиболее концентрированной форме. Контаминированное новообразование за счет слияния лексических единиц «вбирает в свою семантику все те смыслы или коннотации, которые привносятся его составляющими» [4, с. 224].

В.Н. Виноградова характеризует контаминацию как образование «сугубо окказиональное, искусственное, игривое, рассчитанное на эффект отстранения» [2, с. 176]. Новообразование приобретает комический оттенок не только за счет искусственной формы, но и в значительной степени семантической игры.

Часто контаминированные образования функционируют вне контекста, так как они информативно насыщены и уже содержат установку на комическое. Например: ***gool*** *(**g**eil + **c**ool)*, ***chillaxen*** *(**chill**en + rel**axen**)*, ***Stottel*** *(**Str**eber + Tr**ottel**)*, ***Niften*** *(**Ni**cht**en** + Ne**ff**en)*, ***Fantastilliarde*** *(**Fantas**ie + Mi**lliarde**)*, ***Blindine*** *(**blind** + Blond**ine**)* и др. Не нужно прилагать больших когнитивных усилий, чтобы понять значение данных контаминированных образований – их смысл складывается из семантики компонентов, образующих контаминированную лексическую единицу. Но когда окказионализм употреблен в контексте, его семантика более очевидна.

Единого термина для обозначения слов этой структуры нет. Контаминация, именуемая также телескопией, вставочным словообразованием, междусловным наложением, словослиянием, как механизм образования окказиональных слов-гибридов, широко используется в речи молодежи. Продукты контаминации в лингвистике называют «телескопы», «вставки», «слова-слитки», «слова-спайки», «контрактуры», «телескопические слова», «стяжения» и т.д.

Следует отметить, что предметно-логическое значение слов-слитков не является суммой значений составляющих их компонентов, и это семантически роднит их со словами сложной структуры. Формально в контаминированных новообразованиях представлены хотя бы одной буквой оба исходных слова. Ср. следующие примеры:

1. ***fjedn (fjeden)****(=au**f jeden** Fall)*
Sie: Kommste mit eine rauchen?
*Er: **Fjedn**.* [14]
*Lass ma **fjeden** so machen, Alda!* [18]
*Mach ich **fjedn**!* [12]
2. ***fjen*** *(= auf jeden Fall)*
A:Lass mal einen barzen.
*B:**Fjen**, alta!*
C:Cindy sieht in ihren weißen Stiefeln ja mal gut nutting aus!
*B:**Fjen**!* [10]

Контаминированное новообразование ***fjed(e)n*** возникло в результате соединения компонентов устоявшегося выражения «*auf jeden Fall*». Из трех слов выражения в телескопическом образовании представлены два первых слова, причем от первого слова взята лишь одна буква – последняя «*f*», а второе представлено в контаминированной единице полностью «*jeden*».

Примером образования контрактур, в котором одно из двух исходных слов представлено лишь одной буквой, может послужить также слово ***Mugel*** *(halb **M**ensch, halb K**ugel**)* – так называют полного человека.

*Jens:Schau dir mal **Mugel** an!*
John:Was?
*Jens:Ja **Mugel**, halb Mensch und halb Kugel!* [16]

Образование ***Mugel,*** возникшее в результате контаминации слов *Mensch* и *Kugel,* основное на сравнении полного человека ***Mugel*** с шаром *(Kugel)* (получеловек-полушар), вбирает в себя семантику обоих исходных слов, несмотря на то что слово *Mensch* в контрактуре представлено лишь одной буквой «*M*».

В структурном отношении контаминация представляет собой образование нового слова путем реализации разных моделей «скорнения» слов (термин В. Хлебникова).

Контаминация – это скрещивание (Wortkreuzung), как правило, двух лексических единиц, отклоненное от «нормальной» структуры. По

мнению Г.Н. Алиевой, при междусловном наложении возникает сложносокращенное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов. Сгущенная семантика и необычность таких слов служит основой для создания остроты высказывания и комического эффекта [1, с. 79–80].

А.Ю. Мурадян разработал классификацию, по которой образование слов-слитков, являющихся продуктом контаминации, осуществляется по одному из пяти формальных типов:

1) начало первого слова + целое второе слово;

2) целое первое слово + конец второго слова;

3) два целых слова, частично накладывающихся друг на друга в месте соединения;

4) начало первого слова + конец второго слова;

5) слово или часть его помещаются «внутри» другого исходного слова [5].

По нашим наблюдениям, образование телеоснов в языке молодежи осуществляется, как правило, по типу «агглютинации» (начало первого слова + конец (начало) второго слова). Телескопия основывается на двух словообразовательных «операциях» – усечении и словосложении [8].

В нашем материале встретилось достаточное количество контрактур (Klammerwörter), которые образованы путем выбрасывания средней части слова, вследствие чего сложное слово сводится только к своему первому и последнему элементам. В этом случае соединяемые слова формально равноправны.

Примером «типичного» телескопического слова, обладающего не только своеобразной формой, но и содержанием, может служить новообразование «***Schwachfug***». Ср.:

Ihre Argumentation ***Schwachfug*** *sondergleichen!* [10]

В результате соединения двух существительных литературного языка ***Schwach****sinn* и *Un****fug*** образовалась телеоснова ***Schwachfug*** (ерунда). К первому компоненту «*Schwach*» присоединился конец второго слова «*fug*». Неизвестно, какое значение имеет компонент «*fug*», так как его не удалось найти в немецкоязычных словарях.

Слово «***Schwachfug***» появилось сравнительно недавно. Оно пришло из мультсериалов о Ф. Фойерштейне и Б. Герельгеймере («*Yabadabadooh*»), где герои употребляли это слово в каждом втором предложении. Его внутреннюю структуру можно достаточно легко понять через исходные прототипы основ. Семантика этого слова, как и других, созданных путем телескопии, строится в основном на значениях, вытекающих из значений основ.

Введение контаминированной единицы ***Schwachfug*** в высказывание придает ему шутливо-ироничный оттенок.

Примерами «агглютинативных» контаминированных образований могут служить также контрактуры ***Spananien*** *(****Spa****nien + Ba****nanen****)* и ***kathogelisch*** *(****katho****lisch + evan****gelisch****).*

1) ***Spananien*** *(****Spa****nien + Ba****nanen****)*

Ulli: «Ey, Hans, fliegste dieses Jahr in 'Urlaub?»

Hans: «Ne, dieses Jahr geht's mit dem Auto wieder nach ***Spananien*** *an die Costa del Crime».* [16]

Видимо, солнечная страна Испания у молодых людей ассоциируется с таким фруктом, как банан, произрастающим в жарких странах, отсюда и возникло телескопическое слово ***Spananien****,* вбирающее в себя семантику слов *Spanien* и *Bananen* и выделяющееся своей шутливо-ироничной коннотацией.

2) ***kathogelisch*** (***katho****lisch + evan****gelisch***)

Amtmann: Welche Religion?

Birger: ***Kathogelisch***

Amtmann: Hää! Was?

Birger: Ich gehe in die Ökumenische Gottesdienste [16].

Шутливым оттенком отличается также словоспайка ***kathogelisch,*** в основе образования которого лежат две совершенно конкретные религии: католическая (*katholisch*) и евангелистская (*evangelisch*). Объединение этих двух слов, служащих для обозначения разных религий, в одно, привело к появлению слова ***kathogelisch,*** обозначающее что-то среднее между двумя вероисповеданиями.

Продуктами контаминации являются также глаголы, уместное включение которых в высказывание ведет к определенному перлокутивному эффекту. Так, в результате сочетаемости глагола с отрицательной коннотацией ***klau****en* и нейтрального глагола *kau****fen***, возник глагол ***klaufen*** (начало первого слова «***klau***» + конец второго глагола «***fen***»), означающий «прихватить, стянуть» и имеющий шутливый оттенок:

Laâ uns mal den Porsche ***klaufen***! [16]

«Hey! Coole Tasche. Wo hast du den die her? - Von XXX, hab ich mir dort aus dem Schlussverkauf ***geklauft****. -Waas? Erzähl mal! Wieviel? – 10 Euro.» – (Sprachlosigkeit)* [17].

Примерами контаминированных глаголов служат также глаголы ***drutschen*** и ***smirten***.

Телескопическое образование ***drutschen*** образовано от глаголов ***drücken*** и ***knutschen*** и охотно используется молодежью в качестве формулы прощания в чатах: ***drutschen*** *(****drü****cken + kn****utschen****).*

Also bis denner, ich ***drutsch*** *dich!* [10]

Контаминированное образование ***smirten***, столь охотно используемое сегодня современными молодыми людьми, образовано от двух англицизмов *to smoke* и *to flirt*. Вследствие запрета на курение в немецких школах появился новый вид знакомств молодых людей: знакомство в местах, специально отведенных для курения.

Smirten *(to* ***sm****oke + to fl****irt****)*

Ich habe vorhin in der Pause ein bisschen mit Marie ***gesmirtet*** [15, с. 112].

Sie hat einen Freund beim ***smirten*** *kennengelernt* [10].

Использование телескопического образования ***smirten*** несколько маскирует то обстоятельство, во

время которого произошло знакомство (во время курения).

Высказывания подобного рода кажутся молодым людям смешными из-за осознания их неправильности. Подобные слова-слитки вызывают улыбку из-за непривычности, необычности соединения нескольких слов в одной намеренной игровой словесной ассоциации. Игра основана на узнавании двух слов, объединенных в одно.

Телескопия относится к способу словообразования, позволяющему создавать номинативные единицы разного рода, в том числе и эмоционально-оценочного характера. В корпусе фактов имеются окказионализмы, отличающиеся шутливыми отрицательными коннотациями.

Выразительным как по форме, так и по содержанию и отличающимся значительным зарядом экспрессии можно считать окказионализм ***Videot***. Телеоснова ***Videot*** (любитель слишком часто и долго смотреть видеофильмы), возникшая с появления видеофильмов, образована по типу междусловного наложения. Мотивировка его значения основывается на компонентах: латинское *Video* (я вижу) и *Idiot*. Оба слова сохраняются полностью, но «наезжают» друг на друга.

Das sind doch alles ***Videoten*** [16].

Существительное ***Videoten*** образовано по аналогии с *Radiot (Radio + Idiot)*, последнее представлено в обиходно-разговорной речи с 1925 года. Ср. ***Videoten*** образовано из компонентов *Video + ideot(en)* (во втором компоненте «*Idiot*» – произошла замена гласного *i* на *e)*.

Установка на создание необычной формы, связанной с более образным оформлением речи, прослеживается на примере такого окказионализма, как ***Kritikalos***. Базой образования единицы ***Kritikalo*** (***Kritik***+*radi****kalo***) стали два слова греческого и латинского происхождения «*Kritikos*» и «*radix*». Она имеет значение «вечный критик» и имеет большую популярность среди школьников старших классов и студентов:

Die ***Kritikalos*** *gehen mir auf den Zeiger** [14].

*Zeiger (jsp.) = jemanden aufregen.

Die ***Kritikalos*** *sollte man in der Suppe dampfen* [11, с. 84].

Следующие контаминированные слова также наделены отрицательной коннотацией:

1) *Eine Frau, die im Omaalter noch einmal Mutter wird, ist eine* ***Moma*** [10].

Moma *(****M****ama +* ***Oma****)* – так несколько пренебрежительно, но в то же время с некой долей иронии называют женщину, которая в возрасте «бабушки» еще хочет родить детей и стать матерью.

2) *Machst du jetzt auch auf Profi –* ***Provokalo****?* (***prov****anos + radi****kalo***) [13].

Provokalo – так говорят о человеке, который постоянно всех провоцирует.

Шуточный эффект основывается здесь на достаточно распространенном «механизме» экспрессивизации – нарушении семантического согласования между составляющими слова, относящимися к абсолютно разным понятийным сферам [3]. Кроме того, в этих случаях налицо отрицательная оценка людей.

В этих примерах ассоциативная связь со вторым компонентом контаминированного слова сохраняется, что приводит к появлению иронической коннотации.

В корпусе собранных нами примеров имеются также окказионализмы, являющиеся продуктами контаминации, образованные путем слияния целого слова (первого или второго) и конца/начала первого или второго слова соответственно. Например, к началу первого слова добавляется целое второе слово и появляется контаминированное образование с явно выраженной семантикой обоих составляющих:

1) ***Alcoholidays*** *(****Alco****hol +* ***Holydays****)*

Oh, endlich haben wir ***Alcoholidays****!* [14]

Слово-слиток ***Alcoholidays***, употребляемое немецкой молодежью для обозначения отпуска, проведенного с большим количеством алкоголя, образовано от двух англицизмов: начало слова ***Alco****hol* и целое слово ***Holydays***. В окказионализме ***Alcoholidays*** без труда узнаваемы две его составляющие, значение контрактуры вобрало в себя значение обоих ее компонентов.

2) ***ñoolefonieren*** *(****cool*** *+ tel****efonieren****)*

Jetzt ***coolefonieren****!*

Na, klingelt 's bei dir? Dann warst du wohl im Coker – Fridge und beim Daily Star ein SGH – E720 Handy von Samstag gewonnen [9, с. 122].

В результате соединения целого первого слова-англицизма ***cool*** и конца немецкого слова *tel****efonieren*** возник окказионализм ***coolefonieren***, значение которого говорит о том, как здорово разговаривать по телефону. Следует заметить, что заимствования из английского языка пользуются в языке молодежи большой популярностью, в том числе и для образования контаминированных слов. Приведенный выше окказионализм – это слово-«гибрид» (термин Е.В. Розен [6, с. 151]), поскольку оно является результатом соединения иноязычного (английского) и немецкого компонентов.

Проанализированные примеры позволяют сделать вывод о том, что контаминация, являясь экспрессивным средством словообразования, позволяет адресанту привлечь внимание к своей речи и выразить свое отношение к чему-либо. Появляются образования, бросающиеся в глаза своей необычностью, но, как правило, сохраняющие семантику исходных слов, и в них узнаваемы те компоненты, из которых они образованы. Следует заметить, что игры с контаминированными словами пользуются популярностью в среде современной немецкой молодежи именно из-за их отклонения от «нормальной» структуры и выразительности за счет сгуще-

ния семантики (в одном слове объединена семантика сразу двух слов). Создание контаминированных единиц свидетельствует о большом потенциале словотворчества молодежи, о креативности молодежного языка.

Библиографический список

1. *Алиева Г.Н.* Окказиональные неологизмы последнего десятилетия // Русская речь. – 2006. – № 3. – С. 79–80.

2. *Виноградова В.А.* Стилистические аспекты русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184с.

3. *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126с.

4. *Мегентесов С.А., Сидорков С.В.* Специфика словообразовательных моделей в молодежном сленге и в просторечии: установка на смеховой эффект // Филология как средоточие знаний о мире: сб. науч. трудов. – М.; Краснодар: Просвещение; Юг, 2008. – С. 161–167.

5. *Мурадян А.Ю.* Словослияние в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1978. – 15с.

6. *Розен Е.В.* Как появляются слова? Немецкая лексика: история и современность. – М.: МАРТ, 2000. – 156с.

7. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. – 624 с.

8. *Синкевич Е.Н.* Телескопия как частный случай проявления аналогий // Коонотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. – Калинин, 1987. – С. 114–119.

9. Bravo [Zts.]. – 2005. – №3.

10. Duden. Neues Wörterbuch der Szenesprachen – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.szenesprachenwiki.de (дата обращения: 24.01.2013).

11. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck Verlag, 2008. – 179 s.

12. HÄ?? Jugendsprache unplugged 2013. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch. – Berlin; München: Langenscheidt, 2013. – 168 s.

13. Komma [Zts.]. – 2007. – №5.

14. Langenscheidt. Jugendsprache unplugged – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.jugendwort.de (дата обращения: 23.01.2013).

15. PONS. Wörterbuch der Jugendsprache 2009. – Stuttgart: Klett, 2008. – 141 s.

16. Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.mundmische.de (дата обращения: 15.12.2012).

17. Superslang – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.superslang.de (дата обращения: 01.02.2013).

18. Wörterbuch für Umgangssprache der Jetztzeit – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.sprachnudel.de (дата обращения: 10.01.2013).

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 356.351

Артюшина Ольга Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
PeOIN@yandex.ru

ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

На основе изучения и анализа теоретической базы и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о местном самоуправлении в статье рассматриваются необходимая его составляющая – предмет надзора.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, предмет надзора, законодательство о местном самоуправлении.*

Предмет надзора выступает составным и необходимым элементом прокурорского надзора за исполнением законодательства о местном самоуправлении.

А.Х. Казарина, обобщая высказанные в литературе суждения, полагает, что предметом прокурорского надзора является законность действий и правовых актов управомоченных органов и лиц [5].

Авторский коллектив учебника «Прокурорский надзор» под редакцией А.Н. Савенкова предмет прокурорского надзора определяет как «общественные отношения, возникающие между органами прокуратуры, осуществляющими прокурорский надзор, с одной стороны, и субъектами общественных отношений, вовлечёнными в эту деятельность, с другой» [8, с. 13]. При этом авторы отмечают, что, по сути, предметом прокурорского надзора являются правоотношения в сфере соблюдения и исполнения требований законов.

В.Ф. Крюков толкует предмет надзора как «юридически значимые действия или бездействие лиц, определённых федеральными законами в качестве поднадзорных субъектов, а также лиц, вступающих в отношения с прокурорами при осуществлении последними надзорных функций» [6, с. 31].

Авторы учебника «Прокурорский надзор» под редакцией Ю.Е. Винокурова под предметом надзора понимают сферу общественных отношений, на регулирование которой направлена деятельность прокурора [7, с. 15].

В.В. Гаврилов отмечает, что в качестве предмета должно быть определено исполнение законов, так как деятельность прокуратуры направлена именно на исполнение законов [4].

Наиболее полной и правильной представляется позиция М.С. Шалумова, который отмечает, что предметом надзора на каждом направлении является исполнение определённой группы законов, регулирующих относительно обособленные сферы общественных отношений, соответствующими группами органов [9].

В общем виде предмет надзора за исполнением законов определён в статье 21 Закона о прокуратуре [1] как соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых указанными органами.

Закон «О прокуратуре» в статьях 1, 21, 26 закрепляет положения о том, что органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов органами местного самоуправления и их должностными лицами; за соответствием законам издаваемых ими правовых актов; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами и должностными лицами местного самоуправления.

В соответствии с ч. 1 ст. 77 Федерального закона № 131 [2], органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов.

Из отмеченных положений следует, что компетенция прокуратуры в сфере надзора за законностью в системе местного самоуправления существенно шире, чем это закреплено в Федеральном законе № 131.

Соответственно, предметом прокурорского надзора в системе местного самоуправления является исполнение законов органами местного самоуправ-

© Артюшина О.Н., 2013

ления и их должностными лицами; соответствие законам их правовых актов; соблюдение прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления и их должностными лицами.

Также представляется необоснованным включение Федеральным законом № 131 в предмет надзора исполнение уставов и муниципальных правовых актов, так как думается, что данные акты должны проверяться именно на соответствие законам, то есть должна проверятся их законность. При этом указанное положение прямо противоречит ст. 1 Закона «О Прокуратуре»: на прокуратуру возложен надзор за исполнением законов, а устав муниципального образования и иные муниципальные правовые акты к ним не относятся. В объект прокурорского надзора может входить лишь соответствие данных актов Конституции России, федеральным законам или законам субъектов Федерации, но не их соблюдение. Помимо этого, сохранение требования о надзоре за исполнением устава муниципального образования и муниципальных правовых актов нарушает закреплённый Конституцией РФ принцип самостоятельности местного самоуправления. Отметим также, что в ранее действовавшем Федеральном законе 1995 года [3], в статье 51 содержалось подобное положение, однако в предмет надзора был включён лишь устав муниципального образования, а не все муниципальные правовые акты, что тоже противоречило законодательству о прокуратуре.

Кроме того, статья 77 Федерального закона № 131 закрепляет, что «…и другие уполномоченные федеральным законом органы осуществляют надзор…», что также представляется неверным по причине того, что надзорные функции свойственны лишь органам прокуратуры.

В связи с вышеизложенным, предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 77 Федерального закона № 131: «Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, за соответствием законам издаваемых ими правовых актов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 18 февраля. – № 39.

2. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – 8 октября. – № 202.

3. Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – 1 сентября. – № 170 (утратил силу).

4. *Беляев В.П.* Сущность надзора и некоторые пути его оптимизации // Российский следователь. – 2005. – № 12. (СПС «КонсультантПлюс»).

5. *Казарина А.Х.* Теоретические и прикладные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов экономической направленности: Дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2009.

6. *Крюков В.Ф.* Прокурорский надзор: учебное пособие. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. – 816 с.

7. Прокурорский надзор: учебник / Ю.Е. Винокуров и др.; под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2010. – 490 с.

8. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М., 2006. – 400 с.

9. *Шалумов М.С.* Проблемы функционирования Российской прокуратуры в условиях формирования демократического правового государства: Дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (К 95-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ)

Автор статьи анализирует ключевые положения Кодекса законов о труде РСФСР 1918 года, принятого в период практического осуществления государственной политики, получившей название «военный коммунизм». В работе обозначены характерные особенности формирования базовых институтов отечественного трудового права в условиях радикальных революционных преобразований и определено практическое значение первой кодификации трудового законодательства.

Ключевые слова: *систематизация, кодификация, Кодекс законов о труде, политика «военного коммунизма», трудовая повинность, охрана труда.*

Возьмём первый кодекс, который у нас уже проведён, – кодекс о труде. Это громадное завоевание Советской власти…

В.И. Ленин

Процесс систематизации отечественного трудового законодательства прошел достаточно сложный и противоречивый исторический путь. Анализ фабрично-трудового законодательства Российской империи позволяет констатировать довольно последовательную деятельность «царского самодержавия» по вопросам систематизации (упорядочения) данного законодательства.

Однако активный и целенаправленный процесс систематизации трудового законодательства в форме его кодификации наблюдается буквально на первоначальном этапе становления большевистской диктатуры.

Как известно, систематизация и кодификация соотносятся как родовидовые понятия. Систематизация законодательства (согласно современной теории права) – это «постоянная форма развития и упорядочения действующей правовой системы», а кодификация – это «форма коренной переработки действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способ качественного упорядочения законодательства, обеспечения его согласованности и компактности, а также расчистки нормативного массива, освобождения от устаревших, не оправдавших себя норм» [5, с. 347, 359].

Целью работы является создание общего представления о первом в российской истории Кодексе законов о труде РСФСР (далее КЗоТ, Кодекс).

Следует констатировать, что в течение первого года становления «диктатуры пролетариата» из-под пера советской власти вышло множество правовых нормативов (декретов, постановлений, инструкций и т.п.) по вопросам регламентации социально-трудовой сферы. Главными недостатками подобных нормативов были: внесистемность, хаотичность, казуистичность, противоречивость и др., что создавало значительные трудности при практическом их применении. Велением времени стала правовая унификация ключевых вопросов труда.

В декабре 1918 года был принят КЗоТ РСФСР. Принятие данного правового документа было продиктовано не только экономическими условиями, но и качественно новыми идеологическими установками и политическими требованиями. Как писал известный английский историк Э. Карр: «Труд был одной из форм служения государству: капиталистическая концепция соглашения о продаже и купле труда устарела» [2, с. 559].

Кодекс состоял из следующих структурных подразделений: Введение; Раздел I «О трудовой повинности»; Раздел II «Право на применение труда»; Раздел III «Порядок предоставления труда»; Раздел IV «О предварительном испытании»; Раздел V «О переводе и увольнении трудящихся»; Раздел VI «О вознаграждении за труд»; Раздел VII «О рабочем времени»; Раздел VIII «Об обеспечении надлежащей производительности труда»; Раздел IX «Об охране труда» [6, ст. 905].

Трудовая повинность. В.И. Ленин в резолюции «Об экономических мерах борьбы с разрухой», опубликованной в газете «Социал-демократ» № 64, 25 мая (7 июня) 1917 г., убеждал, что всеобщая трудовая повинность «одна лишь в состоянии осуществить наибольшую экономию сил народного труда» [4, с.170]. А в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» (опубликована в октябре 1917 г. в журнале «Просвещение» № 1–2) В.И. Ленин определил главное средство, практическое применение которого позволит реально не только «сломить какое бы то ни было сопротивление», но и «заставит работать в новых организационно- государственных рамках». Таким средством являлись – «хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность» [4, с. 184].

© Рощин Б.Е., 2013

Всеобщая трудовая повинность, которая устанавливалась и активно применялась на практике для всех, как правило, граждан РСФСР (в т.ч. для учащихся всех школ, которым предписывалось выполнять трудовую повинность в школе). В то же время, освобождению от трудовой повинности подлежали такие категории граждан, как: несовершеннолетние (лица, не достигшие 16-летнего возраста); лица старше 50 лет; лица, «навсегда утратившие трудоспособность вследствие увечья или болезни».

Право на применение труда. Такое право имели все трудоспособные лица «по своей специальности». Однако на практике (в условия широкого применения принудительного труда) данная норма носила, во многом, декларативный характер. Кроме того, законодатель допускал широкие возможности отступления от данного правила, отдавая решение этого вопроса на местах «откуп» органам «пролетарской диктатуры». Так, согласно примечанию к ст. 10 КЗоТ РСФСР 1918 г., районному пункту обмена и распределения рабочей силы (по согласованию с соответствующим профсоюзным объединением) предоставлялось право «при неимении работы по специальности, направлять отдельных трудящихся и группы их на работы другой специальности». Кодекс также устанавливал запрет на применение труда «в ночное время или в отраслях особо тяжких или опасных для здоровья» для женщин и несовершеннолетних лиц мужского пола. Однако данная норма на практике носила также декларативный характер.

Порядок предоставления труда. Предоставление труда на практике осуществлялось отделами распределения рабочей силы, профсоюзами и рядом других учреждений РСФСР. Основная рабочая сила подлежала трудоустройству (привлечению к труду) через отделы распределения рабочей силы. Следует отметить, что каждый безработный, зарегистрированный в этом качестве в местном отделе распределения рабочей силы, не имел права отказаться от работы, предлагавшейся ему по его специальности, если условия данной работы не отклонялись от определенных норм, «установленных соответствующим тарифным положением, а за неимением тарифа – профессиональным союзом».

Предварительное испытание. КЗоТ РСФСР 1918 г. предусматривал в обязательном порядке «предварительное испытание» (при «длительном характере работ»), которое устанавливалось в отношении каждого работника (рабочего и служащего) и предшествовало «окончательному принятию на работу». Законодатель устанавливал следующую продолжительность испытательного срока: продолжительность не могла превышать 6 дней – для рабочих; 2 недели – для неквалифицированных и «менее ответственных видов труда» в соответствующих советских учреждениях; 1 месяц – для «квалифицированных и ответственных» работников советских учреждений. По результатам испытания могло быть принято одно из двух решений: а) «окончательное принятие трудящегося на работу»; б) освобождение работника от дальнейшего исполнения трудовой функции с выплатой соответствующего вознаграждения за период испытательного срока. При любом результате работодатель обязывался незамедлительно проинформировать отдел распределения рабочей силы. Любопытно отметить, что в период испытательного срока и до его окончания работник официально считался безработным и за ним сохранялась соответствующая очередь, установленная местным отделом распределения рабочей силы.

Переводы и увольнения. КЗоТ РСФСР 1918 г. (ст. 40) провозглашал принцип, согласно которому любой «перевод трудящихся во всех предприятиях, учреждениях и хозяйствах, применяющих чужой труд за вознаграждение» мог осуществляться исключительно «в интересах дела и на основании постановления соответствующего органа управления» (за исключением случаев работы у частных лиц, применявших чужой труд за вознаграждение в форме предоставления индивидуальных личных услуг).

Законодатель, по существу, устанавливал 3 вида возможных переводов: а) перевод работника на другую работу в пределах его места работы (предприятия, хозяйства, учреждения); б) перевод работника в другое рабочее место (предприятие, учреждение, хозяйство), расположенное «в той же или иной местности»; в) перевод группы работников в другое место работы, расположенное «в той же или иной местности».

В первом случае для практического осуществления перевода требовалось лишь соответствующее постановление органов управления того предприятия (хозяйства, учреждения), где трудился работник. Во втором случае перевод работников мог осуществляться по постановлению соответствующего органа управления «с ведома отдела распределения рабочей силы». В третьем случае для перевода работников требовалось соответствующее постановление областного отдела труда, согласованного с соответствующим профессиональным объединением и утвержденного Народным комиссариатом труда (далее НКТ).

Основаниями для увольнения могли стать следующие факторы: а) ликвидация (полная или частичная) конкретного предприятия (учреждения, хозяйства) либо упразднение «отдельных обязанностей или работ» (в современном Трудовом кодексе РФ (далее ТК РФ) данная формулировка сохранена в почти неизменном виде); б) приостановка работ на срок более 1 месяца; в) истечение срока или выполнения работы временного характера; г) явная непригодность работника к работе, «по специальному постановлению органов управления

предприятием, учреждением или хозяйством, с согласия соответствующей профессиональной организации»; д) собственное желание работника.

Вознаграждение за труд. Оплата труда работников осуществлялась согласно тарифным положениям, которые, как правило, разрабатывались соответствующими профсоюзами и утверждались НКТ. Все работники той или иной профессии подразделялись по группам и категориям. Для каждой группы и категории устанавливался определенный размер оплаты труда работника. При установлении данных групп (и категорий) следовало принимать во внимание следующие факторы: тяжесть и опасность труда; точность и сложность выполняемых работ; степень ответственности за порученную работу; самостоятельность исполнения работы; обученность и опыт работника. Следует отметить, что законодатель устанавливал категорический запрет на любые дополнительные виды вознаграждения работников (кроме оплаты сверхурочных работ), независимо от формы оплаты труда и места работы. Лица, уличенные в получении подобного дополнительного вознаграждения, подлежали уголовной ответственности («как за обман»), а «полученное сверх нормального вознаграждение» подлежало вычету из последующей заработной платы работника. Более того, вычету подлежали денежные средства, заработанные работником в период его отпуска.

Следует отметить, что в контексте официальной большевистской идеологии денежные знаки в советском обществе должны были окончательно потерять свое практическое значение. На этом настаивали многие идеологи ортодоксального большевизма. Так, Н.И. Бухарин в работе «Азбука коммунизма» полагал, что на практике процесс отмены денег должен пройти ряд стадий: «Сначала деньги изгоняются из области продуктообмена внутри национализированных предприятий (фабрики, железные дороги, советское хозяйство и т.д.). Затем деньги исчезают из области расчетов между государством и работниками социалистического государства (т.е. Советской властью, служащими и рабочими советских предприятий). Далее деньги отпадают, заменяясь товарообменом, в оборотах между государством и мелким производством (крестьянами, кустарями). Затем деньги исчезают в товарообмене внутри мелкого хозяйства…» [1, с. 171–172].

Рабочее время и время отдыха. «Наиболее важным условием сохранения рабочего класса и предупреждения его вырождения, заболеваемости, повышенной смертности и т.д. является нормальный рабочий день. Немудрено поэтому, что рабочий класс постоянно ставил во главу угла своей борьбы как раз борьбу за сокращение рабочего дня», – писал Н.И. Бухарин [1, с. 185].

Анализ законодательства позволяет выделить следующие виды (и режимы) рабочего времени: нормальная продолжительность рабочего времени; неполное, сокращенное, сверхурочное рабочее время.

Нормальным рабочим временем признавалось «время, установленное для производства данной работы тарифным положением». Продолжительность нормального рабочего времени не могла превышать «8-ми дневных или 7-ми ночных часов».

Неполное рабочее время (продолжительностью не более 6 часов) предусматривалось для отдельных категорий работников: а) для несовершеннолетних (до 18-летнего возраста); б) «в особо тяжких» и неблагоприятных для здоровья отраслях труда.

Сокращенное рабочее время (на 2 часа), в частности, предусматривалось накануне дней отдыха (ст. 105 КЗоТ РСФСР 1918 г.).

Особое внимание законодатель сфокусировал на сверхурочных работах, достаточно подробно прописав основания и порядок их применения. Сверхурочные работы допускались, в частности, в ряде исключительных случаев: а) когда выполнение определенных работ было необходимо для предотвращения различных форс-мажорных ситуаций, угрожавших «существованию Советского строя и жизни людей»; б) при выполнении общественно-необходимых работ для функционирования соответствующей инфраструктуры (водоснабжения, освещения, канализации, транспорта и т.п.); в) при выполнении работ временного характера, нацеленных на ремонт и восстановление соответствующих механизмов или сооружений, если «расстройство таковых вызывает прекращение работы значительного количества трудящихся»; и др.

Законодатель категорически запрещал допуск к сверхурочным работам всех лиц женского пола, а также лиц мужского пола, не достигших 18-летнего возраста.

Что касалось времени отдыха российских трудящихся, то Кодекс устанавливал следующие виды отдыха: а) перерыв для отдыха и принятия пищи, продолжительностью не менее ½ часа и не более 2 часов; б) дополнительные перерывы в течение рабочего времени, продолжительностью не менее ½ часа через каждые 3 часа – для работниц, кормящих ребёнка грудью; в) отпуск, продолжительностью 2 недели – для работников, проработавших непрерывно не менее 6 месяцев; г) отпуска, продолжительностью 1 месяц – для работников, проработавших не менее 1 года.

Производительность труда. В.И. Ленин в своей известной работе «Очередные задачи советской власти» (опубликована 28 апреля 1918 г. в газетах «Правда» № 83 и «Известия ВЦИК» № 85) главным условием реального повышения производительности труда считал создание и обеспечение материальной основы крупной индустрии (развитие производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности). Также важней-

шим условием повышения производительности труда В.И. Ленин считал: «во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения… Во-вторых, усилением экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, уменья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации». Реальное положение дел в сфере производительности труда обстояло (по ленинской оценке) «особенно плохо и даже безнадежно», поскольку «в массах, только что сбросивших невиданно – дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение…». В.И. Ленин констатировал довольно нелицеприятные факторы, в частности: «Русский человек – плохой работник… Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем объеме» [4, с. 224].

Правовое обеспечение повышения производительности труда осуществлялось условно по двум основным направлениям: 1) нормирование труда (т.е. установление твердых норм выработки); 2) укрепление трудовой дисциплины (в частности, разработка и повсеместное внедрение правил внутреннего трудового распорядка).

В рамках реализации первого направления законодатель обязывал расценочные комиссии (при соответствующих профессиональных организациях) определять нормы выработки для работников соответствующих групп и категорий. За невыполнение данных норм предусматривались определенные санкции. Так, если работник систематически вырабатывал изделий меньше нормы, то он мог быть переведён в более «низшую группу» и категорию с понижением заработной платы. Если же невыполнение нормы являлось результатом «недобросовестности или грубой небрежности» работника, то он мог быть уволен без предварительного предупреждения.

В рамках реализации второго направления все работодатели (предприятия, учреждения, хозяйства) обязывались иметь правила внутреннего трудового распорядка (далее ПВТР). ПВТР в советских учреждениях устанавливались соответствующими органами государственной власти и подлежали утверждению НКТ (или его отделами на местах). Для советских, национализированных, общественных и частных предприятий и хозяйств ПВТР разрабатывались профсоюзами и утверждались соответствующими отделами труда. Кроме того, законодатель централизованно устанавливал общие требования к содержанию ПВТР: а) общие обязанности для всех работников; б) специальные обязанности работников конкретной отрасли; в) ответственность (пределы и порядок) за нарушение (невыполнение или ненадлежащее исполнение) соответствующих обязанностей.

Охрана труда. Один из видных идеологов большевизма, Н.И. Бухарин, считал, что «все завоевания, которые рабочий класс делает на своем пути к коммунизму, по сути дела являются прямо или косвенно охраной труда», поскольку они «способствуют улучшению положения рабочей силы» [1, с. 182].

Субъектами охраны труда (по КЗоТ РСФСР 1918 г.) являлись: инспекция труда; технические инспектора; представители санитарного надзора. В обязанности органов инспекции труда вменялось, в частности, следующее: а) посещать соответствующие промышленные (фабрично- заводские) заведения, а также другие заведения (учреждения, помещения) для работников (квартиры, больницы, ясли, бани и др.); б) требовать от уполномоченных органов управления (заведующих предприятий, фабрично – заводских комитетов и др.) соответствующих объяснений, а также предоставления необходимых сведений, книг, документов; в) привлекать к работе по надзору охраной труда соответствующих лиц (представителей рабочих организаций, мастеров, заведующих, смотрителей, десятников и др.); г) привлекать к юридической ответственности (в т.ч. к уголовной) за несоблюдение определенных правовых нормативов, направленных на охрану жизни и здоровья работников (КЗоТа, декретов, инструкций, распоряжений и др.); д) принимать участие в работе профсоюзов и фабрично-заводских комитетов в целях выяснения как общей картины условий труда, так и условий труда в отдельных предприятиях (учреждениях, хозяйствах).

Неотъемлемыми сегментами данного Кодекса стали 5 приложений (в виде соответствующих правил), в которых были конкретизированы наиболее важные положения правового регулирования труда. Это: Правила о порядке установления нетрудоспособности; Правила о выдаче пособий трудящимся во время их болезни; Правила о безработных и о выдаче им пособий; Правила о трудовых книжках; Правила о еженедельном отдыхе и о праздничных днях.

Историческое значение КЗоТа РСФСР 1918 года заключается в том, что данный правовой акт систематизировал ряд основных правовых нормативов, принятых в течение первого года становления новой власти, а также более детально конкретизировал ряд важных вопросов социально-трудовой сферы на данном историческом этапе. Кроме того:

1) Кодекс устанавливал норму, согласно которой в качестве работодателя могло выступать частное физическое или юридическое лицо, что было вполне оправдано, поскольку к концу 1918 года российское хозяйство оставалось многоукладным, а частная собственность не была упразднена полностью. При этом работодатель-частник обязывался всецело соблюдать установленный императивными правовыми нормами порядок предоставления труда. Виновные лица, при нарушении соответствующих правил, подвергались юридической ответственности, в виде

штрафных санкций (в размере не менее 300 рублей) или уголовному наказанию в виде лишения свободы на срок не менее одной недели;

2) Кодекс стал единым трудоправовым универсальным актом, поскольку, во-первых, закрепил принцип иерархии, суть которого в том, что «все существующие и вновь издаваемые по вопросам труда постановления общего характера (распоряжения отдельных учреждений, инструкции, правила внутреннего распорядка и т.п.), а равно и отдельные договоры и соглашения впредь действительны лишь постольку, поскольку они не противоречат правилам настоящего Кодекса». Во-вторых, при отсутствии гражданского кодекса, КЗоТ взял под свою сферу правового регулирования все отношения, связанные с трудом, в том числе и отношения по труду, имевшие явно гражданско-правовой характер (например, всевозможные оказания платных услуг, выполнение конкретных работ за вознаграждение и т.п.);

3) Кодекс установил важный принцип, согласно которому прекращение трудовых отношений по инициативе работодателя стало возможным лишь в установленных законам случаях. Так, исчерпывающий перечень оснований для увольнения работника по инициативе работодателя был закреплен впервые в статье 46 КЗоТа.

4) КЗоТ РСФСР 1918 г. наглядно отразил специфические особенности государственной политики в сфере социально-трудовых отношений, явился мощным толчком и мотивацией для дальнейшего развития основных отраслевых институтов российского трудового права и системы отрасли советского трудового права в целом;

5) КЗоТ РСФСР 1918 г. обеспечил правовыми средствами осуществление первоначального этапа социалистической организации труда в России (октябрь 1917–1920 гг.) Несмотря на официальную идеологическую установку о классовой (эксплуататорской) сущности всякого права, его неизбежного постепенного «отмирания» (вместе с государством) и, следовательно, соответствующего (нигилистического) отношения к данному явлению, первый КЗоТ РСФСР был жизненно необходим для того времени.

Кроме того, анализ трудового законодательства периода «военного коммунизма» позволяет разглядеть историческую преемственность в процессе правового регулирования социально-трудовой сферы. Некоторые правила благополучно пережили своё время и подверглись рецепции (заимствованию) со стороны современного законодателя. Более того, отдельные конкретные трудоправовые нормы рассматриваемого периода почти в неизменном виде экстраполировались в современное трудовое право России. Вот ряд примеров:

а) согласно ст. 71 КЗоТа РСФСР 1918 г., выдачу заработной платы работнику (при работах постоянного характера) следовало осуществлять не реже, чем каждые 2 недели (ст. 136 современного ТК РФ);

б) согласно ст. 77 и ст. 107 КЗоТа РСФСР 1918 г. каждый работник имел право на ежегодный оплачиваемый отпуск (ст. 114 современного ТК РФ);

в) согласно ст. 88 КЗоТа РСФСР 1918 г. время обеденного перерыва не включалось в рабочее время (и, следовательно, не оплачивалось) (ст. 108 современного ТК РФ);

г) согласно ст. 90 КЗоТа РСФСР 1918 г. работники могли использовать время обеденного перерыва по своему усмотрению (в т.ч. отлучаться с места работы) (ст. 106 современного ТК РФ);

д) согласно примечания к ст. 89 работницы, кормящие ребенка грудью, имели право на дополнительные перерывы в течение рабочего времени, продолжительностью не менее ½ часа, с интервалом через каждые 3 часа (ст. 258 современного ТК РФ);

е) среди оснований привлечения работников к сверхурочным работам (согласно п. «в» ст. 94 КЗоТ РСФСР) была установлена норма, которая допускала на практике привлечение к подобным работам «при необходимости закончить начатую работу, которая вследствие непредвиденной и случайной задержки, по техническим условиям производства, не могла быть закончена в нормальное рабочее время, если прекращение этой работы может повлечь за собой порчу материалов и машин». Данная норма также вошла в современное трудовое законодательство (п. 1 ст. 99 ТК РФ).

Таким образом, «нельзя отрицать того, что многие нормы и конструкции, записанные в КЗоТе 1918 г. в области условий и охраны труда, были достижением для нашей страны, отвечали интересам трудящихся масс и воплощали прогрессивные тенденции в развитии трудового права» [3, с. 39]. КЗоТ РСФСР 1918 г. служил не только правовым «индикатором» социально-трудовой сферы того времени, но и дал определенные импульсы к дальнейшему развитию отечественного трудового законодательства по пути его кодификации, заложив тем самым важные и практически значимые правовые традиции.

Библиографический список

1. *Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма. – М., 1919. – 200 с.

2. *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция. Т. 2. – London, 1952. – 710 с.

3. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

4. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.

5. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. – 832 с.

6. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 87–88. – Ст. 905.

УДК 517.9

Бабенко Алена Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
alenbabenko@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ МНОГОЭТАПНОГО МАТЕМАТИКО-ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАДАНИЯ «СИСТЕМЫ ТРЕХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ»

В данной статье представлены методические рекомендации по изучению темы «Системы трех дифференциальных уравнений» на примере цикла заданий, направленных на формирование креативности студентов по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика».

Ключевые слова: *креативность, системы трех дифференциальных уравнений, многоэтапное математико-информационное задание.*

Многоэтапные математико-информационные задания являются специально составленной последовательностью задач, которые соединяют друг с другом:

1) различные виды творческой математической деятельности;

2) построение фазовых портретов различных систем дифференциальных уравнений;

3) проведение компьютерных экспериментов при исследовании нелинейных систем дифференциальных уравнений;

4) поиск информации в Интернете;

5) решение нестандартных задач по математике;

6) прогнозирование результатов математической деятельности;

7) создание математико-информационных проектов [3].

Согласно точке зрения В.С. Секованова [3], многоэтапные математико-информационные задания являются лабораторией формирования креативности студентов. При их выполнении у студента формируются различные креативные качества: гибкость и оригинальность мышления, умение выдвигать гипотезы и проверять их, умение прогнози-

Рис. 1. Схема многоэтапного математико-информационного задания «Системы трех дифференциальных уравнений»

 © Бабенко А.С., 2013

ровать результаты математической деятельности, преодолевать стереотипы мышления.

Рассмотрим пример такого математико-информационного задания по теме «Системы трех дифференциальных уравнений», которое состоит из трех взаимосвязанных между собой этапов (рис. 1), и опишем некоторые методические рекомендации по изучению данной темы, направленные на формирование креативных качеств студентов.

Первый этап служит подготовительным для последующих этапов и основывается на изученном ранее материале. Второй этап носит теоретический характер и служит базой для исследования систем трех нелинейных дифференциальных уравнений.

Теме «Системы трех дифференциальных уравнений» следует уделить внимание, так как именно она позволяет открыть широкий спектр развития креативных качеств и является наиболее интересной с точки зрения математики.

Опишем методические рекомендации по изучению каждого раздела рассматриваемой темы.

Этап 1. Системы трех линейных дифференциальных уравнений.

На данном этапе студентам предоставляется возможность решить и построить фазовый портрет, найти неподвижные точки и определить их характер для систем трех линейных дифференциальных уравнений, которые отличаются друг от друга собственными значениями.

Задача 1. Решить и построить фазовый портрет, найти неподвижные точки и определить их характер системы $\begin{cases} x' = 2x - y - z, \\ y' = -x + 2y - z, \\ z' = -x - y + 2z. \end{cases}$ (1)

Собственные значения для матрицы коэффициентов данной системы: $\lambda_1 = 0$ и $\lambda_2 = 3$ кратности два.

После нахождения собственных значений матрицы коэффициентов студенты могут предложить несколько известных им способов нахождения решения. Проанализировав их, студенты решают задачу наиболее удобным способом – с помощью нахождения собственных векторов.

Затем студенты строят фазовый портрет, находят неподвижную точку O (0; 0; 0), так как собственные значения действительные и неотрицательные, то неподвижная точка O (0; 0; 0) – неустойчивая.

Задача 2. Составить системы трех линейных дифференциальных уравнений, в которых собственные значения: а) одно равно нулю, а два других отрицательные (положительные); б) два равны нулю, а третье – положительное (отрицательное); в) все три значения положительные (отрицательные).

Задача 3. Решить и построить фазовый портрет, найти неподвижные точки и определить их характер системы $\begin{cases} x' = 2x + y, \\ y' = x + 3y - z, \\ z' = -x + 2y + 3z. \end{cases}$ (2)

Собственные значения для матрицы коэффициентов данной системы: $\lambda_1 = 2$ и $\lambda_{2,3} = 3 \pm i$.

Студенты предлагают иной способ нахождения решения системы: зная собственные значения, можно записать, чему равно x, а затем найти $y = x' - 2x$ и $z = x + 3y - y'$.

Затем студенты также строят фазовый портрет, находят неподвижную точку O (0; 0; 0). Так как одно собственное значение действительное $\lambda_1 = 2$, а другие комплексно-сопряженные $\lambda_{2,3} = 3 \pm i$, то точка O – неустойчивый фокус.

Задача 4. Составить системы трех линейных дифференциальных уравнений, чтобы: а) действительная часть комплексно-сопряженных собственных значений была равна нулю, а третье собственное значение – отрицательное (положительное); б) действительная часть комплексно-сопряженных собственных значений и третье собственное значение равны.

Задача 5. Решить и построить фазовый портрет, найти неподвижные точки и определить их характер системы $\begin{cases} x' = 4x, \\ y' = 4y, \\ z' = z. \end{cases}$ (3)

Собственные значения для матрицы коэффициентов данной системы: $\lambda_{1,2} = 4$ и $\lambda_3 = 1$.

Студенты предлагают еще один способ нахождения решения системы: интегрирование каждого уравнения системы (3) в отдельности.

Затем студенты строят фазовый портрет, находят неподвижную точку O (0; 0; 0). Так как собственные значения действительные и положительные, то неподвижная точка O (0; 0; 0) – неустойчивая.

Задача 6. Найти собственные векторы для матрицы коэффициентов системы (3).

Задача 7. Решить и построить фазовый портрет, найти неподвижные точки и определить их характер системы $\begin{cases} x' = 4x, \\ y' = x + 4y, \\ z' = x + y + z. \end{cases}$ (4)

Собственные значения для матрицы коэффициентов данной системы: $\lambda_{1,2} = 4$ и $\lambda_3 = 1$.

Студенты предлагают еще один способ нахождения решения системы: последовательно решать каждое уравнение, начиная с первого.

Затем студенты строят фазовый портрет, находят неподвижную точку O (0; 0; 0). Так как соб-

ственные значения действительные, одно из которых равно нулю, а два других положительные и совпадают, то неподвижная точка O (0; 0; 0) – неустойчивая.

Задача 8. Найти собственные вектора для матрицы коэффициентов системы (4).

Задача 9. Составить системы трех линейных дифференциальных уравнений, в которых а) все три собственных значений равны нулю, б) два равны нулю, а другое отрицательное (положительное).

Задача 10. В зависимости от собственных значений, провести классификацию неподвижных точек систем трех линейных дифференциальных уравнений и определить вид устойчивости.

На данном этапе формируются такие важные креативные качества, как гибкость мышления, умение выдвигать гипотезы, их проверять. При решении каждой задачи студенты находят новый способ решения проблемы, предполагают, что данный метод даст результат. Также имеются задачи «прямые» (зная систему, студенты находят собственные значения и вектора) и «обратные» (задавая собственные значения, составляют систему трех дифференциальных уравнений). В самом конце занятия студенты анализируют полученную информацию и обобщают ее. Кроме того, в качестве одного из пунктов задач является построение фазового портрета, студенты выбирают различные способы выбора среды программирования или математические пакеты.

Этап 2. Хаотическое поведение траекторий.

Задача 1. Поиск информации в Интернете на темы «Хаос», «Хаотическое поведение траекторий».

Задача 2. Подготовка докладов по истории развития нелинейной динамики.

Задача 3. Изучение различных трактовок определения хаоса, хаотического поведения траекторий.

Задача 4. Повторить определения фрактальных размерностей (размерности Минковского и Хаусдорфа) и способы их вычисления.

Задача 5. Изучить понятие корреляционной размерности.

Для вычисления корреляционной размерности непрерывная траектория заменяется множеством точек N_i в фазовом пространстве, затем вычисляется расстояние между парами точек $S_{ij} = |x_i - x_j|$.

Корреляционную размерность можно определить:

$$d_G = \lim_{r \to 0} \frac{\log C(r)}{\log r} \qquad (5)$$

Корреляционную функцию C(r) можно вычислить, описав в фазовом пространстве сферу вокруг каждой точки x_i, и подсчитать число точек в каждой сфере

$$C(r) = \lim_{N \to \infty} \frac{1}{N^2} \sum_{i=1}^{N} \sum_{\substack{j=1 \\ i \neq j}}^{N} H(r - |x_i - x_j|) \qquad (6)$$

где H(s) = 1 при s > 0 и H(s) = 0 при s < 0 [2].

Задача 6. Рассмотреть основные характеристики хаотического поведения траекторий.

Согласно [2], можно выделять ряд признаков хаотических колебаний, причем рекомендуется для более адекватного описания хаотических колебаний использовать несколько методов их обнаружения:

1) чувствительность к изменению начальных условий;

2) широкий фурье-спектр движения, возбуждаемого на одной частоте;

3) фрактальные свойства движения в фазовом пространстве, которые указывают на присутствие странного аттрактора;

4) растущая сложность регулярных движений по мере изменения некоторого параметра эксперимента;

5) непериодические всплески нерегулярного движения или первоначально неупорядоченное движение, которое, в конце концов, релаксирует к регулярному.

На данном этапе формируется такое креативное качество, как преодоление стереотипов мышления. При изучении материала о хаосе и хаотическом поведении динамических систем студенты приходят к выводу о непредсказуемости поведения систем, преодолевая стереотип и желание предсказать поведение некоторых явлений, процессов. Преодоление стереотипов мышления происходит при исследовании исторических и математических фактов, приводящих к смене мнений и позиций.

Этап 3. Системы с хаотическим поведением.

Задача 1. Тремя различными способами проверить, что одна из систем Спротта [4] обладает хаотическим поведением:

$$\begin{cases} x' = -y + z^2, \\ y' = x + 0.5y, \\ z' = x - z \end{cases} \qquad (7)$$

Первый способ. Студенты находят неподвижные точки и исследуют поведение системы (7) в окрестности найденных точек.

В окрестности первой неподвижной точки O (0;0;0) траектории неустойчивы. В окрестности второй неподвижной точки A (–2;4;–2) траектории неустойчивы. Таким образом, траектории в окрестностях неподвижных точек расходятся и не притягиваются к предельному циклу.

При построении фазового портрета обнаруживаются необычные свойства фазовых траекторий, которые являются неустойчивыми в окрестности неподвижных точек и ограниченными (рис. 2), что оказывается одной из характеристик хаотического поведения траекторий.

Второй способ. Студенты проводят анализ поведения траектории точек при различных начальных условиях, тем самым обнаруживают существенную зависимость от начальных условий, ко-

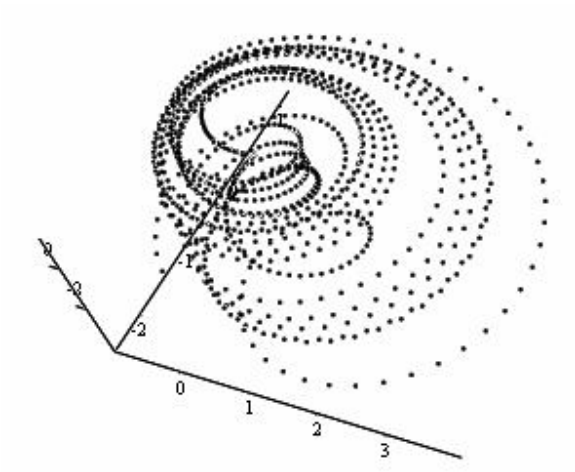


Рис. 2. Фазовая траектория при начальных условиях (–1;0;2)

торая относится к одной из характеристик хаотического поведения траекторий.

Третий способ. Вычислим размерность непрерывной траектории, используя формулы (5) и (6).

В результате получаем, что корреляционная размерность примерно равна 2,11, что является одной из характеристик хаотического поведения траекторий.

Задача 2. Исследовать систему Лоренца.

При исследовании системы Лоренца рекомендуется использовать тетрадную форму обучения, которая позволяет формировать креативные качества студентов [1].

Задача 3. Исследовать систему Рёсслера.

Задача 4. Исследовать несколько систем Спротта.

На данном этапе формируются такие креативные качества, как гибкость и оригинальность мышления, умение выдвигать гипотезы и их проверять, умение прогнозировать результаты математической деятельности, преодолевать стереотипы мышления.

Гибкость и оригинальность мышления, умение выдвигать гипотезы и их проверять, умение прогнозировать результаты математической деятельности формируются в результате решения специально подобранного цикла заданий, позволяющих анализировать и находить несколько путей решения задач, выбирать из них наиболее оптимальный, проверять правильность найденного ответа. Преодоление стереотипов происходит в результате решения нетривиальных задач, требующих оригинального решения, изменения сложившихся взглядов на решение задачи. Преодоление одного из стереотипов мышления в математике можно проследить при изучении непрерывных динамических систем, где произошла смена парадигм, было доказано, что предсказать поведение системы и управлять ею невозможно.

Библиографический список

1. *Бабенко А.С.* Изучение системы Лоренца в рамках тетрады, как средство интеграции математики и информатики // Обучение фрактальной геометрии и информатике в вузе и школе в свете идей академика А.Н. Колмогорова: материалы международной научно-методической конференции, г. Кострома, 7–9 декабря 2011 г. / под ред. В.С. Секованова, В.А. Ивкова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 238–242.

2. *Мун Ф.* Хаотические колебания: Вводный курс для научных работников и инженеров. – М.: Мир, 1990. – 312 с.

3. *Секованов В.С.* Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучении фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 279 с.

4. *Sprott J.C.* Some simple chaotic flows // Physical Review. – 1994. – V. 50. – № 2. – P. R647 – R650.

УДК 37.015

Лунёв Роман Сергеевич
Смольный институт Российской академии образования
roman_lunev@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ П.Ф. КАПТЕРЕВА В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Автор статьи оценивает вклад в педагогическую науку фундаментальных историко-педагогических и теоретических трудов П.Ф. Каптерева, показывает, как его идеи впоследствии развивались другими учеными.

Ключевые слова: *«Дидактические очерки», развитие, саморазвитие, образование, отечественная педагогика конца XIX – начала XX вв., развивающее (усовершенствующее) обучение.*

В конце XIX века П.Ф. Каптерев подвергся официальной критике, его работы проходили строгую цензуру, а самому ученому на целое десятилетие было запрещено преподавать в государственных учреждениях. Общественные катаклизмы XX века – поражение в войнах, революционные события и терроризм – имели негативное влияние на внедрение теоретических и практических достижений российской педагогики, в том числе разработок П.Ф. Каптерева, а после событий 1917 года, ученый, будучи уже в преклонном возрасте, был вынужден покинуть Петроград. Его выступления в прессе против политизации и идеологизации образования в Советском государстве вызвали резкий выпад государственно-идеологических структур, контролировавших пути развития сферы образования, следствием чего стало полное умолчание имени П.Ф. Каптерева в советской педагогике более чем на 30 лет. В начале XX века П.Ф. Каптерев сумел создать ряд фундаментальных историко-педагогических и теоретических трудов, в которых представил в целостном и завершенном виде свою систему теоретической и научно-практической педагогики.

П.Ф. Каптерев не писал значительных специальных работ по состоянию образовательных систем в различных странах. Однако в русле этой его идеи в российском обществе шла большая работа по ознакомлению общественности с достижениями практической педагогики в передовых странах Европы и Америки. В «Энциклопедии семейного воспитания и обучения», которую редактировал П.Ф. Каптерев, вышли работы, посвященные семейному воспитанию в Финляндии, Германии, Франции, дошкольной системе воспитания в Англии. Соратники П.Ф. Каптерева изучали состояние школьного дела за рубежом, описывали состояние и формы образовательных систем.

В первую очередь, следует отметить работы выдающегося педагога, социолога и специалиста по истории западно-европейской и американской школы конца XIX – начала XX вв. П.Г. Мижуева. Сегодня это имя редко упоминается в педагогической литературе, но в начале XX века Мижуев был признанным научным авторитетом, автором большого числа публикаций и изданий. Рецензию на две его статьи о состоянии системы образования в Германии и Норвегии написал в 1903 году и П.Ф. Каптерев.

Павел Григорьевич Мижуев родился в 1861 г. в Севастополе, получил образование в Морском училище. Педагогическая же карьера П.Г. Мижуева связана с Санкт-Петербургом. В 1885–1902 гг. он преподавал французский язык в 6-й Петербургской гимназии, с 1902 г. по 1924 гг. работал главным библиотекарем Санкт-Петербургского технологического института, одновременно преподавая в различных гимназиях и ведя рубрики, посвященные вопросам просвещения за рубежом в журналах «Русская школа», «Педагогический сборник», «Естествознание в школе» [10, с. 573].

И.Р. Чикалова, белорусский историк, автор одной из редких публикаций о П.Г. Мижуеве, пишет: «В фокусе внимания Мижуева был широкий круг проблем, связанных с Англией: политическая история; парламентаризм и права человека; колониальная империя и становление доминионов; социальные аспекты жизни (бедность, минимальная зарплата, рабочий день, профессиональная самоорганизация рабочих, движение за женское равноправие); градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского. Но эти темы интересуют Мижуева не сами по себе, он постоянно адресуется к российскому читателю, проводит аналогии и сравнения с российской действительностью» [15, с. 184].

Можно отметить написанные на рубеже веков работы Мижуева «Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии» [9]. В «Дидактических очерках» П.Ф. Каптерев писал об образованном человеке как о таком, который «чувствует себя живым и деятельным членом современного культурного общества, понимает тесную связь своей личности с человечеством, со своим родным народом, со всеми прежними работниками на поприще культуры, который по мере сил двигает человеческую культуру вперед» [4, с. 435].

Среди педагогов-теоретиков, современников П.Ф. Каптерева, которых можно назвать его соратниками и единомышленниками, следует упомянуть трагическую фигуру Матвея Леонтьевича Песковского, выпускника Санкт-Петербургской духовной

 © Лунёв Р.С., 2013

семинарии и Санкт-Петербургского университета. Песковский родился в 1843 году, преподавал в «Училище для распространения сельскохозяйственных, технических и ремесленных знаний и для приготовления учителей» Вятского земства, затем активно печатался в журналах, в том числе в «Русской школе». В 1880–1890-х годах его работы, посвященные введению в России всеобщего образования, женскому образованию, биографии выдающихся российских педагогов К.Д. Ушинского и барона Н.А. Корфа [12] были популярны и активно обсуждались в педагогической среде.

Работая некоторое время воспитателем малолетних заключенных в Литовском замке, М.Л. Песковский писал об исправлении характера своих подопечных, основываясь на уважении к личности «заблудшего» ребенка, имея целью вернуть его обществу, что вполне соответствовало теоретическим взглядам П.Ф. Каптерева на сущность педагогического процесса, его направленности на усовершенствование личности ребенка и индивидуально-общественного характера педагогического процесса. К сожалению, в конце жизни М.Л. Песковский оказался в больнице для умалишенных, где скончался в 1903 году. Педагогика в пенитенциарных заведениях редко становилась в Российской империи объектом теоретических исследований, однако после революции деятельность А.С. Макаренко, В.Н. Сороки-Росинского и других новаторов педагогического процесса вывели и эту область педагогики на общественное обозрение, привлекая к нему интерес и внимание. При этом теоретические установки педагогики, системно представленные в трудах П.Ф. Каптерева, определяли и продолжают определять основы работы с трудновоспитуемыми подростками. Даже истоки коллективизма, как основной методики А.С. Макаренко, можно видеть, как мы уже показали, в идеях П.Ф. Каптерева о наказании нарушителей школьной дисциплины не физическим воздействием, а лишением общения со сверстниками.

В русле идей П.Ф. Каптерева началась и публицистическая деятельность Н.А. Каринцева, опубликовавшего в 1909–1911 гг. в журнале «Воспитание и обучение», с которым активно сотрудничал и П.Ф. Каптерев, ряд статей о педагогике и психологии раннего детского возраста [5]. Однако в дальнейшем Каринцев переключился на переводческую работу, а после революции стал известен широкой публике как автор одного из первых советских научно-фантастических романов.

Но наибольшее влияние на современников имели историко-педагогические работы П.Ф. Каптерева, которые не только получили значительное число откликов, но и вызвали появление ряда работ, в которых развитие педагогики представало в других ракурсах, нежели предложил П.Ф. Каптерев. Дискуссия в педагогической прессе относительно того, как следует относиться к педагогическому наследию прошлого – значительная страница в развитии отечественной педагогики конца XIX – начала XX вв.

Среди педагогов-теоретиков, занимавшихся этой проблематикой, следует, в первую очередь, назвать Михаила Ивановича Демкова, директора Московского учительского института с 1905 по 1911 год, чья «История русской педагогики», вышедшая в 1895 году [3], содержательно дополняла «Историю…» П.Ф. Каптерева. Каптерев написал рецензию на эту работу, оценив вклад своего коллеги в педагогическую науку как значительный. В работе Демкова не столь строго, как у П.Ф. Каптерева, прослеживается стремление к систематизации исторического материала, он желал представить развитие педагогической мысли в контексте общегосударственной истории и истории народа, материал он располагает не в системно-периодическом, а в чисто хронологическом порядке. Поэтому труды П.Ф. Каптерева и М.И. Демкова удачно дополняют один другой, у Каптерева читатель может почерпнуть внутренние связи историко-педагогического материала и связи с актуальными проблемами современности, Демков же дает объективный исторический фон, на котором педагогическая мысль прошлого формировалась и развивалась. Сотрудничество и научная поддержка двух выдающихся отечественных педагогов и историков педагогики продолжалась и в других областях. П.Ф. Каптерев рецензировал не только две части «Истории русской педагогики», вышедшие в 1897 и 1909 гг., но и практически все крупные педагогические работы М.И. Демкова: издания курсов лекций, хрестоматию по педагогике, подготовленную Демковым в 1911 году, «Учебник педагогики» 1910 года [1].

Говоря о соратниках П.Ф. Каптерева, на научные взгляды которых повлияло его творчество, нельзя не упомянуть видного деятеля в области организации и теоретического обоснования системы народного образования В.И. Чарнолусского, коллеги Каптерева по Лиге Образования. В конце XIX – начале XX вв. В.И. Чарнолусский (часто в соавторстве с Г.А. Фальборком) много писал о формах и структуре системы образования, которая бы обеспечивала необходимый уровень для вхождения России в новые международные отношения, отмеченные развитием промышленности и наук, а также удовлетворяющие возросшим общественным требованиям. В 1891–1897 гг. Чарнолуский участвовал в работе Российского Комитета грамотности, был соредактором в издательстве «Знание», часто выступал на педагогических съездах и собраниях с критикой правительственной консервативной политики в области образования. Также он разрабатывал теоретические вопросы статистики в области образования и создал одну из пер-

вых научных классификаций системы общественного образования:

«1) просветительная деятельность профессиональных союзов и кооперативных учреждений;

2) специально-просветительные кооперативные учреждения;

3) свободные просветительные организации общественно-благотворительного типа;

4) научные и специальные общества;

5) общества, имеющие целью восполнить дефекты существующих органов местного самоуправления;

6) благотворительные общества;

7) религиозные просветительные организации;

8) партийные просветительные организации;

9) спортивные общества;

10) объединение свободных общественных просветительных организаций;

11) профессиональные организации работников образования» [6, с. 85].

В деле систематизации педагогических решений в реформировании образования и развития в целом педагогической науки, имя В.И. Чарнолусского можно ставить рядом с именем П.Ф. Каптерева, учитывая, что оба принимали активное участие в выработке государственной концепции введения в России обязательного всеобщего образования. В работе 1906 г. «Итоги общественной мысли в области образования» В.И. Чарнолусский писал, что новая система образования должна быть всеобщей, бесплатной и обязательной, понимая под этим «свободу школы от каких бы то ни было привилегий национального, религиозного или сословного характера» [14, с. 39]. Он ставит вопрос о стипендиях неимущим учащимся, введении бесплатного питания для школьников, обеспечения их при необходимости жильем.

В вопросе об автономии школы В.И. Чарнолусский солидарен с П.Ф. Каптеревым, детально разрабатывая отдельные аспекты проблемы автономии в работе «Основные вопросы организации школы в России». Близки взгляды В.И. Чарнолусского и П.Ф. Каптерева в вопросе о роли учителя в образовательном процессе. Чарнолусский отстаивает свободу учительства в вопросах участия в школьном управлении, предоставлении ему полной правовой и финансовой обеспеченности, без которых все высокие фразы о значении учителя остаются лишь словами. В частности, он пишет о необходимости создавать для учителей условия передачи педагогического опыта: «необходимо обеспечить полную свободу устраивать личным порядком общеобразовательные и педагогические курсы, экскурсии, командировки для ознакомления с постановкой учебного дела в других местностях» [14, с. 59].

Написанная в 1911 г. совместно с Г.А. Фальборком «Настольная книга по народному образованию» включала в себя проекты законодательных основ и справочные материалы по многим вопросам управления системами школьного и внешкольного образования. Программу намечалось реализовать посредством объединения усилий государства и общественных организаций (педагогических, научных, просветительских, благотворительных).

После Февральской революции В.И. Чарнолусский в мае 1817 г. вошел в Комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства в качестве заместителя председателя, и, по сути, возглавил его работу. Вокруг Комитета сплотились видные ученые-педагоги и деятели образования, в том числе П.Ф. Каптерев, что вскоре привело к созданию (на основе синтеза проектов ранее выдвинутых общественно-педагогическим движением) фундаментальных принципов модернизации российского образования и принятию законопроектов, в первую очередь, Декларации и Временного положения «О единой общественной общеобразовательной школе» в октябре 1917 года.

Однако, как и многие деятели дореволюционного педагогического движения, после октября 1917 г. В.И. Чарнолусский был отстранен от руководящей деятельности в области просвещения. Он продолжал работать в области теории педагогики, преподавал в московских ВУЗах. В этот период кабинетной работы Чарнолусский разработал концепцию Единой общей гармонической школы, развивая лучшие гуманистические традиции российской теоретической педагогики. Однако его объемная работа «Культура социальной личности» остается до сих пор в рукописи, находящейся в Научном архиве Российской академии образования [11].

В конце 1920-х годов научно-педагогическая деятельность В.И. Чарнолусского вступила в противоречие с официальной установкой на централизацию и унификацию государственной системы просвещения. Ученый и организатор системы образования в России перешел на работу в области педагогического библиотековедения. В качестве главного библиотекаря ГПБ и сотрудника Книжной палаты он занимался систематизацией архива истории российского общественно-педагогического движения, а также стал одним из инициаторов создания Государственной библиотеки по народному образованию. Умер В.И. Чарнолусский в 1941 году в возрасте 76 лет.

Революция 1917 г. поставила задачи ликвидации безграмотности населения (раньше задача так не формулировалась, поэтому не было и механизма ее реализации), общедоступности образования, его унификации (идея единой школы), контроля со стороны государства (идея государственного образования). В принятом в 1934 г. ЦК ВКП(б) и Советом Народных комиссаров СССР постановлении «О структуре начальной и средней школы в СССР», были введены единый учебный план и единые учебные программы.

Развитие принципа образования как процесса развития и саморазвития получило в 1920–1930-х гг. продолжение в трудах Л. Выготского. Он выступил с гипотезой о том, что обучение не только должно быть ориентировано на развитие ребенка, по его мнению, обучение в самом процессе существенно влияет и определяет развитие человека. «Он выступил против теории имманентности психического развития человека, утверждая, что существует возможность направленного формирования свойств и процессов» [8]. Поэтому Выготский писал, что «только то обучение является хорошим, которое забегает вперед развитию» [2, с. 395]. Практическое применение этого принципа состояло в использовании методики «развивающего обучения» – основанной на усилении «целенаправленных преобразующих влияний на личность обучаемого в процессе учебной деятельности» [8].

Таким образом, предложенная П.Ф. Каптеревым идея развивающего (усовершенствующего) обучения была дополнена Выготским идеей опережающего развития мышления.

Дальнейшее развитие эта концепция получила в разработке Л.С. Выготским понятия «зоны развития». «Зона ближайшего развития ребенка – это расстояние между уровнем его актуального развития, определяемым с помощью задач, разрешаемых самостоятельно, и уровнем возможного развития ребенка, определяемым с помощью задач, решаемых ребенком под руководством взрослых и в сотрудничестве с более умными его сотоварищами» [2, с. 395]. Это понятие непосредственно связывало психологические основания развивающего обучения с принципом коллективизма, имевшим в СССР большое значение. В том же направлении, как и в системе П.Ф. Каптерева, в концепции Выготского постулировалось единство обучающего и воспитательного моментов образовательного процесса.

Теоретико-педагогические идеи Л.С. Выготского были реализованы на практике в авторских педагогических системах Л.В. Занкова, Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, а В.М. Розин соединил принцип развивающего обучения с другим практически-системным элементом педагогической системы – личностью учителя в осуществлении процесса развивающего обучения на основе опережающего развития мышления. «Учитель развивающего обучения…, который недоволен собой и который не способен, когда у него не получается, утешать себя тем, что страна плохая, дети плохие, родители плохие. И он обращается к себе. Сколько всего наш учитель должен знать: и философию, и психологию, и социологию. Но он будет знать не раньше, чем сам почувствует в этом потребность. Ведь развивающее обучение – это обучение, в котором, прежде всего, развивается учитель». Можно только удивляться, насколько созвучны эти слова тому, что писал о личности педагога П.Ф. Каптерев. В практике советского образования происходило специальное обучение учителей методикам развивающего образования по русскому языку и математике [8].

Однако в советский период из педагогического пространства было вытеснено понятие подлинно научной систематики образования, которое П.Ф. Каптерев развивал всю свою долгую творческую жизнь. Так, А.Г. Кузнецова констатирует: «В 30–50-е гг. XX в. в педагогике как эмпирической науке преобладал описательный способ отражения сущности педагогических явлений. Термин «система», который редко встречался в педагогической литературе рассматриваемого периода, совершенно утратил гносеологический смысл, а его онтологическое содержание стало сводиться к житейскому смыслу. Само понятие «система» использовалось для обозначения альтернативы единичному явлению, описания некоторого набора компонентов, определенным образом связанных между собой» [6, с. 53].

Во многом оказываются правы те, кто пишет о развитии советской системы образования как об использовании дореволюционного потенциала. И это позволяет по-новому взглянуть на практическое, а не только теоретическое значение достижений педагогов предреволюционного периода. Именно их разработки послужили основой для создания той системы государственного образования, которая привела к взлету советской науки и технологии в 1930–1970-х гг., и отход от которых стал причиной кризиса 1980-х годов. Так, А. Лиманов в статье «Образовательная реформа XIX века как основа советской НТР» пишет, что «реформа образования мало того, что оказала сильнейшее влияние на всю общественную жизнь второй половины XIX столетия и начала XX века, но – что гораздо важнее, даже поразительнее, – смогла воздействовать на научную, техническую и культурную жизнь Отечества более 100 лет. Ни одна из “старших” реформ не “работала” так долго. И во многом как раз она определила тот высочайший взлет советской научно-технической мысли 50–60-х годов XX века, результатами которого мы пользуемся до сих пор» [7]. Несомненно, что творцы и проводники этой реформы, в том числе педагоги-теоретики, П.Ф. Каптерев, К.Д. Ушинский, А. Вирениус, П.Г. Мижуев, В.И. Чарнолусский и другие заслуживают такой же высокой оценки.

Влияние научного наследия П.Ф. Каптерева на теоретические и практические достижения его современников прослеживается при анализе педагогических работ П.Г. Межуева, М.И. Демкова, В.И. Чарнолусского, М.Л. Песковского, Н. Каринцева и др. Идеи автономности педагогического и образовательного процесса, научные принципы его организации, в том числе, общеобразовательный характер, принцип народности, учет историческо-

го и общественно-социального своеобразия, методическое единство стали базой для разработки нормативных, правовых и методических материалов, подготавливающих введение в Российской империи всеобщего народного образования, хотя реализация этого и произошла после революции 1917 г. Его соратники и последователи продолжили работу по привлечению общественного интереса к проблемам педагогической науки и практической педагогики.

Систематизация П.Ф. Каптеревым проблем научной педагогики имела большое влияние на развитие отечественной педагогики на протяжении всего XX века, она повлияла на разработку психолого-педагогических теорий Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, теоретическое обоснование развивающей педагогики, а также на создание единой методической базы советской педагогической системы. Искусственное исключение его имени и работ из отечественной педагогической науки в 1920–1930-х гг. отрицательно сказалось на ее развитии, прервало естественную научную историческую связь, обуславливающую единство научного развития, стало, наряду со многими другими, одной из причин кризиса советской педагогики. Теории и идеи П.Ф. Каптерева и в настоящее время имеют историко-научное значение, поскольку в них дан образ педагогики как целостной и единой системы не только научно-теоретических, но и общественно-государственных знаний и практик.

Библиографический список

1. *Бреев С.И., Рункова М.К.* Методология педагогики России XX века. – М., 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://do.teleclinica.ru/201055/ (дата обращения: 2011 г.).

2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.

3. *Демков М.И.* История русской педагогики. Ч. I: Древнерусская педагогия (X–XVII в.). – М., 1913. – 302 с.

4. *Каптерев П.Ф.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.

5. *Каринцев Н.* Первоначальное научное воспитание // Воспитание и обучение. – 1909. – № 6. – С. 321–339.

6. *Кузнецова А.Г.* Системология в отечественной педагогике (конец XIX в. – 60-е гг. XX в.) // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 53–58.

7. *Лиманов А.* Образовательная реформа XIX века как основа советской НТР. – М., 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.center-witte.ru (дата обращения: 2011 г.).

8. *Матиуца З.М.* Развивающее обучение как психолого-педагогическая проблема // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2003. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ncstu.ru (дата обращения: 2011 г.).

9. *Мижуев П.Г.* Очерк развития и современного состояния среднего образования в Англии // Русская школа. – 1897. – №1.

10. *Мижуев П.Г.* // Российская педагогическая энциклопедия / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая российская энциклопедия. – Т. 1. – 1993. – С. 573.

11. *Чарнолусский В.И.* «Культура социальной личности». Научный архив Российской Академии Образования (РАО). Фонд 18. Оп. 1. Д. 540. Л. 60.

12. *Песковский М.Л.* Основы организации высшего образования у женщин // Русская мысль. – 1887. – Кн. 1. – С. 123–169.

13. *Чарнолуский В.И.* Земство и народное образование. В 2-х ч. – Ч. 1. – СПб., 1910. – 336 с.

14. *Чарнолуский В.И.* Итоги общественной мысли в области образования. – СПб., 1906. – 110 с.

15. *Чикалова И.Р.* Имя в науке: Павел Григорьевич Мижуев // Российские и славянские исследования. – Минск, 2010. – С. 183–193.

УДК 002.6:37.016

Олейников Алексей Анатольевич
Челябинский государственный педагогический университет
oleynikow@mail.ru

МОДЕЛЬ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Автором статьи рассматривается неспособность выпускника педагогического вуза выявлять и реализовывать дидактические возможности компьютерных программ. Представлена модель компьютерно-технологической подготовки и содержание её элементов, описан педагогический подход реализации компьютерно-технологической подготовки.

Ключевые слова: *компьютерно-технологическая подготовка, дидактические возможности компьютерных программ, компьютерное обучение, информационные технологии.*

Современная педагогика, рассматривая компьютерное образование (С.А. Бешенков, П.В. Беспалов, Я.Я. Боканс, Б.С. Гершунский и др.) определяет его как результат освоения обучаемым окружающей действительности посредством компьютерных технологий, способствующих изменению личностного опыта, который, в свою очередь, обеспечивает становление личности специалиста [1; 2; 3; 4; 6].

Развитие информационных технологий, тесно связанное с развитием компьютерной техники, в особенности программного обеспечения к ней, в то же время представляет собой самостоятельное научное направление. Знания в каждой из названных областей науки одинаково важны для каждого специалиста, в том числе, и в сфере образования. Отсутствие у выпускников педагогических вузов необходимого объема знаний в названных областях науки создает проблему формирования компьютерно-информационной компетентности. Некомпетентность, в свою очередь, сдерживает процесс информатизации деятельности педагога.

Для нового поколения специалистов образовательной сферы производства системой идеальных предметов являются знания новейших аппаратно-программных средств компьютера, умения и навыки различных умственных действий с ними, которые сегодня необходимы для саморазвития и самообразования. Использование компьютерной техники во всех сферах жизни человека сделало необходимым получение каждым специалистом знаний, позволяющих ему эффективно использовать компьютер и программные средства в профессиональной деятельности. Сегодня такой системой знаний в полном объёме выпускник педагогического вуза не обладает. Недостаток знаний, умений и навыков выражается в неспособности выпускника выявить и реализовать дидактические возможности компьютерных программ. Отсутствие требуемых знаний, умений и навыков обусловлено наличием проблемы, противоречием между необходимостью улучшения квалификационных характеристик выпускников педагогических вузов и отсутствием универсальных методов выявления и реализации дидактических возможностей компьютерных программ.

Важность решения стоящей проблемы продиктована необходимостью расширения и углубления процесса компьютеризации и информатизации педагогической деятельности, перевода компьютерных систем из разряда средств производства в инструмент познавательно-творческой деятельности.

Одним из путей решения стоящей проблемы, на наш взгляд, будет введение в учебный процесс компьютерно-технологической подготовки в педагогическом вузе, в основе формирования содержания которой должны лежать принципы последовательности, структуризации и профилизации. Структуризация содержания выступает в качестве базы формирования конкретно заданных профессионально значимых компетентностей в области компьютерной техники и определенных спецификой обучения студентов. Компьютерно-технологическая подготовка направлена на формирование совокупности социально и профессионально значимых компетентностей будущего педагога, согласно его специализации и обеспечивающих выявление и реализацию дидактических возможностей компьютерных программ. Сформированность компьютерно-технологической компетентности позволяет студенту проектировать, разрабатывать, внедрять и совершенствовать компьютерные программы, в частности, их дидактические составляющие, повышающие эффективность образовательной сферы производства, к которой относится и образование.

Проведённый нами анализ дидактических материалов по информатике, разработанных для студентов педагогических вузов, показывает, что основное внимание в них уделяется изучению программных продуктов общего назначения, выработке навыков работы с ними. Основная же цель изучения дисциплины «информатика» – формирование профессионально значимых качеств педагога – остается недостигнутой, т.к. знания по алгоритмизации, моделированию, программированию, выработка умений и навыков построения проектов профессионально значимых компьютерных программ остаются неосвоенными студентами, обучающимися не по профильным специальностям. Следствием оказывается неспособность большинства выпускников педагогических вузов выявлять и реализо-

© Олейников А.А., 2013

вывать дидактические составляющие компьютерных программ.

Формирование у студентов педагогических вузов умений и навыков постановки профессионально значимых задач перед программистами – одна из главных целей изучения информатики. Без этого невозможна разработка качественных программных продуктов для педагогической деятельности. Алгоритмизация, моделирование, программирование должны составлять основу преподавания дисциплины «информатика» на гуманитарных факультетах, причем содержание дидактических материалов по дисциплине «информатика» должно содержать знания по специальным дисциплинам, которые изучают студенты в соответствии с профилем обучения. Изучение профильного содержания информатики обеспечит формирование компетентности, позволяющей выявлять и реализовывать дидактические возможности компьютерных программ.

Одной из основных для выпускника педагогического вуза является компьютерно-технологическая компетентность, которая характеризуется уровнем профессиональной подготовленности будущего педагога. Одной из основ компьютерно-технологической компетентности выступает профессионально-информационная культура, включающая в себя не только умения и навыки работы со служебной информацией, компьютерной техникой, но также и знание норм этики обращения с информацией конфиденциального характера, законов, регламентирующих право на разглашение или передачу какой-либо служебной информации другим лицам.

В неразрывной связи с понятием профессионально-информационной культуры стоит компьютерная культура. Э.Г. Скибицкий и О.В. Шкабура рассматривают компьютерную культуру как наиболее важную составляющую высшего профессионального образования и обучения [4; 6].

В этой связи в современной научной литературе высказывается мнение о необходимости реформирования и модернизации содержания компьютерной и информационной подготовки студентов в педагогических вузах.

В частности компьютерно-технологическая подготовка образует систему специальных знаний компьютерных технологий, аппаратно-программных средств вычислительной техники, умений и навыков использования компьютерной техники для решения конкретных профессионально значимых задач.

Компьютерно-технологическая подготовка студентов педагогических вузов предусматривает освоение специальных знаний в области компьютерных и информационных технологий, методов моделирования с максимальной реализацией дидактических возможностей компьютерных программ в формировании у будущих педагогов новых профессионально значимых качеств, таких как:

– логическое, абстрактное и техническое мышление;

– потребность творческого, эвристического подхода к решению конкретных задач, применения средств вычислительной техники как важного инструмента своего профессионального роста;

умений:

– использовать все ресурсы и возможности ЭВМ в решении профессионально-значимых задач;

– анализировать получаемые результаты своей работы, отбирать наиболее приемлемые, альтернативные решения поставленных перед ним практических задач;

– строить модели своих будущих действий в определенных условиях, возникающих в ходе практической деятельности специалиста;

– строить алгоритмы решений задач;

– создавать компьютерные модели предполагаемого процесса и получать предварительную оценку своих профессиональных действий;

выработке навыков:

– работы со специальными программными средствами ЭВМ, используемыми в профессионально производственной сфере;

– систематизации получаемых знаний – алгоритмизирования;

– планирования производственных мероприятий и анализа результатов проделанной работы.

Необходимо отметить, что достичь поставленной цели – формирования компьютерно-технологической компетентности – можно только в том случае, если содержание подготовки будет постоянно обновляться соответственно уровню развития современной компьютерной техники.

Немаловажным в организации компьютерно-технологической подготовки является моделирование процесса обучения.

Моделирование процесса компьютерно-технологической подготовки позволяет решить несколько дидактических задач:

– приведение системы обучения в оптимальное состояние;

– улучшение планирования учебного процесса;

– управление процессом познания в ходе учебного процесса;

– прогнозирование, моделирование процесса обучения;

– диагностирование результатов процесса обучения.

Разрабатывая модель и планируя ход процесса компьютерно-технологической подготовки, необходимо учитывать, что студент не имеет достаточно полного представления о способах реальной и идеальной самоорганизации. Проявляя свою активность в постоянном разрешении противоречия между внутренними потребностями и внешними условиями своей деятельности, студент как субъект вырабатывает индивидуальный способ организации учебной

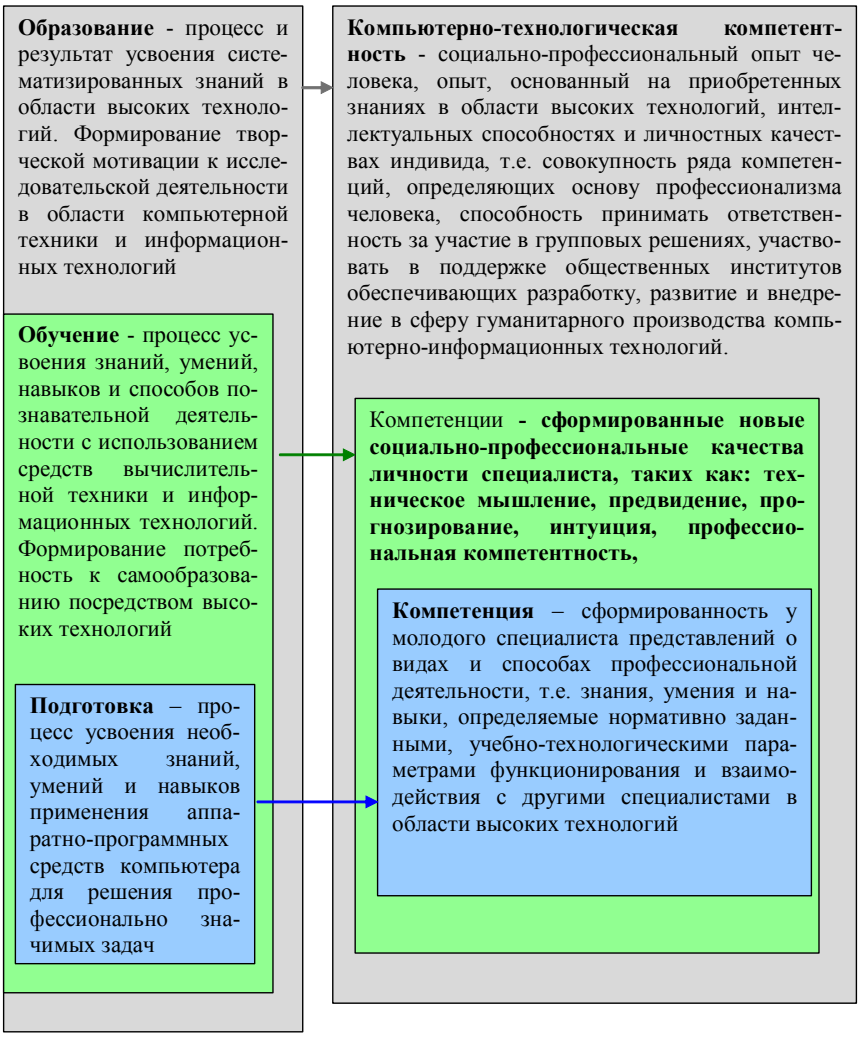


Рис. 1. Модель компьютерно-технологической подготовки студентов педагогического вуза

и практической деятельности, результат которой представляет собой синтез профессиональной компетентности и объективных характеристик педагога. Личностно-деятельностный подход позволяет обосновать ведущие принципы функционирования компьютерно-технологической подготовки как системы: вариативность – ориентирование студента на разработку собственной программы и стратегии деятельности; перспективность – отношение студента к цели повышения своего профессионального уровня; креативность – обучение на основе индивидуально-творческого подхода к усвоению знаний с использованием компьютерно-информационных технологий; универсальность – адаптация студента к различным условиям обучения; опытно-деятельностный принцип – использование в обучении имеющегося профессионального и социального опыта студента в определении взаимосвязи познавательных процессов и логики становления личности специалиста в структуре конкретной деятельности; индивидуальность – конструирование содержания обучения и выбор методов достижения цели с учетом индивидуальных качеств студента.

Особенностью моделирования учебного процесса на основе использования в нем компьютерно-информационных технологий является их связующая функция, вокруг которой формируется необходимая информационная среда компьютерно-информационного обучения, обеспечивающая активное взаимодействие компонентов учебного процесса – структуры и содержания дидактического комплекса, реализуемого на основе модели и в соответствии с целями и задачами компьютерно-технологической подготовки (рис. 1).

Отражение результатов моделирования содержания учебно-методических материалов компьютерно-технологической подготовки на основе информационного подхода позволяет рассматривать содержание каждого из компонентов модели как самостоятельную дидактическую единицу: первую – обеспечивающую получение знаний посредством изучения учебно-методических материалов по специализации (педагогике, психологии, компьютерным и информационным технологиям, математики и др.); вторую – формирующую умения практического применения компьютерных систем для разработки, реализации

и применения специализированных программных средств ЭВМ для решения профессионально значимых задач; третью – вырабатывающую навыки ведения делопроизводства, использования аппаратно-программных средств в социальной и профессиональной деятельности.

Сложность содержания компьютерно-технологической подготовки студентов планомерно наращивается и усложняется. При реализации содержания модели компьютерно-технологической подготовки создаются условия, при которых студент направляет свои интеллектуальные резервы на разработку необходимых компонентов (модель, алгоритм, блок-схема и т.д.) будущей компьютерной программы.

Содержание компьютерно-технологической подготовки студентов представляет собой единство профессиональных знаний и социального опыта, передаваемого студенту, который, преломляя содержание его элементов (отраженных в модели) через свой внутренний мир, делает его субъективным отражением своего личного опыта.

Основными компонентами суммы знаний, умений и навыков субъективного опыта специалиста выступают профессиональные знания и знания в области высоких технологий, умения и навыки применения профессиональных знаний в своей социальной деятельности, творческий подход к решению профессиональных и социальных задач, ценностное отношение к собственным личностным качествам. Компьютерно-технологическая подготовка в этом смысле обусловливает выделение направленных на формирование личностных и профессиональных качеств специалиста.

Образование как отражение сформированности широкого спектра личностных качеств и профессиональных компетенций специалиста, усвоенных в процессе обучения, является основой компетентности человека в одной или нескольких областях науки. Опираясь на данное определение, мы делаем вывод, что компьютерно-технологическая подготовка есть отражение совокупности профессиональных компетенций педагога в области высоких технологий, определяющих его личностные качества как индивида.

Компьютерно-технологическая подготовка – это основа компьютерно-технологической компетентности специалиста. Она обеспечивает формирование компетентностей в двух областях науки: в области компьютерных технологий и в области информационных технологий. При этом содержание обучения разрабатывается с учетом профиля подготавливаемого специалиста, т.е. профилизации и интенсификации содержания, которое должно включать изучение и практическое освоение студентами тех видов специальной компьютерной техники, на которой в будущем придется работать выпускнику. Профилизация предполагает оптимизацию содержания компьютерно-технологической подготовки целесообразно процессу обучения. Она способствует отбору учебного материала, созданию благоприятных условий обучения студентов.

Под профилизацией содержания компьютерно-технологической подготовки мы понимаем отражение сферы деятельности специалиста педагога в части управления информационными ресурсами. Говоря о профилизации компьютерно-технологической подготовки студентов педагогических вузов, мы придаем большое значение использованию в качестве дидактических материалов по информатике сборников практических задач по специальным гуманитарным дисциплинам, знания по которым в синтезе с компьютерно-информационными знаниями образуют компьютерно-технологическую компетентность специалиста.

Компьютерно-технологическая компетентность – результат целенаправленного воздействия на личностный фактор обучаемого, т.е. ориентирование его на самостоятельное пополнение знаний, самоорганизацию внеучебной практической работы с аппаратно-программными средствами, самостоятельное построение необходимой системы знаний. В частности, реализация дидактической составляющей компьютерных программ обеспечивает рост профессионализма в области компьютерно-информационных технологий и как итог, успешную социализацию в информационном обществе выпускника педагогического вуза.

Таким образом, компьютерно-технологическая компетентность – это проявление индивидуальности, способность к самостоятельной познавательной деятельности личности, сформированность творческого мышления, способность преобразовать имеющиеся специальные знания и приобретенный практический опыт в средства создания новых орудий труда, в том числе и в области компьютерно-информационных технологий для осуществления профессиональной и социальной деятельности.

Библиографический список

1. *Беспалов П.В.* Компьютерная компетентность в контексте личностно ориентированного обучения // Педагогика. – 2003. – №4. – С. 41–45.

2. *Бешенков С.А.* Проблемы профильного обучения информатике. – М., 1993. – 90 с.

3. *Боканс Я.Я.* Формирование навыков использования компьютерной техники у студентов естественнонаучных специальностей университета: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Рига, 1990. – 21с.

4. *Гершунский Б.С.* Компьютеризация в сфере образования: Проблемы и перспективы. – М.: Педагогика, 1987. – 264 с.

5. *Олейников А.А.* Организационно-педагогические основы компьютерно-информационного образования студентов гуманитарных факультетов. – Костанай, 2006. – 232 с.

6. *Скибицкий Э.Г., Шкабура О.В.* Стиль мышления как стратегия решения задач с использованием компьютера // Информатика и образование. – 2000. – № 10. – С. 11–18.

7. *Яковлева Н.О.* Теоретико-методологические основы педагогического проектирования. – М.: Информационно-издательский центр АТ и СО, 2002.

УДК 513

Секованов Валерий Сергеевич
доктор педагогических наук,
кандидат физико-математических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОТОБРАЖЕНИЕ «КОШКА АРНОЛЬДА» И МЕТОДИКА ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В данной статье рассматривается отображение «кошка Арнольда», исследуются его периодические точки и методика обучения.

Ключевые слова: *отображение, периодические и неподвижные точки.*

Одним из знаменитых двумерных отображений является отображение «кошка Арнольда». Это отображение обладает рядом замечательных свойств и находит приложения в различных областях. Однако его методика изучения не разработана и вызывает у студентов ряд трудностей при выявлении математических свойств данного преобразования и создании алгоритма для построения образов квадрата $ABCD$: $T(ABCD), T^{(2)}(ABCD), T^{(3)}(ABCD),\ldots$.

Следуя [1], рассмотрим линейное отображение $A\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} \\ a_{21} & a_{22} \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$, переводящее квадрат $ABCD$ в параллелограмм $A'B'C'D'$. Изложим наш подход при исследовании отображения «кошка Арнольда».

Пусть (рис. 1):

$$A(0,0) \to A'(b^1, b^2),$$
$$B(1,0) \to B'(a_1^1, a_2^1),$$
$$C(1,1) \to C'(d^1, d^2),$$
$$D(0,1) \to D'(a_1^2, a_2^2).$$

Согласно известной формуле $A\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} a_1^1 - b^1 & a_2^1 - b^1 \\ a_1^2 - b^2 & a_2^2 - b^2 \end{pmatrix}$ (см., например, [3]) найдем матрицу линейного преобразования. В нашем случае имеем: $A\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1-0 & 1-0 \\ 1-0 & 2-0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$. Таким образом,

$$A\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}, A\begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix},$$
$$A\begin{pmatrix} 0 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 0 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 \\ 2 \end{pmatrix}, A\begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 2 \\ 3 \end{pmatrix}$$

Теперь рассмотрим отображение $\varphi\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \bmod 1 \\ y \bmod 1 \end{pmatrix}$, связанное с нахождением дробной части координат x, y (например, $\varphi\begin{pmatrix} 3{,}2 \\ 5{,}67 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 3{,}2 \bmod 1 \\ 5{,}67 \bmod 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0{,}2 \\ 0{,}67 \end{pmatrix}$).

Под отображением T – «кошка Арнольда» мы будем понимать суперпозицию отображений A (ли-

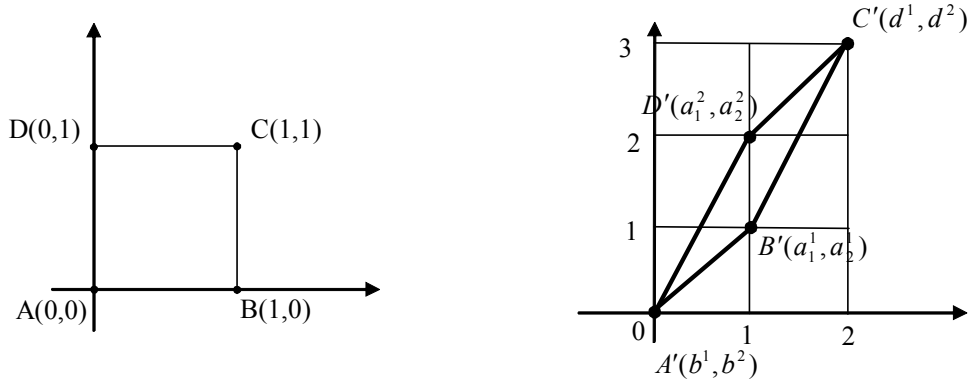


Рис. 1.

© Секованов В.С., 2013

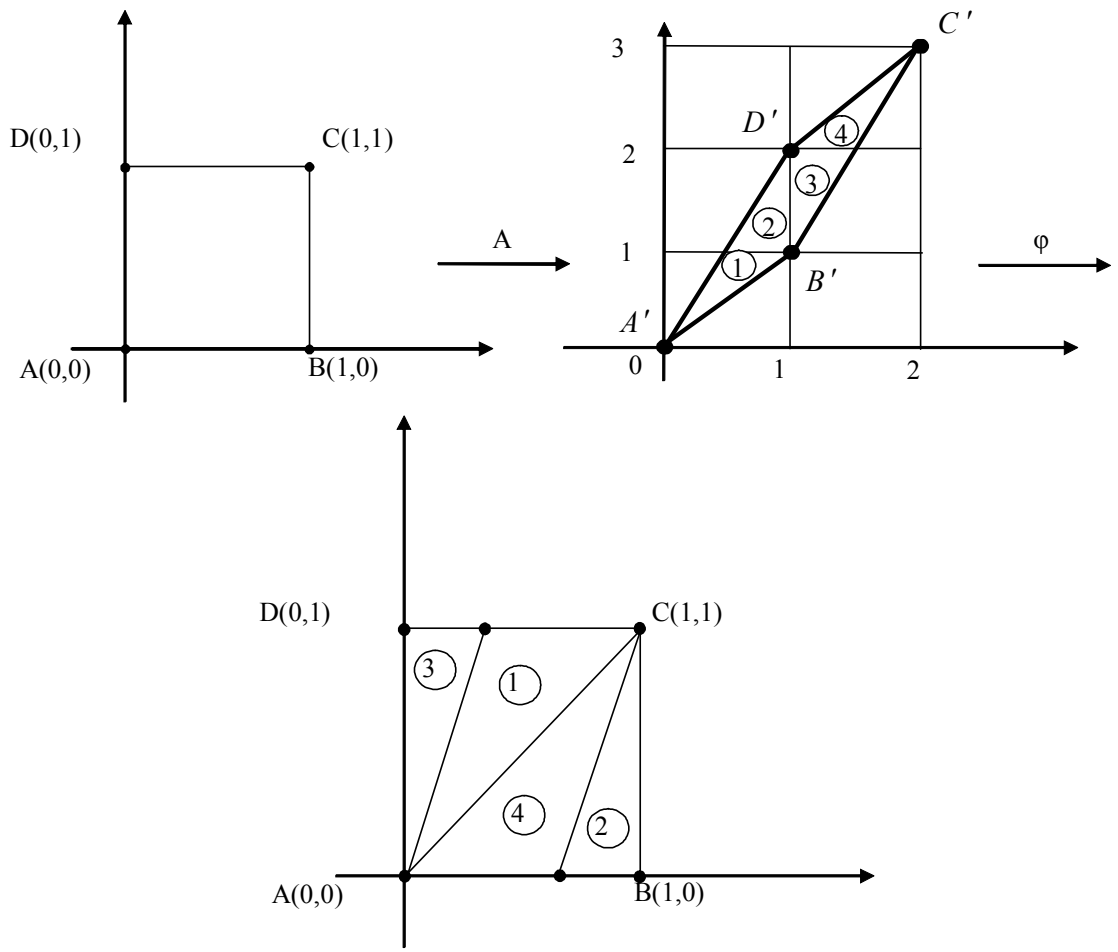


Рис. 2.

нейное отображение) и φ (перекладывание или взятие mod 1). То есть $T = \varphi \circ A$.

Таким образом, отображение «кошка Арнольда» $T = \varphi \circ A$, задано на единичном квадрате с центром в точке $\begin{pmatrix} \frac{1}{2} \\ \frac{1}{2} \end{pmatrix}$ и сторонами, параллельными осям координат с множеством значений также находящихся в квадрате *ABCD* (рис. 2).

Следуя [1], проведем анализ отображения *T*. Растяжение под действием матрицы *A* – линейное преобразование переводящее прямые в прямые. Наш квадрат *ABCD* при отображении переходит в параллелограмм $A'B'C'D'$. Вторая часть преобразования «кошка Арнольда» (mod 1) – взятие дробной части; оно соответствует разрезанию параллелограмма $A'B'C'D'$ на треугольники с номерами 1, 2, 3, 4 с последующим перекладыванием их в исходный единичный квадрат (рис. 2). Учитывая опыт преподавания дискретных динамических систем, приведем схему исследования преобразования *T*.

Найдем сначала неподвижные точки отображения «кошка Арнольда». Пусть

$$T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \varphi\left(A\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right) = \begin{pmatrix} (x+y) \bmod 1 \\ (x+2y) \bmod 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}. \qquad (1)$$

Из равенства (1) получаем, что $(*)\, x + y = x + k$, $(**)\, x + 2y = y + m$, где *k*, *m* – целые числа. Вычитая из (**) (*), получим *x*=0 или *x*=1. Если *x*=0, то *y*=0 или *y*=1. Если же *x*=1, то вновь *y*=0 или *y*=1. Нетрудно проверить, что $T\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}, T\begin{pmatrix} 1 \\ 0 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$, $T\begin{pmatrix} 0 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$, $T\begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$. Таким образом, единственной неподвижной точкой преобразования «кошка Арнольда» будет точка $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$. Мы видим, что все четыре вершины квадрата отображаются в начало координат.

Оказывается с преобразованием «кошка Арнольда» связаны числа Фибоначчи, вычисляемые по формуле: $F_n = F_{n-1} + F_{n-2},\ n \geq 2,\ F_1 = F_2 = 1$.

В [5] приводятся без доказательства формулы: $A^{(n)}=\begin{pmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{pmatrix}$, которые мы выведем в предложениях 1–2.

Предложение 1. Пусть $A\begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 1 \end{pmatrix}$ линейное отображение. Тогда $A^{(n)}=\begin{pmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{pmatrix}$.

Доказательство проведем по индукции:

Для i=1 имеем: $A=\begin{pmatrix} F_1 & F_2 \\ F_2 & F_3 \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}$. Пусть i=n и $A^{(n)}=\begin{pmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{pmatrix}$.

Для i=n+1 получим:

$$A^{(n+1)}=A\cdot A^{(n)}=\begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{pmatrix}\begin{pmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{pmatrix}=$$

$$=\begin{pmatrix} F_{2n-1}+F_{2n} & F_{2n}+F_{2n+1} \\ F_{2n-1}+2F_{2n} & F_{2n}+2F_{2n+1} \end{pmatrix}=$$

$$=\begin{pmatrix} F_{2n+1} & F_{2n+2} \\ F_{2n-1}+F_{2n}+F_{2n} & F_{2n}+F_{2n+1}+F_{2n+1} \end{pmatrix}=$$

$$=\begin{pmatrix} F_{2n+1} & F_{2n+2} \\ F_{2n+1}+F_{2n} & F_{2n+2}+F_{2n+1} \end{pmatrix}=$$

$$=\begin{pmatrix} F_{2n+1} & F_{2n+2} \\ F_{2n+2} & F_{2n+3} \end{pmatrix}.$$

Предложение 2. Имеет место равенство $\begin{vmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{vmatrix}=1$.

Применяя метод индукции, покажем, что для каждого натурального числа n $\begin{vmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{vmatrix}=1$.

а) При i=1 $\begin{vmatrix} F_1 & F_2 \\ F_2 & F_3 \end{vmatrix}=\begin{vmatrix} 1 & 1 \\ 1 & 2 \end{vmatrix}=1\cdot 2-1\cdot 1=1$.

б) Пусть утверждение справедливо при i=n. То есть $\begin{vmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{vmatrix}=1$.

в) Покажем, что для i=n+1 $\begin{vmatrix} F_{2n+1} & F_{2n+2} \\ F_{2n+2} & F_{2n+3} \end{vmatrix}=1$.

Поскольку $F_{2n+1}=F_{2n-1}+F_{2n}$, $F_{2n+2}=F_{2n-1}+2F_{2n}$, $F_{2n}+2F_{2n+1}=F_{2n+2}+F_{2n+1}=F_{2n+3}$ получим:

$$\begin{vmatrix} F_{2n+1} & F_{2n+2} \\ F_{2n+2} & F_{2n+3} \end{vmatrix}=\begin{vmatrix} F_{2n-1}+F_{2n} & F_{2n}+F_{2n+1} \\ F_{2n-1}+2F_{2n} & F_{2n}+2F_{2n+1} \end{vmatrix}=$$

$$=(F_{2n-1}+F_{2n})(F_{2n}+2F_{2n+1})-(F_{2n}+F_{2n+1})(F_{2n-1}+2F_{2n})=$$

$$=F_{2n-1}F_{2n}+2F_{2n-1}F_{2n+1}+F_{2n}^2+2F_{2n+1}F_{2n}-F_{2n}F_{2n-1}-$$

$$-2F_{2n}^2-F_{2n+1}F_{2n-1}-2F_{2n}F_{2n+1}=$$

$$=F_{2n-1}F_{2n+1}-F_{2n}^2=1$$

Мы определили отображение T, как композицию двух отображений A и φ:

$$T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}=\varphi\left(A\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right)=\begin{pmatrix} (x+y)\bmod 1 \\ (x+2y)\bmod 1 \end{pmatrix}.$$

Возникает вопрос, не выполняется ли формула $T^{(n)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right)$ для каждого натурального n.

Проверим сначала данную формулу, например, для $n=4$, $\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}$. Исходя из определения отображения «кошка Арнольда» получим:

$$T^{(1)}\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} \frac{1}{3}+\frac{1}{3} \\ \frac{1}{3}+\frac{2}{3} \end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix} \frac{2}{3} \\ 0 \end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} \frac{2}{3}+0 \\ \frac{2}{3}+0 \end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix} \frac{2}{3} \\ \frac{2}{3} \end{pmatrix},$$

$$T^{(3)}\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} \frac{2}{3}+\frac{2}{3} \\ \frac{2}{3}+\frac{4}{3} \end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ 0 \end{pmatrix},$$

$$T^{(4)}\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} \frac{1}{3}+0 \\ \frac{1}{3}+0 \end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix} \frac{1}{3} \\ \frac{1}{3} \end{pmatrix}.$$

Используя числа Фибоначчи, находим коэффициенты матрицы $A^{(4)}$ и вычисляем $\varphi\left(A^{(4)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right)$, где $x=\frac{1}{3}$, $y=\frac{1}{3}$.

$$F_7=13, F_8=21, F_9=34, \quad A^{(4)}=\begin{pmatrix} F_7 & F_8 \\ F_8 & F_9 \end{pmatrix}=\begin{pmatrix} 13 & 21 \\ 21 & 34 \end{pmatrix}.$$

$$\varphi\left(A^{(4)}\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}\right)=\varphi\left(\begin{pmatrix}13 & 21\\ 21 & 34\end{pmatrix}\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}\right)=\varphi\begin{pmatrix}\frac{13}{3}+\frac{21}{3}\\ \frac{21}{3}+\frac{34}{3}\end{pmatrix}=$$

$$=\varphi\begin{pmatrix}\frac{12+1}{3}+7\\ 7+\frac{33+1}{3}\end{pmatrix}=\varphi\begin{pmatrix}12+\frac{1}{3}\\ 18+\frac{1}{3}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}.$$

Таким образом, мы видим, что $T^{(4)}\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(4)}\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}\right)$. Пусть

$$A\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x+y\\ x+2y\end{pmatrix},\ A^{(2)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2x+3y\\ 3x+5y\end{pmatrix},$$

$$A^{(3)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}5x+8y\\ 8x+13y\end{pmatrix}$$

$$A^{(3)}\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}5\cdot\frac{1}{2}+8\cdot\frac{1}{2}\\ 8\cdot\frac{1}{2}+13\cdot\frac{1}{2}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}.$$

$$T\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}+\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}+1\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}0\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}0+\frac{1}{2}\\ 0+1\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ 1\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ 0\end{pmatrix},$$

$$T^{(3)}\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}+0\\ \frac{1}{2}+0\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}.$$

Докажем с помощью метода математической индукции, что для каждого натурального n действительно $T^{(n)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$.

При i=1 $T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\varphi\left(A\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$ по определению. Предположим, что выполняется равенство $T^{(n)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$ для i=n. Заметим, что

$$\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)=\varphi\left(\begin{pmatrix}F_{2n-1} & F_{2n}\\ F_{2n} & F_{2n+1}\end{pmatrix}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)=$$

$$=\begin{pmatrix}(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1\\ (F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1\end{pmatrix}.$$

Далее имеем для i=n+1:

а) $A^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=A\begin{pmatrix}F_{2n-1}x+F_{2n}y\\ F_{2n}x+F_{2n+1}y\end{pmatrix}=$

$$=\begin{pmatrix}F_{2n-1}x+F_{2n}y+F_{2n}x+F_{2n+1}y\\ F_{2n-1}x+F_{2n}y+2F_{2n}x+2F_{2n+1}y\end{pmatrix}$$

$$\varphi\left(A^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)=\begin{pmatrix}(F_{2n-1}x+F_{2n}y+F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1\\ (F_{2n-1}x+F_{2n}y+2F_{2n}x+2F_{2n+1}y)\bmod 1\end{pmatrix}.$$

б)

$$T^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1\\ (F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1\end{pmatrix}=$$

$$=\begin{pmatrix}[(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1+(F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1]\bmod 1\\ [(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1+2(F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1]\bmod 1\end{pmatrix}$$

Пусть $F_{2n-1}x+F_{2n}y=\alpha,\alpha_1\alpha_2,\alpha_3.....$ (γ) и $F_{2n}x+F_{2n+1}y=\beta,\beta_1\beta_2,\beta_3.....$ (μ).

Сложим (γ) и (μ).

Получим

$$F_{2n-1}x+F_{2n}y+F_{2n}x+F_{2n+1}y=$$
$$=(\alpha+\beta)+0,\alpha_1,\alpha_2...+0,\beta_1,\beta_2...=$$
$$=(\alpha+\beta+\gamma)+0,\gamma_1,\gamma_2...,$$

где $\gamma_1,\gamma_2,\gamma_3....=0,\alpha_1,\alpha_2...+0,\beta_1,\beta_2....$

Таким образом, первая координата $\varphi\left(A^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$ равна $(F_{2n-1}x+F_{2n}y+F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1=0,\gamma_1,\gamma_2....$

Далее $(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1=0,\alpha_1,\alpha_2.....$ и $(F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1=0,\beta_1,\beta_2....$

Тогда первая координата $T^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$ равна:

$$((F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1+(F_{2n}x+F_{2n+1}y))\bmod 1=$$
$$=\gamma,\gamma_1,\gamma_2.....\bmod 1=0,\gamma_1,\gamma_2,$$

таким образом, первая координата $\varphi\left(A^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$ совпадает с первой координатой $T^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$.

Проверим, что вторая координата $\varphi\left(A^{(n+1)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}\right)$

совпадает со второй координатой $T^{(n+1)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$. Действительно, пусть

$$F_{2n-1}x + F_{2n}y = \alpha, \alpha_1, \alpha_2 ....$$

$$F_{2n}x + F_{2n+1}y = \beta, \beta_1, \beta_2 ....$$

Тогда

$$2(F_{2n}x + F_{2n+1}y) = 2F_{2n}x + 2F_{2n+1}y =$$
$$= \beta, \beta_1, \beta_2 ..... + \beta, \beta_1, \beta_2 .... = 2\beta + \delta + 0, \delta_1, \delta_2 ....,$$

где $\delta, \delta_1, \delta_2 ... = 0, \beta_1, \beta_2 + ... + 0, \beta_1, \beta_2 ...$

Следовательно,

$$(F_{2n-1}x + F_{2n}y + 2F_{2n}x + 2F_{2n+1}y) \bmod 1 =$$
$$= (\alpha, \alpha_1, \alpha_2 ..... + 2\beta + \delta + 0, \delta_1, \delta_2 ....) \bmod 1 =$$
$$= ((\alpha + 2\beta + \delta) + 0, \alpha_1, \alpha_2 ... + 0, \delta_1, \delta_2 ....) \bmod 1.$$

Пусть $\gamma, \gamma_1, \gamma_2 ... = 0, \alpha_1, \alpha_2 + ... + 0, \delta_1, \delta_2 ...$ Тогда получим:

$$(F_{2n-1}x + F_{2n}y + 2F_{2n}x + 2F_{2n+1}y) \bmod 1 = 0, \gamma_1, \gamma_2 ....$$

$$(F_{2n-1}x + F_{2n}y) \bmod 1 = 0, \alpha_1, \alpha_2 ....$$

$$2[(F_{2n-1}x + F_{2n}y) \bmod 1] = 2(0, \beta_1, \beta_2 ....) =$$
$$= 0, \beta_1, \beta_2 .... + 0, \beta_1, \beta_2 ... = \delta, \delta_1, \delta_2 ...$$

Следовательно,

$$[(F_{2n}x + F_{2n+1}y) \bmod 1] + 2[(F_{2n}x + F_{2n+1}y) \bmod 1] \bmod 1 =$$
$$= [0, \alpha_1, \alpha_2 .... + \delta, \delta_1, \delta_2 + ...] \bmod 1 =$$
$$= [(\gamma + \delta) + 0, \gamma_1, \gamma_2] \bmod 1 = 0, \gamma_1, \gamma_2 ...$$

Мы показали, что и вторая координата $\varphi\left(A^{(n+1)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right)$ совпадает со второй координатой $T^{(n+1)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$. Таким образом, $T^{(n)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}\right)$ для каждого натурального числа n.

Замечание. Нетрудно проверить, что в общем виде формула $(a+b) \bmod 1 \neq a \bmod 1 + b \bmod 1$ (например, при $a = 1{,}5, \quad b = 0{,}6$). Будет справедлива формула $(a+b) \bmod 1 = [a \bmod 1 + b \bmod 1] \bmod 1$.

Видоизменив доказательство, приведенное в [2], покажем, что каждая точка с рациональными координатами периодична при отображении «кошка Арнольда».

Пусть $x \in Q, y = Q$. Представим $x = \dfrac{p}{q}, \; y = \dfrac{l}{q}$ с одинаковым знаменателем q.

Тогда $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} (x+y) \bmod 1 \\ (x+2y) \bmod 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \dfrac{p+l}{q} \bmod 1 \\ \dfrac{p+2l}{q} \bmod 1 \end{pmatrix}$ – рациональная точка, координаты которой имеют знаменатель q. Заметим, что имеется только q^2 различных правильных рациональных точек (включая точку $\begin{pmatrix} 0 \\ 0 \end{pmatrix}$), у которых координаты дробны и имеют знаменатель q. Например, если q=2, то число точек будет 2^2=4. Действительно:

$$\begin{pmatrix} x_1 \\ y_1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \frac{0}{2} \\ \frac{0}{2} \end{pmatrix}; \; \begin{pmatrix} x_2 \\ y_2 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \frac{0}{2} \\ \frac{1}{2} \end{pmatrix}; \; \begin{pmatrix} x_3 \\ y_3 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \frac{1}{2} \\ \frac{0}{2} \end{pmatrix}; \; \begin{pmatrix} x_4 \\ y_4 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \frac{1}{2} \\ \frac{1}{2} \end{pmatrix}.$$

Замечание 1. Под правильной рациональной точкой мы будем понимать точку, у которой либо обе координаты равны нулю, либо обе координаты являются правильными рациональными дробями, либо одна координата есть правильная рациональная дробь, а другая – равна нулю.

Заметим, что все итерации $T^{(n)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}, \quad n = 0,1,2....$ принадлежат конечному множеству D, состоящему из q^2 точек. Следовательно, $\exists m, \exists n \; (m < n)$, что $T^{(n)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix} = T^{(m)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}$. То есть:

$$\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}\right) = \varphi\left(A^{(m)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}\right). \qquad (*)$$

Замечание 2. Не нарушая общности рассуждений мы считаем, что $m<n$.

Из равенства (*) находим, что

$$A^{(n)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix} = A^{(m)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}.$$

Поскольку $\det A^{(m)} = \det\begin{pmatrix} F_{2n-1} & F_{2n} \\ F_{2n} & F_{2n+1} \end{pmatrix} = 1$, то матрица $A^{(m)}$ обратима.

Следовательно, $A^{(n-m)}\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix} = E\begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \frac{p}{q} \\ \frac{l}{q} \end{pmatrix}$.

Покажем, что только точки с рациональными координатами периодичны.

$$T^{(n)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}\right)=\varphi\left(\begin{pmatrix}F_{2n-1} & F_{2n}\\F_{2n} & F_{2n+1}\end{pmatrix}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}\right)=$$
$$=\left(\begin{pmatrix}(F_{2n-1}x+F_{2n}y)\bmod 1\\(F_{2n}x+F_{2n+1}y)\bmod 1\end{pmatrix}\right).$$

Если $T^{(n)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}$, то

$$\begin{cases}F_{2n-1}x+F_{2n}y=x+k & k\in Z\\F_{2n}x+F_{2n+1}y=y+l & k\in Z\end{cases},$$

$$\begin{cases}(F_{2n-1}-1)x+F_{2n}y=k\\F_{2n}x+(F_{2n+1}-1)y=l\end{cases}.$$

$$F_{2n-1}\cdot F_{2n+1}-F_{2n-1}-F_{2n+1}+1-F_{2n}^2=$$
$$=1+1-F_{2n-1}-F_{2n}-F_{2n-1}=2-2F_{2n-1}-F_{2n}\neq 0,\ n>1$$

$$x=\frac{\det\begin{pmatrix}k & F_{2n}\\l & (F_{2n+1}-1)\end{pmatrix}}{\det\begin{pmatrix}F_{2n-1}-1 & F_{2n}\\F_{2n} & F_{2n+1}-1\end{pmatrix}};\quad y=\frac{\det\begin{pmatrix}F_{2n-1} & k\\F_{2n} & l\end{pmatrix}}{\det\begin{pmatrix}F_{2n-1}-1 & F_{2n}\\F_{2n} & F_{2n+1}-1\end{pmatrix}};$$

x, y – рациональные числа.

В достаточно малой окрестности неподвижной точки $\begin{pmatrix}0\\0\end{pmatrix}$ (мы берем $x>0$, $y>0$) отображение «кошка Арнольда» ведет себя как растяжение с коэффициентом λ_1 вдоль собственного направления α_1, соответствующего собственному значению λ_1, и как сжатие с коэффициентом λ_2 вдоль собственного направления α_2, соответствующего собственному значению λ_2. Действительно: собственные значения преобразования «кошка Арнольда» удовлетворяют характеристическому уравнению:

$$\det(A-\lambda E)=\det\begin{pmatrix}1-\lambda & 1\\1 & 2-\lambda\end{pmatrix}=$$
$$=(1-\lambda)(2-\lambda)-1=2-\lambda-2\lambda+\lambda^2-1=$$
$$=\lambda^2-3\lambda+1=0$$
$$\lambda_{1,2}=\frac{3\pm\sqrt{9-4}}{2}=\frac{3\pm\sqrt{5}}{2}$$
$$\lambda_1=\frac{3+\sqrt{5}}{2}>1;\quad \lambda_2=\frac{3-\sqrt{5}}{2}<1$$

По формуле Виета $\lambda_1\cdot\lambda_2=1$.

В достаточно малой окрестности собственных направлений точки, под действием преобразования «кошка Арнольда» движутся по гиперболам (рис. 3).

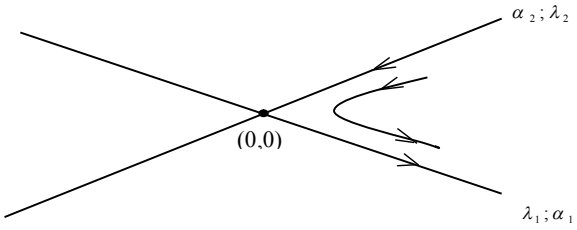


Рис. 3.

В [1] указаны четыре неподвижных точки для отображения $T^{(2)}$: $\begin{pmatrix}0\\0\end{pmatrix}$, $\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\\frac{3}{5}\end{pmatrix}$, $\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\\frac{4}{5}\end{pmatrix}$, $\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\\frac{2}{5}\end{pmatrix}$, а пятая точка $\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\\frac{1}{5}\end{pmatrix}$ опущена. Найдем все неподвижные точки для отображения $T^{(2)}$, то есть те точки, для которых выполняется равенство $T^{(2)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}$. Согласно формуле $T^{(n)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(n)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}\right)$, справедливой для каждого натурального числа n, получим: $T^{(2)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\varphi\left(A^{(2)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}\right)=\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}$.

Т.к. $A^{(2)}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}F_3 & F_4\\F_4 & F_5\end{pmatrix}\begin{pmatrix}x\\y\end{pmatrix}$, $F_3=2, F_4=3, F_5=5$,

то $\begin{cases}(2x+3y)\bmod 1=x\\(3x+5y)\bmod 1=y\end{cases}$. Откуда находим, что $\begin{cases}(x+3y)\bmod 1=0\\(3x+4y)\bmod 1=0\end{cases}$ (**). Исключаем неподвижную точку $\begin{pmatrix}0\\0\end{pmatrix}$ для отображения $T=\varphi\circ A$. Из (**) получим $5x\bmod 1=0$. Поскольку $0<x<1$, то $x=\frac{m}{5}, m=1,2,3,4$. Из (**) находим, что $5y\bmod 1=0$. Поскольку, то $y=\frac{k}{5}, k=1,2,3,4$. Теперь нам следует выяснить какие точки будут неподвижными для отображения $T^{(2)}$. Для этой цели нам нужно вычислить $T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\\frac{1}{5}\end{pmatrix}$, $T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\\frac{2}{5}\end{pmatrix}$, $T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\\frac{3}{5}\end{pmatrix}$, $T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\\frac{4}{5}\end{pmatrix}$, $T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\\frac{1}{5}\end{pmatrix}$,

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\ \frac{2}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{2}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{2}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix},\ T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix}.$$

Будем считать, что

$$\begin{pmatrix}2\cdot x+3\cdot y\\ 3\cdot x+5\cdot y\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}(2x+3y)\bmod 1\\ (3x+5y)\bmod 1\end{pmatrix}.$$

Тогда непосредственная проверка показывает, что

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2\cdot\frac{1}{5}+3\cdot\frac{3}{5}\\ 3\cdot\frac{1}{5}+5\cdot\frac{3}{5}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{1}{5}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{2}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2\cdot\frac{4}{5}+3\cdot\frac{2}{5}\\ 3\cdot\frac{4}{5}+5\cdot\frac{2}{5}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{4}{5}\\ \frac{2}{5}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2\cdot\frac{2}{5}+3\cdot\frac{1}{5}\\ 3\cdot\frac{2}{5}+5\cdot\frac{1}{5}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{2}{5}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2\cdot\frac{3}{5}+3\cdot\frac{4}{5}\\ 3\cdot\frac{3}{5}+5\cdot\frac{4}{5}\end{pmatrix}\bmod 1=\begin{pmatrix}\frac{3}{5}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix}.$$

Оставшиеся двенадцать точек не являются неподвижными точками для отображения $T^{(2)}$ (проверка предоставляется читателю).

Упражнение 1. Найти все неподвижные точки отображения $T^{(3)}$.

Упражнение 2. Вычислить $A^{(15)}\begin{pmatrix}\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}\end{pmatrix}$.

Упражнение 3. Вычислить $T^{(20)}\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}$.

Пусть $\begin{pmatrix}\tilde{x}\\ \tilde{y}\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$, где $T=\varphi\circ A$. Записав $\begin{pmatrix}x_n\\ y_n\end{pmatrix}$ вместо $\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$ и $\begin{pmatrix}x_{n+1}\\ y_{n+1}\end{pmatrix}$ вместо $\begin{pmatrix}\tilde{x}\\ \tilde{y}\end{pmatrix}$, как напоминание о том, что отображение будет итерироваться, получим:

$$\begin{pmatrix}x_{n+1}\\ y_{n+1}\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}x_n\\ y_n\end{pmatrix}=\varphi\left(A\begin{pmatrix}x_n\\ y_n\end{pmatrix}\right)=$$
$$=\varphi\begin{pmatrix}x_n+y_n\\ x_n+2y_n\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}(x_n+y_n)\bmod 1\\ (x_n+2y_n)\bmod 1\end{pmatrix}.$$

Библиографический список

1. *Данилов Ю.А.* Лекции по нелинейной динамике. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2006.

2. *Каток А.Б., Хасселблат Б.* Введение в теорию динамических систем. С обзором последних достижений. – М.: МЦНМО, 2005.

3. *Осташков В.Н.* Диалоги о фракталах. – 2-е изд. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2012.

4. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств. – 4-е изд. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.

5. *Шредер М.* Фракталы, Хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

УДК 514

Смирнова Елена Сафаровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
stakinaes@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

В данной статье представлены методические приемы обучения фрактальной геометрии на примере цикла занятий, связанного с изучением геометрических фрактальных множеств. Особое внимание уделяется способам организации учебно-исследовательской деятельности студентов и развитию их исследовательских компетенций (направление подготовки «Прикладная математика и информатика»).

Ключевые слова: *исследовательская компетенция, методы исследования, фрактальное множество, фрактальная геометрия, кривая Коха, размерность самоподобия.*

Понятие фрактал было введено Бенуа Мандельбротом в 1975 году. В своей книге «Фрактальная геометрия природы» автор пишет, что математики прошлых лет всегда отказывались от изучения тех форм, которые демонстрирует нам природа, изучая евклидовы геометрические фигуры и изобретая всевозможные теории, которые не объясняют окружающей нас действительности. Однако, по мнению Мандельброта «…новая геометрия способна описать многие из неправильных и фрагментированных форм в окружающем нас мире и породить вполне законченные теории, определив семейство фигур, которые я называю фракталами» [3].

Такой раздел науки как фрактальная геометрия открывает большие возможности для проведения студентами научных исследований, что, в свою очередь, влечет за собой развитие их исследовательских компетенций. Определяя исследовательскую компетенцию, мы будем придерживаться точки зрения А.В. Хуторского, считая, что исследовательская компетенция – это знания как результат познавательной деятельности человека в определённой области науки, методы, методики исследования, которыми он должен овладеть, чтобы осуществлять исследовательскую деятельность, а также мотивацию и позицию исследователя, его ценностные ориентации [2].

Отметим, что исследовательские компетенции являются составляющей профессиональных компетенций бакалавров по направлению подготовки «Прикладная математика и информатика». На основе федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования можно выделить следующую группу исследовательских компетенций: способность демонстрации общенаучных базовых знаний естественных наук, математики и информатики (ПК-1), способность приобретать новые научные и профессиональные знания, используя современные образовательные и информационные технологии (ПК-2), способность понимать и применять в исследовательской и прикладной деятельности современный математический аппарат (ПК-3), способность в составе научно-исследовательского коллектива решать задачи профессиональной деятельности (ПК-4), способность критически переосмысливать накопленный опыт, изменять при необходимости вид и характер своей профессиональной деятельности (ПК-5) [6]. Помимо этого отметим также такие составляющие исследовательской компетенции, как умение работать с информацией; умение выдвигать гипотезы, ставить цели и задачи исследования; знание методов исследования и умение их применять; умение аргументировать и убеждать, доказывать свою точку зрения; а также такие качества личности, как уверенность в себе, сила воли, самостоятельность, аккуратность, внимательность.

Познакомиться с основами фрактальной геометрии студенты могут, изучив курсы дисциплин по выбору «Метод итераций», «Фракталы и хаос», разработанных в КГУ им. Н.А. Некрасова.

В данной статье мы опишем некоторые методические приемы, направленные на развитие исследовательских компетенций обучаемых.

Знакомство с фрактальными множествами происходит в 3 этапа (это деление связано с классификацией фракталов): сначала студенты изучают геометрические фрактальные множества, затем алгебраические, а в завершении знакомятся со стохастическими фракталами. Продолжительность каждого этапа составляет 3–4 учебные недели. На каждом этапе преподаватель знакомит студентов с основными понятиями данного раздела, а также с арсеналом используемых в данной науке методов исследования, и для овладения этими методами предлагает учащимся выполнить специальные упражнения. После окончания каждого этапа студенты получают от преподавателя задание провести исследование в рамках изложенной проблемы и представить результаты. Сроки выполнения задания регламентированы и составляют 2–3 недели, работа может выполняться как дома, так и на практических занятиях, где каждый студент может получить необходимую консультацию у преподавателя.

Конкретизируем данную методику на первом этапе обучения, то есть при изучении геометрических фракталов. Геометрические фракталы получаются в процессе простых геометрических построений. Принцип построения один и тот же: берется некоторая геометрическая фигура и некоторый набор пра-

© Смирнова Е.С., 2013

Таблица 1

Методы исследования

Методы исследования			
Общие методы			Специальные методы – методы, характерные для определенных областей научного знания
Теоретические методы: 1.моделирование 2.абстрагирование 3.анализ и синтез 4.восхождение от абстрактного к конкретному	Эмпирические методы: 1.наблюдение 2.сравнение 3.эксперимент	Математические методы: 1.статистические методы 2.методы и модели теории графов 3.методы и модели динамического программирования 4.метод визуализации данных	

вил, который применяется к каждой части этой фигуры таким образом, что получается новая фигура. Затем процесс повторяют, и к каждой части полученной фигуры снова применяют тот же набор правил, и так далее. Каждый последующей процесс преобразования фигуры называется итерацией. Среди геометрических фракталов можно отметить такие классические фрактальные множества как кривая Коха, ковер Серпинского, множество Кантора.

На первом этапе преподаватель также знакомит студентов с методами исследования (см. табл. 1) [1].

В ходе работы на первом этапе обучения преподаватель предлагает задания на уяснение сути каждого метода исследования, например:

1. Упражнения для овладения теоретическими методами исследования:

a) Что можно рассмотреть в качестве модели береговой линии острова, дерева, кардиограммы человека, кровеносной системы животного, молнии? Исследуйте математические свойства моделей данных объектов (метод моделирования);

b) Проанализируйте точки зрения различных авторов относительно понятия «фрактал» (метод «анализ-синтез»);

c) Приведите примеры природных объектов, обладающих свойством самоподобия (метод абстрагирования).

2. Упражнения для овладения эмпирическими методами исследования:

a) Сравните отрезок прямой и кривую Коха (метод сравнения);

b) На примере картинок и иллюстраций рассмотрите снежинку и опишите ее геометрические свойства (метод наблюдения);

c) С помощью ИКТ получите 5 модификаций ковра Серпинского и проведите сравнительный анализ значений фрактальной размерности (эксперимент);

3. Упражнения для овладения математическими методами исследования:

a) С помощью L-систем реализуйте алгоритм построения снежинки Коха (методы и модели динамического программирования);

b) Постройте график второй, третьей и четвертой итерации тентообразного отображения (метод визуализации данных).

После окончания первого этапа, то есть знакомства с геометрическими фракталами, студенты получают от преподавателя задание, которое может быть сформулировано в виде проблемы или вопроса, к примеру: «Существуют ли фракталы, размерность которых сколь угодно близка к 1?» (данное исследование представлено в [4]). Очевидно, что при ответе на этот вопрос студентам необходимо провести исследование. Данную работу каждый студент выполняет индивидуально.

Опишем план работы, в соответствии с которым может быть проведено данное исследование.

В самом начале работы студенты должны ознакомиться с той литературой, которую рекомендует им преподаватель при ответе на данный вопрос. Самые внимательные обратят внимание на понятие «обобщение классического фрактала», другим придется рассматривать различные модификации фрактальных множеств и сравнивать размерности.

В итоге студенты должны придти к следующему. Рассмотрим кривую Коха (рис. 1). Размерность самоподобия данного фрактала определяется $d = \log_3 4 \approx 1{,}261859$.

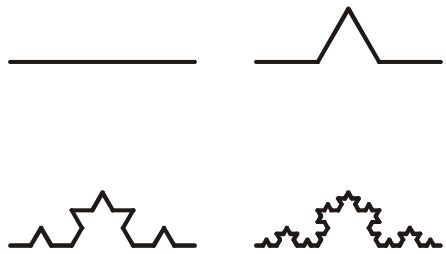


Рис. 1. Кривая Коха

Рис. 2. Модификация кривой Коха

Рис. 3. Модификация кривой Коха

Изменим алгоритм построения, разделим начальный отрезок на 4 равные части и восстановим два равносторонних треугольника (см. рис. 2). Тогда размерность самоподобия будет равна $d = \log_4 6 \approx 1{,}292481$.

Далее снова продолжим процесс, разделим начальный отрезок на 5 равных частей и восстановим три равносторонних треугольника (см. рис. 3). Тогда размерность самоподобия будет равна $d = \log_5 8 \approx 1{,}292029$.

Продолжая процесс, можно вывести формулу размерности самоподобия кривой Коха для общего случая. При каждом новом разбиении количество дополнительных отрезков увеличивается на 2, поэтому согласно формуле общего члена арифметической прогрессии ($a_3 = 4, \quad d = 2$) количество отрезков на n-ном шаге равно 2n-2 и, следовательно, размерность определяется по формуле $D(n) = \frac{\ln(2n-2)}{\ln n}$, где n – число частей при делении начального отрезка ($n \geq 3$). Таким образом, при n, стремящемся к бесконечности, значение размерности приближается к 1. Изменение размерности также представлено в расчетной таблице (см. табл. 2).

Это означает, что «обобщенная кривая Коха, состоящая из бесконечно большого числа частей, сливается с начальным отрезком» [4]. Этот результат очень удивителен для студентов, ведь настолько изрезанная и зигзагообразная кривая близка к топологической размерности линии. Данное парадоксальное открытие мотивирует обучаемых к дальнейшим исследованиям.

Представим также алгоритм построения обобщенного классического фрактала кривой Коха:

Таблица 2

Значение размерности

n	D(n)	n	D(n)
3	1,26186	15	1,230481
4	1,292481	16	1,226723
5	1,29203	17	1,223253
6	1,285097	18	1,220037
7	1,276989	19	1,217046
8	1,269118	20	1,214256
9	1,26186	21	1,211645
10	1,255273	22	1,209194
11	1,249317	23	1,206888
12	1,243927	24	1,204713
13	1,239032	25	1,202656
14	1,234568	26	1,200708

Описание процедуры Kox:
Вход:
a (длина отрезка)
к (количество итераций)
n (номер модификации)
Шаги:

```
if r=0 then
 begin
LINE(x0,y0,round(x0+a*cos(alf*pi/180)),
round(y0+a*sin(alf*pi/180)))
 x0:=round(x0+a*cos(alf*pi/180))
 y0:=round(y0+a*sin(alf*pi/180))
 end
 else
 begin
 kox(a/n,r-1,n)
alf:=alf-60
 for i:=1 to n-2 do begin
 kox(a/n,r-1,n)
alf:=alf+120
 kox(a/n,r-1,n)
if (i<>n-2) then alf:=alf-120
end
 alf:=alf-60
kox(a/n,r-1,n)
 end
 end
```

Описание программы:
Вход:
x0,y0 (координаты начала отрезка)
alf (угол поворота)
Выход:
Изображение модификации кривой Коха
Инициализация:
Графическое окно вывода
Шаги:

```
x0:=100
y0:=400
alf:=0
kox(500,1,5)
```

Завершающим этапом подобной работы является защита своего исследования перед группой студентов, где обучаемые смогут проявить умение убеждать, аргументировать и доказывать свою точку зрения; критически относиться к своей работе, переосмысливать полученные выводы, совершенствовать свою работу и развивать свои исследовательские качества.

В рамках дисциплины по выбору «Метод итераций» студенты знакомятся с идеями фрактальной геометрии, с особенностями исследовательской деятельности, учатся применять в своей работе различные исследовательские методы, грамотно оформлять результаты работы. В ходе подобной деятельности происходит становление профессиональной компетентности обучаемых, развитие их исследовательских компетенций.

Библиографический список

1. *Арцев М.Н.* Учебно-исследовательская работа учащихся // Завуч. – 2005. – №6.

2. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – 327 с.

3. *Мандельброт Бенуа.* Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

4. *Сабрукова М.Н.* Лекции о живой математике. Часть 1. – Севастополь: Издатель Карпин, 2003. – 96 с.

5. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств: учеб. пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 164 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 010400 «Прикладная математика и информатика» (квалификация (степень) «бакалавр» от 20.05.2010)

УДК 395:02

Туранина Неонила Альфредовна
доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный институт искусств и культуры
Шушкова Екатерина Анатольевна
Белгородский государственный институт искусств и культуры
shushkova-k@mail.ru

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

В статье представлены результаты исследования коммуникативной культуры сотрудников библиотек и предложена актуальная на сегодняшний день программа по организации и проведению курса повышения квалификации в рамках системы непрерывного образования.

Ключевые слова: *культура общения, уровень коммуникативной компетенции, речевая грамотность, система непрерывного образования, мероприятия по повышению квалификации.*

Важнейшим компонентом библиотечного общения является качество речи библиотечного специалиста, уровень его речевой культуры. Библиотекарь обязан работать над своей речью постоянно, систематически, так как по роду своей деятельности он должен говорить правильно. За счет повышения грамотности, четкости, ясности и выразительности речи можно значительно улучшить и свой собственный имидж, и имидж библиотеки. Небрежность в речи может свидетельствовать об отсутствии заинтересованности и энергичности, а иногда и о высокомерии – чувстве, которое изначально должно быть чуждо библиотечному работнику. Правильная речь – основа речевой культуры, отступление от языковых норм в грамматике, словоупотреблении, произношении роняет авторитет библиотекаря.

Речевой этикет – одна из важнейших составляющих культуры общения. Он выполняет разнообразные функции: установление эмоционального контакта, создание благоприятной атмосферы диалога, формирование определенного имиджа, сохранение дистанции, разрешение конфликта и т.п. Речь является определенным социальным символом, по которому судят о принадлежности человека к тому или иному слою общества. У многих людей есть прочные ассоциации между определенными типами произношения и личностными качествами, неправильное произношение или словоупотребление может мешать передаче информации и взаимопониманию. Для того чтобы избавиться от ошибок, требуются значительные усилия и мотивация. Результат целенаправленной работы в этом случае крайне важен, так как грамотная, классически правильная речь представителя библиотечной профессии – свидетельство ее возвышенности и избранности.

Важную роль в теоретической разработке вопросов культуры речи, норм современного русского языка, культуры общения сыграли исследования и труды Р.И. Аванесова, Л.А. Введенской, Б.Н. Головина, И.Б. Голуб, Л.К. Граудиной, Н.М. Кожиной, О.А. Крыловой, С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, О.Б. Сиротининой, Г. Хазагерова, Е.Н. Ширяева и др. В работах В.В. Колесова, И.А. Стернина, Н.И. Формановской и др. определены коммуникативные качества речи, речевой этикет, охарактеризованы экстра- и паралингвистические средства, сопровождающие речевое поведение.

Ряд исследователей непосредственно анализируют проблемы общения в различных речевых ситуациях в условиях библиотеки: Н.Н. Головина, С.А. Езова, И.А. Мейжис и др. Большой вклад в развитие риторической концепции культуры речи библиотечных специалистов и этических норм речевого поведения внесла Г.А. Алтухова [1].

Несмотря на все возрастающую актуальность проблемы профессионального общения, исследо-

© Туранина Н.А., Шушкова Е.А., 2013

ванию речевой культуры библиотечных специалистов уделяется недостаточное внимание в диссертационных исследованиях и на страницах периодических изданий. Наиболее разработанными являются социально-психологические аспекты профессии, где фрагментарно затрагиваются проблемы культуры речи современного библиотекаря в исследованиях последних лет.

Так, в работе Н.М. Спириной отмечается, что деятельность библиотечных специалистов относится к коммуникативному типу, а, следовательно, в основе ее осуществления лежат такие процессы речевой культуры, как говорение, написание, слушание и чтение. Так, речевые возможности библиотекаря составляют значимое звено его социально-профессиональных и личностных качеств, которые необходимо постоянно развивать и корректировать [2]. В диссертации исследуется процесс формирования культуры речевого поведения библиотечных специалистов, выработаны практические рекомендации по совершенствованию педагогического воздействия на речевые возможности студентов библиотечного факультета. Но, к сожалению, в силу масштабности поставленных задач, Н.М. Спириной удалось подробно рассмотреть лишь психолого-социальные проблемы диалога между библиотечным работником и читателем, не затрагивая его языковой сущности, а также проанализировать лексическую сторону языка студентов, будущих библиотекарей. Остались без внимания важные аспекты речевой культуры специалиста – орфоэпические, грамматические, синтаксические. А ведь они особенно важны в разговорной речи и требуют к себе самого пристального внимания.

С целью определения более полной и адекватной картины в области библиотечного общения и речевой культуры библиотечных специалистов в частности нами были разработаны анкеты для исследования лакун в культуре речи библиотекарей. В последующем планировался анализ полученных результатов и дальнейшая разработка методических рекомендаций, позволяющих повысить уровень коммуникативной компетентности и речевой грамотности работников библиотек.

Анкета состоит преимущественно из тестовых заданий, направленных на проверку знаний орфоэпических, лексических, грамматических и синтаксических языковых норм современного русского языка и культуры общения; содержит задания на постановку ударений, правильное употребление слов, образование форм слова, лексическую сочетаемость языковых единиц, нормы согласования и управления в предложении. Анкетирование проводилось на базе библиотек Белгородской области.

Анализ результатов показал, что наиболее успешно – 90% респондентов – были выполнены задания на выявление качества знаний, связанных со словоупотреблением и значением слов, в которых предлагалось заменить общеупотребительные слова синонимами и дать простые, доступные определения заимствованным существительным. На высоком уровне выполнены задания, проверяющие знание норм употребления слов в речи.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наименее освоенными нормами современного русского языка являются орфоэпические (акцентологические), словообразовательные, лексические и грамматические. Так, половина опрошенных испытывает трудности в выявлении нарушений синтаксической нормы, 55% респондентов не смогли верно определить букву, обозначающую ударный гласный звук; 60% испытывают трудности при образовании форм слова (в анкете были предложены имена существительные, числительные, сравнительная степень прилагательных). Многие не умеют использовать речевые формулы в общении.

На вопрос «Как произвести хорошее впечатление своей речью?» респонденты чаще всего отмечали умение грамотно («по возможности»!) излагать свои мысли, эрудицию, наличие хорошего словарного запаса, умение промолчать, говорить выразительно, внятно, без длительных пауз.

К несомненным достоинствам речи профессионала были отнесены такие качества, как правильность, грамотность, красота, четкость, ясность, содержательность, нормативность, интонационная оформленность. 2% респондентов отметили также умение перестраиваться с одного функционального стиля языка на другой, например, с официально-делового на литературно-разговорный стиль (в процессе продолжения неофициальной части беседы).

К явным недостаткам отнесены грубость выражений, повышение голоса и неверные интонации по отношению к оппоненту, высокомерие, бессодержательность, неискренность, отсутствие стремления работать над своей речью.

Таким образом, анализ материалов тестирования показал, что к недостаткам речевой культуры библиотечного работника можно отнести слабое владение нормами литературного языка, что порождает орфографические и грамматические ошибки. Многие специалисты не знают правил и норм общения. Это тем более очевидно в свете коммуникативной природы профессиональной деятельности респондентов.

Современная система образования не всегда обеспечивает наличие у выпускников вузов и ссузов полный набор ключевых компетенций. Так, становится очевидной необходимость разработки системы мер по повышению речевой культуры библиотечных сотрудников, по формированию и развитию коммуникативных компетенций и общей культуры общения.

Предполагается решать указанную проблему посредством проведения мероприятий по повышению квалификации в системе непрерывного обра-

зования библиотечного персонала в форме тематических семинаров, тренинг-семинаров, практикумов, разработке программ, направленных на повышение уровня коммуникативной компетенции сотрудников ЦБС.

Приведем пример курса для системы непрерывного образования «Культура общения библиотечного специалиста».

Цель курса: развитие личности библиотекаря, открытой для общения в системе социальных ценностей, повышение уровня его коммуникативной компетенции.

Задачи курса: повысить общую культуру общения, развить коммуникативные способности, сформировать психологическую готовность эффективного взаимодействия с читателями и коллегами, скорректировать стиль и приемы общения, выработать собственную систему речевого самосовершенствования.

Формы работы: лекция-дискуссия, семинар («жужжащая группа»), практикум (использование интеллект-карт, проведение эвристических бесед). В содержании форм предполагается поиск, классификация и исправление грамматических ошибок, подготовка выступлений (монолог/диалог), участие в дискуссиях, подготовка папок-досье).

Учитывая речеведческий характер данного курса в системе повышения квалификации, предлагаем следующую структуру:

1. Культура общения, ее аспекты и особенности.

2. Нормативный аспект культуры речи: орфоэпические, словообразовательные, грамматические, лексические, синтаксические нормы.

3. Коммуникативный аспект культуры речи. Особенности элитарного типа речевой культуры. Ораторское искусство.

4. Этический аспект культуры речи. Речевой этикет. (Проектирование коммуникативных ситуаций, анализ типологических ситуаций).

Таким образом, при участии в предложенных мероприятиях в рамках повышения квалификации библиотечных сотрудников решаются проблемы формирования уровня общей культуры специалиста, значительно возрастает роль уровня культуры общения. Совершенствование коммуникативной компетенции логично направлено на развитие умений в трех аспектах культуры речи: коммуникативном, нормативном и этическом.

Данные занятия станут хорошим дополнением к самообразованию библиотечных специалистов, самостоятельно повышающих свою коммуникативную культуру, при условии обеспеченности учебно-методическими пособиями, рекомендациями, указаниями разработчиков.

Предлагается следующая методика организации и проведения мероприятий по повышению квалификации с использованием современных инновационных технологий.

1. Обоснование тематики (проблемы), составление плана мероприятий по повышению квалификации сотрудников библиотек ЦБС.

2. Организация семинаров по проблемам культуры общения библиотечного специалиста отдела обслуживания в соответствии с функциональной специализацией (формирование состава групп; выбор специалиста для проведения мероприятий; постановка целей и задач, определение формы и сроков проведения мероприятий).

3. Подготовка материалов, необходимых для проведения:

3.1. Составление сметы расходов (выступление приглашенного лектора, издание материалов).

3.2. Составление программы занятий в соответствии с планом и графиком работы отдела.

3.3. Обеспечение необходимыми учебно-методическими пособиями, рекомендациями и т.п.

4. Разработка лекций и практических занятий с использованием инновационных педагогических технологий:

4.1. Виды интенсивных технологий:

а) активная учебная лекция (лекция-дискуссия, лекция-мозговой штурм, мастер-класс);

б) семинары с включением технологий («жужжащие группы», игровое проектирование, творческая мастерская, тренинги, деловые игры).

4.2. В процессе разработки программ, лекций, семинаров обязательно использование различных технологий анализа ситуаций для активного обучения: метод анализа кейсов, метод «инцидента», метод проигрывания ролей.

Проанализировав данные, полученные экспериментальным путем (в процессе анкетирования), и выявив проблему – низкий уровень коммуникативно-речевой культуры библиотекаря, – в данной статье мы предлагаем вариант ее решения посредством проведения мероприятий по повышению квалификации специалистов. Задачи, формы и план работы подчинены единой цели – повышению уровня коммуникативной компетенции библиотечного сотрудника отдела обслуживания.

Библиографический список

1. *Алтухова Г.А.* Основы культуры речи библиотекаря. – М.: Литера, 2008. – 167 с.

2. *Дергилёва Т.В.* Методика организации и проведения центральной библиотекой мероприятий по повышению квалификации // Библиосфера. – 2007. – №2. – С. 53–56.

3. *Спирина Н.М.* Речевая культура библиотечного специалиста: формирование и развитие в условиях вуза: Дис. … канд. пед. наук / Московский государственный университет культуры. – М., 1998. – 194 с.

4. *Туранина Н.А.* Формирование коммуникативной культуры школьника в современном социуме. – Белгород, 2009. – 165 с.

УДК 378:811:111

Тюрина Светлана Юрьевна
кандидат филологических наук
Ивановский государственный энергетический университет
tsu1999@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье ставится задача формирования информационной культуры личности как одного из ключевых параметров качества подготовки будущих специалистов в современной образовательной среде. Рассматриваются понятия «личность» и «информационная культура» личности. Предлагаются способы развития информационной культуры студента в процессе изучения иностранного языка.

Ключевые слова: *иноязычное образование, информационная культура, личность, информационная компетенция.*

На современном этапе развития общества перед высшей технической школой стоит задача подготовки высококвалифицированного специалиста, компетентного, способного к эффективной работе и готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Подготовка будущего специалиста представляет собой поэтапный процесс профессионально-личностного становления. Мы исходим из положения, что выпускник технического вуза является не только специалистом высокого уровня в конкретной профессиональной области, но и, прежде всего, воспитанной, эрудированной *личностью*.

Личность человека, ее способности и интересы представляет главную ценность гуманистической парадигмы. Гуманизация образования предполагает ориентацию образовательной системы и всего образовательного процесса на развитие и становление личности обучающегося.

Понятие *личность* является ключевым для многих наук: социологии, педагогики, психологии, философии, дидактики и др. Общенаучное понятие человека как личности имеет неоднозначную трактовку и многообразие подходов к его рассмотрению.

В энциклопедическом словаре *личность* – это «1) Человек как субъект отношений и сознательной деятельности; 2) Устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности» [9, с. 729].

Понятие *личность* рассматривается как системное качество, включающее отношение индивида к себе, к другим людям и окружающему миру; выделяются такие черты личности, как уникальность и социальность [2, с. 15]. *Личность* трактуется как субъект деятельности, который формируется в процессе деятельности и в ходе общения с другими людьми [4]. Субъектность личности человека проявляется в его целостности, общении, самопознании и саморазвитии [2, с. 15].

Концепция многогранности *личности* раскрывается в социолингвистических исследований отечественных учёных, которые отмечают важность социального и коммуникативного элементов в её структуре. Так, по мнению В.Б. Кашкина, определение понятия *личность* основывается на диалогичности её природы и интенциональной направленности на коммуникацию [3]. В.З. Демьянков подчёркивает диалектическое противоречие личности: с одной стороны, уникальность и неповторимость, с другой – стандартизацию и клишированность личности как части общества [1].

Вполне очевидно, что перед современным обществом стоит задача воспитания всесторонне развитой личности. Однако содержание образования сводится к содержанию обучения в рамках компетенций и формулируется в понятиях «знать» и «уметь», в то время как аспекты воспитания и развития не проектируются. А. Новиков предлагает построить содержание образования в терминах и понятиях культуры: «нравственная культура личности», «эстетическая культура», «гуманитарная культура», «техническая культура», «информационная культура» и т.д. [5]. Такой подход представляется оправданным, поскольку основные цели и задачи содержания образования сконцентрированы на вопросах развития и становления личности.

В свете вышесказанного остановимся на вопросе формирования информационной культуры личности будущего специалиста.

Термин *информационная культура* имеет различную трактовку. В широком смысле данное понятие трактуется как философское осмысление понятия *культура* в информационную эпоху, а в узком – как уровень профессионального владения ИКТ [7, с. 36]. Данного определения мы будем придерживаться в рамках исследования.

Следует отметить, что в специальной литературе часто встречается смешение понятий *информационная культура* и *компьютерная грамотность*. Однако термин *компьютерная грамотность* включает в себя лишь грамотное владение компьютерной техникой и информационными технологиями, в то время как понятие *информационная культура* является более ёмким и не сводится лишь к навыкам использования вычислительной техники. Наиболее оправданным в рамках данной работы нам представляется определение, предложенное С.В. Титовой. Учёный трактует понятие *информа-*

 © Тюрина С.Ю., 2013

ционная культура с точки зрения обеспечения дидактического процесса с применением информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) как «умение ориентироваться в современной информационной среде, умение искать, отбирать и критически анализировать ресурсы Интернета, умение общаться с помощью современных средств коммуникации, наличие так называемых навыков компьютерно-опосредованной коммуникации» [7, с. 37].

В современном образовательном пространстве широко используются информационные технологии и, следовательно, компьютерно-опосредованные коммуникативные навыки являются одними из ключевых профессиональных качеств личности будущего специалиста. Таким образом, задача формирования информационной культуры личности является актуальной.

Исследователи единодушно отмечают, что становление информационной культуры личности осуществляется, прежде всего, в повседневной деятельности, научно-познавательной, а главное в процессе самообразования. Процесс формирования информационной культуры личности можно организовать при целенаправленном внедрении систем обучения и воспитания.

Следовательно, формирование информационной культуры должно быть специально организованным и целенаправленным процессом, предполагающим обучение специальным знаниям и развитие определённых умений. Очевидно, что в данном контексте педагогические методы и технологии обучения играют ведущую роль в проектирование развивающего образовательного пространства.

В свете вышесказанного иноязычная подготовка студентов технического вуза может рассматриваться как решение задачи формирования информационной культуры будущего специалиста.

Компьютеризация учебного процесса рассматривается как один из эффективных способов организации обучения иностранному языку. Сюда можно отнести готовые компьютерные обучающие курсы для разного уровня и целей обучения, сопровождаемые грамматическими комментариями, упражнениями, словарями, языковыми играми и тестами, предназначенные для самостоятельной работы студентов.

Так, например, мультимедийная обучающая программа «Профессор Хиггинс. Английский без акцента», состоит из двух частей: курса грамматики и фонетики. Курс фонетики предлагает методику коррекции произношения по специально разработанной системе графического изображения звука на экране монитора. Особенность обучения заключается в возможности сравнения собственного произношения с эталонным не только на слух, но и визуально, на экране монитора. С курсом грамматики студенты могут работать самостоятельно. Программа «Bridge to English», например, снабжена многофункциональным аудио тренажером, при помощи которого можно прослушать речь, начитанную профессиональным диктором, а также записать и прослушать собственную речь.

Однако опыт работы показывает, что хотя использование готовых компьютерных программ в учебном процессе весьма привлекательно, их содержание чаще всего не отвечает целям и задачам обучения в конкретном неязыковом вузе. В этом случае готовые компьютерные учебные материалы необходимо адаптировать в соответствии с задачами и целями конкретного курса. Для неязыкового вуза оптимальным вариантом, вероятно, является фрагментарное использование компьютерных программ.

В процессе изучения английского языка часто используются программы общего назначения: текстовый редактор Word, программа подготовки презентаций Power Point, редактор веб-страниц Front Page.

Интернет также активно входит в нашу жизнь. Справочники, словари, энциклопедии, интерактивные аудио и видеоматериалы, а также аутентичные текстовые материалы (иностранные газеты, журналы, сайты профессиональных компаний, статьи конференций) – основные источники информации в сети Интернет для использования в курсе по иностранному языку.

Так, например, в рамках курса «Иностранный язык в сфере профессионально-ориентированного общения» для развития навыков аудирования предлагаются различные задания [8, с. 29]:

Watch the video "Information Technology Careers" and answer the following questions:

http://www.youtube.com/watch?v=FEoUT_mXF8E

1. What are the main issues of the presentation on IT career?
2. What is IT?
3. Who needs IT?
4. What are the two main groups of IT professions?
5. Describe IT job market.
6. What are educational requirements to the IT professionals?
7. What are IT career advantages?

Now watch the video episode 03.30:05.10 and fill in the missing numbers.

1. IT jobs comprise … of the top … fastest growing careers.
2. Network systems and Data Communications is # … fastest growing job in all categories at … Growth Rate.
3. The top … IT careers will add … jobs by ….
4. Software Engineers hourly pay is ….

Или [8, с. 12]

You are going to watch "When Computers Changed the World». Watch the video and answer the following questions.

http://www.youtube.com/watch?v=aLg4MHyyqL0

1. What do we use computers for?

2. What are the results of industrial and computer revolution?

3. What does Steven Levy, Technology journalist, say about computers?

4. What does Sunil Nagaraj say about the differences of computers in the 50-s, in 70-s and in the 90-s?

5. What famous names are mentioned in the video?

Now watch the video episode 00:48 and fill in the missing words.

Computing is _____, computing is _____. It is how we _____, get the _____ and _____ finance. It is how we _____, chat, and _____ _____. Computing is _____ and _____ in our daily life.

Опыт показывает, что работа с ресурсами Интернет значительно повышает интерес обучающихся, а значит, и мотивацию к изучению языка.

В сети существует большое количество специализированных программ, с помощью которых можно создавать интерактивные упражнения для использования в сетевом или автономном режиме, например, SpellMaster, SMILE, Hot Potato и другие.

Значительно шире используются возможности сети Интернет для организации самостоятельной работы студентов. Например [8, с. 16]:

Surf the Internet and create an Internet Scavenger Hunt of Bill Gates or Steve Jobs lives. Create a Hot List of Web sites. Make a list of questions for classmates to answer with the help of these Web sites.

IT certification is not an ordinary exam. IT certifications require a good combination of practical and technical know-how. In the ever changing IT market of today, a certification is very important for both experienced and fresh candidates.

Surf the Internet and find some information on the IT certifications and present your report in class.

http://www.it-certifications.com/

http://www.buzzle.com/articles/computer-certifications-in-demand.html

http://www.cisco.com/web/learning/le3/le2/le0/le9/learning_certification_type_home.html

http://www.microsoft.com/learning/en/us/certification/view-by-name.aspx

http://www.techtrainingonline.com/

Интересными представляются e-mail проекты. Коммуникация по электронной почте с преподавателями (рассылка домашнего задания, экзаменационных вопросов или эссе студентов), с носителями английского языка является эффективным способом обучения иностранному языку.

Таким образом, преподаватель иностранного языка, выбирая компьютерное или Интернет обучение как одно из высокоэффективных средств, адаптирует, моделирует или разрабатывает компьютерные программы и Интернет-ресурсы в соответствии с целями и задачами курса.

Использование различных программных продуктов в учебном процессе решает определённые задачи: они могут служить источником информации, средством формирования и совершенствования коммуникативных умений и навыков, средством контроля, индивидуализации процесса обучения, а также средством формирования информационной культуры студента.

Практический опыт показывает, что среди основных принципов, лежащих в основе системы формирования информационной культуры личности в рамках иноязычного обучения, можно выделить принципы интегративного, коммуникативного, деятельностного подходов, а также принцип ориентации учебного процесса на самостоятельную работу студентов.

На данном этапе развития общества любому специалисту необходимо владеть определенной суммой профессиональных, коммуникативных и культурных ценностей. Данное условие определяет требуемый уровень компьютерной грамотности и информационной культуры личности будущего специалиста. Информационная культура специалиста является одним из ключевых критериев при определении уровня его профессиональной компетентности [6].

Таким образом, в рамках данной работы информационная культура личности выпускника технического вуза рассматривается как одно из профессионально-значимых личностных качеств будущего специалиста, которое способствует становлению личности, а также её самообучению, саморазвитию и самопознанию. Развитие информационной культуры личности в процессе иноязычного образования представляется специально организованным и целенаправленным процессом, в котором педагогические технологии обучения играют ключевую роль.

Иноязычная подготовка студентов технического вуза может рассматриваться как решение задачи формирования информационной культуры будущего специалиста.

В заключение отметим, что образовательной и воспитательной целями высшего образования становятся не просто формирование знаний и умений, а развитие определённых качеств личности, формирование ключевых компетенций, необходимых в дальнейшем для профессиональной деятельности и жизни в обществе. Наличие знания без определённых навыков и умений их использования не решает проблемы образования человека.

Библиографический список

1. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

2. *Исенина Е.И.* Гуманизация обучения в школе. – Иваново, 2007. – С. 15.

3. *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. – Воронеж, 2000. – 175 с.

4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения. – М., 1983. – С. 94–232.

5. *Новиков А. М.* Основания педагогики / пособие для авторов учебников и преподавателей педагогики. – М., 2010. – 208 с.

6. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. – Страсбург, 2001. – МГЛУ, 2005. – 247 с.

7. *Титова С.В.* Информационно-коммуникативные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. – М., 2009. – 240 с.

8. *Тюрина С.Ю.* English for Computer Science Graduates. Course book. Английский язык в сфере информационных и компьютерных технологий: учебное пособие для магистрантов. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2012. – 114 с.

9. *Советский энциклопедический словарь* / под ред. А.М. Прохорова. – 4-изд. – М., 1989. – С. 729.

УДК 378

Яновская Татьяна Эдуардовна
Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации
vagsquality@mail.ru

Пэк Татьяна Николаевна
Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации
TPek-N@yandex.ru

Жилкина Валентина Александровна
Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации
zdu@afvags.ru

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ВЫПУСКНИКА-МЕНЕДЖЕРА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ (на материале Астраханской области)

В ходе проведенного исследования были определены параметры модели выпускника-менеджера муниципальной службы на материале Астраханской области. Результаты позволят скорректировать процесс подготовки профессиональных кадров для муниципальной службы, находящейся в процессе своего становления, и повысить востребованность выпускников на региональном рынке труда.

Ключевые слова: *модель, компетентностный подход, компетентностная модель.*

Обострившаяся за последнее время проблема трудоустройства выпускников вузов подтверждает существование разрыва между рынком труда и системой профессионального образования, а также повышает ответственность образовательного учреждения за последующее трудоустройство его выпускников. Поэтому возникает необходимость в более точном описании требований, предъявляемых к выпускнику реальными условиями производства и спецификой регионального рынка труда.

В 2011 году принят Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, смыслообразующими конструктами которого являются компетенции. Реализация компетентностного подхода позволит усилить диалог между высшей школой и рынком труда и углубить сотрудничество между вузом и потребителями его услуг.

В настоящее время в педагогике и психологии профессионального образования существуют различные направления описания содержания, сущности, структуры и иерархии понятий и категорий компетентностного подхода.

По мнению Богословского Е.В., Татура Ю.Г. [1; 6] и др., модель – это описание набора компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза, профессиональных функций, к выполнению которых он должен быть подготовлен, и степени его подготовленности. Очевидно, что модель по конкретному направлению подготовки будет отличаться целями, функциями, компетенциями, качествами, знаниями, решающими правилами и критериями достижения цели, информационным обеспечением. Модель выступает системообразующим фактором для отбора содержания образования и форм его реализации в учебном процессе.

Необходимо отметить мнение некоторых авторов [2; 3; 4] о том, что компетентностная модель не может в полной мере являться моделью выпускника, поскольку компетентность связана с опытом успешной деятельности, который в ходе обучения в вузе студент в должном объеме приобрести не может. Поэтому, рассматривая формирование компетенций выпускника в системе вузовского образования, можно говорить лишь о его готовности к социально-профессиональной деятельности.

В ФГОС ВПО представлена модель выпускника вуза, сконструированная на основе его будущей профессиональной деятельности, имеющая бинарную структуру компетентности с выделением общекультурных и профессиональных компетенций.

© Яновская Т.Э., Пэк Т.Н., Жилкина В.А., 2013

Совершенствование компетентностной модели выпускника, сопоставление результатов ее практической проверки с основными теоретическими характеристиками, позволяет скорректировать модель, адаптировать её к определенным условиям. Поэтому не вызывает сомнений актуальность прикладных научных исследований, позволяющих выявить компетенции выпускника, определяющие его дальнейшую успешную профессиональную деятельность, делающие его более востребованным на рынке труда региона.

В данном исследовании мы преследовали цель сравнить мнения работодателей-управленцев и студентов-выпускников Астраханского филиала РАНХиГС в оценке качества подготовки управленцев (менеджеров) в вузе. В нашем исследовании респондентами являлись студенты – выпускники филиала, прошедшие практику в сельских муниципальных образованиях региона, и менеджеры муниципальной службы сельских муниципальных образований Астраханской области. Поясним наш выбор данной категории служащих.

В нашей стране становление и развитие муниципальной службы было связано с серьезными историческими кризисами и перерывами в развитии. Создаваемая с 90-х годов XX века муниципальная служба как профессия недостаточно развита. Неподготовленный кадровый состав муниципальной службы, недостаточный уровень его профессиональной культуры являются характерными проблемами профессии, находящейся в процессе своего становления. Поэтому вопрос о подготовке профессиональных кадров для осуществления данного вида деятельности является актуальным.

Основным методом исследования являлся метод опроса. Был разработан опросный лист, представленные в нем компетенции соответствовали параметрам модели ФГОС ВПО по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление». Респондентам предлагалось определить необходимый уровень каждого компонента компетентности по следующей схеме: 10 баллов – компонент компетентности очень важен, 1 балл – имеет минимальное влияние на результативность труда. Согласно теории статистики, оптимально значимой является оценка 7,5–10 баллов, допустимой 5–7,5 баллов и пренебрегаемой – ниже 5 баллов. Общая процедура исследования состояла в оценке и определении степени важности компетенции из предложенного списка. Очевидно, что компетенции со средним значением выше 8 можно считать определяющими для успешности менеджера сельского муниципального образования.

На основании сравнительного анализа опрошенных групп респондентов (работодателей, выпускников вуза), были выявлены следующие параметры модели выпускника-менеджера муниципальной службы на материале Астраханской области (табл. 1, табл. 2).

В таблице 1 представлены средние значения оценок общекультурных компетенций, являющихся определяющими для успешной профессиональной деятельности менеджера муниципальной службы с точки зрения работодателей-управленцев [7].

Таблица 1

Параметры модели (общекультурные компетенции)

Компетенции	Среднее значение оценки	
	работодатели	студенты-выпускники
ок-14 способность к критическому анализу своих возможностей	8,52	7,60
ок-8 владение основными способами и средствами информационного взаимодействия, способностью воспринимать и обобщать информацию	8,83	8,04
ок-9 способность к эффективному общению, публичным выступлениям, переговорам	8,83	8,92
ок-13 способность и готовность к личностному и профессиональному самосовершенствованию, саморазвитию, саморегулированию, самоорганизации, самоконтролю	8,90	8,20
ок-16 владение навыками самостоятельной, творческой работы; умение организовывать свой труд	8,96	8,12
ок-4 умение анализировать и оценивать социально-значимые явления, события, процессы	8,98	7,84
ок-7 способность представлять результаты своей работы для других специалистов, отстаивать свои позиции в профессиональной среде, находить компромиссные и альтернативные решения	9,19	8,44
ок-2 обладание гражданской ответственностью и требовательностью к соблюдению правил этического поведения	9,43	8,38
ок-10 способность к работе в коллективе	9,49	8,52
ок-1 стремление работать на благо общества	9,64	8,28

Высокую оценку работодателей получили следующие общекультурные компетенции:

– стремление работать на благо общества (ОК-1);

– способность к работе в коллективе (ОК-10);

– обладание гражданской ответственностью и требовательностью к соблюдению правил этического поведения (ОК-2).

Выпускники выделили как наиболее приоритетные следующие параметры модели:

– способность к эффективному общению, публичным выступлениям, переговорам (ОК-9);

– способность к работе в коллективе (ОК-10);

– способность представлять результаты своей работы для других специалистов, отстаивать свои позиции в профессиональной среде, находить компромиссные и альтернативные решения (ОК-7).

Попарно сравнивая оценки общих компетенций, мы видим, что в целом работодатели дали более высокие оценки, чем выпускники. Причем работодатели отдают приоритет социально-личностным и межличностным компетенциям. На первом месте – ОК-1 («стремление работать на благо общества»). Подтверждая тем самым, что менеджер муниципальной службы как представитель данной профессии должен иметь как определенный набор знаний, умений и навыков, так и нравственные и ценностные ориентиры. Оценка ОК-1 занимает у выпускников лишь пятую позицию среди общекультурных компетенций.

Выпускники считают важнейшими для успешности инструментальные и межличностные компетенции. По мнению работодателей, среди инструментальных компетенций особо значима ОК-4, по мнению выпускников – ОК-13.

В таблице 2 представлены средние значения оценок профессиональных компетенций, являющихся, по мнению работодателей, определяющими для успешной профессиональной деятельности менеджера муниципальной службы [7].

Сравнивая, мы также констатируем, что работодатели оценили профессиональные компетенции выше, чем выпускники.

Работодатели – менеджеры сельских муниципальных образований поставили высокую оценку следующим профессиональным компетенциям:

– умение эффективно взаимодействовать с другими исполнителями (ПК-51);

– умение оценивать результаты и последствия принятого управленческого решения (ПК-3);

– способность эффективно участвовать в групповой работе на основе принципов формирования команды (ПК-11).

Таблица 2

Параметры модели (профессиональные компетенции)

Компетенции	Среднее значение оценки	
	работодатели	студенты-выпускники
пк-41 готовность участвовать в реализации программы организационных изменений	8,02	6,76
пк-14 наличие навыков составления, учета, хранения, защиты, передачи служебной документации в соответствии с требованиями документооборота	8,13	8,28
пк-18 умение готовить информационно-методические материалы по вопросам социально-экономического развития общества и деятельности органов власти	8,16	6,79
пк-9 способность свободно ориентироваться в правовой системе России	8,51	7,96
пк-50 способность оценивать свое место в технологии выполнения коллективных задач	8,54	7,60
пк-34 способность выявлять информацию, необходимую для принятия решений, при получении «обратной связи» в профессиональной деятельности	8,57	7,64
пк-49 владение методами самоорганизации рабочего времени, рационального применения ресурсов	8,58	8,00
пк-10 умение правильно применять нормы права	8,63	8,52
пк-35 способность к взаимодействиям в ходе служебной деятельности в соответствии с этическими требованиями к служебному поведению	8,78	7,56
пк-30 умение общаться четко, сжато, убедительно; выбирая подходящие для аудитории стиль и содержание	8,79	8,21
пк-2 умение определять приоритеты профессиональной деятельности, эффективно исполнять управленческие решения	8,90	8,48
пк-31 умение находить основы для сотрудничества с различными органами государственной власти РФ, институтами гражданского общества	8,92	7,48
пк-11 способность эффективно участвовать в групповой работе на основе принципов формирования команды	8,96	7,56
пк-3 умение оценивать результаты и последствия принятого управленческого решения	8,96	8,36
пк-51 умение эффективно взаимодействовать с другими исполнителями	9,20	8,36

Выпускники оценили параметры модели иначе, признавая исключительно важными инструментальные компетенции:

– умение правильно применять нормы права (ПК-10);

– умение определять приоритеты профессиональной деятельности, эффективно исполнять управленческие решения (ПК-2);

– умение оценивать результаты и последствия принятого управленческого решения (ПК-3);

– умение эффективно взаимодействовать с другими исполнителями (ПК-51).

Среди межличностных компетенций выпускники выделили как определяющую ПК-51. У работодателей эта компетенция имеет самую высокую оценку.

Хочется отметить, что муниципальная служба относится к типам профессий «человек–человек», по Е.А. Климову [6]. Данный тип профессий характеризуется общением с другими людьми и умением их понимать, навыками взаимодействия и понимания взаимоотношений между ними, речевой культурой, наблюдательностью, высоким уровнем самоконтроля. Перечисленные навыки муниципальных служащих способствуют осуществлению управленческой деятельности.

Определяющей системной компетенцией выпускники считают ПК-49. Компетенции ПК-31, ПК-18 и ПК-41, без которых, по мнению работодателей, невозможна успешная профессиональная деятельность в качестве менеджера муниципальной службы, у выпускников имеют только допустимые значения.

Существенные расхождения в оценках являются показателем несформированности или неразвитости компетенции. Анализируя другие составляющие модели выпускника, можно сделать вывод, что студенты-выпускники недостаточно проинформированы о требованиях, предъявляемых современным рынком труда к менеджеру муниципальной службы сельского муниципального образования, а, следовательно, недостаточно готовы к профессиональной деятельности в этом качестве.

В заключении отметим, что в проведенном исследовании выявлены актуальные параметры компетентностной модели выпускника-менеджера сельского муниципального образования Астраханского региона. Эти данные позволят скорректировать образовательный процесс (уточнить программу практики и содержание учебных программ по циклу профессиональных дисциплин, разработать курсы дисциплин по выбору в рамках вариативной части и др.), целенаправленно формировать компетентностного выпускника-менеджера муниципальной службы, повышая его востребованность на рынке труда региона.

Библиографический список

1. *Богословский В., Караваева Е., Шехонин А.* Принципы проектирования оценочных средств для реализации образовательных программ ВПО: компетентностный подход // Высшее образование в России. – 2007. – № 10. – С. 3–9.

2. *Иваненко И.А.* Различные подходы к моделированию компетенций при разработке программ подготовки менеджеров // Высшее образование сегодня. – 2010. – №10. – С. 36–39.

3. *Ильязова М.Д.* Модель выпускника вуза в рамках компетентностного подхода к целям и результатам ВПО // Современные наукоемкие технологии. – 2006. – № 3 – С. 77–78.

4. *Носко И.В.* Модель выпускника как основа формирования компетенций студентов в процессе вузовской подготовки: Дис. ... канд. пед. наук. – Владивосток, 2007. – 200 с.

5. Сборник психологических тестов. Часть III. / сост. Е.Е. Миронова. – Мн.: Женский институт. – ЭНВИЛА, 2006. – 120 с.

6. *Татур Ю.Г.* Компетентность в структуре модели качества подготовки специалистов // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3.

7. *Яновская Т.Э., Пэк Т.Н., Жилкина В.А.* Компетенции менеджера муниципальной службы (на материале Астраханской области) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – №1. – С. 121–124.

УДК 376

Салахутдинова Елена Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Lenochka_8936@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА АДАПТАЦИЮ В УЧЕБНОЙ ГРУППЕ СТУДЕНТОВ КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА И КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ РХБЗ

В статье рассматривается сравнительная характеристика некоторых аспектов проблемы адаптации студентов и курсантов 1 курса. Особое внимание уделяется личностным психологическим особенностям. Полученные результаты представлены в виде диаграмм.

Ключевые слова: *адаптация, личностные психологические особенности, самоприятие, приятие других, комфортность, интернальность.*

Для решения проблемы адаптации студентов 1 курса в учебной группе необходимо, в первую очередь, выявить слабые стороны членов нового коллектива. С помощью различных методик и тестов мы обследовали студентов 1 курса КГУ им. Н.А. Некрасова и курсантов 1 курса Военной Академии войск РХБЗ и ИВ. В исследовании принимало участие 150 студентов и 50 курсантов.

При рассмотрении динамики адаптационного процесса важную роль играют личностные психологические особенности, такие как внутренний и внешний контроль, самооценка, самоприятие себя и других, стремление к доминированию, эмоциональный комфорт. Перечисленные особенности, кроме того, необходимо рассматривать в качестве критериев оценки эффективности адаптации.

Диагностировать показатели адаптации и дезадаптации мы можем с помощью методики диагностики социально-психологической адаптации, предложенной в 1954 г. К. Роджерсом и Р. Даймондом. Методика апробирована и стандартизирована на разных выборках учащихся и студентов в школах и вузах. Предложенные шкалы как измерительный инструмент обнаружили высокую дифференцирующую способность в диагностике не только состояний адаптации и дезадаптации, но и особенностей представлений о себе, их перестройки в возрастные критические периоды развития и в критических ситуациях, побуждающих индивида к переоценке себя и своих возможностей.

Существует адаптированная А.К. Осницким форма опросника. В таблице-ключе переработанного им опросника приведены установленные границы определения адаптации или дезадаптации, приятия или неприятия себя, других, эмоционального комфорта или дискомфорта, внутреннего или внешнего контроля, доминирования или ведомости, ухода от решения проблем. В опроснике содержатся высказывания о человеке, его образе жизни: переживаниях, мыслях, привычках, стиле поведения. Их всегда можно соотнести с нашим собственным образом жизни.

Шкала «Самоприятие» отражает степень дружественности-враждебности по отношению к собственному «Я». Высокие баллы по этой шкале означают одобрение себя в целом и в существенных частностях, доверие к себе и позитивную самооценку. Низкие баллы – видение в себе по преимуществу недостатков, низкую самооценку, готовность к самообвинению.

Шкала «Приятие других» отражает уровень дружественности-враждебности к окружающим людям, к миру. Высокие баллы по этой шкале означают принятие людей, одобрение их жизни и отношения к себе в целом, ожидание позитивного отношения к себе окружающих. Низкие баллы – критическое отношение к людям, раздражение, презрение по отношению к ним, ожидания негативного отношения к себе.

Шкала «Эмоциональный комфорт». Отражает характер преобладающих эмоций в жизни испытуемого. Высокие баллы – это преобладание положительных эмоций, ощущение благополучия своей жизни; на негативном – наличие выраженных отрицательных эмоциональных состояний.

Шкала «Интернальность» отражает в какой степени человек ощущает себя активным объектом собственной деятельности, и в какой – пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. Высокие значения говорят о том, что человек ответственен, полагает, что происходящие с ним события являются результатом его деятельности. Низкие баллы – человек полагает, что происходящие ним события являются результатом действия внешних сил (случая, других людей и т.д.).

Шкала «Стремление к доминированию». Отражает степень стремления человека доминировать в межличностных отношениях. Высокие показатели говорят о склонности подавлять другого человека, чувствовать превосходство над другими. Низкие показатели – склонность к подчинению, мягкость, покорность.

Эскапизм – уход от решения проблем.

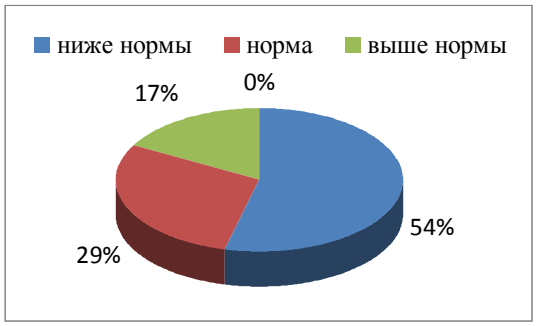
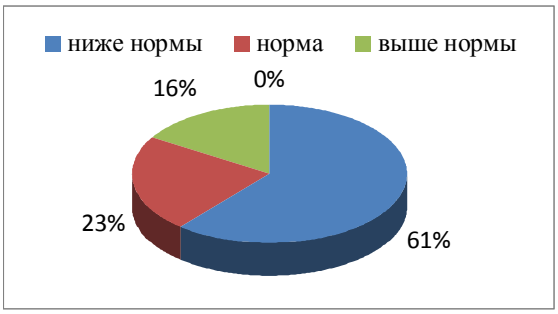
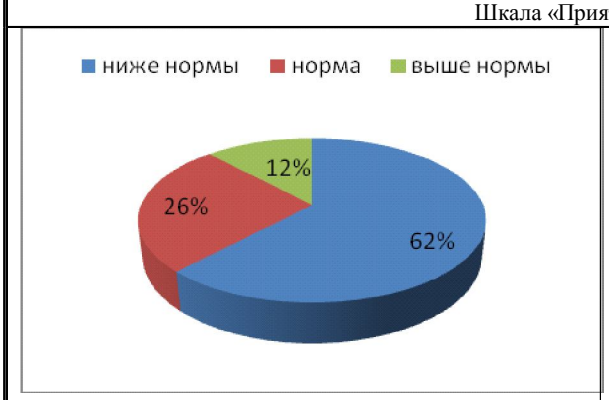
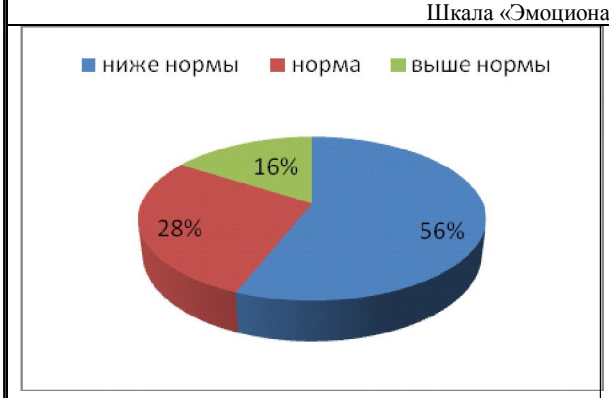
Полученные результаты сведем в таблицу, сравним, таким образом, показатели по всем возможным шкалам у студентов и курсантов (табл. 1).

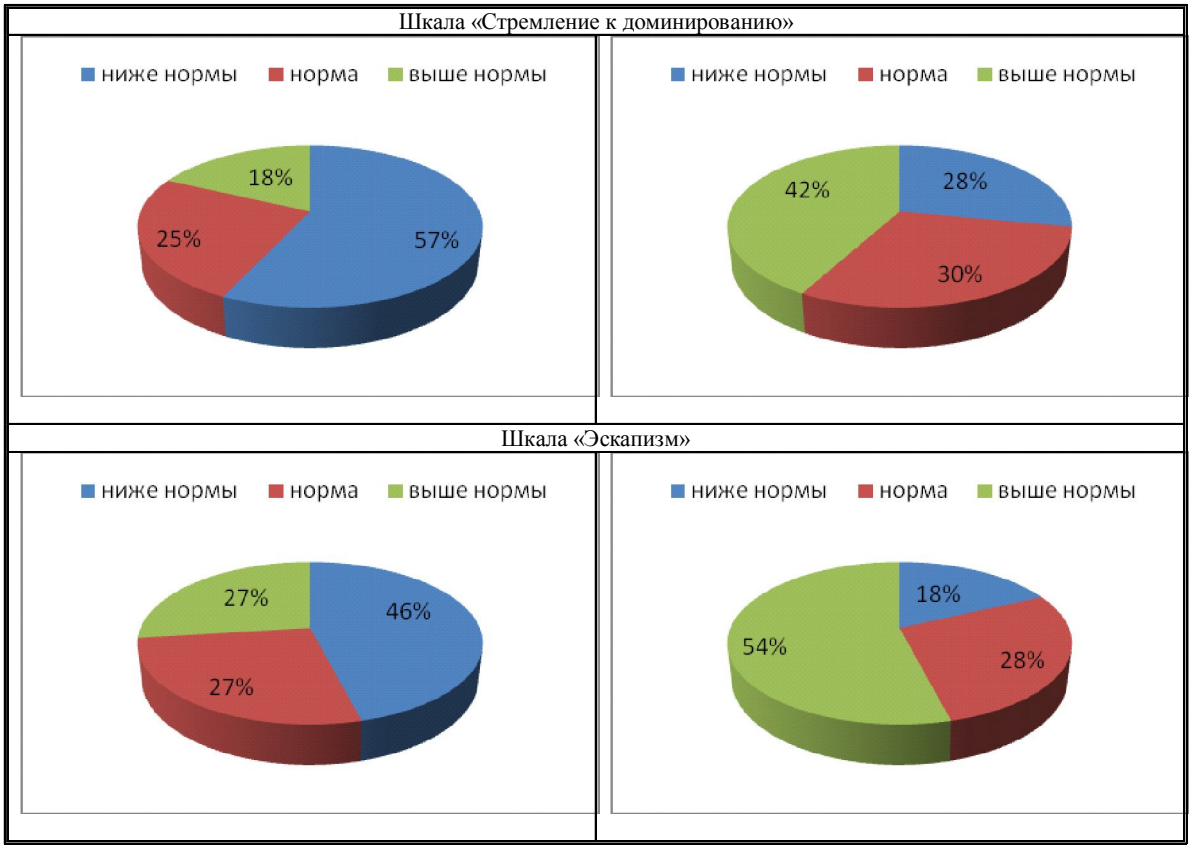
Как мы видим из приведенной таблицы, критически относятся к себе, имеют низкую самооценку и не одобряют себя в целом 54% студентов и 61%

© Салахутдинова Е.С., 2013

Таблица 1

Сравнительная характеристика студентов и курсантов по показателям адаптации

Студенты	Курсанты
Шкала «Самоприятие»	
	
Шкала «Приятие других»	
	
Шкала «Эмоциональный комфорт»	
	
Шкала «Интернальность»	



курсантов. Враждебно относятся к другим, раздражаются, ожидают негативного отношения к себе со стороны других 62% студентов и 64% курсантов. Всего у 44% студентов и 57% курсантов преобладают положительные эмоции и ощущение благополучия.

Показатели интернальности – степени ощущения себя активным, отвечающим за свои успехи или неуспехи – находятся в норме или выше нормы у 51% студентов и всего лишь у 33% курсантов. Это объясняется образом жизни военных – подчиненность уставу, распорядку дня, приказам офицеров и начальства учебного заведения.

Стремление к доминированию, желание превосходства наблюдается у 18% студентов и 42% курсантов. Что так же объясняется спецификой военного учебного заведения.

Желание уйти от проблемы наблюдается у 27% студентов и 54% курсантов.

Из проведенного исследования можно сделать четкие выводы о том, на какие черты личности стоит обратить внимание при работе с курсантами и студентами первый курсов в различных учебных заведениях. Усугубляться проблема адаптации в дальнейшем может возникшими трудностями с учебой и другими особенностями жизни коллектива.

Библиографический список

1. Психологический центр «Гелиос». – Режим доступа: http://rasstanovki-rostov.ru/?page_id=618.

2. Oksanochka.com. Персональный сайт. – Режим доступа: http://www.oksanochka.com/003/001/024_1.shtml.

3. PSYLAB – энциклопедия психодиагностики. – Режим доступа: http://psylab.info.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассказывается о взаимодействии органов государственной власти Костромской области и регионального гражданского общества, о мерах финансовой поддержки социально ориентированных НКО, о законодательно закрепленных мерах институционализации общественных и некоммерческих организаций, характеризуется структура и уровень развитости гражданского общества.

Ключевые слова: *власть, гражданское общество, общественные организации, некоммерческие организации, взаимодействие.*

Администрация Костромской области рассматривает работу по взаимодействию с общественными организациями региона как одно из важнейших направлений внутренней политики областной исполнительной власти, которая «способствует укреплению и развитию диалога между обществом и властью». Такое взаимодействие с общественными организациями «строится на принципах социального партнерства, включающих объединение усилий в решении и постановке приоритетных задач, взаимную ответственность сторон за результаты их реализации» [1, с. 6].

По данным управления юстиции по Костромской области на 31 декабря 2012 года в регионе официально зарегистрировано 591 общественное объедение, 235 некоммерческих организаций (НКО) и 138 религиозных объединений граждан. Эти некоммерческие и негосударственные добровольные самодеятельные объединения граждан составляют основу регионального гражданского общества Костромской области. Наибольшее количество в структуре регионального гражданского общества составляют профсоюзные организации, их – 245 или 41,8% от общего количества организаций. Также костромичи отдают предпочтение организациям спортивной направленности (16%). Заметное место в общественной жизни области занимают ветеранские организации, уделяющие большое внимание вопросам социальной защиты ветеранов и пенсионеров, а также вопросам патриотического воспитания граждан. В этом направлении работают 10,5% организаций. По социальной защите и реабилитации людей с ограниченными возможностями в области работают организации инвалидов (6%). Стабильно функционируют творческие союзы художников, композиторов, писателей, театральных деятелей и других, их – 3% от общего количества. Активную работу проводят также организации, решающие вопросы защиты материнства и детства (2%), правозащитные (1%), просветительские и образовательные (2%), экологические и природоохранные и другие.

Современное гражданское общество в Костромской области стало формироваться после начала в СССР процесса перестройки, и появления независимых от государства общественных организаций и политических партий. Существовавшие до этого общественные организации (ВЛКСМ, профсоюзы, ДОСААФ, творческие союзы и так далее) были встроены в систему партийно-государственного управления, были зависимы от КПСС и власти Советов, а потому не могут считаться полноценными структурами гражданского общества.

Одной из первых независимых общественных организаций в Костромской области стал Народный фронт, являвшийся региональным подразделением соответствующей общефедеральной общественной организации. Народные фронты в СССР были не объединениями каких-то партий и общественных организаций, а неформальными (т.е. официально никем не зарегистрированными) общественными движениями, из которых вырастали активисты и создатели будущих партий. В Костроме Народным фронтом руководила С.Я. Березина, братья Орловы и др. 16 декабря 1993 года ОО (общественное объединение) «Народный фронт» был официально зарегистрирован в качестве общественного объединения города Костромы. Основной формой работы этой первой общественной структуры регионального гражданского общества было проведение митингов и других акций в поддержку процесса реформ. В настоящее время данная общественная организация свое активное функционирование прекратила, но вошла в историю как первая независимая общественная организация гражданского общества Костромской области, созданная во второй половине 1980-х годов.

12 февраля 1993 года было официально зарегистрировано Костромское областное экологическое движение «Во имя жизни», возникшее на волне недовольства после аварии на Чернобыльской АЭС против возведения на территории Буйского района Костромской АЭС. Движение было создано вете-

© Зайцев А.В., 2013

ранами педагогического труда Е.Б. Шутовой, Т.С. Бухаевской, частным предпринимателем Л.Б. Хапковой на волне народного протеста против строительства Костромской атомной станции. Основными целями деятельности были и остаются содействие созданию и обеспечению экологически благоприятной и безопасной, социально и духовно полноценной среды жизнедеятельности человека и общества; развитие инициатив граждан Костромской области по защите своих экологических прав; защита права граждан на благоприятную и здоровую окружающую среду, обеспечение формирования общественного мнения как важнейшей части гражданского правового общества.

Высшим руководящим органом движения «Во имя жизни» является общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом является совет, выбранный на общем собрании и подотчетный собранию. Все члены совета работают на общественных началах, движение не является коммерческой организацией, не ведет хозяйственной деятельности. В настоящее время движением ведется активная общественная работа: проводятся сборы подписей среди населения в поддержку своих инициатив, информационные пикеты по различным проблемам (реализация прав граждан, общественных организаций, движений, политических партий на выражение собственного мнения по вопросу строительства атомной станции на территории Костромской области на радио и в печатных СМИ; организация парковок автотранспорта в Костроме). Проводятся общественные экологические экспертизы (ОЭЭ) по точечной застройке жилых домов, других объектов. Создали экспертную комиссию ОЭЭ проекта Центральной атомной станции (ЦАЭС) возле города Буя. Движение выходило с законодательной инициативой и внесло в Костромскую областную Думу проект закона «О продовольственной безопасности Костромской области». Закон был принят 16 мая 2008 года. Экодвижение «Во имя жизни» внесло в данный законопроект шесть замечаний и дополнений, касающиеся биобезопасности от ГМО. Благодаря этому общественные организации и получили право осуществлять гражданский контроль за обеспечением продовольственной безопасности на территории региона.

Костромская область была и остаётся регионом со стабильной обстановкой в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. На её территории проживают представители 114 национальностей. На территории области созданы и активно действуют 20 национальных общественных объединений, из них 6 – национально-культурные автономии. Наибольшее количество национально-культурных автономий действует в городе Костроме: Костромская областная армянская национально-культурная автономия, Костромская областная дагестанская национально-культурная автономия, Региональная Еврейская Национально-Культурная Автономия Костромской области, местная немецкая национально-культурная автономия.

На общественно-политическую ситуацию в Костромской области существенное влияние оказал электоральный цикл конца 2011 – начала 2012 годов, то есть декабрьские (2011 года) выборы в Государственную Думу РФ и мартовские (2012 года) выборы Президента РФ. Большинство общественных объединений, участвующих в предвыборных кампаниях, занимают конструктивную позицию и приняли активное участие в работе Костромского Регионального Координационного совета Общероссийского народного фронта. В 2012 году в Костромской области проведено 309 публичных мероприятий, в период предвыборной кампании публичные мероприятия носили агитационный характер.

29 декабря 2011 года в Костроме была создана инициативная группа «За честные выборы», объединившая ряд известных в нашей области журналистов, блогеров, предпринимателей, представителей общественных организаций. Среди них были депутат Костромской областной думы В.В. Михайлов, демонстративно вышедший незадолго до этого из числа членов регионального отделения политической партии «Единая Россия», местный общественный деятель праволиберального толка Н.В. Сорокин и другие. Основная цель ее создания этой инициативной группы заключалась в общественном противодействии возможным фальсификациям на выборах всех уровней. А уже 19 января 2012 года участники инициативной группы приняли решение о создании Лиги избирателей Костромской области. 4 февраля 2012 года в сквере Борьбы на окраине города состоялся митинг «Кострома за честные выборы!» – первая акция Лиги избирателей Костромской области. 14 февраля 2012 года участники Лиги пикетировали областную телерадиокомпанию «Русь», которая, по их мнению, необъективно информировала население о происходящих политических событиях, замалчивая или утаивая ряд из них.

26 февраля 2012 года на площади Мира «Лигой избирателей» был организован митинг «За честные выборы и сменяемость власти!». 28 февраля 2012 города проведен круглый стол «От выборов парламентских – к выборам президентским» с участием московского политолога Александра Кынева. 4 марта 2012 года, в день голосования на президентских выборах в Костромской области, было организовано общественное наблюдение.

1 апреля 2012 года представители Лиги избирателей Костромской области участвовали в наблюдении на втором туре выборов мэра Ярославля. 15 мая 2012 года после отставки прежнего губернатора Лигой был проведен «круглый стол» «Слюняев. Итоги». 23 июня 2012 года был организован и проведен «круглый стол» по книге Андрея Ваулина «Летопись ручного управления (на примере

Костромской области)». Однако вскоре, как и в целом по стране, протестная активность постепенно сошла на нет, митинги, акции протеста и вся деятельность Лиги избирателей-Кострома была фактически свернута.

После внесения поправок в закон о «О политических партиях» в Костромской области заметно увеличилось количество региональных отделений политических партий. Если ранее их было всего лишь 7: четыре парламентских («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия») и 3 непарламентских (ЯБЛОКО, «Патриоты России», «Правое дело»), то в настоящее время их общее количество возросло до 34 политических партий. И эта тенденция роста количества в области региональных отделений все новых и новых возникающих политических партий продолжает существовать, в том числе в начале 2013 года.

При Общественной палате Костромской области в период всех предвыборных кампаний работала общественная «горячая линия» связи с избирателями, работа которой способствовала дальнейшему взаимодействию органов власти и структур гражданского общества. Все поступившие заявления были рассмотрены в соответствующих органах, по ним приняты положительные решения и даны соответствующие разъяснения. Члены Общественной палаты Костромской области входят в состав практически всех советов, комиссии и рабочих групп, созданных при губернаторе Костромской области, и активно в них работают. Члены Палаты по согласованию входят в составы коллегий при департаментах Костромской области, активно участвуют в заседаниях Костромской областной Думы и её профильных комитетов на стадии обсуждения различных законодательных актов. Общественной палатой на постоянной основе ведется работа по общественной экспертизе законодательных актов органов государственной власти различных уровней. Замечания и предложения по ним органы власти в обязательном порядке рассматривают и в большинстве случаях принимают. К мнению членов Палаты, выраженному в этих документах, как правило, прислушиваются, рекомендации выполняются. Таким образом, обеспечивается связь между обществом и представителями властных структур, обеспечивается открытость органов власти.

Поддержка некоммерческих организаций осуществляется в следующих формах:

1) финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев некоммерческих организаций;

2) предоставление некоммерческим организациям льгот по уплате налогов в соответствии с законодательством о налогах и сборах;

3) размещение у некоммерческих организаций заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»;

4) предоставление юридическим лицам, оказывающим некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов в соответствии с законодательством о налогах и сборах;

5) иные формы в соответствии с законодательством Костромской области.

Общая сумма государственной поддержки из областного бюджета за 2012 года составила 10 миллионов 33 тысячи 750 рублей:

– управлением внутренней политики администрации области был организован и проведен конкурс социально ориентированных некоммерческих организаций на право получения субсидий из областного бюджета на реализацию социально значимых проектов и программ;

– по итогам участия НКО в конкурсе победителями признаны 45 проектов и им были предоставлены денежные средства на реализацию проектов в сумме 7 миллионов 783 тысячи 750 рублей;

– оказана целевая государственная поддержка на проведение общественными объединениями социально значимых мероприятий по договорам на оказание услуг – 400 тысяч рублей (мероприятия, посвященные Дню памяти воинов-интернационалистов, Международный день освобождения узников концлагерей, День ВМФ РФ, областная филателистическая выставка «Кострома – 860» и т.д.);

– субсидии из областного бюджета на возмещение общественным объединениям затрат, связанных с оказанием услуг по социальной защите и реабилитации инвалидов в Костромской области – 1 миллион 850 тысяч рублей.

Для создания «электронного правительства» Костромской области, областной думой еще 23 мая 2002 года был принят Закон Костромской области «О региональной целевой программе “Развитие системы связи и информатизации Костромской области до 2010 года”». Закон был направлен на развитие информационных – коммуникационных технологий и обеспечение техникой исполнительных органов государственной власти и муниципальных образований Костромской области. «Главной задачей при внедрении электронного правительства является смещение приоритетов в деятельности органов власти от ведомственных интересов к удовлетворению потребностей общества» [1, с. 1].

На Портале представлено достаточно большое количество разделов, из которых гражданин может узнать сведения о губернаторе и его заместителях, а также адреса и телефоны руководителей органов государственной власти региона, информацию о ва-

кансиях в аппарате администрации и в исполнительных органах государственной власти, новости законодательства и многое другое.

Очень важным разделом Портала, позволяющим общаться с руководителями области «является раздел Дискуссии, используя который граждане могут отправить электронное письмо. Порядок рассмотрения электронных писем аналогичен порядку рассмотрения писем направленных почтой, но в данном случае гражданин может, не выходя из дома в любое удобное для него время направить это письмо, и оно будет получено значительно быстрее, чем почтой» [1, с. 6]. Другой вариант, предусмотренный для общения граждан и власти, рассмотрения вопросов, интересующих общество – это официальный форум администрации Костромской области. Используя его, «граждане могут не только задавать вопросы руководителям региона, но и общаться между собой, обсуждая различные вопросы» [1, с. 6]. С января 2010 года начал свою работу областной Портал государственных услуг. Однако, несмотря на принимаемые меры, Костромская область по уровню внедрения электронного правительства на 1 января 2012 года заняла 14 место по ЦФО и 65 место в целом по России. Для сравнения: Ивановская область в этом же общероссийском рейтинге заняла 18 из 80 мест. А Ярославская область имеет 5 место и 29 по ЦФО [2].

В заключение нашего обзора назовем региональные законодательные акты, которые составляют правовую основу формирования, развития и институционализации гражданского общества и его структурных элементов:

– Закон Костромской области от 13 октября 2011 года № 131-5-ЗКО «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Костромской области»;

– Закон Костромской области 29 декабря 2011 года № 172-5-ЗКО «О снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков, осуществляющих деятельность на территории Костромской области»;

– Закон Костромской области от 26 декабря 2008 года № 436-4-ЗКО «О государственной поддержке общественных объединений и их взаимодействии с органами государственной власти Костромской области»;

– Закон Костромской области от 7 декабря 2006 года № 92-4-ЗКО «Об Общественной палате Костромской области»;

– Постановление администрации Костромской области от 20 октября 2011 года № 379-а «Об областной программе “Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций и содействие развитию гражданского общества в Костромской области на 2011–2013 годы”»;

– Постановление администрации Костромской области от 20 октября 2011 года № 380-а «Об утверждении Порядка предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям в Костромской области из областного бюджета на реализацию социально значимых проектов и программ»;

– Распоряжение администрации Костромской области от 28 декабря 2011 г. № 305-ра «О составе конкурсной комиссии по проведению конкурса социально ориентированных некоммерческих организаций на право получения субсидий из областного бюджета»;

– Постановление администрации от 9 декабря 2011 года № 479-а «Об утверждении Порядка формирования, ведения, обязательного опубликования перечня государственного имущества Костромской области, свободного от прав третьих лиц, предназначенного для предоставления во владение и (или) в пользование социально ориентированным некоммерческим организациям, и Порядка и условий его предоставления»;

– Распоряжение администрации Костромской области от 21 февраля 2012 г. № 24-ра «Об утверждении Перечня государственного имущества Костромской области, свободного от прав третьих лиц, предназначенного для предоставления во владение и (или) в пользование социально ориентированным некоммерческим организациям»;

– Постановление администрации Костромской области от 20 октября 2011 года № 381-а «Об уполномоченном исполнительном органе государственной власти Костромской области».

По мнению областной исполнительной власти, «институты гражданского общества Костромской области все больше заявляют о себе. Если раньше они представляли собой разрозненную массу объединений в одиночку решающих свои узкие задачи, <…> то теперь их работа в центре внимания разных заинтересованных слоев населения, они составляют ядро экспертов власти, они тот дозор, в котором нуждается наш регион и Россия в целом» [3, с. 5].

Библиографический список

1. *Корольков С.Л.* Опыт создания «Электронного Правительства» Костромской области. III ежегодная межрегиональная научно-практическая конференция «Инфокоммуникационные технологии в региональном развитии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/vconf/files/11120.doc.

2. Рейтинг субъектов РФ по уровню внедрения электронного правительства на 1 января 2012 года // Госменеджмент. Электронный журнал. – 2012. – 03 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosman.ru/?news=22234.

3. *Филиппова Н.А.* Взаимодействие органов власти Костромской области с общественностью // Костромская область: власть и общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adm44.ru/i/u/Sbornik2010.pdf.

УДК 32:001

Коряковцева Ольга Алексеевна
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
youth1@mail.ru
Климов Олег Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
fpk5@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

В статье поднимается вопрос о роли государственной молодежной политики (ГМП) в развитии гражданской активности молодежи России в эпоху перемен и подчеркивается необходимость создания государственно-общественной системы социализации молодежи. При этом молодежь рассматривается как в качестве субъекта, так и объекта социально-политических процессов. Основываясь на мировом историческом опыте и результатах исследования, проведенного в Ярославской и Костромской областях, автор отмечает, что деятельность ГМП должна быть, прежде всего, направлена на создание условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: *государственная молодежная политика, гражданская идентичность, гражданская активность молодежи, молодежь как субъект и объект социально-политических процессов, автономная и мобилизационная активизация личности.*

Вопрос о формировании гражданской позиции молодых всегда приобретает особое значение в условиях изменения общественных систем. Государственная молодежная политика (ГМП) в решении этого вопроса играет роль стимулирующей и направляющей силы. Молодежь объективно является активным и заинтересованным участником происходящих в России преобразований: становления гражданского общества, правового государства и социально ориентированной экономики.

Эффективное использование потенциала инновационной активности молодежи в интересах создания нового общества, в том числе и активности гражданской, возможно только при условии формирования адекватной государственно-общественной системы социализации молодежи. Следует подчеркнуть, что объективная необходимость в такой комплексной реализации ГМП обусловлена рядом недостатков политики государства в отношении молодежи в постсоветский период: не в должной мере обеспечена преемственность и последовательность в развитии ГМП; молодежь не воспринимается как особый политический и гражданский субъект; в общей политической линии государства недооценивается роль современной ГМП в общественной и политической активизации молодежи; современной наукой недостаточное внимание уделяется проблемам гражданской активности молодежи; волюнтаризм власти далеко не способствует эффективному взаимодействию государственных институтов с молодежью и молодежными организациями. Именно эти недостатки во многом определяют актуальность рассматриваемой проблемы. На основе анализа реализации ГМП в постсоветской России можно утверждать, что формированию гражданской идентичности молодежи и механизмам воздействия на ее развитие посредством эффективной ГМП уделяется недостаточно внимания.

На наш взгляд, молодежь одновременно является особым субъектом и объектом различных жизненных процессов, в том числе социально-политических. Такой многогранный и многомерный подход придает заявленной теме интегративный характер и требует обращения к научным изысканиям не только в сфере политологии, но и других наук. Современный этап модернизации России подтверждает представление молодежи и молодежной политике как о сложном и противоречивом явлении. Гражданскую активность молодежи мы рассматриваем как комплексный феномен, состоящий из автономной активности личности и мобилизационной активности, то есть рожденной в результате политизации. Она представляется нам особым элементом общественно-политической системы России. Эта особенность порождена феноменом данной группы населения как общественно-политического субъекта и объекта одновременно, что объясняет её специфические взаимоотношения с властью в области политики. Трансформационные процессы в России объективно требуют нового уровня взаимодействия молодежи и государства, молодежных организаций и властных структур [5, с. 432].

Несомненно, основным фактором развития гражданственности молодежи является молодежная политика, осуществляемая государством. На фоне трансформации практически всех политических институтов современная государственная молодежная политика в России носит двойственный характер, обусловленный, с одной стороны, выстраиванием вертикали государственной власти, с другой стороны, – процессами формирования гражданского общества. В этих условиях молодежь сегодня предстает как в качестве объекта, так и общественно-политического субъекта. Поскольку роль молодежи в построении нового общества чрезвычайно велика, именно ей принадлежит будущее, мы убеждены в необходимости пересмотра традиционного авторитарного подхода к этой части населения со стороны государства и реального перехода к процессу гражданской субъектизации молодежи.

© Коряковцева О.А., Климов О.А., 2013

Мы полагаем, что проблема субъектизации молодежи может быть решена только на основе субъект–субъектного взаимодействия власти и молодого поколения. По нашему мнению, формированию гражданской идентичности молодежи в новых конкретно-исторических условиях будет способствовать развитие широкого молодежного самоуправления и повышение роли молодежных организаций в обществе. Системное использование технологий социально-политической активизации не столько традиционного для России мобилизационного, сколько автономного (личностного) типа в результате приведет к диалектике, обоснованной еще Н.А. Бердяевым [1]: развитию «активности действий» молодых граждан и к формированию созидательной «активности духа», что особенно важно для обеспечения стабильности в обществе и государстве в переходный период.

Гражданская активность представляется нам как деятельность и как устойчивое свойство личности. В нашем понимании она имеет различные формы, в числе которых трудовая, познавательная, нравственная и, конечно, общественно-политическая, если они направлены на пользу обществу. Следовательно, для формирования гражданской идентичности особенно значимы ценностные ориентации личности, ее отношение к обществу, стране, государству, опирающееся на систему нравственных норм, осознание себя Гражданином, реальное поведение человека, которое определяется его умением и желанием выполнять основные социально-нравственные обязанности. Практически во всех социологических и политологических концепциях интерпретируется понятие социальной активности как социального действия. Это в полной мере относится и к пониманию гражданской активности, поскольку социальная активность выражается в успешном выполнении всех социальных ролей, а гражданская активность – в успешном выполнении одной роли Гражданина, но во всех сферах деятельности личности. То есть современные российские исследования базируются на материалистической теории понимания активности как «активности действий». Это, по нашему мнению, ограничивает решение проблемы развития гражданской идентичности молодежи, так как не учитывает процесс формирования «активности духа». Гражданская активность – это комплексный феномен, включающий автономную и мобилизационную активности личности в системе не только политических, но и социально-психологических факторов [3, с. 37].

Всемирный исторический процесс убеждает в решающей роли молодежи в период общественных трансформаций и переломных моментов истории, молодежь – потенциальный носитель субъектности ввиду ее особого положения в общественной структуре, в том числе и субъектности общественно-политической. Но, с другой стороны, молодежь предстает и как объект социализации и политики. Каждый правящий режим придает объективно-обусловленному процессу социализации молодых поколений, в том числе и формированию гражданской идентичности, требуемое политико-идеологическое направление. Это дает основание говорить о разработке особых технологий становления гражданской позиции молодежи как о своеобразном инструменте направленного политического воздействия.

Одним из таких примеров мощного государственного воздействия является политика гитлеровской Германии в отношении молодого поколения. Гитлер в своей политике главную ставку сделал на молодежь, дав ей право на активное участие в работе национал-социалистической партии на благо «Великой Германии». Это оказалось весьма действенным методом для привлечения молодежи. Пропаганда нацистов учитывала возрастную психологию и социальную принадлежность молодого поколения, подчеркивала ее сознательность и самостоятельность. Популярность «Гитлерюгенда» объяснялась соответствием ее целей горячему стремлению молодежи реализовать свой потенциал. Эта организация использовала удачный для тех исторических условий опыт молодежных организаций фашистской Италии. Именно Муссолини объявил свою партию «партией молодых», именно он использовал множество приемов, привлекающих молодежь.

Интересно использование долгосрочных мобилизующих политических технологий в Китае. Опыт государственной молодежной политики в Китае получил название «китайский национализм». Власти Китая ведут системную многолетнюю работу по повышению гражданской активности молодежи, её патриотизма и лояльности к властям. В современной науке все чаще употребляется термин «молодежный сетевой национализм». Для политизации молодежи Китая широко используется Интернет. Сегодня Китай занимает первое место по количеству пользователей Интернета, 80% пользователей – это молодое поколение. Таким образом, можно говорить о появлении новой сетевой технологии гражданской активизации молодежи на национальной основе.

Конечно, вышеназванные мобилизационные технологии носят националистический характер. Но ярким примером долгосрочных мобилизационных технологий на основе использования лучшего опыта работы с молодежью в тоталитарных государствах являются всем нам известные Пионерия и Комсомол. Мы не будем говорить об идеологической стороне вопроса, но эффективность данных технологий формирования гражданской идентичности молодежи несомненна, даже в таком многонациональном государстве, как Россия. К сожалению, современная государственная молодежная политика не использует богатый опыт применения долгосрочных технологий в сфере гражданского образования и воспитания.

Современный переходный исторический период объективно требует общественно-политической

субъектизации молодого поколения, в связи с чем наиболее широкий спектр применения, несомненно, должны иметь автономные (личностные) социально-политические технологии. Эти технологии носят краткосрочный характер. Примером краткосрочных технологий на государственном уровне, которые органично вписываются в проводимую государственную политику по гражданской активизации молодежи, могут быть систематические совместные акции, проводимые органами власти и молодыми людьми. Так, например, в Австрии парламент регулярно проводит ролевые игры, которые позволяют молодежи почувствовать парламентскую атмосферу. В Италии и в Испании каждый старшеклассник и студент имеет возможность изучения работы Парламента, встреч с депутатами, посещения рабочих мероприятий. Такая же системная работа по организации взаимодействия государственных институтов власти и молодежи проводится в Финляндии, Норвегии, Чехии, Израиле и других странах, не говоря уже о США. Это только несколько примеров использования личностных краткосрочных технологий развития общественно-политической активности молодежи, формирующих гражданскую позицию молодого человека, чувство патриотизма и гордости за свою страну.

Практический опыт убеждает, что традиционный для России авторитарный подход к осуществлению государственной молодежной политики мешает реализации подобных эффективных технологий. Например, не так давно в Ярославле был открыт Дворец молодежи. Это значимое событие для нашего региона. Первые лица области и города были приглашены на открытие, но, к сожалению, они не нашли времени поучаствовать в этом и не использовали возможность прямого контакта с самой активной частью молодежи. Очевидно, что важным моментом обеспечения взаимодействия власти и молодежи являются технологизация развития гражданской активности молодежи и внимание государственных органов, особенно работающих с молодежью, к этому процессу. Итак, практика показывает, что в любом обществе характер работы с молодежью как общественно-политическим субъектом и объектом определен конкретным историческим моментом и спецификой проведения государственной молодежной политики. В сегодняшней ситуации трансформирования российского общества эффективная политика государства в отношении молодежи особенно значима. Почему? Во-первых, строительство гражданского общества объективно требует гражданской субъектизации молодых людей и развития их автономной общественно-политической активности. Во-вторых, для укрепления властной вертикали необходимо государственное политическое воздействие на молодежь как на ресурс власти. Процессы демократизации и укрепления государственности противоречат друг другу, отсюда – упомянутые выше сложности в реализации современной политики в отношении молодежи и, прежде всего, в повышении её гражданской активности. Государственная молодежная политика должна формироваться и реализовываться органами государственной власти и местного самоуправления при партнерском участии молодежных и детских общественных объединений, неправительственных организаций, различных политических партий и иных, юридических и физических, лиц. Но сегодня российская ГМП направлена скорее на выстраивание вертикали власти, чем на создание условий для формирования гражданской идентичности самой молодежи и её общественно-политической субъектизации.

Мы уверены, что именно уровень общественно-политической, и, прежде всего, гражданской активности молодежи является ключевым показателем сформированности гражданского общества, а значит, и эффективности современной политики государства. Для разрешения этой проблемы следует преодолеть стереотипное тоталитарное представление о молодежи как об объекте политики и определить отношения власти и молодого поколения как субъект-субъектные. На сегодняшний день субъектизация молодежи в принятых нормативно-правовых документах в основном декларируется, реальным фактом является политическая и гражданская пассивность молодежи. Для повышения эффективности ГМП и ее значимости как фактора общественно-политической активизации молодежи, по нашему мнению, необходимы следующие шаги: завершение формирования нормативно-правовой базы ГМП на федеральном уровне с опорой на научные исследования; обязательный учет региональной специфики; расширение научно-методического потенциала и информационного пространства ГМП; внедрение практико-ориентированной системы оценивания эффективности политики в отношении молодежи; системное регулирование профессиональной компетентности специалистов, работающих в этой сфере.

Данные экспертных опросов [2, с. 597–598] подтверждают, что инструментом реализации ГМП и важнейшим фактором гражданского становления молодого поколения в последнее время становятся молодежные организации, и не только лояльные к властям. Партнерские отношения с ними требуют особого внимания. На основе проведенных нами исследований, тенденций развития взаимодействия государства и общественных организаций молодежи [3], следует отметить, что, хотя становление молодежной политики в постсоветской России носит «маятниковый характер» от централизации к децентрализации, основные направления формирования и развития все же традиционно определяет федеральный центр. За последнее время органами власти предприняты попытки демократизировать данный процесс, но они в основном носят односторонний характер. О партнерском взаимодействии государства и молодежной общественности пока говорить рано.

В Ярославской, Костромской и ряде других областей нами были определены содержание и уровень общественно-политической активности молодежи и выявлены тенденции интеграции молодежи в социально-политическое региональное пространство. Результаты исследования весьма точно показывают перспективы вовлечения молодежи в жизнь российского общества, а значит, и перспективы построения гражданского общества в России. К сожалению, они неутешительные. Системный опрос выявил превалирование двух позиций взаимоотношений общества и молодого индивида: утилитарную позицию и позицию полного отчуждения. Можно говорить о том, что гражданская позиция большинства молодежи на сегодняшний день не сформирована.

При сложившейся ситуации фактическое построение гражданского общества, которое является стратегической перспективой политики современного Российского государства, на наш взгляд, проблематично. Процесс эффективной гражданской интеграции молодого человека в социально-политическое пространство возможен лишь при условии учета как внутренних ресурсов личности, так и внешних особенностей социума.

Анализ практического опыта развития общественно-политической активности молодежи ряда регионов в рамках реализации ГМП выявляет объективные закономерности и сложности этого процесса и предлагает пути их разрешения. Сегодня в России наиболее эффективными формами гражданской активизации молодежи, по нашему мнению, являются поддержка конструктивных молодежных инициатив, молодежный парламентаризм и самоуправление, то есть реализация молодежью конкретных общественных проектов локального характера, которые становятся основой для ее социально-политической субъектизации. При этом необходимо понимать, что решение проблемы гражданской активизации молодежи осуществляется не только ресурсами молодежного самоуправления, но и требует поддержки как в рамках государственной политики (развития гражданского образования), так и в плане грамотного сопровождения специалистами.

С целью изучения профессиональной компетентности специалистов, работающих с молодежью, в двух регионах России (Ярославском и Костромском) в 2013г нами был проведен экспертный опрос. В опросе участвовали руководители и специалисты: региональных и муниципальных органов по делам молодежи; региональных представительств политических партий; российских и международных молодежных общественных организаций; редакторы молодежных средств массовой информации. Результаты проведенного опроса показали, что респонденты в целом достаточно адекватно оценивают ситуацию, сложившуюся в сфере государственной молодежной политики, но недостаточно полно ориентируются в существующих технологиях, применяемых в данной сфере. В основном они опираются на модифицированные мобилизационные технологии комсомольской работы. Собственные же разработки далеко не всегда имеют научную и технологическую основу, что, безусловно, отражается на результативности деятельности.

Таким образом, очевидно, что эффективная реализация ГМП в любой сфере, в том числе и в сфере формирования гражданской идентичности и активности, возможна только при условии целенаправленной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, работающих с молодежью.

Соединение позитивного потенциала и факторов социальной нестабильности в среде молодежи делает развитие гражданской активности исключительно актуальным. Такая активность становится сегодня основным механизмом социализации молодого поколения для успешного построения гражданского общества в России. Особая роль в этом принадлежит властным и общественным структурам, реализующим политику в отношении молодежи.

На наш взгляд, процесс сотрудничества молодежи и государства в период трансформации общества должен быть инициирован самим государством. На сегодняшний день он уже изменяется и имеет большой спектр от механизмов личных контактов до проектного механизма и молодежного парламентаризма, которые необходимо развивать и совершенствовать.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм // Философия творчества, культуры и искусства: В 2 тт. – Том 1. – М.: Искусство, 1994.

2. *Коряковцева О.А., Доссэ Т.Г.* Специфика общественно-политической активизации молодежи в процессе трансформации общества: региональный аспект // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сборник статей / Под общей редакцией члена-корр. РАН М.К. Горшкова и проф. А.-Н.З. Дибирова. – М.; Махачкала, 2011. – С. 596–601.

3. *Коряковцева О.А.* Общественно-политическая активность молодежи: сущность, технологии и опыт компаративного анализа: монография. – Ярославль: ЯГПУ, 2008.

4. *Мищенко Т.В.* Становление профессиональной идентичности у студентов педагогического вуза: Дис. … канд. психол. наук. – Ярославль, 2005.

5. *Тарханова И.Ю.* Аксиологические основы модернизации практики российского образования: традиции и инновации // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сборник статей / под общей редакцией члена-корр. РАН М.К. Горшкова и проф. А.-Н.З. Дибирова. – М.; Махачкала, 2011. – С. 430–435.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 1:316

Артамошкина Людмила Егоровна
кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Le.artspb@gmail.com

ТОПОС, ЛАНДШАФТ, БИОГРАФИЯ: КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

В статье соотносятся концепты культурной памяти и феноменология ландшафта. Ландшафт предполагает усилие собирания, но удержание ландшафта в памяти культуры становится возможным в единстве биографии. Феноменология ландшафта как стратегия становления и интерпретации биографии уточняется феноменологической теорией восприятия. Это оказывается необходимо в связи с дальнейшим развитием концепции культурной памяти.

Ключевые слова: *топос, ландшафт, феноменология, память, восприятие, биография.*

Жизнь во всех ее иерархиях, от ЖЗЛ до жеста повседневного, не рефлексируемого, бессознательного, имеет место: совершается в определенном месте; но и в значении «имеет место быть». Замечательно, что в нашем языке выражение «иметь место» вмещает в себя одновременно два этих значения, замечательна явленная в языке нерасторжимость этих значений. Иметь место = быть. Место есть у всего постольку, поскольку что-то есть: человек, птица, ветка, мысль, боль, дыхание, жизнь, смерть, встреча, память. Проходя и пребывая в разных местах, мы «собираем» свой ландшафт, ландшафт собственной биографии. Усилие этого собирания есть условие самой биографии. Ландшафтные миры нашей биографии собираются усилием-требованием, обращенным к самому себе: «Помни!»

В концепции культурной памяти зафиксирована непременная топологичность наших воспоминаний и самого пространства памяти. Так, например, Я. Ассман подчеркивает важность топосов для формирования идентичности социальной группы: «Эта тенденция к локализации проявляется во всех типах общностей. Любая сплачивающаяся группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами ее идентичности, а также опорными пунктами воспоминания» [1, с. 40].

Концепция Ассмана отсылает к концепции социальной памяти Мориса Хальбвакса и его главным работам – «Социальные рамки памяти» и «Легендарная топография Святой земли в Евангелии». На примере топографии Святой Земли Хальбвакс показал, что социальная группа создает свое символическое единство благодаря сакрализации пространства и сохранению коллективной памятью этого сакрального пространства, что является принципом сохранения идентичности группы. Прошлое, по мысли Хальбвакса, структурировано социальной памятью, а наше актуальное настоящее, в свою очередь, определяется этим прошлым, сохраненным нашей памятью. Концепция Хальбвакса приводит к своеобразной «тотальности» социального. На наш взгляд, необходимо достижение некоторого концептуального равновесия в определении соотношения социального и индивидуального в культуре и в жизни отдельного человека. Концепты социальной памяти и коллективной памяти соотносимы. Они за ключевое, отправное положение принимают обусловленность индивида, его жизни миром общности: социальным миром в концепции Хальбвакса и миром культуры в концепции Ассмана.

Феноменология ландшафта обеспечивает другую обусловленность: восприятие мира разворачивается из точки местоположения Я. Эта направленность «взгляда» сопряжена с моментами «моего» самоконституирования и конституирования в этом обнимающем мир взгляде этого же мира, «мира для меня». Феноменология ландшафта как стратегия становления биографии уточняется феноменологической теорией восприятия. Это оказывается необходимо в связи с дальнейшим развитием концепции культурной памяти.

Нам кажется интересной и продуктивной версия, предложенная немецким исследователем Т. Брейером. Автор включает в топосы культурной памяти индивидуальные топосы, которые занимают определенное место в иерархии топосов. Он обращается к феноменологической теории восприятия, так как она обеспечивает модель для функционирования основных топосов культурной памяти (индивидуального разума) с вниманием к бессознательным и сознательным аспектам. Принимая вывод другого исследователя, автор, на наш взгляд, верно ставит проблему: «в реальном мире автобиографическая и историческая память проникают друг в друга…» (перевод наш – *Л.А.*) [6, с. 106]. Память является наиболее продуктивным полем для интердисциплинарной коммуникации, особенно между феноменологией, антропологией, психологией, культурологией.

© Артамошкина Л.Е., 2013

Разрабатывая концепт топологии культурной памяти, автор принимает в качестве топосов, входящих в культурную память, образы и тексты, тело и ландшафт, моторное тело, память эмоций. Все они интегрированы в обширную структуру. «В этой топологической структуре существует иерархический порядок модальностей, указывающих, что это может быть детерминировано раз и навсегда, какие средства и процессы кодирования и возвращения конституируют культурную память» (перевод наш – *Л.А.*) [6, с. 106].

В заключении автор, говоря о культурной памяти как системе топосов, обращается к ландшафту. Ландшафт – «хранитель» образа. Так, мифический образ создает сицилийский ландшафт (ярость Титана, поверженного Зевсом, заключена в бушующей вулканической силе Этны). Ландшафт является вместилищем некоего события, мифического по своей образности и смыслу. «Сверхъестественное бытие живет не только в Сицилийском ландшафте, как объяснил Курт Хюбнер, ландшафт является этим бытием» (перевод наш – *Л.А.*) [6, с. 107].

Собирание топосов в ландшафт оказывается процессом определенной сакрализации места. Пространство, становящееся ландшафтом, теряет свою нейтральность для меня. Теперь это «мое» пространство. И здесь мы выходим на еще один интересный сюжет. Он связывает топологию культурной памяти с проблемой понимания. Ландшафт сохраняется воспринимающим сознанием как образ, погружающийся в глубины индивидуальной или коллективной памяти. Забвение, которое является такой же функцией памяти, как и запоминание, может быть столь радикальным, что образ оказывается в области бессознательного. Каковы условия и механизмы, позволяющие этому образу вновь актуализироваться в индивидуальной или коллективной памяти?

Находясь в пространстве биографии, мы можем связать этот момент актуализации с потребностью/необходимостью самопонимания и понимания как возможности оставаться принимающим решения человеком. Бессознательное бывает таковым в разной степени. Т. Брейер связывает бессознательное с актами сознательного. Области бессознательного становятся интенциональным объектом, объектом сознания в будущем. Такое бессознательное, поднявшееся к области сознательного, являет себя в нашей памяти как «фотовспышка». Своеобразным толчком к такой «фотовспышке» может служить эмоция, сходная с той, которую мы испытали в подобной же ситуации в прошлом. В такой «вспышке» содержания памяти становятся неожиданно сознательными без индивидуальных намерений это обнаружить.

Понимая себя, мы себя «описываем». Понимание или описание всегда имеют настроение, эмоционально окрашены. Эмоциональность нашего понимания обеспечивает более адекватный доступ к содержанию нашей памяти и выуживанию из нее наиболее адекватных этому пониманию «здесь и сейчас» фрагментов и образов прошлого.

Настроение – существенный элемент процессов вспоминания, оно продуцирует обратную связь с предпониманием, ведь то, что вспоминается лучше, может иметь лучшую функцию в качестве предпонимания в новых актах понимания, и определенные моменты вспоминаются лучше, если есть эмоциональное соответствие между моментами кодирования переживания в образ, пригодный для воспоминания и будущего поиска и обнаружения этого образа в качестве воспоминания.

Как показал Хайдеггер, и понимание, и настроение конституируют экзистенциальный характер Dasein вообще. Нет понимания без настроения или эмоциональной окраски. Другая сторона этого: каждое эмоциональное положение раскрывает пути к самопониманию. Индивидуальная память, явленная в биографии или автобиографии, всегда эмоциональна. Мы не можем относиться к себе нейтрально, так как само наше положение «думанья» о себе не является нейтральным положением.

Актуальное самопонимание подвержено влиянию «само-схемы», в которую вписаны настроения, что сопутствует самоописанию и что, следовательно, облегчает поиск конгруэнтных содержаний памяти. Любому акту нашего самопонимания уже предшествует некоторая схема, созданная из элементов всех предшествующих актов понимания. Мы мыслим о себе по некоторой «схеме».

Эмоции могут стать объектами познания. «Я» как самость, как целое являюсь объектом эмоциональной рефлексивности.

С другой стороны, каждый акт мыслительного процесса ведет к настроению. Способ мышления вовлечен в объекты (предметы) этого мышления и соответствует тому, что уже мы знаем и к чему стремимся. Результаты мышления всегда продукты взаимодействия прошлого, настоящего и будущего (что и важно для биографического метода, так как в нем явлена рефлексия и саморефлексия, и она имеет феноменологическую природу, т.е. способ мышления вовлечен в объекты (предметы) этого мышления). Эта «феноменологичность» и есть сопряженность прошлого, настоящего и будущего. «Я» мыслю о себе, из себя и в себе, ergo «о» – это уже отсроченность от настоящего, т.е. прошлое мое дано в этом мышлении «о»; «из» – из всей совокупной телесно-психологической данности, каков «я есмь» здесь и сейчас; «в» – соединение прошлого и настоящего в проективности динамики моего мышления. Память или автобиографическая эпизодическая память является местом или пространством сохранения индивидуального опыта, который всегда имеет аффективное измерение или структуру.

Взгляд собирает топосы в ландшафт, взглядом же ландшафт удерживается в собирающем един-

стве. Ландшафт предполагает усилие собирания, но удержание ландшафта в культуре, в памяти культуры становится возможным в единстве биографии, в биографическом ландшафте.

Так, воронежский пейзаж, как и вечереющий – Тосканы – вобрали в свой состав слово–мысль–событие жизни поэта.

Мандельштам прекрасно выразил это в одном из стихотворений «Воронежской тетради»:

Где много неба мне – там я бродить готов.
И вечная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов —
К всечеловеческим, яснеющим, в Тоскане [3, с. 239].

Это был «дантевский» период в творчестве и биографии Мандельштама. Он связан не только с образами поэзии Данте, но с культурфилософским и биографическим выражением его идей и самой жизни («изгнанничество» Данте переживалось Мандельштамом в контексте собственной судьбы).

Жизнь человека меняет окружающий ландшафт, качество его и состав. Для этого совсем не нужно усилие-насилие изменения течения рек и мелиорации земель. Самим фактом своей жизни мы меняем мир вокруг. Здесь феноменология ландшафта разворачивается в стратегию биографического текста, создаваемого носителем биографии и читаемого Другим.

В ландшафте воспоминаний присутствует топологическое прикрепление памяти к месту. Он «используется», когда нужно запомнить что-то. Здесь важно уже наличие того, что нужно или хочется запомнить (узелок на память), работает наша эмоциональная память.

В феноменологии ландшафта нет предварительной заданности для содержания памяти, требовательности запомнить что-то вполне отчетливо данное и определенное. Феноменология ландшафта, скорее, предполагает совпадение по времени-процессу восприятия места, становящегося в этом восприятии ландшафтом, его «схватывание» памятью в образе, аналитику с сопутствующей ей символизацией ландшафта и, наконец, соотнесение с пространственно-временным развертыванием биографии.

Принципы феноменологии ландшафта проясняются при обращении не только к текстам собственно теоретико-философского характера, но к «текстам» повседневной жизни. Переписка Гуссерля и Шпета дает материал для новых размышлений. В ней и явлено феноменологическое свойство: способ мышления вовлечен в объекты мышления. Это свойство определяет качество подлинности самой мысли, нерасторжимость «слова и дела», мысли и жизни. В письме Шпету Гуссерль высказывается вполне определенно: «Меня обрадовало, что Вы пишете о своем методе работы и Ваших рабочих планах. Только при полном и абсолютном самоотречении выявляется непреходящее (Bleibendes) и плодотворное. Весь мир должен понять, насколько серьезными мы считаем феноменологические исследования, и по одной единственной причине, так как сама феноменология есть серьезная вещь, знание [Wissenschaft] «в себе» существующих истин, которые карают и позорят нас за ложь, если мы вместо серьезной работы – болтаем» [2, с. 234].

Метафорический характер выражений Гуссерля соответствует «внутреннему» восприятию самого объекта мышления и выражает «ландшафтные» качества этого объекта – «горной страны феноменологии»: «В меня вселяет бодрость то, что горная страна феноменологии предстала перед Вами, как и передо мной, в своем величии, своей красоте и силе, созидающей философию, и что Вы ради «вечной душевности» не страшитесь тех невыразимых трудностей, с которыми должен встретиться каждый, кто хочет в ней освоиться». (Геттинген 29.12.13) [2, с. 236]

Мысль о трудностях, с которыми должен столкнуться всякий, вступающий в «страну феноменологии», повторяется Гуссерлем. Интонация писем выражает тот внутренний императив, который только и должен быть подлинным поводом к работе, необходимой потребностью.

«Я ведь уже писал Вам, что я полностью отверг почти 6 уже отпечатанных, соответственно, набранных печатных листов и принял решение вместо переработки написать полностью новый том. Комплекс из следующих 6-ти листов я еще держу в наборе, так как он, кажется, содержит только добротное (впрочем, с самого начала новое). Крайне неблагоприятная ситуация сложилась во время этой рабочей зимы. Я был здоров, но, несмотря на все старания, мало продуктивен — invita Minerva. Теперь, кажется, [работа] идет снова, и если будет угодно Богу, получится в конце концов нечто изрядное. Более всего мешает мне то, что я слишком остро ощущаю ту громадную ответственность, которую я на себя принял; поэтому я не могу в полной мере предаться тщательному анализу. Так что Вы понимаете, почему я пишу ответ на Ваше письмо, которое меня чрезвычайно обрадовало, лишь несколько недель спустя» (Геттинген, 28.03.1914) [2, с. 233]. В этом же письме Гуссерль использует своеобразную «ландшафтную» метафору, дабы быть лучше понятым: «Главное состоит в том, чтобы Ваши столь способные к воодушевлению соотечественники поняли, что речь идет не о новом учении спасения, благодаря которому верующий достигает блаженства, но что открыта новая наука, бесконечно плодотворная почва для работы, – бесконечная и плодотворная как русская равнина, но как и она приносящая богатый урожай только благодаря упорному труду (а не громким словам). Пусть будут соответствующим образом скептичны, или, критичны – но пусть проверяют с открытыми глазами. Они увидят, что здесь действительно есть

основа, что работа здесь необходима, и что как раз работа, которая должна быть здесь проделана – единственная, необходимая в нашу философскую эпоху» [2, с. 242]. Ландшафтные образы, рождаемые метафорой, содействуют и адекватному выражению предмета собственного мышления в единстве с восприятием его, и адекватной передаче «адресату». Примечательно, что характер «ландшафтного» образа меняется в зависимости от «адресата». Образ горного ландшафта появляется в адресованности «соратнику», тому, кто одолевает крутые склоны горной страны. Равнинный ландшафт соответствует представлению-мысли о «соотечественниках», о русских.

Ландшафтное «освоение» пространства мысли свойственно разным текстам. Так, возникает сопряжение ландшафта и ментальности культуры в работе Е.Н. Трубецкого «Умозрение в красках». Ландшафт, складывающийся в единстве географического пространства и его архитектурного восполнения, и выражает гештальт культуры. Работа Трубецкого создавалась в драматичный период русской истории: Первая мировая война, революция. Катаклизмы, сотрясающие основы жизни, требовали осмысления глубинных ее закономерностей и, одновременно, укрепления веры в незыблемость этих оснований. Сопоставляя «готический», западный, и православный, русский, ландшафты, Трубецкой приходит к образам, схватывающим в этих ландшафтах «душу» культуры.

«Недавно в ясный зимний день мне пришлось побывать в окрестностях Новгорода. Со всех сторон я видел бесконечную снежную пустыню – наиболее яркое изо всех возможных изображений здешней нищеты и скудости. А над нею, как отдаленные образы потустороннего богатства, жаром горели на темно-синем фоне золотые главы белокаменных храмов. Я никогда не видел более наглядной иллюстрации той религиозной идеи, которая олицетворяется русской формой купола-луковицы. Ее значение выясняется из сопоставления.

Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиц выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся. При взгляде на наш московский Иван Великий кажется, что мы имеем перед собою как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а многоглавые кремлевские соборы и многоглавые церкви суть как бы огромные многосвешники. И не одни только золотые главы выражают собою эту идею молитвенного подъема. Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе как дальнее потустороннее видение града Божьего» [4, с. 198].

Характерен выбор времени года для выражения этой «зримой» идеи: зима, снежная зима. Белоснежный простор является тем «абсолютным» пространством безмерной протяженности, которое захватывает, впечатляет и «взор иноплеменный». «Необъятность пространства», «равнина», «зима» – устойчивые черты образа, рожденного сторонним взглядом. Любопытно в этой связи обращение к тексту, возникающему в недрах той же эпохи – к «Закату Европы» Шпенглера. Вот как «прочитывает» русский ландшафт Шпенглер: «Русское слово для “Himmel” – “небо”, т. е отрицание. Человек Запада смотрит вверх, русский смотрит вдаль, на горизонт. Так что порыв того и другого в глубину следует различать в том отношении, что у первого это есть страсть порыва во все стороны в бесконечном пространстве, а у второго – самоотчуждение, пока “оно” в человеке не сливается с безграничной равниной. Точно так же понимает русский и слова “человек” и “брат”: человечество также представляется ему равниной. Русский астроном – ничего более противоестественного быть не может. Он просто не видит звезд; он видит один только горизонт. Вместо небесного купола он видит небесный откос. Это есть нечто, образующее где-то вдали с равниной горизонт. Коперниканская система для него смехотворна в душевном смысле, что бы там она ни значила в смысле математическом. “Schicksal” звучит как фанфары, “судьба” внутренне подламывается. Под этим низким небом не существует никакого “я”. “Все виноваты во всем”, т. е. “оно” на этой бесконечно распростершейся равнине виновно в “оно” – вот основное метафизическое ощущение всех творений Достоевского. Потому и должен Иван Карамазов назваться убийцей, хотя убил другой. Преступник несчастный это полнейшее отрицание фаустовской персональной ответственности. В русской мистике нет ничего от того устремленного вверх горения готики, Рембрандта, Бетховена, горения, которое может дойти до штурмующего небеса ликования. Бог здесь – это не глубина лазури там, в вышине. Мистическая русская любовь – это любовь равнины, любовь к таким же угнетенным братьям, и всё понизу, по земле, любовь к бедным мучимым животным, которые по ней блуждают, к растениям, и никогда – к птицам, облакам и звездам. Русская “воля”, наша “Wille” значит прежде всего отсутствие долженствования, состояние свободы, причем не для чего-то, но от чего-то, и *прежде всего от обязанности лич-*

ного деяния. Свобода воли представляется здесь таким состоянием, в котором никакое другое "оно" не отдает приказания, так что можно отдаться собственной прихоти» [5, с. 399].

Шпенглер лишает русский гештальт вертикали, тем самым определяет как фатальную черту русского характера – отсутствие индивидуального начала как начала ответственности и выбора. Думаем, что окончательность формулировок Шпенглера, как и природа созданного им образа, более всего выражают неполноту «эмпатического» проникновения в предмет. Вероятно, это и не вполне возможно для человека другой культуры.

Очевидно следующее: ландшафт связан с гештальтом культуры, а если обратиться к концепции Шпенглера, то можно увидеть продолжение такого рода связи. Шпенглер связывает ландшафт с его индивидуальным выражением в душе человека. Не случайно метод Шпенглера иногда называют биографическим.

Библиографический список

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. *Гуссерль Э.* – Шпет Г. Письма / предисл., пер. и примеч. В.И. Молчанова // Логос. – 1992. – № 3. – С. 233–242.

3. *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. – М.: «Терра», 1991. – 684 с.

4. *Трубецкой Е.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология. Выпуск I. – М.: Прогресс, 1993. – 400 с.

5. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2 т. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

6. *Breyer T.* On the topology of cultural memory. Different modality of inscription and transmission. Neumann. 2006. – 119 p.

УДК 82.085

Ёлшина Татьяна Алексеевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственный технологический университет
cultural@kstu.edu.ru

РИТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ТЕКСТОВ В. РОЗАНОВА

В статье исследуется риторическая самопрезентация Василия Розанова, ориентированная на античный идеал Сократа, дается характеристика риторических фигур, формирующих поэтику текстов В. Розанова.

Ключевые слова: *самопознание, репрезентативность, майевтика, опровержение, провокация, адресность речи, стихия игры.*

Путь Розанова из провинции в Санкт-Петербург кажется воплощением в жизнь какого-то грандиозного и хорошо продуманного проекта или моделью для поведения провинциала, мечтающего о столице. Учитель русской провинциальной гимназии пишет философский трактат «О понимании» [10], все 737 страниц которого взывали к пониманию. Он вложил в этот труд усилия своего духа; пять долгих лет, из ночи в ночь, он обращался к небесам, но они не вняли его призыву. Неудача заставила его искать иные пути к пониманию. Розанов избирает теперь не философский безадресный посыл, а интимную переписку с К.Н. Леонтьевым, Н.Н. Страховым и С.А. Рачинским, к мнению которых он давно и настороженно прислушивался. Это были заметные, интересные люди: Страхов тесно сотрудничал с Достоевским, дружил с Толстым; Леонтьев писал Розанову из Оптиной пустыни, где находился рядом со знаменитым старцем Амвросием; Рачинский хотя и жил в деревне, преподавая крестьянским детям в собственной церковной школе, но эта школа бывшего университетского профессора была известна всей России. «Само это сближение Розанова с известными людьми достаточно поразительно, – замечает исследователь творчества Розанова В.А. Фатеев, – ведь, кроме книги "О понимании", которой никто не читал, никаких особых заслуг или приметных достоинств, способных привлечь внимание именитых "собеседников", за Розановым не числилось» [13, с. 18].

И это так. В лице молодого, пылкого и впечатлительного провинциала его маститые корреспонденты увидели приверженца православно-славянофильских идей, который горячо поддерживал дорогой их сердцу консерватизм. Оказалось, что не только безвестный провинциал, но и столичные знаменитости страшно одиноки и нуждаются в единомышленниках. В переписке Розанова с Леонтьевым и Рачинским, в дружбе со Страховым видны не столько Божий промысел или перст судьбы, сколько человеческая и интеллектуальная одаренность молодого корреспондента, в котором его адресаты, со своей стороны, сумели увидеть «гениальное порождение русской провинции», и они нашли возможность помочь Розанову переехать в столицу, о чем впоследствии не пожалели.

Однако вернемся к феномену розановской переписки и заметим, что уже в 1890-х годах Васи-

 © Ёлшина Т.А., 2013

лий Васильевич научился отыскивать в человеческих душах «*свой угол*» (везде в розановском тексте курсив принадлежит В.В. Розанову – *Т.Ё.*). Мысль Розанова набирала силу, в интимном эпистолярном жанре он учился «*ввинчивать мысль*» в душу человеческую. Розанов будет целенаправленно совершенствовать умение влиять на человеческую психику, находить с людьми точки соприкосновения. И напишет об этом без обиняков как об открытом типе риторической самопрезентации: «Что однако для *себя* я хотел бы во влиянии? *Психологичности.* Вот этой ввинченности мысли в душу человеческую, – и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души (т.е. у читателя)» [11, с. 177].

Новая, необычная манера письма Розанова-журналиста провоцировала читателей, звала их к разговору – и чем дальше, тем настойчивее. Даже в суворинской газете «Новое время», которая читалась повсеместно и распространялась широко, поскольку стояла на страже государственных интересов России, Розанова буквально засыпали письмами. И он пошел дальше по этому пути: он стал публиковать эти письма с собственными комментариями – так в столице зазвучал голос человека, обладающего риторическим даром, умением включать в собственный монолог диссонирующие голоса, что придавало его статьям убедительность.

Чтобы преодолеть свою застенчивость и не напрягать слабых голосовых связок, Розанов, находясь в гостях, научился отвоевывать в собственную власть небольшие углы хозяйского пространства. Он не любил больших сборищ, публичных выступлений, беседовал с ближайшими соседями. «Он, впрочем, везде был немножко один, – замечает З.Н. Гиппиус, – или с кем-нибудь “наедине”, то с тем, то с другим, и не удаляясь, притом, с ним никуда: но такая уж у него была манера. Или никого не видел, или, в каждый момент, видел кого-нибудь одного, и к нему обращался» [4, с. 112]. Иными словами, опыт интимной переписки стал моделью для преодоления провинциальной робости и для успешного общения с маститыми современниками. Собеседников Розанов выбирал безупречно, впрочем, трудно было противиться его натиску: он буквально «врезался» в людей, отыскивая в их сердцах угол для себя – и находил. Его речь была адресна, разговор конкретен, его тон всегда заинтересован, а тема всегда возбудительна – вот открытые Розановым условия успешной речевой коммуникации.

В его писаниях встает Русь обывательская, мещанская, с сушеными грибами, сметанкой, творожком, вареньем и роскошным ритуалом чаепития после бани; Розанов искусно создавал атмосферу сладостного быта и собственного счастливого погружения в этот быт. Были доверчивые читатели, которые приняли ролевую маску за подлинное лицо, были другие, которые заклеймили Розанова пошляком и мещанином. Л. Троцкий, например, назвал Розанова «поэтом интерьерчика, квартиры со всеми удобствами» [12, с. 319], а В. Полонский не менее выразительно заметил, что Розанов возвел пошлость в принцип, он барахтался в ней, «словно в лазурных волнах» Средиземного моря, – кто он после этого как не «Великий Пошляк Русской Литературы» [8, с. 277].

Напомним, однако, что Василий Розанов – центральная фигура русского культурного ренессанса, он был слишком умен, чтобы быть пошляком, но достаточно талантлив, чтобы органично сыграть эту роль.

Не стоит преувеличивать размягченности и обывательщины Розанова. Настоящий Розанов тверд и неподатлив, он «несклоняемый», бесприютный и бесконечно одинокий, даже в своей семье. Он был больше наблюдателем, чем участником жизни; и порой в разгар невинных своих игр, оглядываясь окрест, бормотал под нос, всегда с небольшим внутренним смехом: «Мы еще погимназистничаем» [11, с. 384].

Даже близким людям казалось, что В.В. Розанов менее всего подходит на роль «человека играющего», носящего ролевые маски. Его дочь Татьяна в разговоре с М. Пришвиным заметила, что в натуре Розанова вообще отсутствовала стихия игры, объясняя это его загубленным детством. Несмотря на двойную авторитетность высказывания (дочери писателя и его ученика), мы позволим себе поспорить с авторитетами. Мы уверены, что игра была «закваской», на которой всходили «пышные хлеба» творчества В. Розанова, игра была «машиной времени», чья помощь давала писателю счастливую возможность ощущать жизнь Древней Греции, Вавилона, Египта, Ассирии как сегодняшнее бытие.

Возможно, кому-то сравнение Розанова с Сократом покажется субъективным, кто-то увидит в нем некий каприз исследовательского ума. И действительно, Розанова именовали русским Фрейдом, русским Ницше, и каждый ученый, занимающийся творчеством Розанова, понимает смысл этих сравнений. Но говорить о Розанове как русском Сократе, сравнить Розанова с его любовью к письменному слову с Сократом, который не написал ни строчки, весьма проблематично. Сомнения в правомерности сравнения могут рассеяться, если мы вспомним, как жили наши герои, чем более всего дорожили, как становились своими в чужом мире и какие риторические открытия помогали им сделать это.

Итак, Сократ и Розанов появляются соответственно в Афинах и в Санкт-Петербурге как представители провинции, как чужаки. Будучи уже сложившимися людьми, они несут с собой груз прежней жизни, прежней профессии (один скульптор, другой – учитель гимназии), являются отцами се-

мейств (жена и три сына у Сократа – жена и две дочери у Розанова). Переезд в Афины и Петербург знаменует для наших героев не только физическое передвижение в пространстве, но и заметное изменение в мировоззрении.

Для Сократа афинская агора, ее гимнасии и палестры стали местом утверждения идеи самопознания. Он предложил на обсуждение свои простые и смущающие вопросы. Он не спрашивал, какой ответ истинен, а спрашивал, что такое истина. У Сократа были не новые ответы, а новые вопросы. Сократа возбуждал пафос самопознания. «Познай самого себя», – в этой точке соприкасаются философия, религия и психология. Самопознание означает у Сократа одновременно и работу над собой, и выковку самого себя, оно лежит в основе культуры и творчества, ибо в конце концов каждое действие – это работа над собой. «Познай самого себя» – это императив, приказ, и он требует внутреннего переворота, как бы второго рождения. Это приход к самому себе – основа и начало творческой жизни, ибо самость, как говорил Юнг, есть цель жизни [14, с. 155].

Для Розанова Санкт-Петербург был равен Парижу, Вавилону, и он шептал: «Я этих петербуржцев научу, научу, научу, переучу». Хотя, по большому счету, обучение было взаимным. Именно в Санкт-Петербурге Розанов, словно вняв словам дельфийского оракула, стал внимателен к своей внутренней жизни: он ловил «мимолетные» настроения, предавался «уединению» и собирал в короба «опавшие листья». Розанов постепенно становился мыслителем-однодумом, в его системе ценностей главными были не «прогресс» и «польза», как у большинства современников, а «Бог» и «пол». Ему удалось развернуть свою тему в целое миросозерцание, он сумел показать неисчерпаемое богатство этой темы, уводя ее к фаллическим культам древности и вновь возвращая к началу XX века. Темы, обсуждаемые Розановым, были необычны и новы.

Сравнение внешнего несовершенства Сократа и Розанова лежит на поверхности. Софисты, предшествовавшие Сократу, прославили себя тем, что с точки зрения вербальных самохарактеристик выставляли себя всезнайками, их невербальный имидж был еще более выразительным. Горгий – самый яркий представитель софистической риторики – усиливал эффект своих выступлений тем, что произносил свои речи в пурпурных одеждах. Ему, единственному из греков, была поставлена в Дельфах золотая статуя. Правда, Плиний утверждал, что эту статую поставил себе сам Горгий. Давая рекламу своим урокам риторического мастерства, Горгий обещал научить своих учеников покорять людей, делать их своими рабами по доброй воле, а не по принуждению. Сократические невербальные способы убеждения были прямо противоположными. С утра до вечера в одном и том же разорванном одеянии, босой, как бы назло сапожникам, но с гордым видом и пристальным взором бродит Сократ повсюду, живет на подаяние, так что честному гражданину полиса он мог бы казаться праздным вором или богохульствующим умником. Однако в кругу афинской аристократии высоко ценились его ум и гений, поэтому Сократу не был закрыт доступ даже в круг Перикла.

Внешняя некрасивость Сократа – это философская притча во языцех. Исток этой притчи – «Пир» Платона, в котором, обращаясь к Сократу, Алкивиад прозгласил: «Что ты сходен с силенами внешне, Сократ, этого ты, пожалуй, и сам не станешь оспаривать» [7, с. 174]. Алкивиад рассказал, что фигурки силенов из мастерских греческих ваятелей имеют тайну. Полый изнутри силен-уродец заключает в своей глубине таящееся изваяние божества. Возвращаясь мыслью к Сократу, Алкивиад продолжал: «Не знаю, доводилось ли кому-нибудь видеть таящиеся в нем изваяния, когда он раскрывался по-настоящему, а мне как-то раз довелось, и они показались мне такими божественными, золотыми, прекрасными и удивительными» [7, с. 174].

О мизерабельной внешности В. Розанова написано очень много. В отличие от Сократа, чей облик передает только скульптурный портрет, Розанова мы можем видеть на многочисленных фотографиях и даже на портретах. Надо сказать, что самохарактеристики Розанова несколько расходятся с портретами, очевидно, была какая-то внутренняя потребность говорить о себе «мизерабельный», а не «импозантный», например.

Некрасивость Розанова – это создание его собственной фантазии, скорее всего, ориентированной на сократический образец. Противоречивая диалектика внешнего силеноподобия и внутренней полноты необычайно привлекательна для философа, она освящена авторитетом Сократа и словом Платона. Активно разрушая презентабельность собственной внешности, одеяния и даже фамилии, Розанов играет в Сократа. Притворное самоуничижение – это философская модель, которой были верны и Сократ, и Розанов. О том, что в обоих случаях самоуничижение паче гордости, можно догадаться без особых подсказок.

Но тут есть одна тонкость. Как известно, силен – козловидный, шершавый похотливый демон, смешной и страшный синтез бога и козла. Стоит, наверное, напомнить, что Курымушка-Пришвин в «Кащеевой цепи» дал Розанову кличку – Козел [9, с. 175–185]. Правда, русский козел совсем лишен греческой божественности, но черты непредсказуемости и злобности, как некий отсвет демонизма, в нем все-таки сохранились. Иными словами, пришвинское прозвище удивительным образом подтверждает нашу догадку о близости Розанова и Сократа, забавно ее трансформируя: «Русский козел как отсвет греческого силена».

Пренебрежительное отношение Розанова к собственной внешности сказалось в странном пренебрежении мемуаристов к его лицу. Например, Игорь Грабарь пишет, что за круглыми очками скрывались бледно-голубые глаза. Эрих Голлербах увидел на подвижном лице Розанова лукаво и умно светящиеся черные (карие) глаза. Михаил Пришвин прямо уверяет, что у Розанова были зеленые глаза.

В лице Сократа на землю Древней Греции и в европейскую культуру шагнул свободный человек как сгусток энергии и самостоятельности. С Сократом в мировую культуру вошла то прогрессирующая, то угасающая в жизни человечества антропоцентристская модель бытия. Новость, с которой Сократ пришел в мир, заключалась в том, что его не интересовали первоэлементы: Вода, Воздух, Земля, Огонь. Все натурфилософские теории были забыты ради одной, но пламенной страсти – думы о человеке, его сознании и самосознании. Нравственное самосознание греков V в. до н.э. стало перерастать их богов и их мифологию, и Сократ явился провозвестником новой духовной истины.

В России начала XX века также создалась кризисная ситуация, которая поначалу выглядела обнадеживающе. «То была пора, когда в православном духовенстве стало намечаться стремление к известному обновлению и освобождению от гнетущего верноподданичества и от притупляющей формалистики». В среде творческой интеллигенции назрел интерес к христианству и церкви – на волне этого взаимного интереса и взаимного недовольства и были организованы Религиозно-философские собрания (РФС) в Петербурге (1901–1903), идейным лидером которых был В.В. Розанов. В лице Розанова Россия начала XX века обрела страстного вопрошателя христианства, Христа и православной церкви [1, с. 299]. В его публицистических статьях и выступлениях, написанных для РФС, было явлено в слове то, о чем никто и никогда не говорил. И это было написано так, что, прочитав однажды, это было невозможно забыть.

Нравственное самосознание русской интеллигенции начала XX века было уязвлено критическими стрелами Розанова, которые были направлены против церковного формализма, на защиту незаконнорожденных детей. Он протестовал против аскетизма и асексуализма христианства, говорил о необходимости воцерковления брачных отношений, о признании святости наставлений Бога-отца: «Плодитесь, размножайтесь!» В отличие от Сократа, Розанов готов был отказаться от антропоцентризма, отдав себя, как древний иудей, в полную власть Бога-отца. Движение Розанова было столь же страстным, но происходило в противоположном Сократу направлении.

Сократ был родом из дема, т.е. из территориального округа, а не из Афин, отчасти поэтому Ницше, называя Сократа выходцем из низов, говорил, что Сократ принадлежал к черни [6, с. 547]. В отличие от Ницше, современники и ученики Сократа, говоря о своем учителе, не имели этого пренебрежительного тона. Да и сам Сократ, как это передано в диалогах Платона, не без гордости говорил, что род его отца восходит к Дедалу – предку всех скульпторов, а мать Сократа была повивальной бабкой, и Сократ неоднократно сравнивал рождение истины с искусством родовспоможения, а себя – с повивальной бабкой. В риторической науке этот прием Сократа получил название майевтики, т.е. высвобождение истины на свет, ибо душа не может постичь истину, если она не беременна ею. Сократ убеждал своих учеников и последователей, что не он несет знание, а истина сама рождается в его собеседнике, он, Сократ, только помогает ее появлению на свет. Заявление Сократа о том, что истина изначально не известна ни ему, ни его собеседнику («Я знаю, что ничего не знаю») давало риторический импульс – сильный эффект благотворного потрясения слушателя. При заявлении об изначальном незнании из собеседника высекалась искра, рождавшая пульсацию диалога.

Говоря о рождении мысли в своих слушателях и об искусстве родовспоможения, которым наследственно гордился Сократ, невольно вспоминаешь о Розанове, с его острым ощущением физиологичности мира «как непрерывно плодотворящего и рождающего существа» [11, с. 49]. Н. Болдырев один из первых понял общую основу мыслительного процесса у Розанова и Сократа: «Для того и другого мысль была физиологична, неотделима от телесного жеста, от процесса взаимодействия двоих в нескончаемом диалоге “Я – ты”. Этот диалог – предельно интимный, в идеале – эротичный, собеседники восхищаются и “любят” друг друга, и Сократ и Розанов подчеркивали необходимость обоюдной любви в философском диалоге, иначе будет либо выкидыш, либо мертворожденное дитя» [2, с. 49]. Розанов был уверен: «Душа есть *страсть*. И отсюда отдаленно и высоко: “Аз есмь огнь поедающий” (Бог о Себе в Библии). Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть» [11, с. 64].

Для Сократа самой сильной риторической фигурой, рождающей истину, было опровержение – это деструктивный элемент этики Сократа, который строится всегда по одной модели. Сперва Сократ заставляет собеседника признать его (Сократово) невежество в каком-то конкретном вопросе. Потом, когда собеседник уверится в искренности Сократа, последний вереницей искусно продуманных вопросов открывает неполноту, противоречивость, а иногда и просто невежество своего собеседника. Опровержение – болезненная процедура; при хорошем исходе она ведет к очищению, к рождению в собеседнике «себя другого», при плохом – вызывает ненависть к Сократу. Сократ выработал

в себе новую силу – аргументирующую, для обладания ею ничего не надо было иметь: ни знатности, ни богатства – только ум.

В речи на пиру мудрецов Алкивиад приводит один случай из собственных взаимоотношений с Сократом. Зная о своей непобедимой красоте, Алкивиад начал методично соблазнять Сократа, и тот делал вид, что идет ему навстречу. Но когда дело дошло до решительного шага, Сократ, отказавшись от красоты Алкивиада, предложил ему приобрести настоящую красоту, отличную от миловидности Алкивиада, которая оказалась мудрой воздержанностью. Алкивиад сознается: «… Он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой <…>. Я был беспомощен и растерян, он покорил меня».

По сути дела, опровержение – это весьма сложная модель интеллектуально-любовного обольщения, которой пользуется Сократ. Алкивиад сознается, что таким же путем Сократ покорил ум и сердце Хармида, Эвтидемома, Агафона и иже с ними. Обманывая своих собеседников, мнимо соглашаясь с ними, Сократ поначалу прислушивается к их суждениям, движется вместе с ними, угождает им, поддакивает, всячески принижая себя, залезает в глубину человеческой души, чтобы в следующую минуту, оттолкнув от себя человека, показать ему возможность обладания иным знанием.

В каком-то смысле (исключая греческий налет гомосексуальности, не актуальный для русской ситуации) по такой же схеме развивались взаимоотношения учителя Розанова и ученика Пришвина [5, с. 175–185]. И привели к тому же результату. Сначала, когда гимназист Пришвин отправился путешествовать в «Азию», а потом, пристыженный, был возвращен в Елецкую гимназию, учитель Розанов заступился за ученика Пришвина, указав на высоту его помыслов и благородство души мальчишки-гимназиста. Потом, когда Пришвин уверовал в отношения особой приязни, связывающей его с учителем, и повел себя по отношению к нему нагло и вызывающе, Розанов сделал все, чтобы Пришвина изгнали из гимназии с волчьим билетом. Но свою внутреннюю связь с учителем Розановым ученик Пришвин чувствовал всегда и помнил все: и духовное поощрение, и внутреннюю приязнь, и резкое опровержение, и уязвленное самолюбие. Но прошло 18 лет после смерти Розанова, и Пришвин в дневниковой записи от 8 августа 1937 года сознается: «И еще одно удивительное единство во мне – Розанов. Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи: тогда, в гимназии, был он мне козел, теперь в старости герой, излюбленнейший, самый близкий человек» [9, с. 124]. Опровержение свершилось. Розанов покорил Пришвина.

Розанов вспоминает о Сократе часто, по разным поводам, и, несмотря на свою всеобъемлющую амбивалентность, – всегда по-доброму. По сути дела, Сократ был христианином до христианства, а Розанов – язычником в христианстве. Давая комментарий одной египетской виньетке, которую Розанов назвал «окрыленный и идущий глаз», он вспоминает рассуждение Сократа из платоновского «Федра». Розанову кажется, что на египетской виньетке изображен тот, кто, видя земную красоту, вспоминает о красоте истинной. В заключение хочется напомнить мысль Б. Вышеславцева, который заметил, что, принимая в себя мудрость древних, мы остаемся самими собой, но древняя мудрость развивает в нас свои новые потенции, а мы раскрываем новые потенции в ней [3, с. 316].

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.

2. *Болдырев Н.Ф.* Семя Озириса, или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. – Челябинск: Урал-ЛТД, 2001. – 480 с.

3. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Республика, 1994. – 318 с.

4. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. – Л.: Искусство, 1991. – 462 с.

5. *Мамонтов О.Н.* Новые материалы к биографии М.М. Пришвина // Русская литература. – 1986. – № 2. – С. 175–185.

6. *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза: пер. с нем. / сост. М. Кореневой; вступ. ст. М. Кореневой и А. Аствацатурова. – СПб.: Худож. литература, 1993. – 672 с.

7. *Платон*. Избранные диалоги: пер. с др. греч. / под ред. С. Апта, М. Грабарь-Пассек, Ф. Петровского. – М.: Худож. литература, 1965. – 442 с.

8. *Полонский В.* Исповедь одного современника // В.В. Розанов: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 2. – С. 267–284.

9. *Пришвин М.М.* О В.В. Розанове // В.В. Розанов: pro et contra. / сост, вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 1. – С. 102–131.

10. *Розанов В.В.* О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1995. – 802 с.

11. *Розанов В.В.* Сочинения. – Л.: Васильевский остров, 1990. – 570 с.

12. *Троцкий Л.Д.* Мистицизм и канонизация Розанова // В.В. Розанов: pro et contra.– СПб.: РХГИ, 1995. – Кн. 2. – С. 318–320.

13. *Фатеев В.* В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. – Л., 1991. – 254 с.

14. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – М., 1991. – 418 с.

УДК 159.9

Лебедев Никита Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ferretn@gmail.com

ОСОЗНАНИЕ СОЗНАНИЯ

В статье анализируется изучение проблемы сознания, уделяется внимание психологическим моделям сознания, рассматриваются различия между зарубежной и отечественной теорией сознания, а также знаковая природа сознания, его манипулятивный характер.

Ключевые слова: *сознание, язык, знак, мышление, манипулирование, реклама.*

Этимологически слово «сознание» в русском и ряде европейских языков является калькой с латинского conscientia, т.е. некая форма совместного знания – со-знание. При первом приближении можно было бы различать два пути изучения сознания – «внутренний» и «внешний». Внутренний идет от естественнонаучных исследований деятельности мозга и его структурной организации. Внешние пути анализа сознания – это моделирование или имитирование отдельных функций мышления, позволяющие отчетливее представить механизмы его функционирования. В качестве частного примера можно было бы привести концепцию М. Мамардашвили и А. Пятигорского, предлагающую метатеоретическое обоснование сознания. Идея заключаются в том, что объективное описание феномена сознания возможно лишь при условии наличия внеположенной системы координат внешнего метаязыка. На этом основании они вводят три рабочих понятия: «сфера сознания», «состояние сознания» и «структура сознания», позволяющие выстроить остранённую модель сознательной жизни интеллекта. Такая модель оказывается чрезвычайно плодотворной, например, при разработке теории художественного сознания, под которым сознание понимается как «целостное в своем основании явление культуры, обладающее собственным неповторимым языком, собственной парадигматикой, вернувшее художественным произведениям право идентифицироваться только с самими собой, вне миметических задач» [2, с. 328].

Для данной работы нам интересны, прежде всего, психологические модели сознания, поскольку психология человека есть конкретная наука о сознании. Но для начала обозначим существенное различие между зарубежной и отечественной теорией сознания.

В самом обобщенном виде подходы к изучению сознания в зарубежной психологии можно свести к следующим положениям: 1) Сознание есть некое общее качество, свойственное психическим процессам человека. 2) Изучение отдельных психических процессов, функций и есть изучение сознания. При этом проблема сознания целиком переводится в плоскость проблемы личности, проблемы «я», выступающего как духовное «я», как самосознание. 3) Сознание – это то, что объединяет психические функции, соединяет их в единство психической жизни, «общий хозяин функций». Подчеркнем: основная идея этого формального учения о сознании – это идея бескачественности сознания. Бескачественнось сознания означает его непосредственную данность, которая далее не раскрываема.

В зарубежной теории сознания сознание образует особый мир – феноменальный мир субъективности, замкнутый в себе, внутренний мир субъекта. Существуют два пути проникновения в этот мир – путь чистой интроспекции, т.е. наблюдение и самоанализ собственных психических процессов, и формулирование закономерностей их функционирования, и путь рационального анализа – открытия идеальных отношений в идеальном мире логики, математики и геометрии духа. Обратимся к отечественной теории сознания.

Проблема сознания является альфой и омегой отечественной психологии. Уже в 1925 г. Л.С. Выготский публикует статью «Сознание как проблема психологии поведения», в которой он развивает мысль о том, что центральным для психологии вопросом является вопрос о природе сознания, о его системном и смысловом строении через исследование строения различных психических процессов. Суть подхода Выготского и его последователей можно обобщить так: а) ключ к индивидуальному сознанию человека находится в его образе жизни, его сознание находится здесь, в предметном мире; б) жизнь рождает психику, отражение, а жизнь человека формирует его сознание; в) понимание морфологии сознания определяется пониманием морфологией деятельности; г) психические функции находятся в межфункциональных отношениях, возникающих в ходе их развития, изменяющихся и перестраивающихся в социогенезе. В результате создается иерархическая система функций. Овладение знаком приводит функции в новое соотношение.

Психологически знак есть то, что опосредует процесс отражения в сознании. Другими словами, сознание есть опосредованное отражение объективного мира. Знак опосредует сознание, поскольку знак имеет значение. Значение есть выработанное в процессе общественной практики обобщение. Таким образом, знак – это обобщенное отражение социокультурной, общественно-исторической практики, объективно закрепленное как конкретный исторический факт человеческого знания. Класси-

© Лебедев Н.А., 2013

ческая форма знака – слово. В некотором смысле язык и есть подлинное сознание. Язык моделирует мир, но одновременно он моделирует и самого носителя этого языка.

Образуется рабочая формула: иметь сознание – значит владеть языком, владеть языком – владеть значениями, а значение есть единица сознания. Еще раз повторим: значение – это обобщение, обобщенное отражение действительности. Должно быть понятно, что обобщения могут быть разными, поэтому главный вопрос здесь – это вопрос о пластичности обобщений, вопрос о том, как происходит развитие значений. Мы отметим здесь два существенных момента. Первое: различие обобщений – это различие обобщаемого содержания. Разное вещественное содержание требует разных психических процессов для того, чтобы оно могло быть обобщено. Более того, одно и то же содержание может быть по-разному понято и обобщено. Второе: человек встречается с предметным миром не в одиночку, а во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Сознание человека *формируется* в общении. Обобщенное отражение мира и общение с другими людьми предполагают друг друга. Можно сказать, что каково общение, таково и обобщение. Общение приводит к развитию значений и, соответственно, развитию сознания в процессе взаимодействия значений – реальных (конкретного значения предмета) и идеальных (языковых, понятийных значений).

Значение предмета есть его свойство или совокупность свойств, в котором данный предмет непосредственно выступает для субъекта. Непосредственное значение предмета инстинктивно, биологически обусловлено и неотделимо от самого предмета. Вместе с тем, значение предмета становится идеей, отделяясь от предмета в языке и превращаясь в *значение слова*. Из этого следует, что только когда вещь в ее свойствах может быть *мысленно представлена*, тогда она осознается. Иными словами, в значении слов реализуются значения предметов, а само значение слова есть форма «идеального присвоения» человеком его человеческой действительности. В языке, в общении, предмет приобретает *общественное значение*.

Далее, значение предмета нетождественно *смыслу* предмета, так как смысл принадлежит не предмету, а деятельности. Лишь в деятельности предмет выступает как смысл. Наше личное отношение к значению (к предмету, как значению), сообщает ему смысл. А.Н. Леонтьев называл смысл «значением для меня значения» [4, с. 167]. На этом основании мы можем улучшить свою предварительную рабочую формулу сознания – значение есть единица сознания. Проблема развивающегося смысла и есть проблема сознания. Смысл всегда есть смысл *чего-то*, рассматриваемый в отношении к *кому-то*, т.е. смысл предмета для субъекта. Развитие жизни – тождественно развитию мотивации – тождественно развитию смысла. Жизненный мотив, собственно, и выступает как жизненный смысл, как смысл жизни.

Наконец, следует отметить, что смысл и значение совпадают на самом раннем этапе развития человеческого сознания, когда нет «я», нет самосознания, когда личность и коллектив совпадают. Следовательно, совпадают и индивидуальное сознание с общественным. Однако по мере разделения, дифференциации самих отношений между людьми, в силу разделения труда и проч., необходимо происходит и разделение смысла и значения, социальная дифференциация смыслов. Таким образом, отношение значения и смысла есть отношение главных образующих структуры человеческого сознания. Рождение новых мотивов и новых потребностей ведет к дальнейшей качественной дифференциации сознания.

Сказанное дает нам все основания полагать, что если сознание формируемо, то процесс его формирования при соответствующих условиях может быть *направляемым* и *управляемым*. В сущности, в этом заключается весь исторический пафос просвещения и образования. Но в этом же, по-видимому, зачастую заключается и идеологический замысел политических, коммерческих, речевых, поведенческих и проч. форм социально-психологического воздействия и манипуляций. Влияние на качество формируемого психического образа, как нам представляется, происходит посредством дифференцированного воздействия на знак и его значение и на порождение личностных смыслов. В первом случае речь идет об адекватности языка отражения, а во втором – о воздействии на мотивационную сферу личности, на опредмечивание индивидуальных потребностей. Для наглядности приведем несколько иллюстраций.

С.Г. Кара-Мурза в своей монографии о манипуляциях сознанием включает специальный параграф о манипулятивной семантике и изменении смысла слов и понятий в медийном дискурсе как целенаправленной технологии. Примечательно, что речь в книге идет не просто о частных случаях искажений и фальсификаций значений слов, а о процессе создания и практике искусственного языка, со своим синтаксисом и тщательно выстроенной системой денотативных и коннотативных связей в значениях отбираемых слов. В качестве конкретных приемов коррупции языка Кара-Мурза, в частности, называет замену слов и понятий политическими эвфемизмами, упрощение и стереотипизацию, утверждение и повторение, дробление и срочность, сенсационность [3, с. 202–210].

Помимо манипуляций с вербальным знаком, автор также отмечает усиленное использование зрительных образов-картинок, образующих единый суггестивный комплекс вместе с сопровождающи-

ми их текстом. Рассуждая о зрительных образах, Кара-Мурза, например, решительно утверждает: «Как правило, они употребляются в совокупности с текстом и числами, что дает многократный кооперативный эффект. Он связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга – восприятие семантическое и эстетическое. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии смысла и эстетики. Они одновременно захватывают мысль и художественное чувство ("семантика убеждает, эстетика обольщает")» [3, с. 73]. И чуть позднее еще: «Эффект соединения слова и образа хорошо виден даже на простейшей комбинации. Издавна известно, что добавление к тексту хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Иллюстрации делают книгу доступной для ребенка или подростка, который не мог ее осилить в издании «без картинок» [3, с. 74].

Подчеркнем еще раз: воздействие на сознание совсем необязательно всегда принимает манипулятивный характер. Речь здесь идет лишь о потенциальной и в определенных переделах реальной возможности. Сам факт существования технологий манипуляций сознанием еще совсем не означает неизбежное растворение личности в механической реактивности при полном отсутствии свободы выбора. Напомним: значение (общее) и смысл (значение для меня) находятся в отношениях динамического взаимодополнения. Всякое отражение – одновременно и сдвиг, деформация. Сознание процессуально, носит лабильный характер. И если манипулятивное воздействие на сознание закрепощает его, то ориентирующее, обучающее воздействие его раскрепощает.

Далеко не бесспорным представляется и тезис Кара-Мурзы о том, что сочетание слова (текста) с изображением (иконическим знаком) обязательно только упрощает процесс дешифровки сообщения. В зависимости от иллокуционного намерения (смыслового задания) восприятие и прочтение (перлокуционный эффект) такого сообщения может также либо *ускоряться*, либо *замедляться*. Ускорение через дополнительный изобразительный знак может быть свойственно, например, сообщениям с коммерческим содержанием – рекламным объявлениям, каталогам товаров и услуг, информационным брошюрам и листовкам, равно как торговым маркам, логотипам и т.д. Замедление восприятия – или «остранение» (по В.Б. Шкловскому) происходит преимущественно в художественно осмысленных артефактах и текстах, характерных для опыта средневекового человека и человека эпохи Возрождения, когда не было разделения и специализации искусств. М. Маклюэн, например, пишет о художественном эффекте старых рукописей и книг: «Мир иллюминированной рукописи был миром, в котором самому тиснению придавался пластический акцент, доходящий едва ли не до скульптурности» [7, с. 180]. Художественный эффект – всегда отношение; изображение воспринимается в отношении к изображаемому, равно как и к тому, что не изображено. При этом отказ от изображения одних сторон предмета может быть не менее существенен, чем воспроизведение его других сторон [5, с. 37].

Должно быть понятно, что разграничение между эффектом ускорения и художественным эффектом в комплексном знаке носит все-таки условный характер. Так, художественное решение и восприятие не являются привилегией исключительно художественных искусств, но могут быть свойственны и знакам массового коммерческого назначения. Для нас важно, что это не вопрос субъективных предпочтений или вкуса, а объективное следствие парадигматических связей внутри знакового комплекса. Ю.М. Лотман в «Тексте в процессе движения», в частности, отмечает, что иконические и вербальные знаки (тексты) находятся в отношениях взаимной непереводимости и принципиально не могут транслировать одно и то же содержание. Из чего следует, что «на стыках их соположения возрастает неопределенность, которая и есть резерв возрастания информации» [6, с. 109], т.е. ресурс увеличения смысловой нагрузки за счет неожиданных комбинаций, переводов, сцеплений и проч. Нет нужды говорить, что стык соположения, о котором говорит Лотман, есть также и узловая точка воздействия на сознание.

Приведем еще пример, более предметный, но под иным углом зрения. Р. Барт в статье «Риторика образа» 1964 года предлагает семантический анализ рекламного плаката фирмы «Пандзани», информирующего потребителя о новой линейке продуктов питания. Комбинацию зрительных образов (иконических знаков) и текста (вербальных знаков) Барт осторожно называет «эмблематическим» взаимодополнением. В данной работе его интересует прежде всего спектр реальных и потенциальных семиотических сообщений (messages) производителя, призванных привлечь внимание потребителя, вызвать его интерес и помочь в принятии положительного решения о покупке. На этом основании он выделяет языковое сообщение, иконическое сообщение, в основе которого лежит некий код и иконическое сообщение, в основе которого не лежит никакого кода. Языковое сообщение – это попросту словесный текст на плакате. Первое иконическое сообщение («символическое») – это комплекс конвенциональных социокультурных ассоциаций в голове потребителя, возникающих в связи с видом данных продуктов. Второе иконическое сообщение («буквальное») – квазииндентификация изображения с реальным продуктом. Барт утверж-

дает, что оба иконических изображения читаются одновременно. Хотя второе – названное денотативным – изображение служит своего рода опорой для первого – коннотативного – изображения. Поскольку любое иконическое изображению по определению является полисемичным, рассуждает далее Барт, то функция словесного текста в подобном знаковом комплексе – фиксировать или закрепить вербально конкретный смысл всей композиции как единого целого. Чаще всего это встречается, по его мнению, в фотографиях, публикуемых в средствах массовой информации, а также в рекламе. С другой стороны, как отмечает Барт, в таких синтетических жанрах как юмористический рисунок или комикс, языковое сообщение уже тяготеет к связующей функции, к диегезису. Словестный текст и изображение находятся здесь в комплементарных отношениях.

Наконец, в заключительном разделе статьи Барт охотно набрасывает штрихи к портрету целевого потребителя семиотических сообщений рекламы. Он говорит: «…Сама вариативность прочтений отнюдь не произвольна, она зависит от различных типов знания, проецируемых на изображение (знания, связанные с нашей повседневной практикой, национальной принадлежностью, культурным, эстетическим уровнем), и поддающихся классификации, типологизации: оказывается, что изображение может быть по-разному прочитано несколькими разными субъектами, и эти субъекты могут без труда сосуществовать в одном индивиде» [1, с. 268]. Ключевые слова в приведенной цитате – «классификация» и «типологизация» знания о потребителе. Речь идет об обобщении или же, в терминах данной работы, о сознании – об общественном знании или значении.

В обобщенном классифицированном знании, по-видимому, черпают вдохновение и все технологии манипулирования сознанием. М. Маклюэн, современник Барта, с некоторой иронией пишет по сходной теме: «Рекламные объявления не предназначены для осознанного потребления. Они задуманы как подпороговые пилюли для бессознательного, назначение которых состоит в том, чтобы осуществить гипнотическое воздействие, особенно на социологов» [7, с. 259]. Ирония здесь вполне уместна, поскольку значение как форма обобщения и общего знания, как мы говорили выше, есть только одна составляющая сознания. Второй составляющей является «значение для меня значения». В этом же, думается, заключается принципиальное различие подходов Ю.М. Лотмана и Р. Барта к пониманию комплексного использования иконических и словесных знаков. Лотман говорит о соположении как предпосылке зарождения новых смыслов, в то время как Барт ведет речь о выявлении наличных значений. Первый предполагает активное вовлечение потребителя (читателя) в процесс смыслопорождения, второй – интенсивное потребление семантически релевантных полуфабрикатов.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма / пер. с французского. – М.: Академический Проект, 2008. – 431 с.

2. *Едошина И.А.* Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: Дис. … д-ра культурологи. – Кострома: КГУ, 2002. – 350 с.

3. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rumol.ru/files/library/books/kara-murza/kara-murza-manipul.pdf (дата обращения: 19.03.2013).

4. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 228 с.

5. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с.

6. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

7. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Aleksandr B. Belikhov
Nekrasov Kostroma State University
belikhov@gmail.com
Yevgeniy N. Popov
Nekrasov Kostroma State University
genphys@ksu.edu.ru

Titanium-based alloys thermoelectric grading

Technique of titanium alloys sorting with different aluminum content from 3,6 to 6,3 (in wt. %) by the thermoelectric nondestructive testing at the validity of 0,98 is proposed.

Keywords: titanium alloys, thermoelectric emf, plastic deformation.

Dmitriy N. Zontikov
Nekrasov Kostroma State University
zontikovdn@mail.ru
Svetlana A. Zontikova
Nekrasov Kostroma State University
Vladimir P. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
Igor' G. Krinitsyn
Nekrasov Kostroma State University
Galina A. Semyonova
Nekrasov Kostroma State University
Yelena V. Shipova
Nekrasov Kostroma State University

Some ontogeny and age structure peculiarities of Pulsatilla patens (L.) Mill populations

Ontogeny and the peculiarities of the passage of its stages in Pulsatilla patens (L.) Mill is investigated. The morphological features of the ontogeny stages are characterized. The age structure of populations and the influence of anthropogenic factors on it are defined.

Keywords: ontogeny, Pulsatilla patens, population.

Tat'yana L. Sokolova
Nekrasov Kostroma State University
boreech@yandex.ru

The species diversity of Lumbricidae in different biocoenotic conditions on the territory of the city of Kostroma and Kostroma Region

This article is devoted to the study of species diversity of Lumbricidae in different biocoenotic conditions on the territory of the city of Kostroma and Kostroma Region. The article presents the species structure of Lumbricidae of the study area and the ecological and biological characteristics of this group of pedomesobionts.

Keywords: biodiversification, soil-inhabiting mesofauna, Lumbricidae species structure.

Andrey K. Sukhov
Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru

Simulation of pulsed discharge in nitrogen

Computer modeling of the behavior of the plasma parameters in a pulsed discharge in nitrogen is conducted. One-dimensional model of gas-discharge plasma, including the continuity equation for the electron and ion components of the plasma and the electrostatic equation with the initial and boundary conditions, is used. The dynamics of plasma parameters, the effect on it of the pulse amplitude, of the length of the discharge gap and of gas pressure is obtained. A comparison of simulation results with experimental data is carried out.

Keywords: plasma, pulsed discharge, numerical simulation, charged particles continuity equation.

SYSTEM ENGINEERING

Anastasiya A. Razheva
Ivanovo State Textile Academy
razhevaanastasia@list.ru

Influence of corporate memory on business activity of an enterprise (evidence from the textile industry enterprises)

This article represents results of the research on how corporate memory state influences the efficiency of business activity of an industrial enterprise.

Keywords: competitiveness, corporate memory, information and intellectual resources, textile enterprises.

HISTORY

Nikolay A. Bikkulov
Moscow City Pedagogic University
bikkulov@mssp.su

Country estate as the scientific subject and its historiography

The article provides a review of the literature describing and studying the Russian country estate, the aim of this paper is to fix the moment when the country estate became the subject and the purpose of scientific research, as well as to trace the stages of studying Russian estate from the late 18th to the beginning of the 21st centuries. The focus is on regional researching of estates and its role in the development of the estate as an object of scientific study.

Keywords: country estate, manors study, Russian nobility, landlordism, science study.

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

Ethno-cultural history of the rural population of Kostroma land of the Golden Horde time

Qualitative content of dynamics of ethnic and cultural development among the rural population of the Volga Kostroma land in the Golden Horde time is defined in the article, the causes, mechanisms, and the main results of the process of formation of the so-called "faith in the three religions" are revealed.

Keywords: Slavic and Finno-Ugric pagan pantheons, Christianity, recovery period, monastic colonization.

Galina A. Kamygina
Kostroma State Technological University
gkamygina@mail.ru

Increasing production capacity in craft manufactures in the 1960s (with the example of Kostroma jewellery factory)

The article discusses examples of equipment modernization in the craft industry of the USSR in the 1950s—1960s.

Keywords: arts and crafts, Russian crafts, filigree, equipment, production capacity.

Vladimir B. Lobanov
Kirov Saint Petersburg State University for the forest technique
lobanov19772009@yandex.ru

Russian Civil War in the North Caucasus: struggling for Stavropol land

The article is devoted to the participation of Stavropol Province in the Civil War in its initial stage. It shows a peaceful transition of power in the province to the hands of the Soviets, the reflection of 1 and 2 Kuban campaigns White Guard Volunteer Army in the spring and summer of 1918, the birth and the beginning of the Cossack partisan movement at the turn of the Kuban, the Terek and Stavropol land led by A.G. Shkuro. It shows the mood that prevailed among the Stavropol peasantry, their influence to winning of the White Guards in the region in 1918.

Keywords: Russian Civil War, Stavropol, North Caucasus, Anton Denikin, Andrei Shkuro.

Sergiu M. Nazaria
State Institute of International Relations of Moldova
sergnazar@mail.ru

The annexation of Bessarabia by Romania with the standpoint of international law and the attitude to the residents of the region

In the conditions of the Romanian occupation, Sfatul Țării, being unelected and represented by no one, proclaimed the unification of Bessarabia with Romania, thereby violated all democratic norms. This act had no legal force and was illegal from the point of view of the principle of popular sovereignty and rules of international law. The majority of the population of edge didn't accept an alien domination.

Keywords: Bessarabia, self-determination, occupation, shooting, law, legal/illegal, population.

ECONOMY

Zul'fiya M. Magrupova
Cherepovets State University
economica@chsu.ru
Vladislav V. Kubko
Cherepovets State University
vkubko@inbox.ru

The role of social partnership and trade unions in the management of labour protests

The analysis of the social protest concept genesis makes it possible to consider its influence on the organization as a system. Protest continuum is inherent in any economic system and it is more dangerous than labour dispute. To prevent labour social protest, the government declares the principles of social partnership which is realized through trade union membership. They is universal mechanism of managing socio-labour relations in modern market economy.

Keywords: social protest, trade unions, social partnership, preventive measure, endogenous management, labour dispute, labour productivity, participation price.

Aleksandr I. Novikov
Ivanovo State University
Vladimir A. Gubin
Nekrasov Kostroma State University

Land reform in its logical contradictions

Land use assessment in Ivanovo and Kostroma Regions is carried out, lands on categories of farms are structured, the role of the land relations in ensuring development of municipal social and economic systems is revealed and shown in the article.

Keywords: property, land relations, social and economic systems, contradictions.

Svitlana A. Tsymbalyuk
Vadym Hetman Kyiv National Economic University, Ukraine
cymso@ukr.net

Theoretical and applied aspects of providing of fair payment for labour

The essence of category «fair payment for labour» is studied in the article. The basic problems of providing of fair payment for labour are expounded in the article. The basic directions of improvement of payment for labor are certain on the basis of the considered defects.

Keywords: payment for labour, fair payment for labour, organization of wage, minimum wage, government regulation, treaty regulation

Dmitriy V. Sharov
Nekrasov Kostroma State University
mr.sharov-44@yandex.ru

Professional development of young teachers: specifics and possible directions

The author's vision of a role of professional development of young teachers of university is offered in the article.

Keywords: university development dynamics, qualification of young teachers.

PHILOSOPHY

Aleksandr A. Aref'yev
Lomonosov Moscow State University
fragor@rambler.ru

Risks and perspectives of human enhancement technologies

In this article, the author describes the main risks and perspectives of physical and intellectual enhancement technologies. The author connects

problems of personal moral choice with wider risks of social inequality and transformation of the notion «human».

Keywords: biothecnologies, bioengineering impact, risk, human enhancement, bioethics, transhumanism.

Sergey K. Buldakov
Nekrasov Kostroma State University
kaf_filosof@ksu.edu.ru

The scientific, philosophical and methodological bases of classical science

The article deals with the scientific bases of classical science, the stages of its development, the influence of the scientific picture of the world on philosophy and methodology of the cognition.

Keywords: scientific revolution, bases, philosophy, world picture, New Time, cognition, method, classical science, positivism.

Zhanna V. Latysheva
The Stoletovs Vladimir State University
joan_lat@mail.ru

Socio-phenomenological components in the conceptualization of the social transcendence category

With the methodological basis of E. Husserl's phenomenology and A. Schutz's social phenomenology, this article develops for the fist time the theoretical grounds for the category of social transcendence. Such notions constituting it are revealed as everyday knowledge (commonsense knowledge), temporality of the social world, relevance zones, typification, multiple realities and others. Main types of social transcendence (everyday and out-of-everyday) are revealed.

Keywords: transcending, social transcendence, life-world, everyday life, everyday knowledge (commonsense knowledge), we-relation.

Oleg V. Pavenkov
Saint Petersburg State University

The man and the love-φιλία in the works of representatives Cappadocian school of thought (Basil the Great, Gregory of Nyssa, Gregory the Theologian)

This article is devoted to the analysis of the semantic field of the term of "love-φιλία" in philosophy of Cappadocians Basil the Great, Gregory of Nyssa, Gregory the Theologian. Philosophical point of view of the Cappadocians is formed under the influence of platonic-aristotelian paradigm of thinking. We have made the conclusion that in the philosophy of Cappadocians friendly love-φιλία supports free development of personality through the communication with the "other", with friend, who become "you" for loving person. It is the main significance of the love-φιλία.

Keywords: love-φιλία, love-ἀγάπη, «I» and «You», friendship, personality.

Larisa B. Rybina
Kosroma State Agricultural Academy
larisa.rybina.2014@mail.ru

Dialectic philosophical beliefs S.L. Frank

This article examines the historical and philosophical aspect of the treatment of problems, ideas and items included in the original philosophical system of S.L. Frank. The set of religious and philosophical, journalistic works and is an attempt to show the relationship problems of individuals and society, the problems of existence and unity is analyzed.

Keywords: metaphysics of unity, community, social being, Russian philosophy, social ideal.

Aleksey A. Saturin
Nekrasov Kostroma State University
saturin1986@mail.ru

Postmodern philosophical discourse and public consciousness in modern Russia

The article identifies some of the signs of the contemporary Russian public consciousness. Attempts are being made to trace the connection of dissimilar social and cultural phenomena of modern reality with the philosophy of postmodernism.

Keywords: public consciousness, postmodernism, neotribalism, glocalization, crisis of public consciousness.

SCIENCE OF LITERATURE

Aleksey S. Bokarev
Yaroslavl State Pedagogical University
manrico@newmail.ru

The genesis of literary fact in Alexei Tsvetkov's poetry

The article reveals the semantic devices specific for Alexei Tsvetkov lyrics that regulate creating of literary fact in the poetry. The author concludes that directly perceived world is replaced by the 'literary reproduction', and the border between reality and text is removed in Alexei Tsvetkov's poetry.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University

Specificity of the artistic method of early creative work by B.K. Zaytsev (1900—1910s)

The article deals with the specifics of realism in prose by B.K. Zaytsev in 1900—1910s.

Keywords: B.K. Zaytsev's prose 1900—1910s, basing on Russian 19th century classics, literary "polyphony", poly-art realism.

Yelena A. Pozdnyakova
Nekrasov Kostroma State University
pozdniackova.elena2011@yandex.ru

The stage direction in the plays by A.P. Chekhov

The semantic and functional sense of the stage direction in Chekhov's dramas is considered in this article.

Keywords: stage direction, author's opinion, psychological analysis.

Aleksey V. Ustinov
Nekrasov Kostroma State University
1013801@mail.ru

Genre and typological features of Daniil Mordovtsev's "The Great Raskol" novel

The author defines the artistic originality of the novel by D.Mordovtsev, examines the correlation of the tradition of the novel "as if by Walter Scott," of the canons classic literature and their refraction in relation to the novel "The Great Raskol".

Keywords: 19th century Russian literature history, historic novel, genre identity of historic novels, Daniil Mordovtsev, Alexander Pushkin, Sir Walter Scott, "The Great Raskol" novel.

Tat'yana N. Khriptulova
Smolensk State University of Culture and Arts Tver State University
khriptulovatat@rambler.ru

The proper noun as a precedential phenomenon in Nikolay Tryapkin's poetry

The article discusses the precedential phenomenon in Nikolay Tryapkin's lyric poetry, reflecting his literary preferences, which are important for discovering of the author's concept and his world picture reconstruction.

Keywords: proper noun, onym, precedential phenomenon, historic character, poetical text.

LINGUISTICS

Yekaterina N. Bogatyryova
Nekrasov Kostroma State University
katyabogatyreva@mail.ru

Structural semantic models of Russian phraseological units with 'water'-component

The article is dedicated to the peculiarities of structural-semantic models of Russian phraseological units with "water" component with regard to the idioms' semantics and grammatical composition.

Keywords: phraseological unit, structural-semantic model, phraseological model, "water" component

Tat'yana B. Zagrayevskaya
Pyatigorsk State Linguistic University
zagraevskaya@yandex.ru

Ethics-stylistic descriptors at lexicographing Afro-ethno-socio-lectisms of English language

The article presents the results of the analysis of the evolution of development of the system of ethnical-stylistic parametrization of English Afro-ethno-socio-lectisms and the way they are labeled. Special attention is paid to E. Partridge`s concept in his «A dictionary of slang and unconventional English».

Keywords: Afro-ethno-socio-lectism, descriptor, lexicography, label, dictionary entry, sociolexicographic, stylistic.

Yelena Yu. Ivkova
Nekrasov Kostroma State University
ivkova.elena@gmail.com

Complicated complex sentences in the space of the literary text (in the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)

The article is focused on complicated complex sentences in the text of the novel «War and Peace» by L. Tolstoy. Special attention is paid to contaminated syntactic structures. The author reveals the production of their structural models and examines their typical structural-semantic types.

Keywords: complex sentence, contaminated constructions, structural model, conjunction, literary text.

Anna N. Lanina
International Humanitarian University, City of Odessa, Ukraine
lanina_anna@mail.ru

The wildlife actual observation as an active motivation source of phraseological units with zoosemisms in Russian

The article is devoted to the research of the phraseological semantics with animal components in linguistic and cultural aspect. The figurative content of phraseological units with zoosemisms which are based on actual observations of wildlife involving ethology data and hunters' observations is considered

Keywords: phraseological unit, zoosemism, observation, national-cultural specifity, motivation.

Yelena A. Rybakova
Moscow City Pedagogic University
rybakov68@mail.ru

Contamination as a method of the creation of the word-playing in the language of the modern German youth

The article is devoted to the analysis of one of the methods of the word-playing on the level of word-formation in the language of the modern German youth – contamination. The article considers the products of the contamination according to this playing function that determines the newness of the research.

Keywords: contamination, word-play, youth language, occasional units, comic effect.

JURISPRUDENCE

Ol'ga N. Artyushina
Nekrasov Kostroma State University
peoin@yandex.ru

The subject of the public prosecution for performance of law of municipal government

On the basis of the analysis of theoretical base and practice of control of the public prosecution for performance of law of municipal government the author considers subject of the control.

Keywords: public prosecution control, control subject, law of municipal government.

Boris Ye. Roschin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Systematization of Russian labour legislation in the period of War Communism (to the 95th anniversary of the first Labour Code)

The author of the article focuses on the analysis of the key provisions of the RSFSR Labour Code in 1918, that passed during the practical implementation of the state policy, known as "war communism". The paper defines the specific features of national labour law basic institutions establishment under conditions of revolutionary transformations. The author also informs about the practical value of the first codification of Labour law.

Keywords: systematization, codification, Labour Code, policy of "war communism", labour service, occupational health and safety.

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Alyona S. Babenko
Nekrasov Kostroma State University
alenbabenko@yandex.ru

Developing creative qualities of students with the help of a multi-step mathematical and informational task «system of three differential equations»

This article presents guidelines for the study of the topic "system of three differential equations" for example, the cycle of tasks aimed at developing students` creativity direction «The applied mathematics and informatics».

Keywords: creativity, system of three differential equations, multi-step mathematical and informational task.

Roman S. Lunyov
Smolny Institute of Russian Academy of Sciences
roman_lunev@mail.ru

Development of ideas of P.F. Kapterev (1849—1922) in pre-revolutionary and Soviet pedagogics

The author of the article estimates contribution of Pyotr Kapterev's pedagogic and theoretic works into pedagogic science, shows how Kapterev's ideas have been developed by other scientists subsecuently.

Keywords: «Didactic sketches», development, self-development, education, Russian pedagogy of the end of 19th – the beginning of the 20th centuries, developing training.

Alexey A. Oleynikov
Chelyabinsk State Pedagogic University
oleynikow@mail.ru

Model of computer and technology training of students of pedagogical high school

The paper presents the results of the research, the study identified the problem – the inability to graduate high school teacher to identify and implement the teaching capabilities of computer programs. The model of the computer and technological preparation and content of its elements, as well as the pedagogical approach is described in computer and technology training.

Keywords: computer-technology training, teaching capabilities of computer programs, computer training and information technology.

Valeriy S. Sekovanov
Nekrasov Kostroma State University

Arnold's cat map and method of studying it

This article discusses Arnold's cat map, explores its periodic points and methods of teaching.

Keywords: map, periodic and fixed points.

Yelena S. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
stakinaes@yandex.ru

The development of research competence of students in the study of fractal geometry

This article presents the methodological techniques of teaching as an example of fractal geometry cycle activities associated with the study of the geometrical fractal sets. Special attention is paid to the methods for teaching and research activities of students and the development of their research skills (direction "Applied mathematics and computer science).

Keywords: research competence, research methods, fractal set, fractal geometry, Koch curve, self-similarity dimension.

Neonila A. Turanina
Belgorod State Institute of Arts and Culture
Yekaterina A. Shushkova
Belgorod State Institute of Arts and Culture
shushkova-k@mail.ru

Communication culture of library specialist and its role in modern society

In the article, we present the research results of the “communication culture of library workers” and suggest a program of professional educational development which is currently important.

Keywords: communication culture, level of communication competence, speech literacy, continuing education system, professional development activities.

Svetlana Yu. Tyurina
Ivanovo State Power University, Ivanovo, Russia
tsu1999@mail.ru

English language course to develop information culture of personality in technical university

The article deals with issues on information culture of personality development as the key concept of educational milieu. The task of developing information culture of the personality is highlighted. Different concepts of the notions personality and information culture are discussed. English Language course is considered as one of the ways to enhance information culture of the personality.

Keywords: foreign language teaching, information culture, personality, information competence.

Tat'yana E. Yanovskaya
Astrakhan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
vagsquality@mail.ru
Tat'yana N. Pek
Astrakhan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
tpek-n@yandex.ru
Valentina A. Zhilkina
Astrakhan branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
zdu@afvags.ru

On municipal service manager graduate's model (on the base of Astrakhan Region evidence)

During the performed research terms of the municipal service manager graduate's model on the base of Astrakhan Region evidence. Results will allow correcting training of personnel for municipal service, which is in progress now, and increase graduates' competitive ability on the regional labour market.

Keywords: model, competency approach, competency model.

Elena S. Salakhutdinova
Nekrasov Kostroma State University
Lenochka_8936@mail.ru

Comparative analysis of factors affecting the students adaptation in groups in State university of Kostroma and Military academy

They consider the comparitive analysis of some aspects of the students adaptation of the first year. Particular attention is paid to the personal psychological characteristics. The results are shown in the graphs.

Keywords: adaptation, personal psychological characteristics, self-concept, acceptance of others, comfort, internality.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Interaction between government and civil society (on the example of Kostroma Region)

The article describes the interaction of bodies of state power of Kostroma Region and regional civil society, measures of financial support for socially oriented NPOs, the institutionalization of statutory measures of public and nonprofit organizations, characterized the structure and level of development of civil society.

Keywords: power, civil society, NPOs, non-profit organization, interaction.

Ol'ga A. Koryakovtseva
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
youth1@mail.ru
Oleg A. Klimov
Nekrasov Kostroma State University
fpk5@mail.ru

State youth policy in modern Russia: development of civil activity of youth

The problem of state youth policy (SYP) role in development of civil activity of youth in Russia within the period of change is examined in the article. The need for establishing a state-public system of youth socialization is stressed. The youth is considered as a subject as well as an object of social and political processes. Guided by the world experience and research data from Yaroslavl and Kostroma Regions, the author notes that SYP should be targeted at creation of conditions for civil formation and moral and patriotic education of young generation.

Keywords: state youth policy, civil identity, social activity of the youth, youth as subject and object of social and political processes, autonomous and mobilizing activation of personality.

CULTURE SCIENCE. SCIENCE OF ART

Lyudmila G. Artamoshkina
Saint Petersburg State University
le.artspb@gmail.com

Topos, landscape, biography: cultural memory conception

The article deals with conception of cultural memory and phenomenology of the landscape. The cultural memory keeps landscape in our biography. The phenomenology of landscape is some strategy of the interpretation of the biography. It means to research the theory of the perception in the phenomenology. The aim of the paper is to show some way to analyses the biography.

Keywords: topos, landscape, phenomenology, memory, perception, biography.

Tat'yana A.Yolshina
Kostroma State Technological University
cultural@kstu.edu.ru

Rhetorical poetics of texts by Vasily Rozanov

Vasily Rozanov' rhetorical self-presentation, focused on the antique ideal of Socrates, is investigated in the article, the characteristics of the rhetorical figures forming poetics of texts of Vasily Rozanov is given in the article.

Keywords: self-knowledge, representiveness, maieutics, denial, provocation, speech addressness, elements of game.

Nikita A. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
ferretn@gmail.com

Consciousness perception

The article deals with the problem of consciousness. Considerable attention is paid to psychological models of consciousness. There is a comparison of approaches to the problem of consciousness in Russia and abroad. The article stresses the semiotic nature of consciousness and its manipulative character.

Keywords: consciousness, language, sign, thinking, manipulation, advertising.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 11.03.2013
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 19,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 76.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная